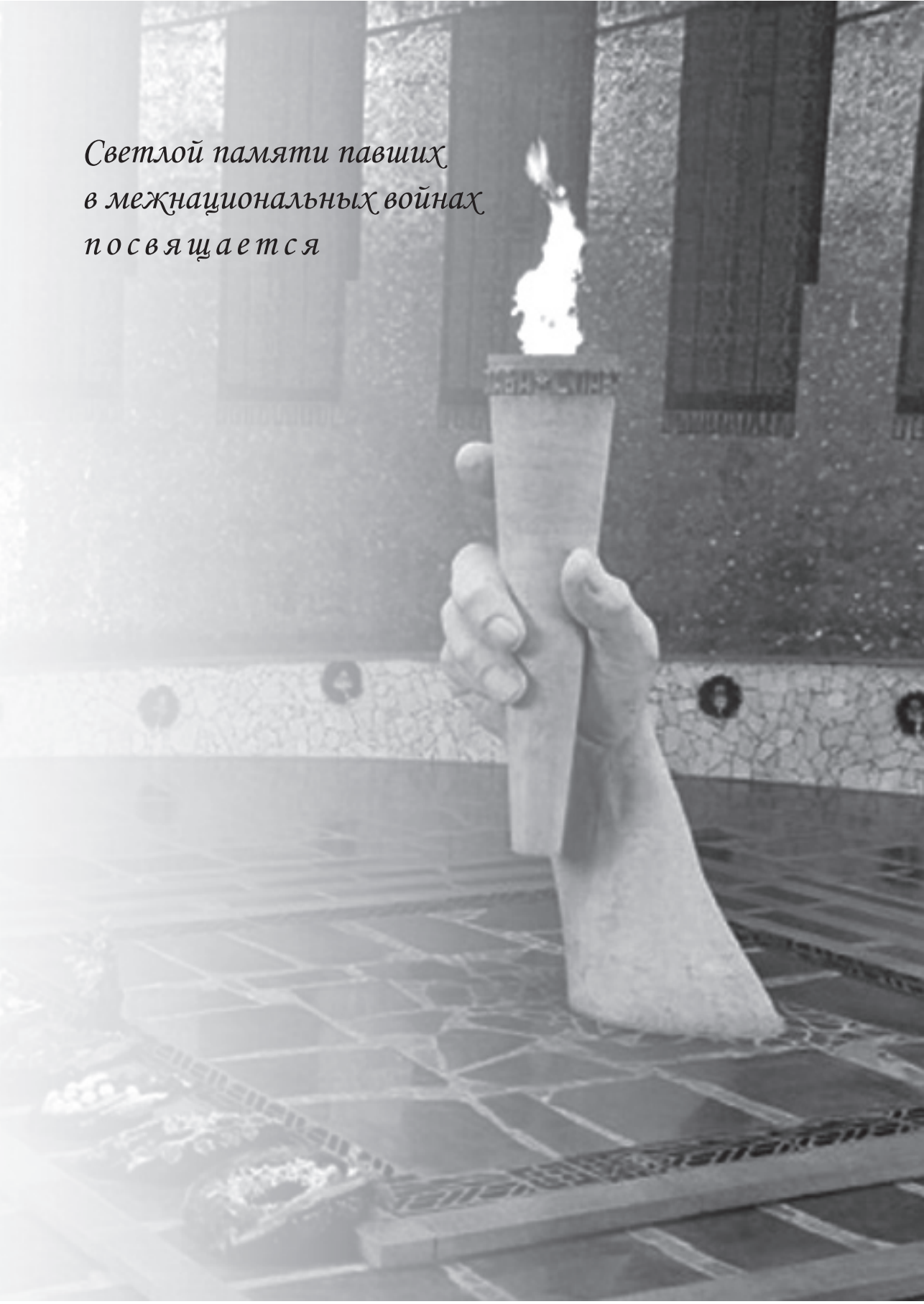

*Светлой памяти павших
в межнациональных войнах
посвящается*

Николай АБИН

МАХАДЖИРЫ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Глава 1

Густой и липкий, словно кисель туман фантастическими клубами поднимался над свинцово – сизыми водами Темзы и подобно морскому прибою накатывал на погружавшийся в холодный мрак Лондон. Вечерние сумерки быстро сгущались. Свет фонарей и блеск неоновых огней рекламы оказались бессильны перед натиском природы. Мрачный Тауэр, Вестминстерское аббатство и Трафальгарская площадь утратили привычные очертания и теперь напоминали собой сюрреалистические пейзажи с полотен знаменитого испанского художника Сальвадора Дали.

Бронзовый адмирал Нельсон напрасно напрягал единственный глаз, пытаясь разглядеть с гранитной колоннады – своего последнего капитанского мостика, извечного соперника по бессмертной славе сэра Уинстона Черчилля. На этот раз «железный» премьер предпочел не заслонять горизонт грозному «морскому волку» и на время ушел в тень с подмостков истории. Нахохлившись, он кутался в воротник длиннополого пальто и пытался укрыться от порывов пронизывающего ветра, который, подобно пьяному дворнику, разметал по сторонам мусор и пригоршнями беззастенчиво швырял в лица редких прохожих.

Туман бисеринками оседал на, казалось сросшейся с плечами и, проходящей на огромный бильярдный шар голове сэра Черчилля, его покатых плечах, курносом носе и холодными струйками скатывался на постамент. Площадь перед памятником и мостовые покрылись скользкой пленкой и напоминали собой зимний каток. Лондонцы призрачными тенями скользили у стен и торопились поскорее нырнуть в темный зев «подземки».

С приближением ночи город все больше походил на громадную подводную лодку, медленно погружающую в удушающую пелену из выхлопных газов и тумана. Едкий смог смел с улиц не только лощеных денди и светских львиц из Сити, а и тусовку байкеров на площади «дьяволов». На мраморных ступенях перед «Асторией», «Бристолем» и даже «Плазой» было непривычно тихо и пустынно. Застывшие на входе каменные львы с холодным презрением наблюдали за торопливо шмыгающими в зеркально-стеклянную пасть ресторана прожигателями жизни, для которых любая непогода нипочем, если в кармане раздастся манящий звон монет.

Даже в Сохо – этом «лондонском дне», где за один шиллинг или косо брошенный взгляд легко было угодить под нож, в такие часы могли чувствовать себя в полной безопасности и сэр, и пэр, и последний деревенский хэр из богом забытого Пензанса. Вместе с «опущенными» бродягами из «ямы» и проститутками «последней надежды» с площади «падшей любви» ненастье загнало под крыши шустрых карманников и немногословных громил. Эти «аристократы лондонского дна» предпочли перебраться к стойкам баров и там, потягивая виски, коротали время за байками о лондонском садисте Джеке Потрошителе и Неуловимом Джо, которого, собственно, никто и не ловил, так как он никому не был нужен.

Замерла жизнь и в учебных корпусах Лондонского университета. В опустевшем спортзале, сердито посвистывая, по-хозяйски разгуливали сквозняки, и лишь в студенческом общежитии кое-где подслеповато светились окна. Несмотря на поздний час абитуриенты подготовительного отделения филологического факультета Ибрагим, Гум и Эндер не спали. Закутавшись в плотные шерстяные свитера, они согревались обжигающим кофе и уныло листали монографию по английскому языку профессора Джона Пристли. Дремучие дебри из инфинитивов, причастных и деепричастных оборотов нагоняли смертную тоску и клонили в сон. Но предстоящий зачет у зануды «Некролога», «похоронившего» не одного ушлого студента, заставлял друзей предпринимать очередное титаническое усилие, чтобы осилить еще одну страницу из пудового труда профессора.

Эндер в последней и безуспешной попытке не смог осилить замысловатую конструкцию деепричастного оборота и в сердцах захлопнул монографию на семнадцатой странице. Окончательно вывел его из себя ликующий голос теледиктора ночных новостей. Величественной походкой герцога Йоркширского тот поднялся на трибуну палаты лордов и с пафосом, не меньшим, чем когда-то его великий предок, объявивший о победе под Ватерлоо над ненавистным для британцев Наполеоном, поведал замершим у экранов слушателям о принятии «судьбоносного» закона – запрете верховой охоты на лис по всей территории графства. В ответ ярые поборники защиты животных ответили восторженным ревом.

В приступе ненависти к диктору и всем англичанам с их причастиями и деепричастиями, лисами и охотниками Эндер схватился за пульт, но в последний момент палец застыл на кнопке. Яркие краски на экране потускнели, затем исчезли ликующий диктор, палата лордов и вся остальная, ухоженная, как газон в Кембриджском университете, Англия. На нем суматошно задергались совершенно другие кадры.

Узкая полоска земли, зажатая между морем и горами, как клокочущая лава в вулкане, вздыбилась и черными зловещими тюльпанами выплеснулась в безоблачное бирюзовое небо. Яркое южное солнце поблекло и съежилось. Грохот артиллерийской канонады и разрывов авиационных бомб слились в одну чудовищную какофонию звуков. Черно-багровые языки пламени стелились по улицам и жадно облизывали распластанные на мостовой тела людей и животных. По склонам гор, на приморской набережной тут и там вспыхивали гигантскими шарами горящие кроны столетних гималайских и ливанских кедров, средиземноморских сосен и тропических пальм.

Сквозь рев артиллерии и злобный лай пулеметов с трудом прорывались охрипшие голоса оператора и корреспондента. В их скороговорке чаще всего слышалось непривычное и труднопроизносимое для англичанина слово – «Абхазия». Оно заставило Ибрагима с друзьями напрочь забыть о монографии профессора Пристли, зануде «Некрологе» и предстоящем зачете. Прильнув к экрану телевизора, они ловили каждую фразу диктора и каждый жест.

Сухум, Гагра, Лыхны, Моква – эти названия абхазских городов и поселков, чаще всего звучавшие в репортаже, ничего не говорили лондонцу, а в сердцах ребят отзывались щемящей болью. Для них и тысяч потомков махаджиров они все еще оставались далекой и несбыточной мечтой. Мечтой о возвращении на родину прадедов, с которой в Стамбуле, Анкаре, горах Сакарая и Болу родилось и умерло не одно поколение абхазов, убыхов и садзов. Полтора столетия назад им, ставшим заложниками в борьбе за Кавказ двух великих империй – Российской и Османской, пришлось – одним смириться, чтобы выжить, а другим – искать спасения на дальних берегах.

С тех пор по обе стороны Черного моря существовали как бы две половинки Абхазии, которую остальной мир вскоре забыл. Но наперекор всему и всем она не исчезла и не растворилась в пыли веков. Несмотря на кровавые сталинские репрессии тридцатых годов и удушающую, словно удавка, ползучую грузинскую этническую аннексию сороковых и семидесятых годов двадцатого века, Абхазия сохранилась и выжила. Подобно эдельвейсу, который, невзирая на жуткие февральские холода, с приходом весны упрямо пробивается к теплу и свету, так и народ Абхазии все эти годы упорно стремился к свободе и независимости.

Рухнувшая в августе девяносто первого советская империя, казалось бы, открыла путь к свободе. Но нашлись новые охотники на этот райский уголок земли, и в очередной раз в своей истории народу Абхазии пришлось платить за нее самую высокую цену. 14 августа 1992 года правители из Тбилиси обрушили на беззащитную республику бомбовые удары. К полудню в горящий Сухум вползла бронированная колонна, и опьяненные кровью безвинных жертв банды уголовников и националисты из отрядов «Мхедриони» уже торжествовали победу. Но их радость была недолгой, горстка храбрецов заблокировала Красный мост и сорвала блицкриг.

В тот день, подобно пожару, партизанская война охватила Абхазию. Ежедневно она уносила десятки человеческих жизней, но остальной сытый и благополучный мир предпочитал не замечать этого. Шло время и, несмотря на информационную блокаду, под напором неслыханной жестокости одних и нестигаемым мужеством других правда о войне прорвалась в эфир. Все чаще в информационных сводках звучали слово «Абхазия» и фамилия ее лидера – Ардзинба.

И сейчас он крупным планом появился на экране телевизора. Ребята впились в него глазами, пытаясь прочесть по лицу, что же на самом деле происходит на далекой родине. Лицо лидера абхазов дышало неукротимой энергией, а в яростном взгляде читалась несокрушимая воля. Ноздри тонкого носа раздувались от гнева, брови сурово сошлись на переносице, а непокорная прядь волос никак не хотела ложиться под армейскую кепку.

Ибрагим, Гум и Эндер, как замороженные, смотрели на Владислава Ардзинба и ловили каждое слово. Голос того, с кем они здесь, в Лондоне, и там, в Турции, друзья и родные связывали надежду на будущее Абхазии, тонул в реве мотора танка и скороговорке переводчика. Но они сердцем и душой понимали то, о чем он говорил, и каждой своей клеточкой стремились к нему и тем, кто сейчас бился за ее свободу.

Очередной раскат далекого взрыва расплылся по экрану телевизора черными ошметками. Камера резко ушла в сторону, и в кадре возник подорванный танк. Пулеметная трескотня заглушила голос корреспондента, и диктор из лондонской студии вынужден был скороговоркой сообщить об очередной вооруженной вылазке «абхазских сепаратистов». Затем экран окрасился радужными красками, и на нем снова появились идиллические пейзажи средней Англии.

Эндер в сердцах хлопнул рукой по пульта, и в комнате воцарилась пронзительная тишина, а потом все и сразу заговорили наперебой. После увиденного и услышанного завтрашний зачет у «Некролога», предстоящая встреча по баскетболу с командой исторического факультета и намечавшаяся крутая тусовка на вечеринке в ночном клубе неподалеку от станции метро «Ремскейт» стали чем-то мелким и несущественным. Теперь их объединяла и жгла только одна мысль: «Чем помочь Абхазии и Владиславу Ардзинба? Чем?!...»

За окном давно сгустилась тьма. В ту ночь им так и не удалось уснуть. Ибрагим, чтобы отвлечься от тревожных мыслей об Абхазии, снова взялся штудировать монографию профессора Пристли, тем же пытался занять себя и Эндер. У Гума нервы оказались покрепче, он забрался в кровать, с головой накрылся одеялом, но, поворочавшись с боку на бок, через полчаса поднялся, босиком прошлепал в коридор и загремел дверцами шкафа.

– Что с тобой, Гум? – насторожился Ибрагим.

– Не могу! Еду, – обронил он.

– Куда?

– Домой! А потом в Абхазию!

– Куда?!

– В Абхазию!

– Как?!

– Как-нибудь доберусь.

– И я с тобой! – после секундного замешательства решительно заявил Ибрагим и обернулся к Эндеру.

На его немой вопрос тот кивнул головой и слегка охрипшим голосом произнес:

– Я, конечно, с вами, ребята!

Не сговариваясь, они принялись перетряхивать шкафы и паковать спортивные сумки. Гум, яхтсмен-фанатик, с грустью выложил на стол ставший теперь ненужным пригласительный билет на открытие весенней регаты. Ибрагим избегал прикасаться к новенькой форме, ему уже не суждено было сыграть в баскетбольной команде подготовительного отделения. У Эндера на глаза навернулись слезы, когда в руках оказалась фотография Ясмин. Далекая война в Абхазии безжалостно вторглась в их привычный мир и разрушила его.

Не дожидаясь рассвета, они, забросив сумки за спины, спустились в холл, проскользнули мимо дремавшей консьержки и выскочили на улицу. Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой. По пути к метро подвернулось такси, а спустя час в аэропорту «Хитроу» решительный Гум, работая локтями, прокладывая в толпе дорогу к билетным кассам. К этому времени подходила к концу регистрация пассажиров на прямой рейс до Стамбула, и им с боем удалось взять билеты. Перевели они дыхание лишь, тогда когда оказались в ядовито-зеленой туше «Боинга».

Комфортабельный лайнер авиакомпании «Бритиш элайн» легко оторвался от бетонки, пробил густую пелену тумана, совершил разворот над устьем Темзы и взял курс на юго-восток. Прошла минута, другая, и рев турбин сменился тихим шорохом вентиляции, в проходах появились стюардессы и предложили легкий ланч. Ибрагим вяло прожевал бутерброд, выпил кофе, устало откинулся на спинку кресла и не заметил, как уснул, под убаюкивающий гул турбин.

Разбудил его Эндер. Сладко потянувшись, Ибрагим повернулся к иллюминатору и не мог сдержать восхищения:

– Ну и красотища!

– Не то слово! – согласился Эндер.

В бирюзовом небе ярко светило южное солнце. Внизу серебрилась гладь Черного и Мраморного морей, усыпанная разноцветным бисером десятков судов, выстроившихся в бесконечную очередь перед Босфорским проливом. Здесь, на юге Европы, о прошедшей зиме напоминали лишь осевшие на вершинах хребта Кероглу снежные шапки и мрачная темень лесов предгорий.

Через мгновение горы, море и город смешались в причудливом калейдоскопе. «Боинг» резко накренился, турбины пронзительно взвыли, и под крылом возникли, заполняя весь горизонт, каменные джунгли Стамбула. Ибрагим прикинул к иллюминатору и с жадным любопытством рассматривал, узнавал и не узнавал родной город, поражающий своим размахом и красотой самое буйное воображение.

В нем самым невероятным образом переплелись эпохи и цивилизации. Подобно тетиве гигантского лука, арка подвесного моста султана Мехмед Фатиха накрепко связала два берега Босфорского пролива. За ней на левом обрывистом берегу застыли в вечном карауле сторожевые башни неприступной крепости Румелихисар. На седых руинах бывшего Римского города широко и привольно раскинулся волшебными садами новой Семириады и архитектурными шедеврами Мехмед аги, Синана и Бальяна знаменитый дворец Топкапы – сердце некогда могущественной Османской империи и главная сокровищница великих султанов. Самыми ценными «бриллиантами» в этой величественной «короне» Стамбула были неповторимая мечеть Ахмедие, нацелившаяся в небо шестью гигантскими стрелами-минаретами и знаменитая христианская святыня – церковь Ая-Софья.

Вскоре эта живая сказка исчезла из вида, лайнер накренился на левое крыло, двигатели взревели, и он начал снижаться. Навстречу стремительно приближалась земля, кварталы Стамбула слились в пеструю стену из стекла и бетона. Справа промелькнула гигантская арка над дорогой к аэропорту и, спустя минуту, внизу серой лентой мелькнула посадочная полоса. Корпус «Боинга» сотрясла су-

дорожная дрожь, и в ушах заломило. Прошла минута, другая, и тупой удар шасси о бетонку вызвал общий вздох облегчения. По салону прокатилась дружная волна аплодисментов. Ревя двигателями, самолет вырулил на стоянку и замер перед пассажирским терминалом.

После промозглой лондонской погоды стамбульский аэропорт встретил пассажиров рейса «Бритиш ээлайн» настоящим вавилонским столпотворением и весенним теплом. В воздухе уже ощущалось дыхание приближающегося знойного лета и, подобно стаям перелетных птиц, вслед за ними десятки тысяч туристов из Европы и России потянулись к югу, на курорты Анталыи, Алании, Искендерона и Мерсина.

Разноязыкий гул голосов оглушил будущих добровольцев, они с трудом пробрались сквозь толпу встречающих, выбрались на площадь и взяли такси. По пути к дому решили не пугать родителей своими планами, а неожиданный приезд собирались объяснить досрочной сдачей зачетов. И когда окончательно были обговорены последние детали придуманной на ходу легенды, договорились встретиться в пять часов у офиса «Абхазского комитета». Там у Ибрагима работал дальний родственник Владимир Авидзба, через которого можно было узнать о положении Абхазии, и потом попытаться попасть в группу добровольцев-махаджиров.

За разговором они не заметили, как оказались в центре Стамбула. Первым вышел Эндер, живший неподалеку от площади Таксим, следующим был Гум, последним добрался до дома Ибрагим. Он стремительно поднялся по ступенькам крыльца и с волнением взялся за ручку двери, в душе опасаясь, что под пронизательным взглядом отца их, как казалось, тщательно продуманный план отъезда на войну в первую же минуту разговора рассыплется, словно карточный домик. Но его дома не оказалось, по делам фирмы он уехал в Измит, а мама с сестрой, ничего не заподозрив, были только рады его неожиданному приезду и принялись обхаживать со всех сторон.

После бессонной ночи и сытного обеда усталость дала о себе знать. С трудом, осилив еще один хрустящий хачапур, которые старательно подкладывала на тарелку мама, он, выпив еще одну чашку чая, поднялся к себе в комнату. Здесь все, как четыре месяца назад, лежало на своих местах. В углу в сетке, напоминая огромные апельсины, лежали три баскетбольных мяча. На столике у учебника по-английскому стояла фотография баскетбольной команды. Он с грустью посмотрел на нее. Воспоминание о той прощальной игре отразилось на лице печальной улыбкой, затем прошел к кровати, не раздеваясь, прилег и не заметил, как уснул.

Пронзительный вой автомобильной сирены поднял его на ноги. С трудом продрав глаза, Ибрагим глянул на часы – стрелки перевалили за пять. Он ужаснулся от мысли, что могли подумать о нем друзья. На ходу набросив на плечи куртку, скатился по лестнице и помчался в «Абхазский комитет». У входа, нервно переминаясь с ноги на ногу, ждали Гум с Эндером. Его взъерошенный вид говорил сам за себя, и они, забыв про упреки, собравшись с духом, перешагнули порог.

Несмотря на поздний час, в тесном коридоре и крохотных кабинетах «Комитета» было не протолкнуться. Абхазы, адыги, убыхи из Турции, Сирии, Ливана и

даже Ирака говорили только об одном – об Абхазии. Ребята бросали растерянные взгляды по сторонам, не зная, куда и к кому обратиться. Среди этого гама Ибрагим услышался знакомый голос, и он обернулся.

Навстречу из толчеи вынырнул Володя Авидзба, с удивлением посмотрел на него, Гума, Эндера и воскликнул:

- Ибо, ты?! Какими судьбами?
- Да вот... – он не знал с чего начать.
- Я думал, ты в Лондоне!
- Это было вчера.
- Вчера?!... – недоумевал Владимир.

Ибрагим переглянулся с друзьями и внезапно охрипшим голосом произнес:

- Нам надо в Абхазию!

Добродушная улыбка слетела с лица Владимира. Он подхватил их под руки, отвел к окну, испытывающим взглядом заглянул в глаза и затем спросил:

- Вы хоть понимаете, что там идет не голливудская, а настоящая война?!

Ибрагим, вслед за ним Гум с Эндером дружно закивали головами.

- Там убивают! – голос Владимира дрогнул, и он горестно обронил:

- За последнюю неделю потеряли шестерых наших ребят.

– Мы не боимся и все уже решили! Скажите, как туда добраться? – торопил с ответом Гум.

- Значит, решили?

- Да! – в один голос подтвердили ребята.

Владимир снова пристально посмотрел на них, они не отвели глаз, и потеплевшим голосом сказал:

- Молодцы! Кто, если не мы, поможет нашим братьям в Абхазии!

– Конечно! Мы свой выбор сделали еще в Лондоне! – горячо поддержал его Эндер.

- Когда готовы ехать? – деловито заговорил Владимир.

- Чем быстрее, тем лучше! – решительно заявил Гум.

– Сегодня, в крайнем случае завтра, а то дома догадаются. Я уже сказал матери, что поеду в Анталию, – присоединился к нему Ибрагим.

- Говорите быстрее?... – Владимир задумался, а потом спросил:

- Ибо, помнишь Эндера Козба?

- Эндера?... Козба? – напряг тот память.

– Прошлым летом я тебя с ним познакомил. Его дядька с твоей матерью работает в университете.

- А...а. Помню, но смутно.

- Ладно, ничего страшного. Черкни телефон!

Ибрагим достал из кармана ручку, записал номер в блокнот и по первым цифрам догадался, что это был не стамбульский номер. На его немой вопрос Владимир пояснил:

– Эндер сейчас в Трабзоне. Отправляет в Абхазию группу добровольцев. Если поторопитесь, то можете еще успеть.

- Что вот так просто позвоним, и он все сделает? – усомнился Гум.

– Да! Скажете, что от меня, остальное дело техники. Вы едете Абхазию, а это слово, поверьте мне, надежнее любого пароля! В общем, ребята, не волнуйтесь, все будет нормально!

– Вы не сомневайтесь, мы не подведем! – заверили они.

Владимир отвечал им грустной улыбкой и на прощание предупредил:

– Только зря под пули не лезьте и живыми возвращайтесь!

– Все будет нормально!

– За нас не беспокойтесь! – дружно ответили они и направились к выходу.

В первом подвернувшемся по пути баре остановились и еще не меньше часа обсуждали детали предстоящей поездки. И когда отпали последние вопросы, а от выпитого кофе начало сохнуть во рту, договорились встретиться утром в аэропорту и разъехались. Ибрагим не спешил возвращаться домой и еще долго бродил по улицам, боясь признаться себе в том, что, возможно, больше никогда не увидит их.

Поздним вечером со свинцовой тяжестью в ногах и пустотой в душе он вернулся домой. В столовой уже заждались мать с сестрой, отец так и не возвратился из Измита. Но и без него ужин превратился в настоящее испытание нервов. Ибрагиму казалась, что придуманная им с Гумом и Эндером легенда о досрочной сдаче зачетов и поездке в Анталию, вот-вот лопнет, и тогда маме станет все ясно. Избегая ее испытующего взгляда, он выкручивался как мог и при первой возможности улизнул к себе в комнату. Закрыв дверь на щеколду, достал из шкафа спортивную сумку и принялся собирать вещи. Последней легла в нагрудный карман куртки бережно завернутая фотография Владислава Ардзинба. Осталось самое трудное – написать то, что он не решился сказать на словах. Рука долго теребила ручку. Строчки никак не хотели ложиться на лист. Наконец, тяжелые, будто камни, слова свалились с пера:

«Милые, – зачеркнул он и продолжил:

Мои самые дорогие: мама, папа и сестренка, простите, что так вышло. Сказать это у меня не хватило сил. Я с ребятами еду в Абхазию. Папа, ты сам говорил, что настанет день, когда мы вернемся домой. Он пришел. Сегодня, когда нашей Абхазии тяжело, если я буду отсиживаться, то никогда не прощу себе. Я должен быть там. Все будет нормально. Скоро вернусь.

Ваш Ибо».

Положив записку под настольную лампу, он выключил свет и лег спать. Долго ворочался с боку на бок и лишь перед рассветом забылся в тревожном сне. Разбудил его яростно трезвонивший на прикроватной тумбочке будильник. Мама к этому времени была уже на ногах и приготовила завтрак. Сполоснувшись под холодным душем, он быстро оделся, отказался от вареников с мацони и медом, на ходу проглотил бутерброд и, пряча от нее наворачившиеся на глаза слезы, крепко обнял и, боясь оглянуться, сбежал по ступенькам во двор.

От утренней прохлады перехватило дыхание, сердце снова бешено забилось, а предательский голос принялся нашептывать:

«Зачем тебе это?»

«Там и без тебя хватает!»

«А если убьют?»

«А Гум?...Эндер?»

«Как ты будешь смотреть им в глаза?» – возражал другой.

«Как?!» – отбросив сомнения, Ибрагим энергично махнул рукой проезжавшему таксисту.

По дороге в аэропорт он ничего не замечал и не слышал. В голове билась и пульсировала одна и та же мысль: «Все решено! Все будет нормально!»

– Парень, проснись! Приехали! – напомнил о себе таксист.

Ибрагим встрепенулся и, расплатившись, на непослушных ногах вышел на площадь. Разлившаяся по ней людская река подхватила и внесла его в зал ожидания. У билетных касс мелькнуло осунувшееся за ночь лицо Гума, и на душе отлегло. Тот ответил вымученной улыбкой, бедняге тоже не просто далось решение. Эндер опаздывал, молчал и его домашний телефон. Время шло, а он никак не напоминал о себе, и они, не сговариваясь, решительно подали деньги и паспорта в кассу.

Посадка на рейс до Трабзона подходила к концу, но Эндер так и не появился. Бросив тоскливый взгляд на вход в аэровокзал, Ибрагим и Гум, помявшись, последними ступили на ленту эскалатора. И когда за спиной захлопнулась дверь, они с пронзительной остротой ощутили, что потеряли нечто большее, чем юношескую дружбу. Эндер навсегда остался в прошлом, в прошлом, к которому уже не было возврата. Все их мысли теперь занимала война. Ее леденящее дыхание они по-настоящему ощутили в «Абхазском комитете». Всего сутки, а может, того меньше, оставалось до встречи с ней, и им было трудно признаться себе в том, хватит ли у них мужества не дрогнуть и в последний момент не уйти в сторону, как это произошло с Эндером.

Портовый Трабзон, ставший в эти месяцы перевалочной базой для тысяч российских «челноков» и сотен абхазских добровольцев, встретил их палящей жарой и с первых минут закрутил в водовороте событий. Эндер Козба не заставил себя ждать. Полный энергии, жизнерадостный крепыш сразу же отозвался на звонок, тут же примчался в аэропорт и отвез их в портовую гостиницу, напоминавшую больше караван-сарай времен султана Ахмеда. Здесь им предстояло провести ночь, так как катамаран на Сочи отплыл несколько часов назад, а следующий рейс ожидался не раньше, чем на следующий день.

Ибрагим с Гумом не горели желанием провести сутки в захудалой портовой гостинице, кишевшей «челноками», проститутками, полицейскими и, бросив вещи в номер, отправились в город убить время. После чопорного Лондона и яркого, многоликого Стамбула он производил удручающее впечатление. Со времен Оттоманской империи в нем мало что изменилось. Узкие улочки напоминали собой сплошной базар, забитый, как бочка сельдью, русскими челноками. Уже через полчаса голова пошла кругом, и они, не сговариваясь, отправились на городской пляж. Там, провалявшись до вечера, перекусили в кафе, возвратились в гостиницу, поднялись в номер и пораньше легли спать.

Но о сне им пришлось только мечтать. Едва только погас свет, как на них набросились злющие, как янычары, гостиничные клопы, а потом дали о себе знать безбашенные, в стельку пьяные русские «челноки». От истошных воплей и топота

ног потолок и стены номера ходили ходуном, и временами казалось, что гостиница вот – вот рухнет, как когда-то рухнули крепостные стены трабзонской цитадели от орудийных залпов русского флота адмирала Ушакова.

Этот кошмар закончился лишь с наступлением утра и появлением в номере Эндера. Он принес хорошую новость: через несколько часов на морском вокзале должна была начаться посадка на катамаран, отплывавший в Сочи. Не мешкая, Ибрагим с Гумом отправились к кассам, но к ним было не пробиться. Галдящая очередь из «челноков» держала их в плотной осаде. Неугомонного Эндера это не смутило, по каким-то, только ему известным, закоулкам складской зоны он пробрался к причалу, но и там они натолкнулись на плотно сбитую толпу. Первая и последняя их попытка продвинуться на несколько метров вперед натолкнулась на упорное сопротивление разъяренных «женщин-челноков». Эндер не стал напрасну терять время и, оставив Ибрагима с Гумом на причале, снова пропал в чиновничьих лабиринтах.

Время шло, а он все не возвращался. На катамаране дали сигнальный гудок. Ибрагим с Гумом сникли, жалея не столько о потерянных деньгах, сколько о срывающейся поездке, и с грустью посматривали на катамаран. На нем готовились убрать трап, и они в душе смирились с тем, что придется провести еще одну ночь в пропахшей дешевым табаком и русской водкой портовой гостинице. И тут из-за горы грузовых контейнеров показался весь взъерошенный Эндер. Похоже, схватка с портовой «мафией» далась ему нелегко.

– Все, ребята, плывем! – потрясая билетами, широко улыбнулся он.

– Сегодня?! – не мог поверить Гум.

– Сейчас! Бегом! – торопил Эндер.

Перебросив сумки за спину, Ибрагим с Гумом поспешили присоединиться к нему и «пузану». Тот, мощным плечом растолкав «челночниц», протиснулся к трапу, наклонился к уху таможенника и что-то сказал. Тот бросил короткий взгляд на Ибрагима с Гумом, кивнул головой и отступил в сторону. Эндер торопливо подтолкнул Ибрагима к трапу. Он, все еще не веря в удачу, не чуя под собой ног, поднялся на борт катамарана. Следом за ним, весело постукивая каблуками по ступенькам трапа, спешил Гум.

Еще один шаг на пути к Абхазии ими был сделан. То, что он будет не легким, они почувствовали сразу. О месте в каюте не приходилось даже мечтать, на верхней палубе негде было упасть яблоку. «Челноки» – молодые русские девчата, навьюченные, как ишаки, огромными и неподъемными тюками, торопились «за столбить» себе места. Ибрагим с Гумом с трудом протиснулись на правый борт, нашли крохотный пяточок и, сбросив с плеч сумки, уселись прямо на них.

Билеты оказались бесполезными, но им не приходилось обижаться на Эндера. В последний момент он все-таки ухитрился посадить их на борт. Не успели они осмотреться по сторонам, как прозвучал прощальный гудок катамарана. Недовольно ворчавший дизель взревел в полный бас, и за кормой вспенились седые буруны. Катамаран, перегруженный так, что легкая волна захлестывала ватерлинию, с трудом отчалил от пирса и, глубоко зарываясь тупым носом в волну, взял курс на Сочи.

Ибрагим поднялся, и сердце внезапно защемило. Справа грустно подмигнул рекламой плавающий ресторан, в вечернем полумраке растаяли башни портовых кранов. И лишь пульсирующие вспышки трабзонского маяка напоминали о турецком берегу, который, и об этом ему не хотелось думать, он, возможно, видит в последний раз. Война в Абхазии зачастую выписывала добровольцам-махаджирам билет только в одну сторону.

Вцепившись в поручни, он с тоской смотрел на мерцающую тусклыми огнями бухты и ту мирную жизнь, что уже не принадлежала ему и Гуму. Их мысли были там – за мерно вздымающейся безбрежной громадой Черного моря, рядом с Владиславом Ардзинба и теми первыми добровольцами из Турции, Сирии, Иордании и Ливана, которые уже прошли этим путем.

Пронизывающий до костей северный ветер и гудящие от усталости ноги заставили вспомнить о ночлеге. Ибрагим с Гумом потерянно осматривались по сторонам. Повсюду вповалку лежали «челноки», обложенные горами сумок и мешков. Посиневшие от холода лица друзей заметили русские девушки, сидевшие рядом. Ольга, немного говорившая по-турецки, предложила кофе. Обжигаясь, Ибрагим пил большими глотками и ловил на себе любопытные, волнующие молодую кровь взгляды девчат и впервые за последние дни испытывал настоящее блаженство. К полуночи холодная ночь сурово напомнила о себе. В модных, купленных еще в Лондоне куртках он с Гумом вскоре почувствовал себя, как в холодильнике. Согрели их турецкие дубленки, которые не пожалели Ольга и ее подруги. А затем уже вместе, прижавшись друг к другу, они уснули крепким сном.

Рев сирены катамарана поднял на ноги команду и пассажиров. Наступило утро. Солнце поднялось над горизонтом, сквозь утреннюю дымку проступил гористый берег, по которому бело-розовыми айсбергами высоток раскинулся Сочи. Палуба содрогнулась от мощного гула турбин, винты вспенили воду за кормой. Катамаран совершил поворот, вошел в узкое, зажатое бетонными волнорезами, горло бухты. «Челноки» оживились и потянулись в сторону левого борта.

С капитанского мостка прозвучала команда, и матросы изготовились к швартовке. Катамаран последний раз сердито заурчал двигателем, и в воздух взвилась каната. Вода под винтами перестала бурлить, и судно замерло у причала. Палуба взъерошилась сумками, баулами «мечта оккупанта», и радостно-галдящий людской ручей начал стекать с трапа на пирс. Когда подошла очередь Гума с Ибрагимом, то им пришлось пережить несколько тревожных минут, но пограничник и таможенник лишь бегло просмотрели паспорта, сумки и освободили проход. Словно на крыльях, они слетели с трапа и тут же попали в объятия нахрапистых таксистов. После двух слов – «Абхазия и Гудаута» их, как ветром, сдуло и Гуму пришлось пустить в ход все свое обаяние, чтобы уломать водителя-армянина. Тот, долго мялся, в конце концов, согласился за двести долларов довести Псоу. Через сорок минут они уже были на пограничном переходе.

Плотная цепь пограничников с трудом сдерживала рвущуюся из-за реки толпу беженцев. В воздухе стоял невообразимый гвалт, в нем слились мольбы и проклятия. Первым собрался с духом и решил действовать Гум. Нацелившись на сержанта и выставив вперед, как автомат, кинокамеру, он двинулся вперед.

Тот шагнул навстречу и перегородил проход на мост. Гум шел напролом, вытащив из кармана куртки студенческую книжку и размахивая ею перед его носом, нахально заявил:

– We journalist!

– We journalist! – вторил ему Ибрагим и тряс своей клубной картой.

– Журналисты? – переспросил сержант.

В его глазах появился алчный огонёк и когда в руке Ибрагима он увидел доллары, переспросил:

– Значит журналисты?

– Yes! Yes! – дружно закивали они.

Сто долларов рассеяли последние сомнения, сержант сгреб их в кулак и отступил в сторону. Ибрагим с Гумом, все еще не веря в удачу и опасаясь услышать команду «Стой!», неуверенно ступили на мост. Первые метры дались с трудом.

«Один, два, три, четыре, пять...» – мысленно считал эти самые важные в своей жизни шаги Ибрагим.

«Все! Я дома! Я в Абхазии!» – эти слова замерли на губах.

Вязкая, гнетущая тишина, царившая на левом берегу реки, оглушила и расплющила его. В глаза бросилась проутюженная гусеницами танка стоянка для автобусов и такси, исковерканная миной деревянная повозка. Растерянность и ужас были написаны и на лице Гума. Словно чужими, ставшими ватными ногами они прошли еще сотню метров и опустились на поваленный ствол платана. Прошла минута, за ней другая, а у них все не хватало сил сдвинуться с места.

И здесь земля, которая для сотен тысяч махаджиров все еще оставалась несбыточной мечтой, заговорила с ними веселым журчанием горного ручья, задорным пересвистом перепелов, задумчивым шепотом листьев гигантских платанов, выстроившихся, будто в почетном карауле по обочинам дороги. Ее могучий и неподвластный времени зов проснулся в их крови и заставил трепетать каждую клеточку тела.

Ибрагим гладил ствол платана, касался рукою земли и не мог поверить, что заветная мечта отца, деда и прадеда после стольких лет, наконец, сбылась, Он боялся сделать шаг, страшась, что это чудо в следующий миг исчезнет и растворится в этом хрустально-чистом воздухе. Те же чувства отражались и на лице Гума. А через мгновение неподвластная сила подбросила их вверх, и они, обнявшись, закружили в каком-то немислимо танце, а потом рухнули на колени.

Колючки, камни царапали руки и ранили губы, но Ибрагим не чувствовал боли и иступленно целовал каменистую, разбитую колесами артиллерийских тягачей, БТРов землю и рыдал навзрыд. Земля родной Абхазии, память, о которой передалась ему с кровью далеких предков, и приходившая к ним во снах в суровых горах Сакарая и Болу, в фешенебельных кварталах Стамбула, в тесной комнатухе лондонского общежития, спустя сто с лишним лет встретила его.

И когда этот сумасшедший взрыв чувств и эмоций утих, они поднялись с земли, отряхнули пыль, перебросили за спину сумки и поспешили вперед, туда, где их ждала полная неизвестность и изменчивая на войне судьба. Дорога нырнула

вниз, и Ибрагим невольно замедлил шаг. Леденящий холодок вновь когтистой лапой сжал сердце. Большая беда, обрушившаяся на землю Абхазии, кричала во весь голос.

Ноги спотыкались об исклеванную минами и осколками авиабомб серую ленту асфальта. По ее обочинам тут и там валялись обгоревшие остовы машин и истерзанные туши животных. Посеченные осколками белые стволы платанов и эвкалиптов вздулись сочащимися коричневыми язвами и напоминали собой тела зараженных чумой. Развалины домов смотрели закопченными глазницами-окнами на безлюдные улицы и пустынные «золотые» пляжи. Порой казалось, что смертельное дыхание войны убило все живое, и лишь порывы ветра, налетавшего с гор, отзывались тоскливым воем в печных трубах и закручивали на дороге печальный хоровод из обрывков одежды, целлофановых кульков и бумаги.

Звенящая, отравленная смрадом тишина оглушала и плющила к земле. Внутри Ибрагима все заледенело, он уже не шел, а бежал, пытаясь спастись от кошмара войны, пока не споткнулся и рухнул на землю. Руки погрузились в зловонную лужу, в лицо ударил тошнотворный запах гниющего тела. Он в ужасе отпрянул от трупа лошади. Из распоротого осколком брюха внутренности вывалились на землю и, облепленные мухами, шевелились, словно змеи. Удушающая рвота сотрясала и выворачивала его наизнанку, рядом корчился Гум. Потом трясущимися руками они долго смывали в придорожном ручье остатки рвоты. Родниковая вода отрезвила и вернула силы. Выбравшись на дорогу, они, сцепив зубы, продолжали упорно идти вперед.

Безлюдная лента шоссе то закручивалась в тугую спираль, то раздваивалась змеиным языком и скатывалась к морю, а потом опять круто уходила в гору. Вечерние сумерки застигли их на окраине безлюдного поселка. Усталость все сильнее давала о себе знать. Гум первым заметил среди развалин маняще мигнувший слабый огонек. Через груды битого кирпича они пробрались во двор чудом уцелевшего дома и постучали в дверь. Прошла минута, другая, когда, наконец, за ней раздался шорох шагов и настороженный голос спросил:

– Кто?

– Journalist! – первым нашелся, что ответить Ибрагим и потом повторил это на ломаном русском.

В ответ громыхнул засов, и дверь приоткрылась. Свет керосиновой лампы ослепил глаза, а когда они освоились, Ибрагим увидел перед собой бородача с охотничьим ружьем в руках. Он прощупал его с Гумом оценивающим взглядом и только тогда впустил в дом. Кроме него, в комнатах находились женщина, четверо ребятишек и, светловолосый с огромными усищами здоровяк, как оказалось – доброволец с Кубани, из города Белореченска, по имени Саша.

Рафик, так звали хозяина, провел их на кухню, и пока жена хлопотала у плиты, они с грехом пополам, где жестами, а где на дикой смеси абхазского и английского пытались объяснить. Разговор продолжился за ужином и шел в основном о войне. Вскоре от навалившейся свинцовой усталости и пережитого у Ибрагима с Гумом начали заплетаться языки и слипаться глаза. Рафик не стал больше донимать вопросами и провел их в дальнюю комнату. В ней была всего одна кровать,

но они не стали делиться и вместе с Сашей, подложив под головы сумки, улеглись на полу и через мгновение уснули мертвецким сном.

Проснулись они рано. Солнце только поднялось над горизонтом, а семья Рафика уже вся была на ногах. Из кухни потягивало запахом мамалыги и свежеепеченного хлеба. Сполоснувшись холодной водой, Гум, Ибрагим и Саша не стали отнекиваться от приглашения хозяйки и сели за стол. Острая турша – соленье из стручковой фасоли обожгла язык и прогнала остатки сна. Спеша погасить полыхавший во рту пожар, Ибрагим и Гум большими кусками глотали рассыпчатую мамалыгу. Черноглазая Наринэ только успевала подкладывать добавку в тарелки, а Саше подливать в рюмку забористую чачу.

После завтрака, собрав сумки, они спустились во двор. Там, у странной, напоминающей что-то среднее между консервной банкой от шотландского печеночного паштета и броневином времен британского короля Георга четвертого, машины, суетился Рафик. Десятипудовый Саша, чертыхаясь и проклиная «горбатого», наотрез оказывался сесть в этот «гроб» и затеял с ним перепалку. Из нее Ибрагим и Гум с трудом поняли только одно, что имя у хозяина хорошее, а «гроб» дрянь, но не могли взять в толк, причем тут бывший советский президент «Горби», от которого вся Британия сходила с ума, и какой-то Рафик с его «горбатым». Тот, обиженный на кубанского казака, пытался растолковать им разницу, чем только развеселил Сашу. Посмеиваясь над честным армянином, скопившим всего на «Запорожец», и недобрый словом поминая Горбачева, он с трудом втиснулся в «горбатого».

Под тяжестью ста с лишним килограммов тот просел до земли, затем сдавленно чихнул и, выпустив облако сизого дыма, выкатился со двора. Дорога шла под гору, и «Запорожец», набрав скорость, на удивление резво катил вперед. На первом крутом подъеме Ибрагим с Гумом уже подумали о том, что дальше им предстоит идти пешком, но это советское автомобильное чудо снова удивило их.

Пыхтя и испуская клубы сизого дыма, «горбатый» упорно брал один подъем за другим, и когда горный серпантин закончился, то перед ними открылась захватывающая дух панорама гагринской бухты. На склонах гор привольно раскинулась некогда знаменитая советская курортная столица. Жемчужной нитью пенилась кромка прибоя. На нее из буйных субтропических зарослей, подобно океанским лайнерам, белоснежными айсбергами наплывали корпуса санаториев и пансионатов.

Рафик отпустил тормоза, и «горбатый», весело погромыхая железными внутренностями, покатился к Гагре. Вблизи ее окраины производили удручающее впечатление и напомнили о недавних ожесточенных боях. Ибрагим с Гумом вертели по сторонам головами, и к горлу опять подкатил горький ком. Красно-серым оскалом развалин на них снова выверилась война. Ближе к центру города эти ее уродливые отметины были не так заметны. О былом величии курортной столицы напоминал некогда знаменитый приморский бульвар. Его красоту не смогла разрушить даже война. Сразу за ним началась зона санаториев. Впереди показалась монументальная колоннада времен сталинского ренессанса, и Рафик сбросил скорость. Проехав еще сотню метров, свернул на стоянку и остановился. Бедный

«горбатый» жалобно застонал, когда из него, чертыхаясь, выбрался Саша. Вслед за ним вышли Гум с Ибрагимом и потянулись к кошелькам. Но Рафик не хотел даже слышать о деньгах и, прощаясь, попросил:

– Ребята, поскорее прогоните этих гадов.

– Прогоним! – заверил его Саша.

– Только под пули не лезьте. Вам еще жить и жить, – пожелал им вдогонку Рафик и направился к машине.

Проводив его благодарными взглядами, Ибрагим и Гум присоединились к Саше, решительно шагнувшему под арку бывшего санатория «Семнадцатого партсъезда». После освобождения города от грузинских гвардейцев он превратился в пункт сбора и перевалочную базу для сотен добровольцев, стекавшихся в Абхазию со всей России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Теперь в его элитных номерах, вместо ухоженных и холеных партийцев из ЦК КПСС, жили пропахшие дымом костров и пороха, решительные и немногословные бородачи.

Часовой на входе наметанным глазом определил в новичках своих и после короткого разговора с Сашей вызвал дежурного. Тот, несмотря на отговорки, проводил их в столовую и после завтрака развел по номерам. Ибрагим с Гумом поселились в правом крыле второго этажа, где жили добровольцы – махаджиры.

Распаковав сумки, они, подгоняемые любопытством, вышли в коридор и постучали в соседнюю дверь. Никто не ответил. В соседнем номере тоже никого не оказалось, и только в холле им встретилась шумная компания добродушных бородачей. Не понимая по-турецки, они лишь разводили руками и ободряюще хлопывали по плечам. Неугомонный Гум на этом не успокоился и спустился вниз, рассчитывая найти того, кто бы мог помочь. Ибрагим, побродив по пустынным коридорам, возвратился в номер и сел за письмо домой, но так и не нашел нужных слов. Перед глазами стояли разрушенные дома, искромсанные гусеницами машины, детские коляски и расстрелянные памятники. Уверенный стук в дверь заставил его встрепенуться. И когда она распахнулась, то он невольно приподнялся.

Перед ним стоял в ладно пригнанной камуфляжной форме рослый капитан. Под ней угадывалось крепкое и хорошо тренированное тело. В горделивой посадке головы и выверенных движениях чувствовались достоинство и скрытая внутренняя сила. Большая часть лица пряталась за осанистой, отливающей бронзой бородой, а из-под шапки густых и кудрявых русых волос на Ибрагима пытливо смотрели поразительной синевы глаза.

«Даже шведы здесь!» – с удивлением подумал он и еще больше изумился, когда «швед» заговорил на чистейшем турецком со стамбульским диалектом.

– Кавказ Атыршба! – представился капитан, и его суровое лицо согрела теплая и по-детски открытая улыбка.

– Ибо... Ибрагим Авидзба!

– Ты откуда?

– Из Стамбула!

– Значит, земляки! – оживился Кавказ и засыпал Ибрагима вопросами. Несколько минут между ними шел сумбурный разговор, в конце его капитан стал все чаще поглядывать на часы, а затем, бросив оценивающий взгляд на крепкую

спортивную фигуру молодого добровольца, пытливо заглянул в глаза и вслух каким-то своим мыслям произнес:

– Говоришь, спортсмен! Мечтаешь увидеть Владислава Григорьевича? – и ошеломил неожиданным вопросом:

– А в охрану к нему пойдешь?

– Я... – только и нашелся, что ответить Ибрагим.

– Понятно! Тогда собирайся! Я еду в Гудауту, – не стал дожидаться очевидного ответа Кавказ, поднялся из кресла и двинулся на выход.

Потрясенный новостью, Ибрагим не помнил, как спустился во двор, сел в армейский УАЗик и потом по дороге в Гудауту невпопад отвечал на вопросы Кавказа. Все это время он думал только о том, что скажет при встрече с Владиславом Ардзинба.

В те дни штаб Председателя Государственного комитета обороны Абхазии напоминал собой растревоженный муравейник, и им пришлось буквально продирааться через «лес» ополченцев. Пропахшие запахом костра и пороха камуфляжки, красноречиво говорили о том, что ребята приехали с фронта. В своих модных джинсах и кроссовках, стильной куртке, купленной в фирменном лондонском магазине, Ибрагим чувствовал себя среди них «белой вороной» и старался не отставать от Кавказа.

Внушительная фигура нового друга, как ледакол, легко прокладывала путь вверх. На втором этаже стало заметно просторней, в самом конце коридора их остановил часовой, но, узнав Кавказа, отступил в сторону. Он прошел к двери обитой коричневой кожей, и оглянулся назад. По его лицу Ибрагим догадался, что сейчас встретится с ним – Владиславом Ардзинба! Внутри него все затрепетало, а слова, которые еще несколько минут назад он повторял про себя, напрочь вылетели из головы. Кавказ догадался о владевших его чувствах, ободряюще кивнул головой, закинул за спину автомат и постучал в дверь.

– Войдите! – прозвучало в ответ.

Ибрагим на ставших вдруг ватными ногах вошел в кабинет и застыл у порога. Он не замечал ни спартанской обстановки, ни автомата валявшегося на кресле, ни карты, занимавшей весь стол, и склонившегося над ней высокого, худощавого полковника. Его глаза пожирали того, чей портрет лежал в кармане куртки на сердце, а оно так колотилось что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Тот, о встрече с кем три дня назад он даже не смел мечтать, стоял живой из плоти и крови всего в нескольких метрах от него.

Председатель Государственного комитета обороны Абхазии Владислав Ардзинба оторвал взгляд от карты, поздоровался и спросил:

– Как дела, Кавказ?

– Все нормально, Владислав Григорьевич! Прибыл еще один доброволец, земляк из Стамбула Ибрагим Авидзба! – представил тот своего нового друга.

Председатель распрямился, его лицо просветлело и, не скрывая радости, произнес:

– Доброволец! Из Турции? Молодец! – энергично пожал руку Ибрагиму и затем поинтересовался:

– Аттила Авидзба тебе не родственник?

– ...Брат! – выпалил он.

– Брат! Да, тесен мир! Я с ним познакомился на конференции в Лондоне. Отличный парень и настоящий абхаз!

– Атти тоже много рассказывал о вас, – постепенно приходил в себя Ибрагим.

– Значит, приехал помогать Абхазии? – вернулся к началу разговора Председатель, скользнул цепким взглядом по ладной спортивной фигуре нового добровольца и спросил:

– Спортсмен?

– Да! – ответил Ибрагим и поспешил пояснить:

– В основном баскетбол и немного волейбол.

– Волейбол! ... – задумчиво произнес Председатель, на его посеревшем от усталости лице промелькнула грустная улыбка, и продолжил:

– Хорошая игра, когда-то сам играл, но сейчас, как видишь, у нас здесь другие игры – смертельные игры, но те, кто их затеял, рано или поздно доиграются. Уж что-что, а воевать абхазы умеют!

– Гагра, только начало! – поддержал его седоусый полковник.

– Не сомневаюсь, Султан Асламбеевич, – согласился с ним Председатель и, задержав взгляд на Ибрагиме, неожиданно спросил:

– Говоришь, в баскетбол играл? А где?

Он растерянно захлопал глазами, не зная, что сказать. Первым нашелся Кавказ и с жаром заговорил:

– Владислав Григорьевич, Ибо – отличный парень! Я из него настоящего воина сделаю!

– Так все-таки, где играл? В защите или в нападении? – допытывался тот.

– ...В нападении?! – ничего не мог понять обескураженный Ибрагим.

– В нападении это хорошо, скоро пригодиться! Но сейчас нам нужны защитники. Как, справишься? – и на лице Председателя снова появилась лукавая улыбка.

– Да! – выпалил Ибрагим.

– А оружие в руках держал?

– ...Приходилось.

– Так...Понятно, – протянул Владислав Ардзинба, и его лицо погрузнело.

– Владислав Григорьевич, научим! – пришел на выручку другу Кавказ и предложил:

– Пока пусть со мной побудет и в обстановку войдет.

Тот ничего не ответил и еще раз внимательно посмотрел на друзей. Ибрагим под этим пронзительным взглядом почувствовал себя так, будто его положили под стекло большого микроскопа, и нервно повел плечами. Затянувшейся паузе, казалось, не будет конца, но завершилась она совершенно неожиданным образом.

– Повезло тебе, махаджир, был бы спринтер, ни за что бы не взял, – сказал Председатель, и в его глазах опять заскакали лукавые чертики.

Друзья не знали, что сказать, и растерянно смотрели друг на друга. Первым нашелся Кавказ и с недоумением спросил:

– Это почему же, Владислав Григорьевич?

– Как почему?! А если придется отступить? Мне же за ним молодым не угнаться, – уже откровенно потешался он.

Ибрагим вспыхнул, как спичка, и с жаром заговорил:

– Я... побегу?! Да я умру за Абхазию! Я...

– Верю! Верю! Но умирать не надо. Абхазии ты нужен живым! – остановил Председатель, сделал шаг навстречу и крепко обнял.

У Ибрагима все поплыло перед глазами. Он уже не помнил, как с Кавказом вышел из кабинета, как спустился по лестнице и оказался во дворе. Всем своим существом будущий телохранитель продолжал оставаться там, в тесном, заваленном картами кабинете Председателя, крепкое рукопожатие которого, согревало ладонь. На его лице продолжала гулять блаженная улыбка, а каждая клеточка молодого и сильного тела пела от радости. В Лондоне и в Стамбуле о таком счастье он не смел даже мечтать. Все происходящее казалось, каким-то фантастическим сном. Ему предстоит стать «тенью» самого Председателя!

Он все еще не мог поверить, теребил Кавказа за рукав и повторял, как заведенный:

– Я буду рядом с ним?! Это правда?

– Правда! Правда! – заверил Кавказ и, мягко подтолкнув к машине, поторопил:

– Садись! Сейчас проедем в одно интересное место.

– Какое?

– Скоро узнаешь, – загадочно улыбнулся он, втиснулся на переднее сидение УАЗа и спросил:

– Эрик, помнишь то место, где на прошлой неделе брали диверсантов?

– Да! – подтвердил тот.

– Тогда чего ждешь? Заводи!

Трудяга армейский УАЗик сердито фыркнул изношенным двигателем и, выпустив клуб сизого дыма, выехал со двора. Ибрагим откинулся на спинку заднего сидения и ушел в себя. Он все еще жил впечатлениями от встречи с Председателем и, закрыв глаза, вспоминал каждый жест, каждое произнесенное им слово.

Позади остались окраины Гудауты, и УАЗ, вырвавшись на приморское шоссе, на удивление резво покотил вперед. Перед Новым Афоном они свернули на проселочную дорогу и по разрушенному бомбежками и оползнями серпантину добрались до горной долины. После крутого спуска, сразу за мостом над горной рекой, Кавказ распорядился:

– Тормози, Эрик! Приехали!

Взвизгнув тормозами, УАЗик остановился, и Кавказ первым вышел на поляну и по едва заметной тропке стал спускаться к реке. Ибрагим с любопытством оглядывался по сторонам и едва поспевал за ним. Попадавшие на глаза источенные дождями и ветрами развалины домов говорили о том, что когда-то на этом месте находилось горное село, и вскоре эта догадка подтвердилась.

Кавказ вышел к кладбищу, обогнул свежую воронку и остановился у потемневшей могильной плиты. Ибрагим вопросительно посмотрел на него, а он, ничего не сказав, смахнул с нее опавшие листья и отступил в сторону.

Под лучами солнца проступили едва заметные буквы, и Ибрагим остолбенел. Не веря собственным глазам, он осторожно опустил руку на плиту. Под дрожащими пальцами буквы ожили и заговорили:

«Апсар Атыршба, Коса и Арсол Авидзба».

Старые предания, передававшиеся из поколения в поколение в роду Авидзба, сегодня самым непостижимым образом пришли к нему наяву.

Ибрагим, словно живую, нежно погладил плиту и тихо прошептал:

- Я вернулся к вам. Я... дома!

А через мгновение из его груди вырвался пронзительный вскрик:

- Ты слышишь, даду? Я вернулся! Я вернулся...!!

Суровые горы ожили и ответили на этот зов потомка махаджира раскатистым эхом. Оно еще долго гуляло по склонам Химса, на которых полтора столетия назад стояли насмерть Арсол, Коса Авидзба и Апсар Атыршба, защищая свою землю, свой дом и свою Абхазию.

Глава 2

Вершина горы Химса терялась в густых облаках, а у ее подножья, тут и там, яркими всполохами разрывали кисельную пелену тумана выстрелы артиллерийских батарей. После двух дней непрерывных и ожесточенных боев с отрядом убухов, отступившим из урочища в верховьях Большой Лабы, и присоединившимся к ним абхазами, войскам экспедиционного корпуса полковника Коньяра в рукопашной схватке удалось выбить их из передовых укреплений и захватить господствующие высоты над селением Гума – этим последним оплотом повстанцев в высокогорной долине реки Гумиста.

С наступлением темноты обе воюющие стороны взяли временную передышку, и лишь артиллеристы капитана Чугунова вместе с саперами не сомкнули глаз. За ночь они успели перетащить горные орудия со старых на новые позиции и едва за снежными вершинами Бзыбского хребта забрезжил хмурый рассвет, как хрупкую утреннюю тишину взорвали громовые раскаты. Артиллерия прямой наводкой принялась методично бить по сторожевым башням, мельнице и древней крепости, расположенной в центре селения.

Раскатистое эхо выстрелов и разрывы ядер слились в одну зловещую какофонию, заглушавшую рев, рвущийся из каменных теснин непокорной Гумисты. Опытные наводчики знали свое дело, каждый новый выстрел находил очередную цель, и селение на глазах превращалось в руины. Последней пала крепость, ядро угодило в пороховой погреб, заряды сдетонировали, и от чудовищного взрыва, казалось, раскололись сами горы.

Клубы сизого дыма плотным покрывалом окутали обжатые пламенем развалины и, подгоняемые порывами ветра, поползли вниз по долине. Чудом оставшиеся в живых жители выбрались из завалов и бросились к реке, ища спасения под ее скалистыми берегами и в лесах у подножья Химса. Вслед им и по восточной окраине селения, где еще продолжали отстреливаться последние защитники, батарея Чугунова дала залп картечью, после которого в нем, казалось, перестало существовать все живое.

Полковник Коньяр, наблюдавший за обстрелом селения с выступа, нависавшего над долиной, резво спустился на поляну и махнул рукой ординарцу. Разбитной боец метнулся в заросли орешника и вывел буланого жеребца. Тот нетерпеливо

перебирал передними ногами и яростно грыз мундштук. Коньяр потрепал ухоженную гриву, ординарец подсуетился и подставил под блестящий зеркальным блеском сапог стремя, он оперся на плечо и, надсадно крикнув, на удивление легко для своего тучного тела взгромоздился в седло. Вслед за ним к лошадям бросились начальник штаба майор Вронский, начальник разведки ротмистр Блюм, полковой лекарь Федотов и вся остальная полковая верхушка.

Едкий запах пороха и пролитой крови кружил головы и нездоровым румянцем полыхал на щеках офицеров и солдат. В эти последние минуты перед решающей атакой их взгляды сошлись на командире. Опытный вояка, за спиной которого были не один поход под командованием «грозы Кавказа» генерала Ермолова на чеченские и дагестанские аулы и усмирение мятежных убыхов с абхазами в Дале и урочище Мзымты, Коньяр знал, как подавить страх у подчиненных и затем повести на смерть.

Его грузная фигура подобралась, слилась с лошадей и на фоне величественной панорамы гор напоминала собой Георгия Победоносца. Выдержав паузу, он опустил руку на рукоять сабли и молниеносным движением выхватил из ножен. Отточенный, словно бритва, клинок грозно полыхнул в лучах восходящего солнца. Коньяр приподнялся в седле, его лицо побагровело, и через мгновение из луженой глотки раздался воинственный рык:

– Братушки, я с вами! Разобьем басурмана! Вперед!

– Ур...а! – покатилося в ответ.

И еще не успело затихнуть эхо, как над долиной поплыл заливистый, зовущий на смерть, звук горна. Вслед за ним под дробный перестук барабана двинулась пехота. Ее тесно сомкнутые цепи сначала медленно, а затем, набирая скорость, подобно морским волнам, покатали вниз к объятому пламенем селению.

Не встречая сопротивления, рядовые шли в полный рост, а офицеры, бравидура храбростью, опустили сабли на плечи и не вынимали пистолеты из-за пояса. Перед окраиной селения неумолимое движение хорошо отлаженной военной машины замедлилось, и в цепях наступающих стали возникать зияющие провалы. Это чудом уцелевшие после залпов картечи защитники Гума выбрались из-под развалин, и, прикрывая бегство женщин стариков и детей, принялись отстреливаться.

Их слабый ружейный огонь не мог остановить неумолимый накат «русского вала». Артиллерийская батарея капитана Чугунова снова прошлась свинцом по оборонительным позициям и подавила оставшиеся очаги сопротивления. Развалины навсегда погребли под собой последних защитников, и в наступившей пронзительной тишине слышался лишь треск пламени и мерный, неумолимо приближающийся шаг русской пехоты.

Прошла минута, другая, и чуткое ухо Коньяра уловило зарождающийся в глубине западного ущелья грозный гул, на его лице появилась победная улыбка, и он придержал коня. Эта новая и напоминающая сход горной лавины угроза горцам клубами бурой пыли наплывала на долину, а через мгновение лихой свист и рев сотен глоток заглушили все остальные звуки.

Эскадрон есаула Найденова, находившийся в засаде, дождался своего часа и теперь, разлившись лавой по берегу реки, несся на перехват тех, кто уцелел по-

сле последнего арналета и искал спасения в лесу за рекой. Впереди, слившись с лошадьми, скакали известные своей удачью казаки из станиц Абинской и Крымской. В развевающихся на ветру бурках они, подобно гигантским птицам, черной стаей стелились над землей.

Расстояние неумолимо сокращалось, и, казалось, что ничто и никто был не в силах остановить этот безжалостный галоп смерти. Каких-то две сотни саженей оставалось до беспощадной резни, и вдруг из теснин южного ущелья вырвался отряд горских всадников. Их было намного меньше казаков, но отчаяние и безумство храбрых множили силы. На полном скаку с поразительной точностью и синхронностью они, перестроившись клином, нацелились на острие «казацкой пики», грозящей метавшимся в панике по берегу реки женщинам, старикам и детям.

Эта захватывающая дух картина стремительно надвигающейся развязки боя заставила Коньяра осадить лошадь и вскинуть к глазам бинокль. Вслед за ним офицеры приникли к подзорным трубам, а пехота сбавила шаг. Вот-вот на их глазах должен был развернуться заключительный и самый кровавый акт драмы человеческой жизни и смерти.

Отряды конников, подобно двум горным потокам, неслись навстречу, чтобы через мгновение схлестнуться в бешеном и безжалостном водовороте сабельной рубки. Топот копыт, храп лошадей, свист рубящих воздух сабель и шашек стоял в ушах прильнувших к холкам всадников. Все они: русские, абхазы, убыхи в эти последние мгновения атаки жили только одним – разорвать, затоптать и изрубить ненавистного врага.

За сотню саженей до казацкой лавы отряд горцев разделился. Первая группа – сабель в двадцать, которую вел за собой Арсол Авидзба, принялась забирать вправо. Его младшие братья: Гедлач и Коса старались не отстать от командира отряда убыхов Апсара Атыршба – эта группа уходила влево. Найденов быстро оценил маневр, своей «вилкой» они пылись разорвать казацкую «лаву», задержать наступление и дать уйти за реку тем, кто уцелел после огня артиллерии.

Горцы использовали свой единственный шанс и с презрением к смерти готовы были пожертвовать собою. Их искаженные лютой ненавистью и невероятным напряжением лица говорили сами за себя. Есаулу уже ничего другого не оставалось, как только положиться на сметку и боевой опыт своих бойцов. В следующее мгновение казаки и горцы сшиблись в устрашающем ударе, обрушившем на землю первую цепь и исторгнувшем из сотен глоток дикий вопль. Он заглушил звон клинков, треск костей, предсмертные стоны раненых и ржанье лошадей. Началась отчаянная сабельная рубка.

Первыми схлестнулись с казачьим арьергардом воины Апсара Атыршба, и в считанные минуты изрубили его. Второй отряд горцев ударил в середину «лавы» и попытался расцечь ее надвое. Арсол Авидзба, напоминая собой стенобитный таран, саблей и кинжалом прокладывал себе путь к есаулу Найденову. Судороги сводили его побагровевшее от напряжения лицо и выдавливали глаза из орбит. Правая рука, сжимавшая тяжелую самырзаканскую саблю, пошла узлами вздувшихся вен, левая взметнула кинжал. Казацкая шашка с пронзительным визгом

скользнула по лезвию кинжала и отлетела в сторону. Испытанным приемом Арсол обезоружил бородатого урядника и со всего плеча одним ударом сабли раскроил надвое.

До Найденова оставалось несколько сажений, и здесь сокрушительный удар грудью громадного жеребца в бок легкого кабардинца чуть не вышиб Арсола из седла. Он выронил кинжал и едва успел ухватиться за луку седла. Этого хватило, чтобы казаки взяли его в кольцо. Острые пики, разодрав черкеску и, оцарапав правый бок, прошло мимо. Краем глаза он заметил сверкнувшую справа шашку и, изогнувшись в немыслимом прогибе, в последний момент вскинул саблю. Сталь о сталь брызнула искрами, и острая боль, полоснув по левому плечу, замутила глаза Арсола. В меркнувшем сознании оскаленным пятном возникло чье-то белооброе лицо, и в последнем отчаянном броске он вонзил саблю, во вдруг ставшее мягким и податливым, будто тесто, чужое тело.

Рядом, окруженный со всех сторон, отчаянно рубился Дженгиз Гума. Подняв коня на дыбы, он, извиваясь как угорь, уклонялся от тычков пик и бешено вертел саблей, пока ее не вышибли из руки. Оставшись с одним кинжалом, продолжал биться до тех пор, пока три пики не пронзили его и вырвали из седла. Окровавленное и изрубленное тело зависло в воздухе, а затем рухнуло под копыта лошадей.

Осатанев от ярости и боли, казаки и горцы кололи и рубили по чему попало: по спинам, рукам, головам и лошадям. Рычаний и хрипящий клубок из человеческих тел и туш лошадей скатывался все ниже к реке. Силы были явно неравны, горстке горцев, продолжавшей оказывать отчаянное сопротивление, ничего другого не оставалось, как только умереть стоя, и они сомкнули каре. Найденов решил понапрасну не терять казаков, от эскадрона осталась уже меньше половины, и крикнул:

– Хлопцы, в круг!

Казаки отхлынули назад и оцетинились остриями пик. Прошла секунда другая, в наступившей тишине были слышны лишь предсмертные стоны раненых и тяжелое дыхание живых. Десяток горцев плотнее сомкнул свои ряды. С одними кинжалами и изломанными саблями, едва стоящие на ногах, они стойко держались до конца и, кажется, готовы были драться голыми руками. Их мужество тронуло каменное сердце Найденова. Он опустил шашку и коротко обронил:

– Вы заслужили жизнь. Сложите оружие и можете идти!

Но никто из горцев не шелохнулся.

– Сложите оружие и можете идти! – повторил есаул.

– Идти? Куда? – прозвучал гневный выкрик.

– Собака, ты убил наших детей!

– Ты растоптал нашу землю!

– Кто вернем моего брата?

– Кто?!... – размахивая обломками сабель и кинжалами, горцы бросились в свою последнюю атаку.

– Поднять басурманов на пики! – взорвался Найденов.

С криками «Смерть шакалам!» те искали смерти на своих и чужих штыках.

Отчаянная попытка спасти их, предпринятая отрядом Апсара Атыршба, не успев начаться, провалилась. Подоспевшая на помощь казакам пехота встретила их ураганным огнем и, потеряв шестерых убитых, они вынуждены были отступить к реке. Вслед им один за другим следовали ружейные залпы. Пули с пронзительным визгом крошили гранитные берега и со змеиным шипением шлепались в кипящую пенными бурунами Гумисту. Река, словно живая, рыдала и стенала по своим погибшим сыновьям, столетиями оберегавшими ее и покой величественных гор...

Рев воды на порогах вышедшей из берегов Гумисты вернул Ибрагима и Кавказа из далекого прошлого к настоящей действительности. Они молча возвратились к машине и потом всю дорогу до Гагры были погружены в мысли об удивительных поворотах в собственных и судьбах своих далеких предков. Обычно разговорчивый и не лезущий за словом в карман Эрик понимал их состояние и не стал доносить вопросами.

В Гагру они въехали, когда на улице стусились вечерние сумерки и серая громада бывшего санатория «Семнадцатого партсъезда», ставшего перевалочной базой для добровольцев, напоминала собой затаившийся в засаде морской рейдер. Лишь кое-где, пробивавшиеся из-за неплотно задернутых на окнах штор слабые полоски света от керосиновых ламп и самоделок, сделанных из отстрелянных гильз пулемета ПКТ, говорили опытному взгляду, что эта тишина обманчива и в любой момент могла взорваться боевыми командами, лязгом затворов и кинжальным автоматным огнем.

Обжигающее дыхание близкой передовой ощущалось во всем – в наглухо заблокированных ломом чугунных воротах, в стволе пулемета, хищно нацелившемся из укрытия на стоянку и дорогу, во внимательном взгляде часового, пропустившего их через КПП лишь после того, как Кавказ показал «пропуск – вездеход». Время ужина подходило к концу, и они не стали подниматься в номер, а направились в столовую.

В этот поздний час в ней было немногочленно. В углу, сбившись в кучку, о чем-то оживленно говорили четыре бородача. За стойкой устало погромыхивала посудой повариха. Ибрагим вслед за Кавказом и Эриком прошел к раздаче, взял поднос, поставил на него тарелки с хачапуром акуд, и, налив стакан обжигающего чая, подсел к ним за столик. Ужин ему пришлось заканчивать в одиночестве, едва они склонились над тарелками, как в дверях появился дежурный и, отыскав взглядом Кавказа, махнул рукой. Его срочно вызывали в штаб в Гудауту. Разговор о предстоящей службе в охране Владислава Ардзинба, на который рассчитывал Ибрагим, так и не состоялся. Проглотив на ходу по куску хачапура, Кавказ с Эриком поспешили к машине.

Проводив их, Ибрагим не стал возвращаться в столовую, поднялся в номер и здесь его ждал очередной, на этот раз горький сюрприз. Сумки Гума на месте не оказалось, в стенном шкафу тоже было пусто. Его растерянный взгляд пробежал по кровати, стулу и остановился на столе. На нем белел клочок бумаги, вырванный из блокнота. Он склонился над ним, и перед глазами заплясали строчки из записки, написанной торопливой рукой.

«Ибо, извини, что не смог дождаться. Уезжаю под Верхнюю Эшеру. До встречи на фронте! Гум».

«До встречи на фронте!» – эта короткая фраза друга подняла в душе Ибрагима бурю противоречивых чувств.

«Как?!... Почему без меня?» – терзался он, и в разыгравшемся воображении рисовалась картины одна ужаснее другой.

Добродушный балагур Гум, до этого дня не державший в руках даже рогатки, оказался в самом пекле войны. Верхнюю Эшеру день и ночь «утюжили» грузинская авиация и артиллерия. После налетов там, казалось, не могло уцелеть ничего живого. Война никому не делала снисхождения, и на ее безжалостных весах жизнь обстрелянного бойца и «зеленого» новобранца имела одну и ту же цену. Кровавый Молох безжалостно пожирал и тех, и других.

Ибрагиму уже чудился выматывающий душу и вгоняющий в землю вой мин. В ушах зазвучали стоны и крики раненых и умирающих. Не находя себе места, он метался по комнате и всем своим существом рвался туда, к Гуму, на обрывистые берега Гумисты.

«А если тебя убили?!» – от одной этой мысли ему стало не по себе, и нервный спазм перехватил горло. Холодные, мрачные стены давили подобно невидимому прессу, ему было невыносимо оставаться здесь. Горечь и обида гнали вперед и, подавшись порыву, он выскочил в коридор, скатился по лестнице и остановился на берегу, когда волна окатила фонтаном соленых брызг.

У ног тревожно рокотал морской прибой, пронизывающий северный ветер наотмашь хлестал по лицу, в кроссовках хлюпала вода, но он ничего не чувствовал и не замечал и, словно лунатик, метался по набережной. Ему приходилось разрываться между жестоким выбором – службой в охране того, к кому стремился и мечтал быть рядом – Владиславом Ардзинба, и верностью старой дружбе.

В номер он возвратился с твердым намерением при первой же встрече с Кавказом сообщить о своем решении – немедленно отправиться на фронт и там присоединиться к Гуму. Но на следующий день ни утром, ни в обед Кавказ не появился, тогда он решил действовать сам. Комендант, немало повидавший на своем веку, в глубине глаз которого пряталась затаенная грусть, терпеливо выслушал его. Он не знал ни турецкого, ни абхазского, но по горящим глазам Ибрагима понял, чего тот хочет, и пообещал включить в ближайшую команду добровольцев, отправляющуюся на гумистинский фронт. Приободрившись, он возвратился в номер и принялся паковать сумку. За этим занятием его и застал Кавказ. Пришел он не с пустыми руками, за плечами висел туго набитый рюкзак. Ибрагим вяло пожал ему руку и, пряча глаза, не решался сказать главного. От пронизательного взгляда Кавказа не укрылось его состояние.

– Ибо, что случилось? – насторожился он.

– Я..., я решил ... – пытался тот найти нужные слова.

– Чего решил?! Все уже решено!

– Гум ушел на фронт, – убито произнес Ибрагим.

– С кем?

– Не знаю.

– Куда?

– Под Верхнюю Эшеру.

– В чей батальон?

– Если бы я знал, – глухо произнес Ибрагим и положил на стол записку Гума.

Кавказ прочитал, все понял и, смягчившись, сказал:

– Не переживай, с ним будет все нормально, там сейчас тихо. Завтра узнаю, где воюет.

– Вот, вот! Он воюет! А я ... – и тут Ибрагима прорвало:

– Он на Гумисте, а я здесь в столовке подъедаюсь! Я...я трус!

– Трус?! Перестань молоть ерунду! Трус сидит у камина, а ты здесь! Ты настоящий боец! – пытался переубедить Кавказ.

– Боец! Боец – это Гум, а я... – Ибрагим потерянно махнул рукой и отвернулся к стене, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы.

Кавказ нахмурился и решительно отрезал:

– Все, Ибо, хватит сопли распускать! Война еще не закончилась и на твой век хватит!.

Сбросив с плеч рюкзак, он распорядился:

– Переодевайся, и поживее! Через пять минут жду в машине! Пора начинать службу!

– Ибрагим не шелохнулся и с трудом выдавил из себя,

– Я...я, наверно, не смогу.

– Что...о?! Ты что несешь?! Что я скажу Владиславу Григорьевичу? – опешил Кавказ.

Ибрагим страшился оторвать взгляд от пола и упрямо твердил:

– Я решил. Я еду на фронт к Гуму! Я еду...

– На фронт? А мы, что, по-твоему, здесь штаны протираем?!

– Прости, Кавказ, но я... – лепетал Ибрагим.

Тот сурово сдвинул брови, ничего не сказал и тяжело опустил на жалобно скрипнувший стул. В наступившей, казалось, звенящей от напряжения тишине стало слышно, как под порывами ветра в соседнем номере жалобно дребезжала распахнутая форточка, а неисправный кран в душевой отзывался приглушенным клекотом.

Ибрагим съезжился, ожидая град упреков, но прошла секунда, за ней другая, и ничто не нарушило этой, вдруг ставшей для него невыносимо долгой паузы. Он вздрогнул, когда рука Кавказа коснулась его плеча, и поднял голову. Их взгляды встретились, и из груди Ибрагима вырвался вздох облегчения. В печальных глазах друга не было и тени упрека. Потеплевшим голосом он сказал:

– То, что на фронт рвешься, это молодец! Значит, я в тебе не ошибся. Повоевать ты всегда успеешь, а теперь поговорим спокойно.

Ибрагим обмяк и присел кровать. Кавказ бросил на него внимательный взгляд и, словно примеряясь к разговору, спросил:

– Ибо, ответь, нет, не мне, а самому себе на один вопрос – почему ты рвешься на фронт?

– Как почему?!... Я приехал воевать, а не в тылу отсиживаться!

– Та-ак... А мы, что, по твоему, – и здесь глаза Кавказа потемнели, – в охране Владислава Григорьевича с жиру бесимся?

– Ну, что ты! У меня и в мыслях такого не было! – смешался Ибрагим.

– Было или не было, не в том дело. Ты полагаешь, что только Гум жизнью рискует, а в тылу, в охране жизнь «малина» – жрать от пуза и пить в три глотки. Так, ведь? Говори, как есть!

– Ну, зачем так, Кавказ?!

– И все-таки, считаешь, что тут «теплое место», – с горечью произнес он, его лицо стало суровым, а в голосе появился металл:

– Да, на фронте, смерть ходит рядом! Да, каждый день на Гумисте умирают ребята. Но не только там, а и в Афоне и Ткуарчале гибнут люди.

– Но на фронте я хоть какую-то пользу принесу, а тут что?! – выдал из себя Ибрагим.

– Пользу, говоришь! А какая польза от смерти? Разве сюда едут умирать?

– Нет, конечно, но если надо, то продать жизнь подороже, а не подохнуть, как баран, под дурной бомбой.

– Продать жизнь? А кто знает ей цену? Кто?!...

Этот вопрос, похоже, Кавказ задавал больше самому себе. Годы службы в ту-реком спецназе для капитана Атыршба сложились в одну бесконечную череду боевых операций и боев в Ираке и Афганистане, которые оплачивались только одной ценой – жизнями врагов и товарищей. Он давно уже мыслил сухими цифрами безвозвратных потерь и невосполнимого ущерба противнику. Но здесь, на родине предков, рядом с наивными романтиками и необстрелянными мальчишками, готовыми без колебаний умереть только за одно слово – «Абхазия», он, давно задолжавший смерти, может быть, впервые за все время так остро ощутил цену жизни и с непривычной мягкостью произнес:

– Ибо, с жизнью, а тем более своей, нельзя легко расставаться. Никому не дано определять ее цену!

Ибрагим молчал, не зная, что ответить, и за него сказал Кавказ:

– Нет и не будет таких весов, на которых можно измерить пусть одну, даже самую маленькую человеческую жизнь. Господь так устроил мир, что мы приходим в него для того, чтобы, когда придет время, передать ее другому. Мы даем жизнь детям, а они нашим внукам. Но сегодня, – и в его глазах появился стальной блеск, – мы не вольны распоряжаться своими жизнями, они принадлежат только ей – Абхазии!

– За нее, я и приехал воевать и потому...., – снова оживился Ибрагим.

– Говоришь, за Абхазию? А что она для тебя? – перебил Кавказ.

И этот, казалось бы, простой вопрос, на который Ибрагим давно дал себе ответ, здесь, в самом сердце Абхазии, где полтора столетия назад Арсол, Коса и Гедлач Авидзба, не щадя себя, сражались за ее свободу, снова поднял в душе юноши бурю чувств. За два последних дня ему пришлось пережить столько, сколько не выпадало за предыдущие девятнадцать с половиной лет. В них спрессовались вся его жизнь и память сотен тысяч махаджиров. Он задумался, пытаясь найти ответ.

«...Действительно, чем там, в далеком Стамбуле и Лондоне, была для него Абхазия?

...Печальной старой сказкой, передававшейся из поколения в поколение?

...Терра инкогнито?

...Прекрасной и несбыточной мечтою?

...Мечтою? ...

– Мечтою? Именно, мечтою! – вслух произнес Ибрагим.

– Пожалуй, так! – согласился Кавказ, суровая складка на его лбу разгладилась, а в голосе опять зазвучали теплые нотки:

– Недавно для меня, так же, как вчера для тебя, она была несбыточной. Но сегодня мы здесь. И пусть мы вернулись не под звуки фанфар, а под грохот разрывов, это уже не важно. Мы дома!

– Дома! – повторил Ибрагим.

– И кто нам его вернул?

– Кто?! Владислав Григорьевич! – вырвалось у Ибрагима, и дальше, не стесняясь своих чувств, с жаром заговорил:

– В Стамбуле и потом в Лондоне мы молились на него. Перед тем, как поехать на учебу, я зашел в «Абхазский комитет» и выпросил у Володи Авидзба портрет Владислава Григорьевича. Потом в Лондоне повесил у себя в комнате. Что тут творилось! Ребята к нам, как в мечеть, ходили. Он стал для нас всем!

– Для меня тоже! – живо поддержал Кавказ и продолжил:

– Время и Господь избрали его для Абхазии. Вместе с ним мы победим или умрем! Кто раньше знал или слышал про Абхазию? Да никто, кроме самих абхазов, а сейчас про нее говорит весь мир. Для тебя, меня и всех нас Владислав Григорьевич больше, чем отец и мать – он для нас все! Не защитим его – потеряем себя и Абхазию!

– Я это понимаю, Кавказ! Но что я умею?... Да ничего! Если и держал винтовку в руках, то только в тире, – с горечью произнес Ибрагим.

– Винтовка, пистолет?! Разве в них дело?

– Я и приемов не знаю.

– Приемы? На войне быстро учатся и не такому! В тебе есть другое – дух, а это самое главное. Я уверен, ты не дрогнешь и пойдешь под пулю, если какая-то сволочь поднимет на Владислава Григорьевича руку. А принять смерть в глаза – это потяжелее, чем пойти в атаку. На фронте даже в самом безнадежном бою есть шанс уцелеть, а у телохранителя Владислава Григорьевича его нет, и не может быть. Жизнь телохранителя принадлежит только ему! Ты понял, только ему!

– Я... я постараюсь! – дрогнувшим голосом произнес Ибрагим.

– Вот и договорились! – закончил этот необычный разговор Кавказ, дружески потрепал по плечу, а затем, загадочно улыбнувшись, развязал тесемки на рюкзаке и предложил:

– Примерь гардеробчик!

Ибрагим подхватил с пола рюкзак и вывалил содержимое на кровать. В носшибануло резким запахом нафталина и вещевого склада. Не обращая внимания,

он сбросил на стул куртку, стащил джинсы и принялся примерять на себя новенькую военную форму.

Десантная камуфляжка сидела на нем как влитая, правда, ботинки-берцы оказались великоваты, а кепка едва держалась на гриве волос, но эти мелочи мало смущали. Он уже чувствовал себя военным, сгреб в кучу куртку с джинсами, запихнул на верхнюю полку шкафа и повернулся к зеркалу. На него смотрел настоящий боец, который не выглядел бы белой вороной среди обстрелянных ополченцев. Кавказ тоже остался доволен, но легкая тень на лице не укрылась от Ибрагима.

– Что-то не так? – насторожился он.

– Сам не пойму. С размером, вроде, не ошибся, но вот кепка и...

– Все нормально! У тебя глаз – алмаз.

– Алмаз, говоришь? Как бы этот глаз не подбил Владислав Григорьевич!

– Владислав Григорьевич?! За что?

– Будет за что! У меня самого руки чешутся твою гриву под «ноль» вывести.

– Какая грива?! – оскорбился Ибрагим, в Лондоне она была предметом его гордости, и с возмущением воскликнул:

– Посмотри вокруг! У некоторых бороды длиннее!

– Борода?... М...да. Не знаю, не знаю, но твоя грива, – Кавказ с сомнением покачал головой и уже серьезно сказал:

– Пойми, Ибо, охрана Председателя – это лицо Абхазии, а оно, сам понимаешь, должно внушать уважение!

Ибрагим снова посмотрел в зеркало, провел рукой по пышной копне волос и с грустью произнес:

– Сегодня не будет!

– Тогда все в порядке! – подвел итог «строевого» смотра Кавказ.

– Ну, нет, так не пойдет! А где пистолет, где автомат? – расхрабрился Ибрагим.

– Ишь, какой шустрый, не все сразу.

– Интересно получается, как под бритву пустить, так пожалуйста. Нет, я на такое не согласен!

– Потерпи, палить дело не хитрое, – и улыбнувшись, Кавказ распорядился:

– Ладно, собирайся, может, успеем на склад, там получишь свой автомат.

– Едем! Я готов! – загорелся Ибрагим и первым шагнул к двери.

На стоянке перед санаторием их поджидал УАЗик с Эриком. Поздоровались они, как старые приятели, но поговорить не успели, Кавказ поторопил с отъездом:

– Эрик, гони на оружейный склад, но сначала к Ирфану!

Это имя ничего не говорило Ибрагиму, а помрачневшие лица Кавказа и Эрика не располагали к расспросам. Он забрался на заднее сидение и, забившись в угол, молча наблюдал за дорогой. Они выехали из центра, и война вновь напомнила о себе. По сторонам мелькали изрешеченные пулями и осколками снарядов стены заброшенных домов. Подобно гнилым зубам, торчали из густых зарослей инжира и орешника обугленные остовы торговых палаток, ближе к окраине все чаще попадались искореженные и смятые, словно консервные банки, БТРы, легковушки

и бочки из-под кваса. Порой трудно было определить, где начинались одни и где заканчивались другие улицы, но Эрик как-то ухитрялся находить проходы в этом лабиринте смерти.

Очередной завал преградил дорогу, и дальше пришлось идти пешком. Метров через шестьдесят они выбрались на небольшой пятачок. Кавказ остановился перед воронкой, пригнул колено, сдернул с головы кепку и поник в поклоне. Ибрагим понял все без слов и опустился рядом.

– Здесь мы потеряли Ирфана. Накрыло снарядом, – дрогнувшим голос произнес Кавказ и, справившись с минутной слабостью, с ожесточением произнес:

– Мы отомстим этим сволочам! Будем бить, пока их поганого духа не останется! – и его кулак погрозил невидимым врагам.

– Я все ... – задохнулся Ибрагим от переполнявших его чувств.

– Мы никому не отдадим нашу Абхазию! Она будет свободной! – принял у него эту необычную присягу Кавказ, поднялся с колена и направился к машине.

Всю дорогу до оружейного склада Ибрагиму не давали покоя мысли о судьбе Ирфана. Война безжалостно оборвала жизнь махаджира и, как бы горько это было не осознавать, сегодня, завтра она возьмет еще не одну и, возможно, его жизнь. Проницательный Кавказ догадывался, что творилось в душе друга, не тревожил вопросами и хранил молчание.

Тем временем Эрик, продравшись через очередной завал, остановился перед наспех сооруженным из проволочных «ежей» заграждением и нажал на сигнал. Из покосившейся деревянной будки, будто черт из табакерки, выскочил часовой, угрожающе повел стволом автомата, но, увидев в руке Кавказа «пропуск – вездеход», раздвинул «ежи» и запустил машину во двор.

На входе в склад их встретил его хозяин, по-приятельски поздоровался с Кавказом и без лишних слов повел в подвал. В тусклом свете керосиновых ламп сиротливо лежало на стеллажах не больше трех десятков автоматов. В деревянных и картонных коробках горками «маслят» были насыпаны патроны, отдельно россыпью валялись гранаты.

Кавказ поскуцневшим взглядом пробежался по ним и с разочарованием произнес:

– Да, Зурик, сегодня у тебя не густо.

– Все, что осталось! – развел руками тот.

– И в заначке нет?

– Клянусь, Кавказ. До вас были ребята из Адыгеи и выгребли все подчистую.

– Ладно, посмотрим, что есть, – оставил он Зурика в покое и принялся осматривать оружие.

Свой выбор остановил на стареньком, с деревянным прикладом автомате Калашникова. Повертел в руках, щелкнул затвором, потом заглянул в ствол и предложил:

– Бери, Ибо, и не смотри, что не новый, зато надежный. В нужную минуту не подведет.

– Хорошая машина! Я сам пристреливал. Ложит все в десятку, – подтвердил Зурик.

- Но магазин мне не нравится, – поморщился Кавказ и отложил в сторону.
- Магазин как магазин,
- Тебе что, жалко? Дай другой!

Зурик пожал плечами, заглянул под стеллаж и вытащил коробку с магазинами. Кавказ склонился над ней, а Ибрагим уже ничего другого, кроме автомата, не видел. Впервые в своей жизни он держал в руках знаменитый «калаш». Холод металла будоражил и волновал кровь, палец лег на спусковой крючок, но бдительный Эрик предостерег:

- Стой, Ибо! А если патрон в патроннике?

Он поспешно отдернул руку. Кавказа снисходительно улыбнулся и спросил:

- Ну что, берем?
- Да!

– А на кого записать? – снова оживился Зурик и потянулся к журналу регистрации.

– Ох, и бумажная ты душа, Зурик! Пиши на меня! – распорядился Кавказ и затем поинтересовался:

- А пистолеты подходящие есть?

– Для тебя нет. Четыре «Макарова» и один ТТ – все что осталось, и те в хреновом состоянии..

– Нам хлам не нужен! – отказался Кавказ, решительно расстегнул кобуру, достал пистолет и предложил:

- Забирай, он твой, Ибо! Итальянская берета – безотказная машина.

– Я...я не могу! А ты? – замялся тот.

– Бери, бери! На мой век их хватит.

– Ему еще «ручник» и настоящий Рэмбо, – хмыкнул Зурик.

– Без америкосов обойдемся. В Голливуде пусть сами воюют! – отрезал Кавказ и потребовал:

- А теперь сыпь патроны и не жмись!

– Для тебя, Кавказ, ничего не жалко! Бери, сколько унесешь! – расщедрился Зурик.

Эрик не стал дважды ждать приглашения и принялся горстями пересыпать патроны из ящика в рюкзак.

– Хватит, оставь другим! – остановил его Кавказ и, перекинувшись на прощание парой шуток с Зуриком, двинулся на выход.

Ибрагим, не чуя под собой ног от радости, шел за ним и потом в машине не выпускал из рук свое первое боевое оружие. Его пальцы касались ствола затвора. Холод металла будоражил кровь, и яркий румянец проступил на щеках.

– Что, Ибо, не терпится проверить? – понял Кавказ его состояние.

– Если можно? – живо откликнулся он.

– А ты как считаешь, Эрик?

– Надо, чего мучить парня! – поддержал тот.

– Тогда ищи место.

Эрик завертел головой по сторонам и, недолго думая, свернул в первый попавшийся проулок и проехал на пляж.

– Хорош, тормози! – остановил его Кавказ.

Они вышли из машины. Он пробежался взглядом по берегу, остановился на рекламном щите метрах в тридцати, взял автомат у Ибрагима, отсоединил магазин и распорядился:

– Эрик, тащи патроны!

Тот не стал размениваться на мелочи и принес рюкзак.

– Тебе дай волю, целый склад припрешь, – пошутил Кавказ и, зачерпнув горсть патронов, принялся заряжать магазин.

Ибрагим с завистью следил за тем, как сноровисто работали его руки, и сторал от нетерпения повторить все сам. Наконец магазин с сухим лязгом проглотил последний патрон. Кавказ одним неуловимым движением примкнул его к автомату, передернул затвор и коротко обронил:

– Запомни первое правило, Ибо! На операции в патроннике всегда должен быть патрон.

– А какое второе? – торопил со следующим Ибрагим.

– Второе? Сейчас увидишь!

Руки Кавказа взлетели вверх, и автоматная очередь взорвала сонную тишину пляжа. Щит брызнул фанерными щепками и на нем серой сыпью проступила латинская «V».

– Здорово! – восхитился Ибрагим и поспешил с ответом:

– Теперь знаю второе правило! Надо стрелять лучше, чем враг!

– И главное первым! – поправил Эрик.

– Первым годится на фронте, там ты сам за себя, но не в охране. Здесь все иначе, надо хоть на секунду, но опередить врага, – не согласился Кавказ.

– Так и я о том же. С покойником оно как-то спокойнее разговаривать, – отшутился Эрик.

– Не совсем так.

– А как еще?

– Вычислить киллера раньше, чем он подумает стрелнуть, – опередил Кавказа с ответом Ибрагим.

– Молодец! – похвалил тот и продолжил:

– Но прежде чем палить, надо успеть прикрыть того, кого охраняешь. А это даже самому смелому сделать непросто. Все мы из крови и плоти, а когда смерть смотрит в лицо, то тут работают рефлексy. Сумеешь их победить – и тогда твое место в охране.

– Кто с этим спорит. Но дохляки с железной волей в охране тоже не нужны, – гнул свое Эрик.

– Если думаешь, что размер бицепса на скорость пули влияет, то ошибаешься, – усмехнулся Кавказ и затем сказал, как отрезал:

– Запомни, Ибо, для телохранителя главное мозги и воля!

– Уже запомнил! – заверил он и, помявшись, спросил:

– Кавказ, а мне можно пострелять?

– Попробуй, – великодушно разрешил он и распорядился:

– Эрик, отсыпь десяток и снаряди магазин.

- Я сам, – вызвался Ибрагим.
- Валяй! – махнул рукой Кавказ.

Эрик достал из рюкзака горсть патронов, и Ибрагим, обдирая пальцы об острые края магазина, вложил в него патроны, примкнул к автомату и вскинул к плечу. От волнения рекламный щит поплыл перед глазами, но холод металла вернул спокойствие и уверенность. В прицеле появилась буква «V», стараясь не сорвать курок, он плавно выбрал свободный ход и нажал на спуск. Автомат содрогнулся и норовил вырваться из рук. Плотнее прижав его к плечу, Ибрагим не теряя цели и плавно давил на спусковой крючок. Затвор лязгнул, под ноги шлепнулась последняя гильза и на рекламном щите, вокруг буквы «V» образовался неровный круг.

Эрик присвистнул, а Кавказ с удивлением произнес:

- Ну, ты даешь! А чего прибеднялся?
- Случайно, – скромничал Ибрагим и, не скрывая радости, попросил:
- Можно еще?
- На сегодня хватит, а то у Эрика глаза на лбу так и останутся, – пошутил Кавказ.

Тот добродушно рассмеялся и, затянув лямку на рюкзаке с патронами, понес к машине. Ибрагим, гордый от похвалы, чувствовал себя на седьмом небе и потом в машине, блаженно улыбаясь, поглаживал, как живого, автомат. Невольная вина, которую до сегодняшнего дня он испытывал перед Гумом, ушла из сердца, и в нем заговорила гордость за то, что в ближайшее время ему предстоит защищать самого Владислава Ардзинба.

Весь следующий день он провел за тем, что разбирал и собирал автомат с пистолетом. К вечеру ему уже не составляло большого труда проделывать все это с завязанными глазами. Строгий экзаменатор Кавказ остался доволен результатом и два следующих дня учил премудростям профессии телохранителя.

В среду, как обычно, после завтрака Ибрагим спустился к морю, забрался в дальнюю беседку и принялся штудировать написанный от руки и затертый до дыр конспект – пособие для телохранителя. Здесь его и нашел Кавказ. Он был немногословен и, коротко поздоровавшись, спросил:

- Ты готов ехать?
- Куда?
- На полигон!
- Прямо сейчас?! – обрадовался Ибрагим.
- Да! Считаю, что теория закончилась! – подтвердил Кавказ и поторопил:
- Только шустрее, одна нога здесь, а другая там. У меня мало времени.
- Я сейчас, только сбегаю за автоматом.
- Он не нужен, возьми только пистолет! – крикнул вдогонку Кавказ.

Ибрагим, как на крыльях, взлетел в номер, схватил пистолет, кубарем скатился по лестнице и понесся к стоянке. Там поджидал УАЗ, за его рулем находился Эрик.

- Привет, утюг не надоело держать? – начал он разговор с шутки.
- Тоже мне снайпер, давай на стрельбище! – оборвал его Кавказ.
- В корову, тем более соседа, точно попаду, – беззлобно огрызнулся Эрик и тронул машину.

Ехать пришлось недолго, и то, что Кавказ назвал стрельбищем, оказалось полуразрушенным то ли спортзалом, то ли клубом. Повсюду в коридорах и комнатах валялись изломанные стулья, обрывки волейбольных сеток и куски ваты. Не без труда они добрались до главного зала, служившего тиром. Об этом говорили противоположная стена, вся исклеванная пулями и десяток наспех сколоченных фанерных щитов. На них неумелой рукой были намалеваны цветным мелом уродливые рожи, круги и квадраты.

Эрику не требовалось давать команды, он знал, что делать, и вывалил из сумки на чудом сохранившийся колченогий стол пачки с патронами. Кавказ не стал ждать, когда он их распакует, и распорядился:

– Ибо, заряжай сам! Шестнадцать выстрелов на шестнадцать секунд! Стреляешь только по круглым мишеням и рожам!

Он взял горсть патронов и принялся загонять в магазин, но они выскальзывали из пальцев и никак не хотел попадать в «гнездо».

– Легче, не дави так! – посоветовал Кавказ.

Ибрагим ослабил нажим, и дело пошло быстрее. Второй магазин без задержек, один за другим проглотил все восемь патронов и легко вошел в рукоять пистолета. Большой палец лег на предохранитель, а глаз нашел мушку.

– Огонь! – хлесткая команда подбросила его руку.

Гулкое эхо выстрелов пошло гулять по залу, и когда последний раз лязгнул затвор, стрелка часов отсчитала тринадцать секунд. Все пули легли в цель.

– Молодец! Продолжай в том же духе! – остался доволен результатом Кавказ и решил усложнить упражнение.

Он потянул истребленную веревку, и следующие три мишени суматошно задергались. Ибрагим повел пистолетом и нажал на спусковой крючок, фанерная щепка и кирпичная крошка пыльным облаком окутали стену, и когда оно рассеялось, то результат оказался плачевный.

– Не суетись. Суета нужна при ловле блох. Пошли на следующий круг, – не давал передышки Кавказ

Ибрагим снова и снова повторял упражнение, но с каждым разом «берета» становилась все более непослушной, а пули все чаще уходили «за молоком». Вскоре от напряжения глаз начал «замыливаться», указательный палец не чувствовал ход спускового крючка, а ствол «клевал» при каждом выстреле. После очередной «пустой» серии он с грустью посмотрел на почти целехонькие мишени, посуровевшего Кавказа и с горечью произнес:

– Совсем не идет!

– Спуск не ловишь, – заключил он.

– Сам чувствую, но ничего поделать не могу! Палец, как деревянный!

– Тогда перерыв! – остановил тренировку Кавказ.

Передернув затвор, Ибрагим нажал на спусковой крючок и, убедившись, что в патроннике не осталось патрона, поставил пистолет на предохранитель, опустил в кобуру и потянулся к новым мишеням.

– Оставь, мы с Эриком справимся! Пойди на улицу, проветришь! – предложил Кавказ.

Через пролом в стене он выбрался во двор, поискал подходящее место, остановился на штабеле досок и прилег на них. Шершавая поверхность слегка покалывала тело через летнюю камуфляжку, но Ибрагим не обращал внимания, закрыл глаза и попытался расслабиться. Но круглые и квадратные силуэты мишеней по-прежнему крутились перед глазами в нескончаемом калейдоскопе, а указательный палец продолжал давить на «спусковой крючок». Конец этому положил Эрик.

– Ибо, иди! У нас все готово! – позвал он.

Вслед за ним из пролома в стене показался Кавказ. Ибрагим спрыгнул на землю, потер виски, прогоняя усталость, и подошел к ним. Эрик подал пистолет со снаряженным магазином. Он загнал его в рукоять, передернул затвор и вопросительно посмотрел на Кавказа.

– Новое упражнение. Пять мишеней. Все в разных местах. Действуй быстро и главное без суеты! Даю семь секунд! – пояснил он и дал команду:

– Пошел!

Ибрагим выбросил руку с пистолетом вперед, метнулся в проем и, уходя от выстрелов воображаемого противника, прижался к выступу в стене. В запасе оставалось чуть больше четырех из отпущенных семи секунд. Палец начал выбирать свободный ход курка и остановился. Ему стало не по себе, поверх одной мишени был наклеен портрет. С него строго смотрел Кавказ.

– Плохо! Очень плохо! – раздался за спиной его недовольный голос.

– Ты, что?! Стрелять в тебя? – оторопел Ибрагим.

– Не в меня, а в бумажку!

– Все равно, как-то это не по-человечески.

– Не по-человечески? А если киллер будет стоять за твоей матерью, ты что станешь его уговаривать?

– Ну, это же совсем другое дело!

– Нет, не другое! Если рука не дрогнет уложить гада за спиной матери, тогда и можешь считать себя настоящим телохранителем! – сказал, как отрезал, Кавказ.

Ибрагим поник. Последние фразы прозвучали как приговор.

– Ладно, не убивайся, не все потеряно! – сменил тот гнев на милость. – Это нормальная реакция нормального человека. Но ты не просто человек или боец на передовой. Ты телохранитель! Понимаешь, те-ло-хранитель! А это значит – рядом с Ним для тебя нет ни друзей, ни родных! Никого, Ибо!!!

– Я понимаю, но сразу себя не переделаешь. Тебя, вон сколько учили.

– Учили? – и горько усмехнувшись каким-то своим мыслям, Кавказ сухо обронил:

– В тех классах двоек не ставили. В них была другая арифметика.

– Извини! Я постараюсь! – смутился Ибрагим.

– Стараться надо, но этого одного мало! Запомни раз и навсегда! Не та угроза смертельна, которую ждешь. Сто раз опаснее та, что смотрит на тебя преданными глазами, а в ухо льет приторный елей. Предают не враги, а друзья, те, кто рядом! Это говорю не я, а суровая статистика. Кто убил Юлия Цезаря?

– «И ты Брут?!» – вспомнил Ибрагим известного римского императора, когда предательская рука вонзила в него меч.

– Видишь, какой оказался друг! – с иронией произнес Кавказ и затем спросил:

– А знаешь, кто убил индийского премьера Индиру Ганди?

– Откуда? Я тогда под стол пешком ходил.

– Убийца тоже оказался «свой»! Личный телохранитель. Еще нужны примеры?

– Хватит! Без них понятно. Я научусь, Кавказ! – заверил Ибрагим.

– Надеюсь. Голова у тебя варит, рука твердая и глаз острый, – смягчился он.

– Спасибо! – и Ибрагим зарделся от похвалы.

– Не спеши с благодарностями, за сегодняшнюю стрельбу тебе надо шею намылить.

– Готов хоть сейчас от позора отмыться.

– Тогда вперед! – приказал Кавказ.

В тот раз Ибрагим израсходовал весь боезапас, а следующие два дня занимался тем, что разбирал и собирал автомат с пистолетом. Очередные сутки начались для него с изучения пособия для телохранителя, а после обеда он снова взялся за автомат. Но тренировка не заладилась, все мысли занимал Кавказ, казалось, что тот забыл про него. И словно прочитав их, он собственной персоной появился в номере. Один его вид: старенькие разношенные берцы, потертая камуфляжка и портупея, обвисшая под тяжестью двух пистолетов, говорили о многом.

– Собирайся! Учеба закончилась, пора сдавать экзамен! – коротко распорядился он.

Ибрагим в душе ликовал и не скрывал этого. Зубрежка и стрельба вхолостую порядком осточертели, он жаждал настоящего дела и, судя по поведению Кавказа, оно было не за горами. По пути к машине, и потом всю дорогу до Гудауты тот не обмолвился ни словом о предстоящем задании, и ему ничего другого не оставалось, как только теряться в догадках.

Позади остались поворот на Мысру и военная столица Абхазии – Гудаута, впереди ждал Новый Афон, от которого было рукой подать до линии фронта. И уверенность Ибрагима в том, что, наконец, он сможет проявить себя в бою, окончательно окрепла. Подтвердил эту догадку сам Кавказ, приказавший водителю:

– Миро, сначала на базу, заберем группу, а потом на Гумисту!

Проехав несколько километров, они свернули налево и через сотню метров притормозили перед шлагбаумом. Часовой, узнав Кавказа, не стал проверять пропуска, дернул за веревку, и жердь взлетела вверх. Они въехали во двор и остановились на площадке у летних коттеджей, их было не больше десятка. Здесь неподалеку от Гудауты, на бывшей профсоюзной базе отдыха «Амра», больше известной в народе как «Звиздец здоровью», ставшей одним из центров подготовки разведчиков и диверсантов, формировались спецгруппы для рейдов в тыл противника. Сегодня предстоял очередной выход за линию фронта, и, как уже догадался Ибрагим, в котором предстояло принять участие и ему.

Вслед за Кавказом он поднялся по шаткой деревянной лестнице в коттедж. В тесной, освещенной слабым светом керосиновой лампы комнате находилось трое

бойцов, переодетых в форму грузинских гвардейцев. Все они были под стать друг другу – рослые, худощавые, привычные к жизни в горах. В их мягких, словно кошачьих, движениях и цепких пронзительных взглядах читались скрытая сила и мертвая хватка. Настоящие «володавы», им было не привыкать вести в одиночку охоту на «языка» и проводить дерзкие диверсии.

Кавказ представил их Ибрагиму только по именам – разведка не любит лишнего, и затем поинтересовался:

- Как настроение, ребята?

- Боевое,- ответил за всех Ахра.

- А желудки?

- Заправлены под завязку и работают как часы! - хмыкнул Масик.

- Тогда вперед! С нами Абхазия и Владислав!- без тени пафоса произнес эту клятву разведчиков Кавказ.

- С нами Абхазия и Владислав! – дружно повторили они и потянулись к плотно набитым патронами и взрывчаткой рюкзакам. На войне их и водки никогда не бывает много.

Ибрагиму достался рюкзак размером поменьше, правда, весил он около двух пудов, но проснувшиеся в нем азарт и жгучее желание поскорее проверить себя в настоящем «деле» удвоили силы. Легко, будто и не было этих смертоносных килограммов, он спустился по лестнице, догнал разведчиков, скорым шагом направлявшихся к стоянке.

Там их поджидал затянутый брезентовым тентом ГАЗ – 66. В этой проверенной не одним рейдом команде каждый знал свое место. Кавказ сел в кабину к Миро, остальные, и вместе с ними Ибрагим, забрались в кузов. Армейский «ишачок» – тронулся с места, легко взял крутой подъем, выехал на трассу и шустро покатил в сторону Нового Афона. Ибрагим в пол-уха прислушивался к разговору разведчиков, и ему казалось странным, что они говорили не о войне или предстоящей операции, а вспоминали прошлые времена и жили теми мирными воспоминаниями.

Прошло чуть больше двадцати минут, и машину, словно щепку на морской волне, начало бросать из стороны в сторону. Двигатель взревел на полную мощь, и колеса яростно заскребли по щебенке. Ибрагим догадался, что дорога пошла горами и, вцепившись в деревянный борт, думал только о том, чтобы не уронить рюкзак с взрывчаткой. Наконец «газон» взял последний подъем, Миро заглушил двигатель и, притормаживая на поворотах серпантина, начал спуск к реке. То, что это была Гумиста, Ибрагим догадался по грозному реву реки на перекатах.

За полкилометра до реки Кавказ распорядился:

- Все, Миро, тормози! Приехали!

Тот ударил по тормозам, и «газон», пропахав по сырой земле еще с десяток метров, остановился. Разведчики выбрались из кузова и собрались вокруг Кавказа. Он был немногословен, на прощание пожал Миро руку и предупредил:

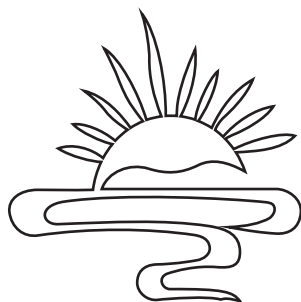
- Жди здесь послезавтра, на рассвете!

- Не волнуйся, не подведу! - заверил тот и пожелал:

- Ни пуха, ни пера, ребята!

- К черту! - дружно ответили разведчики и сплюнули через левое плечо.

Проверив еще раз оружие и рюкзаки с взрывчаткой, они построились в цепочку. Ибрагим оказался в середине, за ним на подстраховку стал Кавказ, и по его команде группа бесшумной змейкой начала спуск к реке. Несмотря на царивший полумрак и поднявшийся туман, Ахра ни разу не сбился и вышел прямо к перекасту. Притаившись в кустах, разведчики выждали минуту, другую. Кавказ первым опустился на землю и ящерицей соскользнул к реке. Один за другим к нему перебрались разведчики и, настороженно вслушиваясь и всматриваясь во вражеский берег, залегли в секрете. Опытный взгляд Кавказа не заметил опасности, и он собрался дать команду к переправе, но она оборвалась на полуслове. За рекой в орешнике мелькнули серые тени, а через мгновение грохот камней под неосторожно ступившей ногой заставил разведчиков схватиться за автоматы...

Глава 3

Беззаботно поигрывая хрустальными струями среди каменных россыпей, пока еще робкая Гумиста, напившись талой водой из ледников, весело плескалась на перекатах и торопилась в зовущую загадочной неизвестностью голубую даль. Среди полыхающих разноцветьем альпийских лугов десятки новых родников и ручьев щедро одаривали ее энергией, и она, уже играючи, переворачивала голыши, самоуверенно похлестывала по ребристым «щекам» суровые скалы, снисходительно, с высоты водопадов поглядывала на скованные порыхлевшим льдом озера и легкомысленно звала за собой. А они не спешили выбраться из временного зимнего плена, осуждающее перешептывались звоном ключей и терпеливо ждали, когда весенне тепло растопит лед.

Наступил апрель. И в благодарность за долготерпение озер небеса распахнули перед ними свои иссиня-фиолетовые дали. Ласковое солнце отогрело бездонные глубины, а его лучи нарисовали на безмятежной глади фантастические картины, неподвластные кисти самого гениального художника. Эта их кроткая красота заставила склоняться в восхищении величественные вершины Химса и Дзыхвы. Их изумрудные отражения нежились в воркующей волне, и когда выпадало засушливое лето, ледники щедро делились с ними своими талыми водами.

Так продолжалось из года в год, из века в век, и в этом незыблемом постоянстве гор, озер и ледников заключалась вековая гармония жизни. И они, познавшие ее великую мудрость, пытались остановить набравшую силу и упорно стремящуюся покинуть родные места Гумисту. Но своенравная, набравшая силу гордьячка не желала их слушать и с остервенением набрасывалась на скалы, как на самого заклятого врага. Сокрушив очередную преграду, продолжала нестись вперед. Терпеливые горы снова смыкали свои каменные объятия, и тогда река пускалась на хитрости. Она смиряла гордый нор, покорной волной подкатывала к берегам и печально нашептывала о своих невзгодах. И они, простив ей былые сумасбродства, расступались просторными долинами и укрывали тонким покрывалом цветущих садов.

Казалось, Гумиста окончательно смирилась и уже не помышляла покидать родные края. Но когда впереди возникло мрачное Бзыбское ущелье, она восстала и опять проявила свой неукротимый характер. Собравшись с силами, река, рыча и яростно вскипая на порогах, обрушилась на скалы. От чудовищного рева содрогнулись вершины Химса и Дзыхвы. Потрясенные ее безумством, горы снова расступились. Расшвыряв по берегам камни и деревья, Гумиста безоглядно устремилась к манящему коварным миражом свободы морскому побережью.

Выйдя победительницей из очередной схватки, она уже была глуха к тревожному шепоту лесов предгорий и слепа перед тем бескрайним морским простором, который звал и манил к себе, переливающейся на солнце золотом и серебром гладью. Спеша слиться с ним, Гумиста беспечно растеклась по равнине десятками мелких речушек и ручейков. Теперь на пути к морю перед ней лежала лишь узкая полоска песка. Она играючи разметала его по сторонам и, счастливо журча, бросилась к нему в объятия. Но оно холодно отнеслось к ее бурному порыву и продолжало шаловливой волной перешептываться с берегом. Гумиста опешила, и гневная рябь тысячами морщин покрыла ее зеркальную гладь. Вскипев от ярости, она наотмашь хлестанула упругой струей по прибою. Оскорбленное море глухо зарокотало, но река, уверенная в своей силе, бушующим валом покатила вперед. Казалось, и на этот раз ей удастся выйти победительницей.

Море отхлынуло от берега, и Гумиста, радуясь столь легкому успеху, безоглядно бросилась вдогонку. Но с каждой секундой ее могучее течение распадалось на тысячи слабых ручейков. Почувствовав надвигающуюся опасность, она попыталась собраться с силами, но коварное море все глубже влекло ее в свою холодную бездну, из которой уже невозможно было ни выбраться, ни повернуть вспять. Прошло несколько минут, и о некогда своенравной и непокорной Гумисте напоминала едва заметная желто-зеленая полоска на бескрайней морской глади...

В конце восемнадцатого века и сама Абхазия походила на Гумисту. Она и ее владетельный князь Келешбей Шервашидзе (Чачба) пытались уцелеть между молотом и наковальней в соперничестве за Кавказ двух великих империй-российской и османской. В те годы Абхазия оказалась им не по зубам. Несмотря на мощь флота и свирепость янычар, Турция так и не смогла стать ее полновластным хозяином, а Россия пока только прощупывала «южную жемчужину» своими экспедиционными отрядами.

Воинственные горцы в родных горах ходили на сущих дьяволов, и каждый раз давали жесткий отпор завоевателям. И тогда, как в холодном Санкт-Петербурге, так и в прокаленном солнцем Стамбуле прибегли к испытанному и проверенному за столетия способу – «кнуту и прянику». Посланцы русского царя и турецкого султана при княжеском дворе в Лыхнах, а потом в Сухум-Кале, куда Келешбей перенес свою резиденцию, плели тайную паутину, доглядывали за ним, друг за другом, и, норовя склонить на свою сторону, нашептывали ему про вечный союз, суля за то неслыханные благодеяния.

Келешбей, властный и решительный, одаренный от природы острым умом, отточенным в придворных интригах и самой жизнью, вел себя осторожно и терпеливо выжидал, на чью сторону склонится чаша весов в битве двух гигантов.

Турция пока еще крепко стояла на Южном Кавказе, но чуткое ухо владетельного князя уже улавливало тяжелую поступь русской пехоты в Кабарде, Чечне и Дагестане. Окончательно его сомнения рассеяли появившиеся на морском рейде перед сухумской крепостью корабли с андреевским флагом на корме.

Для князя настало время выбора, но его цена была невероятно велика. В случае ошибки он терял не только голову, но и ввергал Абхазию в кровопролитную войну с предсказуемым концом. И потому Келешбей не торопился с окончательным решением, а поступил, как истинный царь Соломон.

Старший сын – Асланбей принял ислам и был направлен ко двору турецкого султана. После этого в Стамбуле на абхазского владетельного князя стали смотреть как на своего, рассчитывая при удобном случае запустить, подобно ежу, в «штаны» России, которая по-хозяйски «села» передовыми отрядами в Грузии и теперь упорно пробивалась к Карсу – этим воротам, открывавшим прямой путь к сердцу Османской империи.

В Санкт-Петербурге также имели свои виды на владетельного князя и его воинственных горцев. С их помощью император Александр I рассчитывал малой кровью отвоевать у турок весь Южный Кавказ. Хитрый Келешбей искусно подогревал эти ожидания как у одних, так и у других. По его настоянию младший сын Сефербей был тайно крещен и получил христианское имя Георгий, а затем женился на менгрельской княжне Тамаре Дадиани. Через некоторое время внимательные наблюдатели стали замечать его с красавицей женой при дворе Кавказского наместника. Свое появление среди русской и грузинской знати юный и не по годам разумный князь объяснял родственными связями жены.

Так продолжалось до начала девятнадцатого века. К тому времени Россия твердо заявила о себе в Западной Грузии, и свирепые турецкие янычары уже не отваживались, как прежде, открыто появляться в горной Абхазии и только время от времени совершали пиратские набеги на побережье. Чаша весов в битве за Южный Кавказ начала клониться в пользу России, и в 1803 году первым под русское покровительство перешло терзаемое со всех сторон Менгрельское царство. Спустя год его примеру последовало Имеретинское. В 1806 году сам владетельный князь Келешбей обратился с просьбой к русскому императору о принятии Абхазии в подданство России.

Специальный курьер под надежной охраной доставил его прошение в сиятельный Санкт-Петербург. Император Александр I медлил с «высочайшим повелением», зато не дремали при дворе султана и развили бурную деятельность. В Абхазию зачастили турецкие эмиссары и принялись мутить народ, подстрекая против владетельного князя. Не прошло и месяца, как у него под боком, в Эшерах, заговорщики свили себе гнездо и взялись плести сети заговора, нити которого тянулись в Цебельду и Псху. Дальше медлить было нельзя, и Келешбей поступил как всегда-решительно подавил заговор, а главных смутьянов-эшерских князей Дзяпш-ипа казнил. Старшего сына Асланбея, стоявшего за спиной заговорщиков, лишил всех прав, но сохранил жизнь, и эта жалость вскоре обернулась трагедией не только для самого Келешбея, а и всей Абхазии.

Второго мая 1808 года неподалеку от сухумской резиденции Асланбей с кучкой заговорщиков подкараулил отца, жестоко расправился с ним и занял княжеский трон. Его власть оказалось недолгой и непрочной. В течение двух лет, опираясь на турецкие штыки, он пытался усидеть на троне. Но отцеубийца ничего, кроме ненависти у подданных, не вызывал, и Абхазия, словно лоскутное одеяло стала расползаться под власть местных вождей. Попытки Асланбея подчинить себе вышедших из повиновения цебельдинских и далских князей потерпели поражение, а после неудачного похода на садзов он уже не высовывал носа из Сухумской крепости.

Тем временем, младший сын Келешбея–Георгий, чудом избежавший смерти от наемных убийц, подсланных неугомонным дядей, нашел убежище в России и спустя два года летом, в 1810 году вернулся в Абхазию. 10 июля на рейде перед Сухумской крепостью появился русский военный фрегат и после мощной бомбардировки ее фортов высадившийся на берег десант разгромил турецкий гарнизон. Среди пленных Асланбея не оказалось, воспользовавшись суматохой, он скрылся. Победителю – Георгию было не до него, он вернулся домой и не просто вернулся, а вернулся, как ему тогда казалось, с вечным миром.

За несколько месяцев до освобождения Сухума, 17 февраля 1810 года, император Александр I, наконец, утвердил обращение владетельного абхазского князя с «просительными пунктами» о принятии Абхазии в подданство России. В нем он признал Георгия, – «Наследным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи».

Но то, что когда-то удалось совершить отцу-недюжинным умом, железной волей и булатной саблей-сохранить единство Абхазии, оказалось не по силам сыну. Горная Абхазия, с ее воинственными псхувцами, далцами и цебельдинцами, отказывалась кому бы то ни было повиноваться и продолжала жить жизнью вольных обществ. Георгий правил там, где стояли русские гарнизоны, но не властвовал, его влияние распространялось не дальше крепостных стен.

В 1821 году после смерти владетельного князя одержимый жаждой власти Асланбей снова поднял голову. Поддерживаемый Турцией, не смирившейся с потерей влияния на Абхазию он возмутил садзов псхувцев и убыхов против нового владетельного князя Дмитрия, назначенного на смену Георгию по высочайшему повелению русского императора.

С малых лет воспитывавшийся в России и не знавший родного языка, Дмитрий был никто и ничто для своевольных горцев и потому многоопытному, коварному Асланбею не составило большого труда за несколько месяцев поднять Абхазию на дыбы и наглухо запереть владетельного князя вместе с русским гарнизоном в Сухумской крепости. И только войска князя Горчакова, вовремя подоспевшие на помощь, спасли их от полного разгрома, но не уберегли Дмитрия от смерти. Спустя год, в октябре 1822 года, он был отравлен, и в Абхазии с прежней силой разгорелась междоусобная война.

На этот раз «гроза Кавказа» – генерал Ермолов, у которого уже в печенках сидела «абхазская вольница», не стал церемониться и немедленно послал в мятежную провинцию вооруженную до зубов военную экспедицию. Регулярные войска

вместе с терскими казаками жестоко подавили восстание, но не волю к сопротивлению и свободе абхазов и убыхов. Назначенный в феврале 1823 года русским императором новый владетельный князь Абхазии малолетний Михаил – брат Дмитрия, продержался на троне чуть больше года. Первой восстала Цебельда и затем, подобно лесному пожару, запылало от Мзымты до Ингура. Почувствовав запах вождельной власти, тут как тут объявился Асланбей, а вместе с ним турки, и Михаилу пришлось спастись бегством.

Прошло шесть долгих лет, и только в июле 1830 года он под защитой экспедиционного корпуса генерала Гессе смог возвратиться в Сухум. На этот раз русские войска пришли в Абхазию всерьез и надолго. Подчиненные Гессе принялись срочно возводить береговые укрепления в Гагре, Пицунде, Бомборе, Квитауле и Илоре, рассчитывая завязать их в единую линию с гарнизонами, уже твердо ставшими крепостями на побережье Новороссии.

К середине тридцатых годов власть возмужавшего владетельного князя настолько укрепилась в прибрежной Абхазии, что он решил перенести резиденцию в Лыхны, во дворец своего знаменитого деда Келешбея Чачба. Но это не объединило абхазов, Михаил княжил, но, по-прежнему не правил. Свободные горские общества псхувцев, далцев и цебельдинцев не признавали ничьей власти, кроме власти всевышнего и своего кинжала.

Походы войск генерала Розена в урочища Дала и Псху ненадолго приводили их к повиновению. Проходило время, и горная Абхазия снова выходила из подчинения. Одна за другой военные экспедиции отправлялись в горы подавлять восстания. После них на местах селений оставались обугленные развалины и опустошенные языческие святыни горцев. Те, кто уцелел, вынуждены были уходить все дальше и выше в недоступные для артиллерии места или пробивались к морю, где курсировали турецкие суда, искать спасения в Турции. Так начался исход – махаджирство абхазов, убыхов и садзов, их свежая кровь еще на полвека продлила существование дряхлеющей Османской империи.

В 1855 году Турция после унижительного и позорного поражения России в Крымской войне, снова предприняла попытку восстановить свое влияние в Абхазии. В октябре многотысячный десант Омер-паши высадился в Сухуме, штурмом взял крепость, и, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, двинулся в сторону Менгрелии. У реки Ингур их пытался остановить Гурийский отряд князя Багратиона-Мухранского, усиленный ополченцами – абхазами, но в коротком и кровопролитном бою они потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Это были последние успехи Омер-паши. Наместник Кавказский Муравьев, собрав в один кулак все военные силы, принялся мозжить им по бритым черепам янычар. Турки не устояли, начали отступать, и к лету следующего года русские войска при поддержке ополченцев владетельного князя Михаила выбили их отовсюду и возвратились в столицу – Сухум-Кале. Это был последний бросок Османской империи на Абхазию, в дальнейшем она лишь короткими пиратскими набегами на побережье продолжала досаждать России.

К тому времени в другой непокорной части Кавказа царские войска после более двадцати пяти лет непрерывной войны с имамом Шамилем в Чечне и Даге-

стане, наконец-то, в августе 1859 года зажали остатки его отряда в ауле Гуниб и в ожесточенном бою пленили своего главного противника на Северном Кавказе.

За поражением Шамиля и усмирением Чечни наступил черед Западного Кавказа. Разрозненные отряды убыхов, дахов, абадзехов, кабардинцев и шапсугов не смогли устоять под натиском хорошо вооруженной, закаленной в боях и намного их превосходящей по численности русской армии. Под ее натиском они оставляли одно за другим разоренные селения и откатывались все дальше на юг, в высокогорную Абхазию. Теперь только она на всем Кавказе оставалась единственным оплотом отчаянного сопротивления горцев могущественной Российской империи.

1864 год стал последним и самым трагическим в той великой драме, что разыгрывалась на Кавказе. Пятьдесят с лишним лет заигрывания с владетельными князьями показали русским императорам и их кавказским наместникам, что рано или поздно в горах просыпался дух вольницы, и Абхазия снова принималась жить сама по себе, по своим древним и неписанным законам.

На этот раз империя навалилась на последние свободные горские общества всей мощью своей военной машины. В ожесточенных боях с превосходящим противником отряды убыхов, абхазов и садзов все чаще терпели поражения. некогда богатые и цветущие горные селения превратились в пустыню, где хозяйничали лишь ветер и дикие звери. Абхазия приходила в полное запустение, десятки тысяч беженцев-махаджиров искали спасение на южных берегах Черного моря. Османская империя, хорошо познавшая на себе силу горцев, охотно давала им приют, рассчитывая в дальнейшем использовать против своего заклятого врага – России.

К началу весны 1864 года в Абхазии непокоренными остались лишь свободное общество псхувцев и присоединившиеся к нему остатки племен убыхов и садзов. Последней защитой им служили неприступные горы Бзыбского хребта, но с приходом тепла, когда вскрылись южные перевалы и караванные тропы, русская пехота при поддержке казаков, с упорством стенобитного тарана принялась долбить оборону горцев.

Экспедиционный корпус полковника Коньяра первым сумел пробиться в верховья реки Западной Гумисты, к селению Гума и, несмотря на тяжелые потери, понесенные пехотой и казаками в только что закончившемся бою, с ходу ринулся форсировать реку. Коньяр спешил до наступления темноты добить остатки отряда абхазов и убыхов, чтобы не дать им уйти в глубь гор и там соединиться с псхувцами.

Стремительные воды Гумисты гневными бурунами вскипели у ног лошадей эскадрона есаула Найденова. Изрубив отряд Арсола Авидзба, казаки в боевом запале бросились безоглядно преследовать горцев, отходивших за реку. Те, отстреливаясь, уносили с собой тела Арсола и еще троих воинов, которые его родному брату Гедлачу с уцелевшими воинами удалось отбить в последней отчаянной атаке.

Сотник Хоперсков с десятком казаков первым прискакал к броду и начал переправу, но лошади оседали на задние ноги и испуганно храпели перед ревущим

потоком. Он дико гикнул и, пришпорив жеребца, направил к темневшему среди бурунов порогу. Вслед за ним ринулись в стремнину и остальные, но выбраться на противоположный берег им не удалось.

Плотный ружейный огонь горцев заставил остановиться казаков. Злым осиным роем над головами загудели пули. Справа от Хоперскова вскрикнул урядник Астахов и, бросив поводья, схватился за холку, но не удержался и пополз вниз. Лошадь, не чувствуя твердой руки раненного хозяина, рванулась к спасительному порогу, но задние ноги заскользили на отдраенных течением, словно зеркало камнях и через мгновение, подняв фонтан брызг, она и всадник рухнули в злобно загудевший поток. Их головы промелькнули в водовороте и исчезли в воронке под скалой. Новый залп опрокинул в воду еще двоих казаков. На этот раз зацепило и самого сотника. В глазах Хоперскова потемнело от боли, нестерпимым огнем растекаясь по левому бедру. Горцы усилили стрельбу, в ответ по ним начала палить подоспевшая русская пехота. Под прикрытием ее огня казаки, потеряв еще двоих убитыми, начали отход к берегу.

Больше охотников преследовать отряд убыхов и абхазов не нашлось. Лишь есаул Найденов порывался отомстить «басурманам» за загубленных хлопцев, но полковник Коньяр решительно остановил эту отчаянную попытку, которая могла обернуться еще большими потерями. Опытный командир, он понимал, что сегодня его войска сделали больше своих сил. Противник оказался не настолько ослаблен, как это казалось в конце боя, и потому преследовать его в горах, тем более, в ночь было делом не только крайне опасным, но безнадежным. Этот жестокий урок Коньяр, тогда еще подпоручик усвоил раз и навсегда двадцать лет назад во время войны в Дагестане. Там он познал на собственной «шкуре», что на Кавказе воюют не числом, а умением и решительно приказал:

«Прекратить атаку!»

Горнисты затрубили – «Отбой».

По цепям атакующих прокатилось:

«Прекратить атаку!»

Вслед за ней изнуренные непрерывными трехдневными боями офицеры и солдаты услышали долгожданный приказ:

«Привал! Разбить лагерь!»

Горестно вздохнув, полковник Коньяр распорядился:

«Оказать помощь раненым! Захоронить погибших!»

Похоронная команда, санитары и лекаря разошлись по полю боя, чтобы собрать скорбные «плоды» войны. В лагере, тем временем быстро налаживалась походная жизнь. У излучины реки квартирьеры и обозные команды принялись ставить палатки, разжигать костры и готовить в котлах неприхотливую пищу. Но едкий запах гари, исходивший от развалин догорающего селения, а еще больше удушающий смрад разложившихся от нестерпимого жара человеческих тел и трупов животных, вынудили перенести лагерь выше, на поляну, где когда-то был выгон для овец.

Прошло несколько часов и, привычные к походной жизни пехотинцы артиллеристы и казаки, закончили его оборудование. К этому времени повара приго-

товили пищу, и шеренги бойцов выстроились у полевых кухонь. Рассевшись у костров, они молча поедали запоздалый ужин. Горечь понесенных утрат не могли смягчить не обилие мяса, не пузатые бутылки со спиртом, из которых щедрой рукой разливали по оловянным кружкам расторопные интенданты. В тот вечер в лагере не было слышно не песен, не смеха. Помянув погибших, и выпив за здоровье раненых, офицеры, солдаты и казаки разошлись по палаткам.

Полковник Коньяр, перекусив у походного котла, вместе с начальником штаба майором Вронским проверил ближние посты и возвратился к себе в палатку. В ней, за пологом, ординарец Спиридон подготовил дубовую бочку с горячей водой. Коньяри стащил с себя пропыленный, отдающий кислотой мундир и с головой окунулся в пахнущую запахом луговых трав воду. Вместе с грязью, сошедшей с измочаленного тела, ушла и горечь от потерь – это извечное проклятие командира.

В соседней палатке, где располагались офицеры штаба, какое-то время раздавался монотонный гул голосов и лязг оружия, но вскоре и там наступила тишина. Лагерь забылся в крепком сне, и лишь в двух местах еще продолжали копошиться людские тени. У дальнего, вынесенного за пределы лагеря и наспех огороженного плетнем из орешника навеса, десятков мрачных и неразговорчивых бойцов в свете факелов долбили кирками неподатливую каменистую землю, отрывая братскую могилу. В сотне метров от них, у горного разлома, под охраной караула другая похоронная команда засыпала камнями трупы горцев.

В центре лагеря, тоже все еще напоминало о недавно закончившемся бое. В свете чадающих фитилей, хирурги, забрызганные с головы до ног гноем и кровью, кромсали изболевшую от страданий человеческую плоть. Пронзительные крики и мучительные стоны, мольба и плач раненых разносились далеко за пределы лагеря, но на них мало обращали внимания те, кому сегодня повезло больше. Офицеры и солдаты, дворяне и крестьяне, не один год варившиеся в безжалостном котле Кавказской войны, давно сжились со смертью и воспринимали ее как неизбежное зло. Они знали, что за их жизни, здесь в горах, где стрелял каждый камень, а за поворотом тропы подстерегала засада, не могли поручиться ни полковник Коньяр, ни Кавказский Наместник, ни сам Господь, и потому были рады одному тому, что остались живы.

Густая ночная мгла опустилась в долину, лагерь ненадолго забылся в коротком сне, и только часовые продолжали нести службу на постах и в дальних секретях перед перекатом реки и на горных тропах. Их напряженный слух ловил каждый подозрительный звук и шорох. Но сумрачные горы и леса, уставшие от орудийного грохота и вида смерти, витавшего над лагерем, хранили скорбное молчание.

Луна выплыла из-за снежной шапки на вершине горы Химс, тусклым светом осветила узкую, местами разрушенную сходами лавин и камнепадами, единственную дорогу. По ее туго закрученной серпантину медленно, напоминая огромную черную гусеницу, двигались колонна беженцев из селения Гума и остатки смешанного отряда убыхов и абхазов. Они отходили к высокогорному селению Псху – последнему оплоту сопротивления горцев в Западной Абхазии.

Скрип колес телег, плач детей и стоны раненых задолго до появления у передовых постов перед селением предупредили часовых о приближении страшной

беды. Она подняла на ноги всех от мала до велика и объединила в безутешном горе. Женщины делились последним, а мужчины готовы были стоять насмерть, но не дать врагу захватить Псху. То, что бой был неизбежен, подтвердили и разведчики, вернувшиеся утром с берегов Гумисты. Передовые отряды полковника Коньяра пока еще не перешли реки, но приготовления, что шли в лагере полным ходом, не оставляли сомнения в предстоящем наступлении.

Дальше медлить было нельзя и командиры псхувцев, убыхов и абхазов собрались на военный совет. В небольшой комнате дома Уруса Отырба было не повернуться, но никто не роптал и не жаловался. Опытные и умудренные жизнью воины ясно представляли, что на это раз матерый вояка Коньяр не отступит и сделает все, чтобы не дать им вырваться из кольца окружения. Обменялись молчаливыми взглядами, они сошлись на самом опытном из них, на Коса Авидзба. Тот встал из-за стола, протиснулся на середину и, положив руку на рукоять старинного кинжала, перешедшего ему от отца, обвел взглядом притихших воинов и печально произнес:

– Братья! Будем смотреть правде в глаза! Коньяр наглухо закупорил ущелье и не сегодня, так завтра появится здесь.

– Проклятый пес! – процедил сквозь зубы Гедлач Авидзба.

– Пусть только сунется! Вышибем из него все потроха! – угрожающе зарычал Зафас Гума.

– Легко сказать, вышибем? А чем? У нас всего две пушки и меньше трехсот сабель. У Коньяра их в два раза больше и целая батарея, – остудил его пыл Коса.

– А что, лучше сидеть и ждать, когда нас перережут как баранов?! – в сердцах воскликнул Зафас.

– Если умирать так с честью! – присоединился к нему Апсар Атыршба.

В ответ послышался одобрительный гул. Самые горячие схватились за кинжалы и проклятья посыпались на Коньяра и его солдат.

«Эти собаки захлебнутся в крови!»

«Шакалы!»

«Они здесь найдут свою могилу!»

Коса сохранял выдержку и, дождавшись, когда погас гнев, продолжил:

– Я еще не закончил. Сидеть сложа руки никто не предлагает, но идти в лоб на Коньяра – это самоубийство. Зря положим себя и отдадим под нож детей и жен. Надо искать другой выход.

– А какой, если обложили со всех сторон? – кипятился Зафас.

– Еще остался Адзагыпский перевал!

– ...Перевал?! – переспросил Апсар и, покачав головой, с сомнением произнес:

– В апреле через него не пробиться. Там снега выше головы.

– Это наш единственный шанс, – стоял на своем Коса.

– А старики, дети, раненые?! – напомнил Зафас.

– С таким обозом от казаков не оторваться, – заключил Гедлач.

И этот последний убийственный довод, казалось бы, похоронил все надежды вырваться из капкана, в который их загнали войска Коньяра. Гнетущее молча-

ние вновь воцарилось в комнате. Коса нервно теребил рукоять кинжала и напряженно искал выход. В их положение рассчитывать, на чью-либо помощь уже не приходилось, а с теми силами, что остались, пробиться к морю, он, как опытный воин, хорошо понимал, было невозможно. Оставалось полагаться только на чудо.

– Коса, а если ударить с двух направлений? – нарушил затянувшееся молчание Апсар

– А что это даст? Они легко перебьют нас по одиночке! В одном кулаке, есть еще какой – то шанс, – возразил Гедлач Авидзба.

– Стоп! Не спеши! – остановил брата Коса и потребовал:

– Апсар, продолжай!

– Надо собрать ударный отряд, зайти Коньяру в тыл и отвлекающим ударом оттащить от ущелья, – пояснил тот.

– А в это время основные силы, раненые, женщины и дети выскользнут из западни! – ухватился за мысль Коса.

«Так и надо сделать!»

«Это выход!»

«Если не себя, так детей и жен спасем!» – дружно поддержали Апсара другие воины.

Общий вздох облегчения прошелестел в комнате. Это был призрачный, но все-таки шанс и воины оживились, теперь все внимание заняла подготовка ударного отряда. От добровольцев не было отбоя, но Коса Авидзба и Апсар Атыршба оставались неумолимы. Они строго выполняли старый, установленный далекими предками закон – тот кто был единственным в роде не мог себе позволить чести умереть за других.

На следующий день восемьдесят бойцов были готовы пожертвовать собою и с наступлением сумерек выступили в поход. По тайной горной тропе, известной лишь абреку Абзагу Гумба, отряд под командованием Коса Авидзба стремительным маршем преодолел семнадцать верст и на рассвете вышел на правый берег Гумисты. Коньяр, видимо, был уверен в себе и те, редкие секреты, что стояли на основных тропах, горцы без труда обошли стороной. До лагеря оставалось еще около двух верст, но Коса решил не рисковать и отряд, укрывшись в ущелье, сосредоточился для решающего ночного броска....

Спустя сто двадцать девять лет на тех же самых берегах все повторялось вновь. Разведгруппа Кавказа Атыршба затаилась среди камней перед бродом через Гумисту. Он, и с ним Ибрагим Ахра, Окан и Масик напряженно вслушивались и всматривались в ночную тишину, пытаясь обнаружить вражескую засаду.

После минутного затишья подозрительный шум на противоположном берегу повторился, и в нем ухо опытного охотника Ахры различило характерный всхрап дикого кабана. Он перевел дыхание и шепотом передал по цепочке:

– Все нормально, ребята! Кроме нас и кабанов никого нет.

– Отлично! Это хороший знак! – оживился Кавказ и распорядился:

– Приготовиться к переправе! Ахра, разведай подходы к перекату и, как следует, проверь кусты!

- Может заодно и раков пошарить? – хмыкнул тот, – Я ...
- Шарить будем в другом месте! – оборвал Кавказ и приказал:
- Масик, прикрываешь! Все, ребята, разговоры закончились, вперед!

Две серые тени разведчиков бесшумно соскользнули с крутого берега и растаяли в белесом тумане, поднимавшемся над рекой. Прошло несколько томительных минут и из-под скалы, с противоположного берега дважды ухнул «филин».

– Пошли ребята, наша очередь! – позвал за собой Кавказ и первым спустился к реке.

Разведчики сняли ботинки, брюками, свернули в охапку и, страхуя друг друга, двинулись на перекат. Ледяная вода обожгла икры и через мгновение Ибрагим от холода не чувствовал под собой ног. Подошвы скользили, словно по мылу, на обросших мхом камнях, а стремительное течение грозило опрокинуть в реку. Он старался не отстать от необъятной спины Масика, маячившей перед глазами, и, не обращая внимания на ссадины, пытался устоять, чтобы не свалиться в воду.

До берега оставались считанные метры и тут непослушные ноги потеряли опору, но крепкие руки Кавказа не дали упасть. С трудом выбравшись на берег, Ибрагим кулем свалился на землю. От озноба зуб не попадал на зуб, а тело задеревенело.

- Это тебе не Анталья, – посочувствовал Ахра!
- Чего зубы скалишь! Лучше бы дал согреться! – цыкнул Масик, снял с пояса фляжку и предложил:
- Ибо, глотни, полегчает! Потом разотри ноги.
- Я...я не...не пью, – стуча зубами, пролепетал тот.
- Аллах или кто там у вас главный, он все простит. Здоровье дороже, пей! – поддержал Ахра.

Ибрагим воротил голову от фляжки. От запаха спирта его тошнило.

– Пей! Нам не нужен паровоз под носом у гвардейцев! – насел Кавказ и силой затолкал в рот горлышко фляжки.

После второго глотка Ибрагим едва не задохнулся. Рот и горло обожгло нестерпимым огнем, а из глаз брызнули слезы. Кружка с водой, которую он опустошил одним махом, притушила запылавший внутри огонь. Прошла секунда, другая и грудь обдало приятным теплом, голова закружилась. Ему стало тепло и легко. Он вскочил на ноги, и здесь его повело.

- Ибо, ты можешь идти?! – всполошился Кавказ.
- Э... э д... – заплелся язык у него.
- Похоже, лишку дали, – с тревогой произнес Окан.
- Закосел парень. Мусульманин, ну что с него возьмешь, – посочувствовал Ахра.

– Помолчи! – оборвал Кавказ и, подтолкнув Ибрагима в спину, подбодрил:

– Держись! В дороге разойдешься

Он спешил поскорее покинуть опасную зону. Разведчикам это не требовалось объяснять, придерживая оружие, чтобы оно не гроыхало, они старались не отстать от Ахры. Опытный охотник он только по известным ему одному приметам находил тропу и уверенно вел группу к цели. Долгий и затяжной подъем, по

обрывкам фраз Ибрагим догадался, это была гора Ахбюк, измотал разведчиков. Здесь на высоте еще чувствовалось дыхание прошедшей зимы. Ноги скользили по затянутым льдом лужам и плотной корке прошлогоднего снега. После перевала стало легче, но Кавказ не делал передышек, рассчитывая до рассвета выйти на место.

Они прошли еще около десяти километров и к восходу солнца добрались до высоты, нависавшей над районом села Ачадара и западной частью Сухума, более известными в народе, как «Лечкоп». Где-то в этих местах, по данным разведки, гвардейцы зарыли танки и установили артиллерийские батареи. Они сидели как кость в горле у ополченцев. Их огонь не только накрывал передовую на Гумисте, но и носил немалый урон тыловым порядкам. Под дулами грузинских батарей в дневное время нечего было даже думать о переброске подкрепления и боеприпасов на линию фронта.

Кавказ дал команду залечь, а сам, маскируясь за кустарником, внимательно осмотрел из бинокля склон, с которого открывался вид на «Лечкоп». Его взгляд привлекла сторожка пастухов, не заметив ничего подозрительного, он решил, что более подходящего места для отсидки группы не найти и распорядился:

– Ребята, короткими перебежками к кошаре!

Рассыпавшись веером, разведчики подобрались к ней и стали наблюдать. Время шло, но никаких признаков жизни глазастые Масик с Ахрой так и не заметили. Тем не менее, опытный и осторожный Кавказ не спешил уйти под крышу кошары и послал Окана проверить ее. Тот беззвучно растаял в кисельной пелене, а когда вернулся, то на его лице играла довольная улыбка.

– Командир, шашлык не гарантирую, бараны все разбежались, но крышу над головой обещаю! – бодро доложил он

– Я не привередливый, согласен и на кофе! – оживился вечно голодный Масик

– Тебе как с «лимонкой» или...

– Хватит болтать, Цицероны! Пошли разбивать лагерь! – поторопил Кавказ.

Разведчики смолкли и, подхватив с земли рюкзаки с взрывчаткой, поспешили за ним. На этот раз им повезло, война обошла стороной кошару. Внутри было сухо, в дальнем углу валялись охапки прошлогоднего сена, а капитальные стены надежно защищали от пронизывающего ветра. Привычные к походной жизни они быстро обжились и после завтрака все, кроме Масика, заступившего на пост, улеглись отдыхать.

Ибрагим пристроился рядом с Кавказом и едва закрыл глаза, как тут же провалился в бездонную черную яму. Проснулся он, когда солнце перевалило зенит. К этому часу все уже были на ногах и собрались вокруг походного стола. Дразнящий запах лаваша и мяса будили зверский аппетит и, позабыв про обычаи, голодный Ибрагим набросился на китайскую свиную тушенку.

У Ахры брови поползли вверх, а в глазах заскакали веселые чертики. Он подмигнул Масику, тот хитровато улыбнулся в усы и мрачно обронил:

– Ребята, нам с Ибо крупно не повезло.

Тот от неожиданности поперхнулся и когда кусок проскочил горло, растерянно спросил:

– Э ...э. Почем...у?!

– Еще и спрашивает? Весь спирт выпил

– А сейчас последнюю нашу китайскую свинью доедаешь, – присоединился к нему Ахра.

– Какая еще свинья?!

– А в руках у тебя что?

Ибрагим растеряно вертел в руках банку с китайской тушенкой.

– Вон как вцепился. Нет, Ибо, точно ты не мусульманин, а китаец, – продолжал подкалывать Ахра.

– Какой еще китаец?! ... Я абхаз! – вспыхнул он как спичка и швырнул на пол банку..

– Абхаз, абхаз! На выпей! – поспешил успокоить Кавказ и сунул ему кружку с чаем.

Ибрагим насутился и отодвинулся в дальний угол. Масик с Ахрой, тихо посмеиваясь, занялись взрывчаткой. Кавказ, перекинув через плечо автомат, взял с собой Ибрагима, и они отправились на пост к Окану.

Среди густого кустарника его не так – то просто было обнаружить, но опытный следопыт Кавказ безошибочно вышел на место. Окан, подстелив под себя куртку, через бинокль наблюдал за тем, что происходило на позициях гвардейцев. Они прилегли рядом, и Кавказ спросил:

– Ну, что, нашел?

– Нет! Зараза, как сквозь землю провалилась! – в сердцах произнес Окан.

– Плохо смотришь.

– Куда уж лучше? Все глаза проел! – с обидой произнес тот и махнул рукой. Луч солнца попал на окуляры и отразился яркой вспышкой.

– Ты что! Засекут! – всполошился Кавказ, забрал бинокль и принялся сам высматривать батарею.

Ему повезло больше. Он задержал взгляд на развалинах, в верхней части района «Лечкоп» и с облегчением произнес:

– Никуда она не делась. Сидит на месте. Правее кирпичной трехэтажки.

– Не может быть? – не мог поверить Окан, потянулся к биноклю, навел фокус и с изумлением воскликнул:

– Слепой индюк! Ну, и хитрые же, сволочи!

– А ты как думал.

– А можно мне? – порывался к биноклю Ибрагим и когда получил в руки, принялся вглядываться в район, куда тыкали пальцами Окан и Кавказ.

Перед ним крупным планом проплыли развалины, брошенный дом, но ничего похожего на орудие он так и не заметил.

– Ты на пацху! Пацху смотри! – подсказал Окан.

Ибрагим навел бинокль на пацху. Все оказалось до банальности просто. Крыши над ней не было, а над стеной торчало, напоминающее почерневшую от времени стропилину, жерло орудия.

– Вижу! Вижу! – обрадовался он.

– Надо искать другие! – подвел итог наблюдений Кавказ.

После этого первого успеха Окан и Ибрагим принялись тщательно просматривать каждый дом и каждую пацху. Их старания не пропали даром, отыскались еще три орудия и два, зарытых по башню танка, Кавказ нанес их на планшет, после этого они сосредоточили внимание на подходах к позициям артиллеристов. Через час для них не составляли никакого секрета места расположения постов. Теперь им оставалось ждать, когда насупи самый надежный союзник разведчиков – ночь.

С наступлением сумерек Кавказ распорядился всем, кроме часового, лечь отдыхать. Ибрагим снова забрался в сено, но так и не смог уснуть, волнение и тревога изнутри точили его. Конец им положила команда Кавказа:

«Ребята подъем! Пришло наше время!»

Было далеко за полночь, и разведчики, где перебежками, а где ползком начали подбираться к батарее. Каждый имел свою цель, до которой оставались считанные метры и минуты. Ибрагим не замечал боли в обцарапанных руках и старался не отстать от Кавказа. Широкая спина друга, как щит надежно прикрывала его. Неожиданно она провалилась вниз, он тоже приник к земле, потом приподнял голову и осмотрелся по сторонам. Перед ними возникали хорошо знакомые за долгие часы дневных наблюдений очертания позиции батареи.

– Окан, Масик, снять часовых! – тихо произнес Кавказ

Бестелесные тени разведчиков исчезли в развалинах. Кавказ, Ибрагим и Ахра замерли и ловили каждый шорох и каждый звук, но напряженный слух ничего кроме унылого посвиста ветра в разрушенных печных и водопроводных трубах не улавливал. В эти последние секунды до встречи с настоящим врагом время для Ибрагима, словно, остановило свой бег. Сердце бешено молотило, будто, кузнечный молот, а в груди ледящим холодом разлилась пустота. Наконец раздался долгожданный крик «филина».

Кавказ поднялся из укрытия и напомнил:

– Взрывчатку под замки!

Вслед за ним разведчики поднялись на ноги и короткими перебежками стали подкрадываться к орудиям. Ибрагим старался не отстать от Кавказа. Теперь все страхи остались позади и он жил только одной мыслью, поскорее добраться до орудия и взорвать. Впереди, на фоне звездного ночного неба, прорезался мрачный силуэт пацхи, и тут, со стороны, где должен был действовать Окан, тишину ночи вспорола автоматная очередь. В ответ громыхнул разрыв гранаты, справа, из кустов со змеиным шипением взвилась ракета, и окрестности залил блеклый свет.

Кавказ шарахнулся под защиту пацхи. Ибрагима как парализовало, он не слышал ни грохота автоматной очереди, ни его крика, побелевший от напряжения палец вместо курка давил на спусковую скобу. Пули «гвардейцев» крошили над головой кирпичную кладку, едкая пыль ела глаза.

– Ложись! Ложись! – надрывался Кавказ.

Но Ибрагим ничего не слышал и как замороженный смотрел на показавшихся из кустов «гвардейцев». Кавказ, выпустив в них автоматную очередь, взвился над

землей и в прыжке сбил его на землю. Через мгновение в том месте, где он стоял, пули взрыли землю.

– Уходим! Уходим! – перекрывая шум перестрелки, кричал Кавказ и, схватив Ибрагима за руку, потащил в сад.

Они бежали, пока хватило сил, и перевели дыхание только у сторожки. В ней уже находились Ахра с Масиком, последним к ним присоединился Окан. Его одного зацепило в перестрелке, пуля навывлет прошла через мышцу левой руки, но к счастью не задела кость. Перевязку пришлось делать на ходу, гвардейцы быстро пришли в себя и спешили отрезать группе путь отхода к Гумисте.

По нижней дороге пронесся БТР, а на ближнем склоне послышался грохот камней, и зазвучали отрывистые команды. Это автоматчики разворачивались в цепь, стремясь замкнуть кольцо окружения. Кавказ недолго думал и принял решение, прорываться не к линии фронта, а уходить в глубь гор, за Сухум. Его расчет оправдался, шум погони все дальше отдалялся на запад, к линии фронта, и вскоре стих совсем.

Опасность миновала, разведчики сбавили шаг и принялись искать подходящее укрытие, чтобы отсидеться днем. Глазастый Ахра первым разглядел в предрасветном полумраке разлом в скале. Но прежде чем разбить лагерь Кавказ с Масиком поменяли перевязку на ране Окана, старая плохо держалась и рукав куртки набух от крови. Потом, перекусив, они, по очереди несли службу и набираясь сил для нового перехода.

День начался спокойно, гвардейцы никак себя не проявили, а появившиеся над ущельем вражеские «вертушки» явно прилетали не по их души. Прозвучавшие спустя время разрывы ракет вблизи фронта у Гумисты, подтвердили это предположение. Погоня безнадежно потеряла след, и они теперь могли спокойно коротать время, дожидаясь наступления темноты.

Стрелки часов медленно тащились по циферблату. Уставшее за день солнце, зацепилось за мохнатую макушку горы и по дну ущелья заскользили зубастые тени. Стылым холодом потянуло от ледников, а над ручьями за клубился туман. Разведчики оживились и все чаще бросали нетерпеливые взгляды на Кавказа. Тот тянул до последнего, и только когда серая мгла опустилась в долину, распорядился покинуть укрытие.

Ахра привычно занял место впереди, вслед за ним выстроились в цепочку остальные и скорым шагом двинулись на запад. С короткими остановками шли всю ночь, рассвет застал их на вражеской территории и Кавказ, не желая рисковать, собрался разбить новый лагерь, но Ахра убедил, продолжить марш и они прибавили шаг.

Близость к своим придала дополнительные силы и оставшийся километр разведчики пробежали на одном дыхании. Первым шум большой воды уловил Масик, затем его отчетливо слышали остальные. Нарастающий рев Гумисты звучал самой приятной музыкой и, уже не обращая внимания на опасность, они стремительным рывком форсировали реку и без сил свалились на землю.

Отдышавшись, Кавказ попытался связаться по рации с базой, но сигнал оказался настолько слаб, что надежды быть услышанным не было никакой, и он ре-

шил добираться своим ходом. Путь домой оказался намного короче и быстрее, уже к полудню усталые разведчики вышли на окраину Нового Афона. Там подвернулась попутная машина, через полчаса они были на базе, и сразу попали в объятия друзей. Окана, едва державшегося на ногах от потери крови, пересадили в «санитарку» и отправили в госпиталь. И когда машина с ним скрылась за поворотом, усталость и напряжение последних дней дали о себе знать.

Пот, грязь, кровь и пережитое, как стальной панцирь давили на Ибрагима. Не сговариваясь, он вместе с Кавказом отправились купаться на море. Бодрящая апрельская вода как рукой сняла усталость и пробудила волчий аппетит. По возвращению в лагерь, в крохотной столовой их ожидал по-настоящему «царский» обед. Хохотушка Амра не поскупилась и выложила на стол свои лучшие припасы. Ибрагиму, казалось, что в своей жизни ничего более вкусного, чем обжигаящий губы хачапур-лодочка, с плавающим в настоящем масле здоровенным желтком куриного яйца, он еще не ел.

После сытного обеда его быстро разморило и, засыпая на ходу, он прошел в соседнюю комнату, рухнул как убитый на кровать и проспал остаток дня и всю ночь. Бодрый голос и скрип ступенек поднял его на ноги. В дверях стоял Кавказ, наглаженный и затянутый в ремни, он лучился энергией и уверенностью в завтрашнем дне. Они невольно передались Ибрагиму. Теперь ему все было в охотку – едкие шутки за ужином новых друзей и горький перец, подсыпанный Масиком в солянку.

Покидал он базу спецназа с тихой грустью. Война, обжигающее дыхание которой опалило его там за Гумистой, с пронзительной остротой отрыла ему цену жизни и дружбы. УАЗ потряхивало на ухабах дороги, но он не замечал ушибов и мыслями продолжал оставаться рядом с Оканом, Масиком и Ахрой, ставших для него больше, чем просто товарищами. Кавказ тоже был немногословен и мало говорил о прошедшей операции. Но его короткие реплики говорили Ибрагиму о том, что прошедший «экзамен» сдан успешно и вопрос о службе в охране Председателя Владислава Ардзинба был делом решенным. Но когда впереди показались пригороды Гудауты, он снова ощутил волнение. И чем меньше оставалось до штаба, тем сильнее начинало молотить сердце. Новая встреча с Владиславом Ардзинба занимала все его мысли.

Машина въехала во двор Государственного Комитета обороны и он, сгорая от нетерпения, первым выскочил из нее. Сегодня здесь было непривычно тихо, лишь небольшая группа бойцов о чем-то оживленно переговаривалась у входа. Кавказ, поздоровавшись с двумя бородачами, дружески кивнул часовому и поднялся на крыльцо. Вслед за ним Ибрагим шагнул на ступеньку, но ствол автомата перекрыл дорогу.

– Зурик, он со мной! – распорядился Кавказ, и часовой отступил в сторону.

Ибрагим, стараясь не отстать от друга, с любопытством смотрел по сторонам и приглядывался к своему будущему месту службы. Перед лестницей их перехватил крепкий, невысокого роста, лет двадцати двух–двадцати пяти боец. Из-под шапки густых и кудрявых волос на Ибрагима задорно поблескивали черные как

маслины глаза.

– Привет, Кавказ! – живо приветствовал он.

– Здравствуй, Лаврик. Как дела? – скорее из вежливости, чем из любопытства спросил тот.

– Тихо тихо.

– Правильно. Поспешишь, людей насмешишь.

– Слышал, были на операции? – допытывался Лаврик.

– Было дело, – уклончиво ответил Кавказ.

– И как?

– Все вернулись!

– Слава богу! – бодро произнес Лаврик и, бросив на Ибрагима быстрый взгляд, поинтересовался:

– Новое пополнение?

– Да, в охрану.

– О, такие нам нужны! – остался он доволен внушительным видом нового бойца.

Кавказ посмотрел на часы и заторопился:

– Извини, Лаврик, мне срочно к Владиславу Григорьевичу.

– Конечно, конечно! – и тот отступил в сторону.

– Слушай, будь другом, пока я буду у него, познакомь Ибо с Емельянычем и личниками, – уже на ходу бросил Кавказ..

– Никаких проблем, – заверил Лаврик.

Они остались одни, Ибрагим не удержался и полюбопытствовал:

– А кто такие личники?

От удивления брови у Лаврика поползли вверх, и после выразительной паузы он снисходительно ответил:

– Самые крутые ребята!

– И что они делают?

– Охраняют Владислава Григорьевича.

– Здорово! Значит, я тоже буду личником! – с гордостью произнес Ибрагим.

– Ты?! – и тут лукавое лицо Лаврика затвердело.

Он посмотрел на самоуверенного новобранца так, будто увидел впервые, в его глазах вспыхнул и погас задорный огонек и строго спросил:

– Ты все зачеты сдал?

– Зачеты?! ...Какие еще зачеты? – растерялся Ибрагим и неуверенно ответил:

– Да, стрелял, разные там приемы учил, а сегодня вернулся с операции...

– Операция это конечно не стрельба по перепелам, но она в зачет не идет! – перебил Лаврик.

– Как так?! Кавказ сказал, что после нее меня точно возьмут, – потеряно произнес Ибрагим.

– Кавказ, конечно супер, но зачет есть зачет!

– И что без него, никак?

– Да ты что?! Самого Председателя собрался охранять, а хочешь на халяву про-

скочить! – лицо Лаврика стало еще мрачнее, но через секунду оно приняло заговорщеское выражение и он заявил:

– Ладно, так и быть из уважения к Кавказу помогу.

– Правда?!... А что для этого надо? – оживился Ибрагим.

– Ничего! Тебе просто крупно повезло, Емельяныча нет на месте.

– И что?

– А ты что про него ничего не слышал? – глаза у Лаврика округлились и, понизив голос, он сказал:

– Настоящий зверюга! Таких крутых парней заваливал!

– Так, что же мне делать? – снова сник Ибрагим.

– Сдавать зачет Джону!

– ...Американцу?!

– Он такой же американец как я китаец! Настоящий абхаз! Жди здесь, я с ним переговорю и думаю все решим, – решительно заявил Лаврик и, крутнувшись волчком, исчез за обитой железом дверью.

Ибрагим нервно сглотнул, бросил тоскливый взгляд на лестницу, но Кавказ не появился и принялся крупными шагами измерять коридор. Прошла минута, за ней другая, показавшиеся ему вечностью, когда, наконец, дверь распахнулась, и в полумраке белым пятном возникло озабоченное лицо Лаврика. Он энергично махнул рукой и пригласил:

– Заходи!

Собравшись с духом, Ибрагим шагнул в комнату, будто в ледяную воду. В ней находилось четверо. Трое, увешанные оружием, сидели на ободранном диване у стены, а четвертый настоящий громила, на груди которого с трудом сходилась бронезилет, как рождественская елка был усыпан гранатами. За его спиной, на стуле болтались «подствольник» и ручной пулемет. Под свирепым взглядом «громилы», растерявшийся Ибрагим не знал куда деваться.

– Джон, это Ибрагим – доброволец из Турции, – представил его Лаврик.

– Из Турции говоришь? – сурово переспросил тот и тяжелым взглядом прошелся с головы до ног по новобранцу.

– Из Стамбула, – уточнил Ибрагим.

– Стамбула, говоришь? – с разочарованием произнес «громила» и переглянулся с телохранителями. Их физиономии стали такими кислыми, будто им вместо чачи пришлось выпить уксус.

– Я ... Я спортом занимался! В тире стрелял и... потом, вчера ходил на операцию.

– Значит, приехал драться за Абхазию?

– Да! Да!

– И хочешь в охрану к Владиславу Григорьевичу?

– Если конечно можно... Я не подведу! – поспешил заверить Ибрагим.

– Джон, хватит! Чего тянуть резину! Он что соловей, чтобы слушать? Пора проверять и по полной программе! – потерял терпение усатый с короткой стрижкой под ежик телохранитель.

– Как скажите, можно и по полной. Только смотрите, чтобы после нее не задо-

хнулись! – с кривой ухмылкой ответил тот.

А дальше произошло то, что в первую секунду парализовало Ибрагима. Правая рука Джона сорвала с ремня гранату, левая выдернула чеку и через мгновение она оказалась на ладони остолбеневшего новобранца. Телохранители шарахнулись к стенам, и в его ушах печальным эхом прозвучало:

«Сейчас посмотрим, какой ты телохранитель и абхаз!»

В следующую секунду Ибрагим сам, того не ожидая от себя, совершил молниеносный бросок вперед, и граната провалилась за «броник» шутника. Джон, а вместе с ним остальные телохранители онемели от такой прыти новичка, а спустя секунду громовой хохот потряс стены дежурки. Оконфузившийся Джон с трудом выгреб лапищей из запазухи гранату, уважительно посмотрел на Ибрагима, дружески похлопал по плечу и сказал:

– Молодец, такие нам подходят! Настоящий абхаз!

– Какой он настоящий посмотрим, когда дадим одну гранату и пустим против грузинского танка, – язвительно заметил рыжий со щеголеватой бородкой телохранитель.

– А тебе, как только танк нужен или водила тоже? – нашелся осмелевший Ибрагим.

– Лучше сразу с «Шевой».

– «Шевой»?... А это кто?

– Есть такой пес поганый – Шеварднадзе!

«Сволочь!»

«Гад!»– принялись дружно склонять его телохранители.

– Ну, ничего рано или поздно и до него доберемся! – с ожесточением произнес рыжебородый и, подав руку, представился:

– Гембер.

Ибрагим ответил порывистым рукопожатием. Гембер широко улыбнулся, затем обернулся к Джону, его лицо внезапно сморщилось, а губы брезгливо искривились, и с иронией спросил:

– Джон, я что–то не понял, так кому же штаны менять надо?

И снова дружный смех сотряс стены дежурки, а когда стих все вместе они взялись накрывать на стол. Невесть откуда появились лук, петрушка, засохшая, словно деревяшка колбаса. Позже, когда подошел Кавказ, подоспели дымящаяся мамалыга и трехлитровая бутылка, в которой плескалась обжигаящая горло чача, добытые неугомонным Лавриком. Второй раз в своей жизни Ибрагим пил, но крепкий градус не брал. Голова кружилась, но не от выпитого, он был пьян от счастья что, стал своим в этом лихом и беспшашном воинском братстве!

Глава 4

После изнурительного перехода по горным тропам, размытым весенними паводками, отряд Коса Авидзба пробрался незамеченным в тыл лагеря военной экспедиции полковника Коньяра. Теперь их разделяла лишь одна неприступная горная гряда, и здесь опять на помощь пришел абрек Абзагу Гумба. Только по одному ему известным приметам нашел среди каменных разломов вход в пещеру и, соорудив факел из коры березы, решительно шагнул в пахнувший сыростью мрак подземелья. Вслед за ним, выстроившись в цепочку, двинулись остальные. Идти пришлось недолго, впереди светлым пятном замаячил выход, они ускорили шаг, и вышли на склон, густо поросший молодым ельником.

Коса остался доволен местом лагеря Коньяра, лежал перед ним как на лодони и объявил привал. Воины, накормив лошадей, спрятали их подальше от чужого глаза перед входом в пещеру и сами легли спать. На ногах остались лишь часовые и Коса Авидзба. С пятью разведчиками, прихватив с собой пистолеты и ружья, он отправился на разведку. Выбравшись из пещеры, они, где короткими перебежками, а где ползком стали подбиться к лагерю. За версту до него Зафас Гума первым заметил дозор и Коса распорядился залечь. Играть с казаками, выросшими среди гор и чувствовавших среди них, как у себя дом, было рискованным занятием. Прячась за скалами, разведчики принялись вести наблюдение за лагерем, пытаясь найти слабые места в обороне.

Коньяр остался верен себе, успех недавнего боя не вскружил ему головы, и действовал по всем правилам военной науки. За сутки, прошедшие после боя, солдаты обнесли лагерь трехметровой стеной из деревянного частокола, а по углам укрепили сторожевыми вышками. Артиллерийскую батарею опытные канониры расположили на двух холмах, с которых простреливались все подступы и единственная дорога, ведущая к селению Псху. Во всем, что сейчас наблюдали перед собой Коса и разведчики, чувствовалась основательность и тонкий расчет. «Армейские аристократы» – артиллеристы и те, чтобы не попасть под огонь снайперов, не поленились отрыть для орудий капониры в полный профиль. Предусмотрительный Коньяр не дал свободы даже казакам и посадил их на короткий поводок, а горные тропы дополнительно перекрыл «секретами». Глазастые Талах Маршания и Камшыш Джелкан насчитали их целых шесть.

- Шакалы! Ощетинились и не подобраться! – с ожесточением произнес Талах.
- А если сесть на хвост разъезду и за ним прорваться в лагерь? – предложил

Камшыш

- Легко сказать! А как? – усомнился Кясоу Отырба.
- Вон за тем лесочком спрятаться, а потом рвануть к воротам.
- Толку не будет. Батарея как кость в голе! Заметят и одним залпом накроют! – отменил это предложение Зафас Гума.
- Остается, бить на марше, – заключил Кясоу.
- На марше?!... А как? – вопрос Камшыша повис в воздухе
- Братцы! Смотрите, они зашевелились! – всполошился Талах.

И снова внимание Коса и разведчиков сосредоточилось на лагере. Монотонное течение его жизни нарушила оживленная суета в расположении эскадрона есаула Найденова. Сам он, на гарцующем жеребце, в окружении десятка казаков, легким аллюром проскакал по полю. Коса внимательно наблюдал за ними и, судя по тому, что сейчас происходило, догадался – казаки готовились к джигитовке, и чтобы лишний раз убедиться в своем предположении, навел подозрную трубу на центр лагеря.

Перед глазами крупным планом возникла штабная палатка, у входа в нее не было заметно той суматошной беготни вестовых и ординарцев, что предшествует выступлению в поход. Также неспешно протекала жизнь и на позициях артиллерийской батареи. Канониры, раздевшись до пояса, лениво чистили «банниками» стволы орудий. Последние опасения, что Коньяр в ближайшие часы может двинуть свои штурмовые роты на Псху, у Коса рассеялись после того, как он увидел у реки десяток солдат, разделявавших туши коров. Все вместе взятое говорило за то, что у него впереди были еще пол дня и ночь. Он пока не знал, как подступиться к лагерю, но для себя уже решил и объявил:

- Атаку будем готовить в ночь!
- А если Коньяр двинется сейчас? Тогда что? – все еще сомневался Талах.
- За хвост хватать! – мрачно обронил Зафас.
- За какой?! – с ожесточением произнес Кясоу.
- Хватит причитать! – с раздражением оборвал Коса и решительно объявил:
- Все решено! Будем готовить атаку.
- Какую?! Забор головой не прошибешь! – буркнул Камшыш.
- А если и прошибешь, что толку?! Они нас как капусту покрошат! – вторил Талах.

– Надо выманить в поле – предложил Зафас.

– Ночью?... Коньяр не идиот? Он и носа за забор не высунет! – с ходу отменил его предложение Кясоу.

- Значит днем, – вяло стоял на своем Зафас
- Бесплезно, артиллерия от нас одно мокрое место оставит – уныло заключил Камшыш.

– Выходит все напрасно? – и этот горестный возглас Талаха посеял еще большее уныние в душе Коса и его товарищей.

Они, не раздумывая, готовы были заплатить своими смертями за жизни, тех, кого больше всего любили, но оборона лагеря не имела уязвимых мест. Опытные воины они прекрасно понимали, что вряд ли, могут рассчитывать на то, что в бою с почти тысячью хорошо вооруженных солдат, засевших за стенами прочного забора, им удастся оттащить их от ущелья и дать прорваться в долину отряду Гедлача. Бой на открытой местности, под стволами пушек был равносителен самоубийству.

«Коньяр – не голодный пес и не станет бросаться на кость! Тут прав Камшыш, он первым делом пустит в ход артиллерию, а затем двинет кавалерию. Так, где же выход? Где?» – терзался Коса в поисках ответа.

– Чтоб их, шакалов, на куски разорвало!

Яростный возглас Зафаса заставил его встрепенуться. Сам того не подозревая, он дал подсказку. И спеша ее подтвердить, Коса схватил подозрную трубу и навел на лагерь. Перед глазами проплыли: часовые, застывшие на сторожевых вышках, шеренга солдат раз за разом протыкающая штыками соломенные чучела, группа офицеров у входа в штабную палатку. Все это было не то.

«Куда же вы его спрятали? Куда?!...» – пытался Коса найти «ключ» к успеху будущей атаки и снова принял к подозрной трубе.

На этот раз он старался не упустить мелочей, которые бы дали подсказку, и внимательно осматривал каждый клочок местности вблизи артиллерийской батареи. И его настойчивость была вознаграждена. Солдат застывший, как свечка под кустом орешника и утоптанная дорожка, обрывавшаяся у зарослей терновника, заставили учащенно забиться сердце. Он нашел то, что искал, и чтобы проверить догадку сунул подозрную трубу Абзагу Гумба, ткнул пальцем правее последнего капонира и предложил:

– Посмотри! Если не ошибаюсь, там пороховой погреб.

– Точно! – подтвердил он, через мгновение его лицо просветлело, и воскликнул:

– Коса, ты гений! Теперь они наши!

Это был тот единственный шанс, позволявший не только взломать неприступную оборону лагеря, а и надолго вывести из строя войска Коньяра. Абзагу снова принял к подозрной трубе и вскоре помимо основного порохового погреба обнаружил еще один, расположенный у самого крепостного забора. Удача, наконец, сама шла им в руки.

«О чем вы?»

«Чего там увидели?»

«Дайте посмотреть?» – теребили их вопросами и рвали из рук подозрную трубу Камшыш с Зафасом.

– Ну, ты и голова, Коса! Если удачно рванет, то батарею и пол – лагеря снесет! – не мог сдержать восхищения Абзагу.

– Половину не половину, но дорогу точно себе проложим, – скромничал тот.

– Предлагаете рвануть пороховой погреб? – сообразил Камшыш.

– Теперь мы им покажем! – оживился Зафас.

Перебивая друг друга, они дополняли деталями план предстоящей ночной атаки на лагерь Коньяра.

- А если еще лошадей угнать?! – пошел дальше Талах.
- Запросто! Охрана там хила, – поддержал его Кясоу.
- Стреножим казаков, а с пехотой как ни будь справимся! – согласился с ними Камшыш и довольно потер руками.
- Про артиллерию не забывайте, – напомнил Кясоу.
- Это если от нее что – то останется! – отмахнулся Талах.
- Рано радуемся! К погребам и лошадям еще надо подобраться, – пытался остудить пыл Коса.
- Подберемся! – не терял уверенности Камшыш.
- Еще бы Коньяра на кинжал взять и тогда ... – раз мечтался Зафас.
- Заодно офицерье подрезать и потом с этим стадом делай, что хочешь! – присоединился к нему Камшыш.

Коса слушал, не перебивал и на невидимых весах взвешивал все предложения. К приходу Апсара с новой сменой разведчиков план ночной атаки на лагерь Коньяра был уже готов. С полуслова он оценил его преимущества и безоговорочно принял. Теперь им оставалось только одно – молить Всевышнего о том, чтобы эту ночь русские провели в лагере. Судя по тому, что происходило в долине, они не собирались в ближайшие часы идти походом на Псху. Коньяр, видимо, полагал, что ему удалось надежно запереть горцев в ловушке, и не спешил, сломя голову нестись вглубь гор, а по всем правилам военного искусства готовился к решающему штурму. Он дожидался возвращения лазутчиков, посланных под Псху, и потому отложил выступление еще на сутки.

Для Апсара, Коса и остальных семидесяти восьми воинов, в руках которых находилась судьба тысячи двухсот женщин, стариков и детей, начался свой отсчет времени. Оставив Кясоу и Камшыша наблюдать за перемещениями в лагере, они возвратились к пещере и занялись подготовкой к ночной атаке. Коньяр ничего не подозревал о близости противника и, убаюканный донесениями лазутчиков, ослабил «вожжи службы». В передовых секретах не особенно заботились о маскировке, на солнце то и дело поблескивали линзы биноклей и подзорных труб. Казачьи разъезды, не таясь, патрулировали единственную дорогу, ведущую в Псху и горные тропы. На дальнем выпасе, под присмотром всего нескольких сторожей пасся табун лошадей. Все вместе взятое убеждало Коса в том, что в голове Коньяр, видимо, даже не возникало и мысли о присутствии под боком отряда горцев.

Прошел час, за ним другой, ничто не нарушило размерной жизни в лагере и это укрепляло уверенность Коса в успехе задуманного. Он торопил приход ночи. Наконец, солнце нехотя скатилось к горизонту, длинные зубастые тени гор заскользили по долине, а из ущелий косматыми языками потянулся туман. Подошло время ужина и в лагере стало заметно оживленнее. К котлам с наваристой кашей, выстроились очереди солдат, а под навесом, за походным столом собрались офицеры. Продолжался он недолго, и с наступлением солдаты и офицеры отправились спать.

Пришло время действий для Коса и его воинов. Часы отсчитывали последние минуты их и жизни русских солдат. Но ни он сам, ни другие воины не испытывали страха смерти. Они переступили через него еще в Псху, и готовились встретить ее

так, как подобает настоящему воину. Булатная сталь клинков печально повизгивала под точилами. Сухо лязгали затворы ружей и пистолетов. Новые, глубокие зарубки покрывали древко пики, чтобы в решающий момент рук не соскользнули с него. Их верные и испытанные боевые соратники – кони тоже чувствовали приближение боя, яростно грызли мундштуки и нетерпеливо перебирали ногами.

Коса последний раз прошелся точилом по лезвию кинжала, оно холодно блеснуло в тусклом лунном свете, и, вложив в ножны, отправился обходить воинов. Как и он, они жили предстоящей схваткой. Кясоу, примеряясь к будущему врагу, со свистом рассекал саблей воздух. Камшыш в стремительном выпаде раз за разом выбрасывал вперед руку с пикой и вышибал из седла казака. Зафас с двумя кинжалами в руках с невероятной скоростью раскручивал «вертушку» и врубался в ряды пехота. Спустившись ниже, Коса невольно замедлил шаг и подошел к племяннику. Тот приподнялся.

– Сиди, сиди, Аслан! – положил он руку ему на плечо и присел рядом.

Через месяц Аслану исполнилось бы только семнадцать, но на войне быстро взрослеют, за его спиной был уже не один бой. Сын Арсола он во всем походил на отца, но ему не хватало его опыта и выдержки. Дерзкий и стремительный Аслан был хорош в лихой атаке, однако в вязком бою это и жажда мести являлись только помехой. Коса мягко опустил руку на его плечо и спросил:

– О чем думаешь?

– Об одном. Отомстить за отца! – с ожесточением ответил он.

– Мой брат и твой отец был достойным человеком и настоящим воином, – печально произнес Коса.

Плечо Аслана дрогнуло и с губ сорвалось:

– Проклятые гяуры! Они дорого за него заплатят.

– Месть дело святое, но ты молод и должен думать о жизни.

– Какой?! ...Вчера они забрали отца, сегодня землю и что остается?!... – у Аслана больше не нашлось слов, ярость и гнев душили его.

– Остаются дети и вера, – напомнил Коса.

– Дети?! ... У меня?

– Да, у тебя.

– Но оттуда не возвращаются?!

– Возвращаются, если не умерла вера.

– Вера?! ... Во что?

– В то, что мы вернемся домой.

– Домой?!

– Да! И потому, ты должен жить!

– Я?! ...А разве мы не пришли умирать?

– Не ищи смерти, Аслан! Придет время она сама тебя найдет. Думай о жизни! – обронил Арсол и, пожав руку, продолжил обход воинов.

Они также как и Аслан были там, среди крови и смерти. А она уже готовила поле для своей страшной жатвы. Луна спряталась за облака, внизу плотная пелена тумана укутала лагерь, а Коса все медлил с командой и ждал, когда крепкий сон притупит бдительность часовых, а еще больше сигнала от Гедлача Авидзба. Его

отряд вот– вот должен был появиться у переправы через Гумисту, но восточный склон горы безмолвствовал.

Прошло около часа, когда, наконец, глазастый Кясоу заметил слабую вспышку и это не был обман зрения, с коротким перерывом она повторилась трижды. Гедлач дал о себе знать и отряд Коса пришел в движение. Первыми к лагерю двинулись девять воинов, их вел Апсар. Им предстояло уничтожить пороховые погреба. Сразу за ними тронулась вторая группа. В нее Талах Маршания отобрал лучших угонщиков, ухитрившихся уводить лошадей даже из – под носа кавказской овчарки.

Они беззвучно растворились в темноте, а для Коса и остальных воинов потянулись минуты томительного ожидания. Напряжение нарастало, нетерпеливые начали поторапливать с выступлением, но он оставался непреклонен и, когда по его расчетам, группы Апсара и Талаха должны были подобраться к своим целям, взял по уздцы коня и первым шагнул к лошине.

Серыми призраками горцы подкрадывались к лагерю. Поднявшийся ветер шелестел прошлогодними листьями и скрадывал неосторожные шаги. Лошади, будто понимали своих хозяев, и не один камень не скатился из – под копыт, предусмотрительно обернутых шкурами. Саженой за четыреста до лагеря Коса распорядился укрыться в густом орешнике. Воины и послушные руке хозяина лошади распластались на земле, готовые в любую секунду взорваться в бешеном галопе и обрушиться на неприятеля.

Теперь все зависело от удачливости Апсара и его воинов. Они никем незамеченные подобрались к забору, залегли в десяти сажнях от сторожевой вышки и стали прислушиваться к тому, что происходило в лагере. В нем царил покой, изредка нарушаемый переключкой часовых, в которой чуткое ухо Апсара не уловило опасности. Тот, что стоял над ними на вышке, борясь со сном, то приседал на корточки, то подтягивался на стропиле, и эта возня им была только на руку.

– Кясоу, Камшыш, пришло ваше время! – тихо произнес Апсар.

– Его тоже, – процедил Камшыш и подался вперед.

– Подожди, Кам, если, что...

– Я ему как барану башку сверну! – отрезал тот.

– Не первый раз. Мы его снимем, Апсар! – заверил Кясоу и вслед за Камшышем растворился в темноте.

Одним стремительным броском они перебрались к забору и затаились. Их перемещение осталось незамеченным, часовой продолжал упражняться и скрип досок под ногами, скрадывал остальные звуки. Камшыш не стал больше ждать, поднялся с земли и распрямился во весь рост. Кясоу кошкой вскарабкался ему на плечи и, перемахнув забор, замер у сторожевой вышки.

Прошла секунда, другая, сверху, по–прежнему, доносилось сопение и треск досок, ходивших ходуном под ногами часового. Кясоу перевел дыхание и шагнул на ступеньку. Она предательски скрипнула, но на вышке не обратили внимания, и он, припадая на каждом шаге, все ближе подбирался к нему. Пальцы коснулись деревянного настила смотровой площадки и перед глазами серыми колодками– тумбами возникли сапоги. В носшибанул прогорклый запах дегтя и рука Кясоу легла

на рукоять кинжала. В следующее мгновение он взвился в воздух и обрушился на плечи часового. Левая рука зажала раскрывшийся во вскрике рот, а правая в коротком замахе взметнула кинжал. Холодная сталь рассекла горло и обмякшее тело кулем рухнуло на помост. Путь в лагерь был открыт и Кясоу дал сигнал.

На плач «сыча» отозвался Апсар и вслед за Камшышем перебрался через забор. Через минуту уже все разведчики собрались под сторожевой вышкой. Такой быстрый и легкий успех кружил головы, и радостный шелест голосов вкрался в ночную тишину.

– Тихо! – цикнул Апсар и спросил:

– Ты как, Кясоу?

– Нормально! – коротко ответил тот.

– Хорошо! Я, Кам и Зафас займемся погребам, а ты бери остальных и к Коньяру!

– Может еще, кого – то себе возьмешь? – предложил Кясоу.

– Хвати! Справимся! – отказался Апсар и уже вслед предупредил:

– Только тихо, не вспугните!

– Мы как мыши, никто не услышит, – заверил Кясоу и, распластавшись на земле, исчез в темноте.

Вместе с ним еще шесть воинов, прячась от часовых за палатками и возами, шаг за шагом приближались к центру лагеря. За время дневных наблюдений Кясоу изучил его как свои пять пальцев и, ни разу не сбившись, вышел прямо к тарантасу, в котором Коньяр, перевозил свой походный скарб. Забравшись под него, они дождались, когда луна вышла из – за туч и осмотрелись по сторонам. Единственный часовой, описывавший круги вокруг штабных палаток, не был серьезной помехой и Кясоу ждал только одного – сигнала от Апсара – взрыва пороховых погребов.

У него возникли проблемы. К погребам оказалось не так – то просто подобраться. На ночь их охраняли спаренные часовые. Редкий кустарник у патрульной тропы служил слабым прикрытием, а высокая прошлогодняя трава была лишь помехой. Каждое неосторожное движение в ней отзывалось треском и настораживало часовых. До них оставалось не больше десяти саженей, но Апсар с Камшишем и Зафасом вынуждены были залечь. Время шло, приближалась смена часовых, а они ничего не могли поделать.

– Может рискнем, Апсар? – потерял терпение Камшиш.

– Шум поднимется, – отказался он.

– Я успею ему заткнуть рот.

– А если... Нет, не пойдет. Давай к основному глядишь там получиться, а мы тут с Зафасом как ни будь справимся – решил Апсар.

– Как скажешь, – не стал больше спорить Камшиш и отползли к скале.

Зафас выждал, и когда стихли шорохи, ящерицей заскользил ко второму часовому, маячившему перед входом в пороховой погреб Апсар оставшись один, так и не дождался, когда первый изменит свой маршрут, и решил действовать. Старый трюк сработал, шум от брошенного камня привлек его внимание. Шорох травы становился все ближе, Апсар вытащил кинжал из ножен и приготовился к прыж-

ку. Часовой появился неожиданно и в блеклом лунном свете выглядел чуть ли не великаном. Разжавшись, как пружина, Апсар взвился над землей и обрушился на него. Лезвие легко, вошло в обмякшее тело, и они оба рухнуло на землю.

Несколькими мгновениями раньше с другим часовым покончил Зафас и путь резервному пороховому погребу теперь был открыт. Оставив его готовить к подрыву, Апсар отправился на помощь Камшишу. Здесь им повезло больше, первого, придремавшего на посту часового, они сняли без помех, а со вторым пришлось повозиться. Кинжал Камшиша зацепил ствол ружья и лишь поранил ему руку. Сдавленный крик нарушил ночную тишину и тут же оборвался, после второго удара Апсара голова часового слетела с плеч, будто кочан капусты.

С охраной было покончено, к этому времени Зафас подготовил к взрыву резервный пороховой погреб и ждал команды Апсара. Тот, взломав дверь, за которой хранились сотни пудов зарядов, швырнул один конец запального шнура Камшишу, а сам нырнул в темный зев хранилища. Штабеля деревянных ящиков с порохами занимали все свободное пространство, он сорвал кинжалом крышку с первого, попавшегося под руку, и воткнул в него конец запального шнура и выбравшись из погреба, он ходу бросил:

– Все, Камшиш, они наши! Запаливай и к Зафасу!

Тот поджег запальный шнур и вслед за ним, где ползком, а где короткими перебежками возвратился к резервному пороховому погребу и скатился в яму, где их ждал Зафас.

– У тебя готово? – спросил Апсар.

– Да, – ответил он.

– Поджигай!

И через мгновение еле заметный в траве, сердито шипящий огонек устремился к пороховому погребу, резво перепрыгнув земляной валик перед входом, последний раз ярко пыхнул и нырнул вниз. Апсар, Камшиш и Зафас прикрыли головы руками и сжались в комок. Один за другим два мощных взрыва, сотрясли горы и долину. Чудовищная взрывная волна, словно спички смела восточную часть крепостной стены вместе со сторожевой вышкой и, увлекая за собой груды камней, обрушилась на палатки со спящими солдатами и офицерами.

Не успели затихнуть раскаты взрыва и осесть пыль, как Кясоу, а с ним еще семь воинов, выхватив сабли и кинжалы, ринулись вырезать офицеров. Сам он, перемахнув через повозку, первым оказался у палатки Коньяра, саблей располосовал полוג и ворвался внутрь. Слабый свет оплывшей свечи выхватил из полумрака, метнувшуюся навстречу серую тень. Подчиняясь инстинкту, Кясоу совершил нырок влево. Перед глазами тускло блеснуло лезвие штыка, холодная сталь обожгла плечо, а в следующее мгновение рука вонзила кинжал в живот, навалившегося на него тела. Сбросив его на землю, он ринулся к ширме, сорвал ее и оказался перед пустой постелью. Кто был тот нападавший – Коньяр или ординарец уже некогда было разбираться. Из соседней – офицерской палатки доносились яростные крики, стоны, и он бросился на помощь. К его появлению там было все кончено. Потеряв двоих убитыми, Кясоу с оставшимися воинами двинулся навстречу к основным силам.

Полыхавшее над лагерем зарево, на фоне суровой панорамы гор придавало развалинам устрашающий вид. Восточная его часть была стера с лица земли, а на месте пороховых погребов зияли гигантские провалы. Выжившие после взрывов и, растерявшиеся без офицеров, солдаты превратились в неуправляемую толпу, суматошно мечущуюся среди пожарищ, и стали легкой добычей для отряда Коса. Ворвавшись через провал в крепостной стене, горцы безжалостно рубили саблями и кололи пиками всех, кто попадался на пути. Не встречая серьезного сопротивления, они сокрушительным ураганом промчались через лагерь, перед западными воротами развернулись и повторили атаку.

К этому времени пришли в себя казаки Найденова. Потеря лошадей, об этом есаулу сказал топот копыт, уносящегося в глубь ущелья табуна, их не деморализовала, сбившись в круг, они ответили ружейным огнем. Коньяр, ускользнувший от кинжала Кясоу, собрал вокруг себя уцелевших от резни офицеров и принялись решительно наводить порядок среди потерявших управление рот. Это ему удалось, новая атака горцы натолкнулась на упорное сопротивление. Потеряв шестерых убитыми, Коса сам раненый в левую руку, перегруппировал силы и, чтобы не дать Коньяру замкнуть оборону обрушился на ее левый фланг.

На этот раз пехотинцы не только устояли, а и сами перешли в контратаку. Выстроив роты полумесяцем, Коньяр старался отрезать пути отхода горцев и теснил к уцелевшей после взрыва западной крепостной стене. А они кинжальными выпадами обрушивались то на один, то на другой фланг и, не жалея своих жизней, терзали противника, чтобы дать возможность отряду Гедлача Авидзба и семьям вырваться из западни.

С каждой новой атакой ряды горцев редели, пространство для маневра сокращалась, пехота и казаки сжимали вокруг них кольцо окружения. Потеряв коня и, расстреляв заряды, Кясоу Отырба, поднятый на штыки, все еще тянулся кинжалом к врагу. Камшыш Джелкан уже ничем не мог помочь старому другу Абзагу Гумба. Тот, оставшись без оружия, с голыми руками кинулся на казацкие шашки. Сам он, прижатый к стене, продолжал отчаянно отбиваться сломанной саблей, пока казацкая пика не пронзила его к ней.

Инициатива в бою полностью перешла к Коньяру и он, не желая понапрасну терять солдат в рукопашной с осатаневшими горцами, выставил перед цепью стрелков телеги с повозками и ружейным огнем методично уничтожал их. Они же не помышляли, как вырваться из окружения, но и, не собирались оставаться живыми мишенями. Пешие, конные с яростными криками: «Смерть гуярам!» «Смерть шакалам!» – ринулись в свою последнюю атаку.

Первая шеренга всадников, послужившая живым щитом, полегла под пулями, но те, кто был за ней, вломились оборону и бросились в сабельную рубку. Лошади, люди все смешалось в один грохочущий выстрелами, взвизгивающий сабельными ударами и отзывающийся предсмертными стонами и нечеловеческими воплями кровавый клубок тел, катившийся по склону горы к реке.

Коса чудом еще держался в седле, левая рука обвисла бессильной плетью, а бежавшая ручьем кровь из раны на голове заливала глаза. Отбивая саблей, удары штыков и казацких пик он рвался есаулу. В эти мгновения для него кроме Най-

денова никого другого не существовало, жгучая ненависть к нему была сильнее боли и давала силы. Их разделяло всего четыре сажени, Коса вонзил шпоры в бока коня, поднял на дыбы и бросил вперед. Но верный Химс, так и не смог их преодолеть. Штык вонзился ему в брюхо и оба – всадник и конь рухнули на землю, а через мгновение две казацкие пики пригвоздила Коса к земле.

С его смертью бой распался на отдельные очаги сопротивления. Ожесточившись после чудовищных потерь, пехотинцы и казаки не собирались брать пленных. О плене не помышляли и сами горцы, и потому дрались с яростью и упорством обреченных. Апсар вместе с Асланом и молочным братом Адгуром, потеряв коней, стали в круг и продолжали рубиться до тех пор, пока их не подняли на штыки. Последние восемь израненных и еле державшихся на ногах горцев были зажаты между сторожевой вышкой и крепостным забором и уже не могли оказать сопротивления. Но Коньяр с Найденовым не пытались остановить остервеневших от вида крови солдат и казаков. Они продолжали рубить, колоть и стрелять в корчившиеся в предсмертной агонии тела.

Прошло несколько минут, и отряд Коса Авидзба перестал существовать, но Коньяру рано было торжествовать победу. Его чуткое ухо уловило в наступившей тишине еле слышный гул, доносившийся из западного ущелья. С каждой секундой он становился все сильнее, и вскоре земля задрожала от топота сотен, несущихся в бешеном галопе лошадей. Горцы под командованием Гедлача Авидзба, с ходу форсировав Гумисту, спешил на выручку тем, кому уже ничем нельзя было помочь.

Эта новая и неожиданная угроза застигла Коньяра врасплох и заставила похолодеть. В тусклом лунном свете ревущая лавина всадников, накатывавшая на лагерь, выглядела устрашающей. Офицеры надрывались, стараясь хоть как-то организовать оборону, но их попытки не смогли остановить стремительного натиска горцев. Они смели передовые цепи, и только упорство казаков Найденова приостановило атаку, тут «коса нашла на камень». Есаул, собрав вокруг себя четыре десятка испытанных бойцов и, построив их клином, все глубже вгрызался в ряды горцев. Коньяр тут же воспользовался моментом и бросил на их левый фланг, то, что осталось от самого боеспособного батальона капитана Румянцева.

Опытный Гедлач, почувствовав грозящую опасность, не стал ввязываться в позиционный бой, в котором численное превосходство не было на его стороне, и дал команду к отходу. Сиплый зов трубы проплыл над долиной и отряд горцев, также неожиданно, как и появились, исчез в густом тумане, клубившемся у реки. Но Коньяр не питал иллюзий в отношении своей победы, так как хорошо знал излюбленную тактику горцев – «наскок – отход». В отсутствии артиллерии и устойчивой линии обороны преимущество было на их стороне и они, в чем он ни на секунду не сомневался, непременно воспользуются этим и постараются измотать его кавалерийскими наскоками.

От ярости Коньяр закричал зубами, так глупо, под закат военной карьеры угодить в мышеловку, которую сам готовил другим, большего позора, чем этот он представить себе не мог. Его, как «зеленого» юнкера, обвели вокруг пальца, и теперь ничего другого не оставалось, как только поскорее унести ноги, чтобы из-

бежать полного разгрома или того хуже угодить в плен. Понимали это и Найденов с Вронским и Румянцевым, но молчали, оставив последнее слово за ним.

Оно давалось Коньяру нелегко, он все еще надеялся переломить ход боя в свою пользу. Но новая волна горцев, накатившая на левый фланг обороны и, смявшая его, еще больше усилила панику. Солдаты больше думали о спасении, чем о сопротивлении, медлить дальше было нельзя. Горцы вновь, как приведения возникли из предрассветного полумрака, с диким гиканьем налетели на правый фланг и, оставив после себя десяток порубленных тел, исчезли во тьме.

– Отходим к восточному ущелью! – выдал из себя Коньяр.

Команду подхватили Вронский с Найденовым и она пошла по цепям. Воспользовавшись короткой передышкой, они вместе с Коньяром, собрав оставшиеся силы в один кулак, стали пробиваться к Сухуму под защиту артиллерийских батарей Розенкранца. Каре из остатков пехотных рот и эскадрона казаков, огрызаясь залпами на атаки горцев, все дальше откатывалось к восточному ущелью. Узкая, сжимающаяся, будто бутылочное горлышко, долина, лишала Гедлача маневра и, не желая понапрасну терять воинов, он применил испытанную тактику – трепать врага с расстояния ружейного выстрела. Летучие группы в десять – пятнадцать всадников одна за другой с разных сторон подсакивали к противнику и, дав залп, уносились обратно. Так продолжалось до тех пор, пока последний солдат Коньяра не скрылся в темном провале ущелья.

Бой закончился, но и потом в разгромленном лагере и у реки продолжали звучать одиночные выстрелы – пленных в этой безжалостной бойне не брали ни те, ни другие. И когда они стихли, то над долиной поплыл, выворачивающий душу и слившийся в один мучительный стон плач женщин и детей. Несчастные матери и безутешные жены бросились искать среди погибших и раненых своих сыновей и мужей.

На село Гума опустилась траурная ночь и оно покрылось одним – черным цветом. Живые поминали павших и когда земля приняла их, на поляне, под гигантским дубом, где не одно столетие проходили народные сходы, собрались все. Предстоял решить, что делать дальше и где искать спасения. Победа над экспедиционным корпусом полковника Коньяра и его отступление к Сухуму означали лишь временную передышку. Это понимали все и здесь ни у кого не возникало сомнения в том, что пройдет время и он вернется, чтобы не оставить от села камня на камне. Они оказались перед неразрешимым выбором – умереть или пробиваться к морю и там искать спасения на дальних берегах. Принять его здесь, у могил близких, среди родных гор, обильно политых собственной и кровью предком было выше человеческих сил. Никто не решался первым произнести слово и ждали, что скажут мудрые старики.....

Спустя столетие, как когда-то Гедлача Авидзба и его земляков, переменчивая военная судьба испытывали Ибрагима и его друзей. В тесной комнатенке комендатуры стало вовсе не повернуться, когда вслед за Кавказом, занявшим половину свободного пространства, в нее с трудом втиснулись Окан с Гумом. Они час назад выписались из госпиталя, о чем, красноречиво говорили их бледные лица. Окан держался бодро, у Гума время от времени левая щека подергивалась от нервного тика, это давала о себе знать перенесенная контузия.

Ибрагим освободил место на кровати и потянулся к чайнику, но Окан отказался от чая. Едва оправившись от ранения, он уже не мог валяться на больничной койке и рвался в бой. Об этом напоминали настойчивые гудки «газончика» за окном.

– Подожди, не рвись! Выпей хоть чаю! – пытался уговорить его Ибрагим.

– Не могу, Ибо! Я и так сел ребятам на хвост, – мялся Окан.

– Какой еще фронт?! Вы хоть на себя посмотрите? На Гума лица нет! Ему не на фронт, а обратно в госпиталь надо, – пытался удержать их Кавказ.

– Я...а не на фронт! – тихо обронил тот.

– И правильно! Поживешь у меня, – поддержал Ибрагим.

Гум страдальчески поморщился и, пряча глаза, с трудом выдавил из себя:

– Я ...я домой.

– В Турцию?!... – опешил Ибрагим.

И в комнате воцарилась тягостное молчание. Для бедняги Гума оно было хуже пытки. Он нервно кусал губы и не мог найти нужных слов.

– Конечно, лучше в Стамбул. Подлечишься и через месяц будешь как огурчик, – первым нашелся Окан.

– Как раз к победе успеешь! – присоединился к нему Кавказ.

– Победе?! – и здесь Гума прорвало:

– Вы думаете, я бегу?! Нет! Я не трус!... я...

Его худенькое тело сотрясали глухие рыдания. Друзья прятали глаза, даже Кавказ, повидавший всякого на своем военном веку, растерялся и не знал, что сказать. Прошла секунда другая и они наперебой принялись его утешать:

«Все нормально, Гум»

«Выбрось это из головы!»

«Какой трус?!»

«Три недели в окопах!»

Но он их не слышал. В нем с новой силой ожили прошлые жуткие видения. Обхватив голову руками, Гум раскачивался из стороны в сторону и как заведенный твердил:

– Мы были рядом!...И потом все!...Все!!...Ничего не осталось! ...Понимаете, ничего!

Кавказ, как ребенка гладил его по голове и тихонько приговаривал:

– Что поделаешь, это война, но и она закончится. Вот увидишь, все будет хорошо. Все будет хорошо.

– Нет! Нет! ...Я не могу! Эта кровь?! Эти ...

Пальцы Гума скребли по груди, так, словно сдирали с себя останки растерзанного взрывом мины ополченца. Кавказ стрельнул взглядом на Ибрагима, Он понял все без слов, метнулся к тумбочке, в которой всегда имелась дежурная бутылка, содрал пробку, налил в кружку водку и протянул Гуму. Он сделал глоток, другой и зашелся в кашле. Кавказ плеснул из чайника воды в стакан, сунул ему в руку и, похлопывая по спине, повторял:

– Пей, пей, сейчас пройдет! Все пройдет.

– А теперь закуси, – предложил Ибрагим лепешку, когда Гум перевел дыхание.

Он отломил кусок откинулся к стене, закрыл глаза и принялся вело жевать. Окан, помявшись, поднялся со стула и, глядя в сторону, невнятно произнес:

– Вы извините, ребята, мне пора.

– Я провожу, – подхватился Ибрагим.

– Не надо! Лучше присмотри за Гумом, – отказался Окан, кивнул на прощание и вышел из комнаты.

– Окан, прости! – крикнул вдогонку Гум и его голова упала на грудь.

– Пожалуй, и я пойду, – стал собираться Кавказ.

– Может, перекусишь, – снова предложил Ибрагим.

– Нет, спасибо. Меня ждут в штабе.

– Кавказ, прости, если можешь? – снова ожил Гум.

– За что?! ... Ты свой долг исполнил. Главное здоровье, – грустно произнес он и на прощание попросил:

– Будешь в Стамбуле, передай нашим привет.

– Я не трус! Я вернусь, Кавказ! Обязательно вернусь! – продолжал твердить Гум и стыдился поднять головы.

С уходом Кавказа в комнате стало и вовсе тоскливо и неудобно. Ибрагим, чувствовал себя не в своей тарелке и не знал с чего начать разговор. За него это сделал Гум, поднялся со стула, на нетвердых ногах прошел в угол, поднял сумку и, обернувшись, еле слышно сказал:

– Пора и мне.

– Может, заночуешь, – скорее из вежливости предложил Ибрагим.

– Нет, надо ехать.

– Своим ходом?

– На попутных доберусь.

– Подожди, я что-то придумаю.

– Оставь, Ибо, у тебя и так дел по горло.

– Жди, я сейчас! – решительно заявил он и отправился в комендатуру, искать свободную машину.

Ему повезло, заместитель начальника охраны Владислава Ардзинба подполковник Владимир Жулев, среди своего брата просто «Емельяныч» встретился по дороге. Немногословный в разговорах и конкретный в делах, десяток лет службы и не где ни будь, а в КГБ говорили сами за себя, он с полуслова понял молодого телохранителя и разрешил не только взять УАЗ, а и проводить друга до границы. Этот жест со стороны «Емельяныча» поднял Гуму настроения. Он был не прочь был сходить в столовую, но время поджимало, в девять граница на Псоу закрывалась и они, не мешкая, тронулись в дорогу. Сорок пять минут пролетели, как миг и растворились в сумбурном разговоре. В нем переплелись детские воспоминания, время учебы в лицее и университете. Не сговариваясь, оба избегали затрагивать тему войны, она и без того на каждом шагу напоминала о себе.

Последняя ее отметина, изрешеченная осколками будка ГАИ, осталась позади и дорогу перегородила черно – белая зебра пограничного шлагбаума. Там, за ним начиналась иная жизнь, в которой не было ни бомбежек, ни артобстрелов, ни крови, ни человеческих страданий. От нее их отделял десяток метров невзрачного

моста, нависшего над обмелевшей рекой. По нему полтора месяца назад они, не чуя под собой ног от радости и счастья, пронеслись на одном дыхании, чтобы, наконец, прикоснуться к земле, о которой мечтали их отцы и деды. Теперь им казалось, что с того дня прошла целая вечность. Война жестоко и безжалостно, не спрашивая разрешения, кроила их жизнь на свой лад. И сегодня она снова вмешалась в судьбу старых друзей, чтобы развести по разные стороны мост, ставшего для одних дорогой в бессмертие, а для других тернистым путем к будущей победе.

Проходила минута за минутой, а они все не решались сказать последнего слова, каждый раз оно камнем застревало в горле. Пограничник бросал на них нетерпеливые взгляды, приближалось время закрытия границы, понимал, что творилось в душах друзей и ждал до последнего. Гум ответил ему благодарным взглядом и, подавшись к Ибрагиму, порывисто обнял и торопливо произнес:

– Я вернусь, Ибо! Я вернусь! Ты веришь?

– Да, да! Все будет хорошо! – сбивчиво отвечал Ибрагим, и в это миг ему казалось, что вместе с Гумом уходило нечто большее, чем просто память о прошлом.

– Ребята, время! – поторопил пограничник.

– Еще минуту, – попросил Ибрагим и, сунув в руки Гума конверт, пояснил:

– Передай моим.

– Конечно, Ибо! – заверил он и шагнул к пограничному переходу.

Сержант поднял шлагбаум, бегло просмотрел паспорт и освободил проход. Гум ступил на мост и тяжело, будто на его ногах висели пудовые гири, двинулся к русскому берегу. Пограничник опустил шлагбаум и он, словно бритва безжалостно отрезал Ибрагима от той мирной жизни, что веселыми огоньками плескалась за рекой и самого Гума. Его зеленая рубашка растворилась в вечернем полумраке, а он, все не мог двинуться с места.

– Отвоевался парень, – с сочувствием произнес пограничник.

– Он еще вернется, – тихо обронил Ибрагим и направился УАЗу.

Рука, будто чужая повернул ключ зажигания, двигатель сердито заурчал и, выпустив клуб сизого дыма, машина скатилась со стоянки на дорогу. Объехав «ежи» из колючей проволоки, Ибрагим прибавил скорость, надеясь до наступления ночи, возвратиться в Гудауту. Приближался комендантский, шоссе на глазах пустело и он за двадцать минут добрался до Гагры. Город встретил хрупкой тишиной и редкими патрулями, лишь в центре у бывшего санатория «Семнадцатого партсъезда» и горотдела милиции теплилась жизнь. На посту перед эстакадой у него проверили документы, теперь до поворота на Пицунду можно было выжить все что можно. Но, не проехав и километра, двигатель «зачихал» и затем безнадежно заглох.

Ибрагим чертыхнулся, вышел из машины и поднял капот. На этот раз барахлило не зажигание, все было гораздо хуже, похоже, вышел из строя бензонасос. Он с тоской оглянулся по сторонам. Пустыми глазницами выбитых окон на него смотрели брошенные дома. В одном из дворов послышался шум и забором мелькнул седой ежик волос. Ибрагим шагнул к воротам и постучал. Хозяин обернулся, настороженным, взглядом стрельнул из-под кустистых бровей и, по-

медлив, вышел на улицу. Старательно подбирая слова, Ибрагим пытался объяснить, тот догадался, в чем дело, заглянул под капот и заключил:

– Бензонасос полетел.

– Иес, – подтвердил Ибрагим и, коверкая русский с английским, зачистил:

– Ай эм...фаст...бистро. Гудаута...Бодигад Владислав Григорьевич.

– Боди? И что?! А я Павел Николаевич, только давай не дави парень.

– Ес, ес! Бодигад! – и Ибрагим энергично закивал головой.

– Ладно, чего с тебя возьмешь – добродушно произнес Павел Николаевич и спросил:

–Звать то как? Ну, нэйм?

– Ибо! – оживился Ибрагим.

– Ибо, так Ибо. Давай налегай! – и Павел Николаевич первым навалился на задний борт УАЗа.

Поднагужившись, они вкатил машину во двор. Павел Николаевич прошел в гараж, вернулся с инструментом и уже вместе они занялись ремонтом. Подгоняемый временем, Ибрагим мало обращал внимания на то, что происходило вокруг, пока не почувствовал на себе чей-то любопытный взгляд и поднял голову.

С летней террасы на него смотрела высокая, большеглазая, с тонкими чертами лица девушка лет семнадцати.

– Дочь, Лика, – перехватив его взгляд, сказал Павел Николаевич.

– Бьютифул! – обронил Ибрагим.

– Что? Что ты сказал?!

Он замялся, за него все сказали глаза. Павел Николаевич внезапно помрачнел и с ожесточением произнес:

– С этим, как ты говоришь, бьютифул мы с Анной Ивановной такого страха натерпелись, что не приведи господи. Звери! Детей и стариков не жалели. Выродки! Как таких земля носит? Вынесли из дома все, что можно. Лику...– больше у Павла Николаевича не нашлось слов и, погрозив кулаком далекому врагу, он снова склонился над двигателем.

– Папа?! ... Ну, что ты такое говоришь?! – вспыхнула Лика и, смутившись, скрылась в доме.

Ибрагим, позабыв про гаечный ключ, буравил взглядом захлопнувшуюся дверь.

–Ты что заснул? Дай крути! – возглас Павла Николаевича заставил его встрепенуться.

Он склонился над двигателем, руки продолжали делать свое дело, а глаза невольно искали Лику. Несколько раз за окном, в глубине комнат мелькнула ее стройная фигурка, и его снова охватило будоражащее душу томление. И когда ремонт подошел к концу, у него не хватило сил отказаться от ужина. Хозяйки были искренне рады гостю. Анна Ивановна все норовила подложить ему на тарелку самые лакомые кусочки. Ибрагим отнекивался, но и не спешил выходить из –за стола. Тусклый свет нещадно чадившей керосиновой лампы, не мешал ему исподволь любоваться Ликой. Легкие, теплые тени, скользившие по ее лицу, придавали еще большую пикантность ямочкам на щеках, а мелодичный, напоминающий журча-

ние ручейка голос, ласкал слух. Многое из того, что говорили она, Павел Николаевич и Анна Ивановна он плохо понимал, но это не имело значение. К нему вновь возвращалась нормальная жизнь с ее маленьким человеческая радостями и уже позабытыми чувствами.

За окном давно наступила ночь, а он все откладывал отъезд в Гудауту и когда Павел Николаевич предложил заночевать, скорее из вежливости стал отказываться. Все решил один взгляд Лики, в нем была не просто просьба, а нечто большее и ему страстно хотелось, чтобы она еще и еще раз так посмотрела на него. Но, наградив мимолетной улыбкой, Лика поднялась из- за стола и ушла в свою комнату.

Они остались одни, Павел Николаевич, снова предложил «накатить» по маленькой, но, натолкнувшись на вежливый отказ, не стал настаивать и, докурив сигарету, проводил Ибрагима в его комнату. Цветок на подоконнике, сверкающие белизной простыни, настоящая пуховая подушка, эти трогательные мелочи вновь напомнили ему о доме и, дрогнувшим голосом, он произнес:

– Спасибо!

– Чего там! Мы, что не люди? Устраивайся как дома! – и, пожелав спокойной ночи, Павел Николаевич закрыл дверь.

Впервые за последнее время Ибрагим спал безмятежным сном. Разбудил его звон посуды, доносившийся из кухни. Он протер глаза и, бросив взгляд на часы, ужаснулся, стрелки показывали шесть сорок. До заступления в смену по охране Председателя оставалось чуть больше часа. Одевшись на ходу, он ринулся к выходу, тут его перехватил Павел Николаевич и, несмотря на возражения, усадил за стол.

Торопливо глотая куски горячего хачапура и, запивая кофе, Ибрагим бросал короткие взгляды на дверь спальни. Но Лика не появилась, и он тяжело, словно на ногах висели гири, поднялся из-за стола и шагнул на террасу. И тут хрупкую утреннюю тишину нарушил стук каблучков. Его сердце радостно встрепенулось, он оглянулся. На террасу вышла Лика. Легкое летнее платье плотно облегало ее стройную фигурку, а на лице после сна играл нежный румянец. Ему казалось, что она не шла, а плыла в этом пьянящем и кружащем голову хрустально- чистом воздухе. Смущенный взгляд прятался за длинными ресницами, а робкая улыбка звала к себе. Он сделал шаг навстречу. Лика разжала кулачок, и на его ладонь опустился серебряный крестик.

– Ибо, пусть он хранит тебя, – тихо произнесла она и зарделась от смущения.

– Ай, кам бэк! ...Я тэморроу здесь! – запутался он в русском и английском.

Трепетное тепло ладонки Лики согрела его руку, и потом, когда машина выехала со двора, он продолжал чувствовать ее нежное прикосновение и не отрывал глаз от бокового зеркала, пока девичья фигурка не растаяла в зыбкой утренней дымке. Наперекор войне, несущей страдания и смерть, в его жизнь ворвалось и властно завладело глубокое чувство. Снова и снова в памяти возникали мимолетный, таящий невысказанную загадку взгляд Лики, ее манящая улыбка и волнующие кровь движения гибкого и сильного тела. Нога невольно отпустила педаль газа и неподвластная ему сила позвала под крышу уютного домика. Он остановил машину.

«Вернись, только на минуту и скажи, что лучше ее никого нет! Если, что Джон подстрахует», – уговаривал один голос.

«Ты, что?! Там «Емельяныч» с ума сходит! А что подумает Владислав Григорьевич?!» – возмутился другой,

От одной этой мысли ему стало не по себе.

«Сейчас в Гудауту! А завтра к Лике!» – решил Ибрагим и нажал на газ.

Перед глазами снова замелькали развалины, на выезде из Гагры дорогу перегородил нещадно чадивший грузовик, след недавнего авианалета, но они не омрачили настроения. В мыслях он жил будущей встречей с Ликой, но этого будущего, как часто случается на войне, у них не было. Она жестоко и безжалостно вмешивалась в жизнь людей и на свой лад кроила их судьбы. Через три дня на месте домика с красной черепичной крышей Ибрагим нашел воронку от взрыва авиабомбы.

А пока он жил теми счастливыми мгновениями, что подарила ему Лика, перебирал в памяти каждое произнесенное ею слово, каждый жест, и не заметил, вынырнувшего из-за облаков вражеского штурмовика. Серая, крылатая тень, слившись с горами, заходила на атаку. Руки сами рванули руль вправо, а нога ударила по тормозам. УАЗ крутнулся волчком, едва не опрокинулся и слетел на обочину под крону платана. Пулеметная очередь запоздало хлестанула по асфальту. Он выпрыгнул из кабины, кубарем скатился в кювет и, вжавшись в землю, ждал взрыва, но его не последовало. Летчик решил не размениваться по мелочам, и выбрал более подходящую цель. Прошло несколько секунд, и со стороны Гудауты донесся залп зенитной батареи.

Выбравшись из кювета, Ибрагим отряхнул с себя пыль и сел за руль. Надежный трудяга УАЗик, послушный его руке, выжимал из себя все, что можно. До заступления на главный пост в республике – по охране Председателя Государственного комитета обороны Абхазии оставалось около двадцати минут. Сегодняшняя смена должна была стать седьмой по счету в его службе, но все могло закончиться еще на первой. При воспоминании о ней на лице Ибрагима невольно появилась улыбка. Сейчас, происшедшее казалось забавным эпизодом, а тогда, полторы недели назад ему было вовсе не до смеха.

В ту первую смену, на пост номер один он заступил сам не свой. От волнения в памяти перепутались все инструктажи, которые в него усилено «закачали» Гембер с «Емельянычем» и если бы не напарник – Джон Хутоба, то к концу дежурства можно было сойти с ума. От нервного напряжения к обеду голова трещала как переспевший арбуз, а глаза слезились так, будто он часами смотрел на сварку. К концу дня в каждом входящем ему чудился замаскировавшийся террорист и только присутствие добродушного Джона успокаивало разгулявшиеся нервы.

Смена подходила к концу, «Емельяныч» вызвал к себе Джона, и тут все завертелось. За воротами требовательно зазвучал сигнал и через секунду во двор влетел заляпанный грязью по самую крышу ГАЗ-66. Он еще не остановился, а из него посыпались, как горох бойцы в камуфляжке. Впереди всех несли квадратный, словно шкаф подполковник с бульдожьей физиономией. Ибрагим решительно

преградил путь и потребовал пропуск. Тот, зыркнул на него будто на пустое место и лапичей попытался отодвинуть в сторону. Но не тут-то было, и тогда на Ибрагиме обрушился такой рев, что заложило уши.

Он, за полтора месяца выучивший не больше сотни слов по-русски, из всего сказанного с грехом пополам понял, что кроме подполковника в штаб рвалась еще какая-то мать с кучей непонятных родственников, и продолжал упрямо твердить про пропуск. Тот взбеленился, и Ибрагиму уже ничего другого не оставалось, как применить не раз испытанный в уличных драках прием. Короткий удар коленом в пах и подполковник, крутившись волчком, затынул хорошо понятную даже немому букву «У...у». И только появление Джона остановило готовую вот-вот вспыхнуть перестрелку.

«Джон» – с теплотой подумал о нем Ибрагим, в душе надеясь, если опоздает, то тот найдет, что сказать Гемберу и «Емельянычу». Но его помощь не понадобилась, он успел вовремя. Во внутреннем дворе Государственного комитета обороны у двух УАЗов суетилась группа «личников». Первым Ибрагиму попался «Емельяныч», но ничего не сказал, а только сердито нахмурил брови и постучал по часам. Он виновато понурил голову, с облегчением вздохнул и присоединился к телохранителям. Они готовились к выезду Председателя на фронт, на этот раз в район Гумисты. Судя по тому, что он, Султан Сосналиев и офицеры штаба зачастили на передовую, можно было догадаться, что новое наступление, о котором никто не говорил, но, его ощущение уже витало в воздухе и читалось в глазах Гембера, не за горами. Попытка Джона разузнать у него что-то ни к чему не привела, тот многозначительно подмигнул и исчез за дверями штаба.

Обиженный Джон, бурча под нос:

– Некоторые сами ничего не знают, а только «надувают щеки», – побрел к машинам.

Ибрагим перебрал через плечо подствольник с «ручником» и отнес в УАЗик. В это время на крыльце появились Владислав Ардзинба и «личники» тут же замкнули вокруг него круг. Ибрагим, Джон и Гембер заняли места рядом с ним. Под весом «Малыша» Джона УАЗ жалобно всхлипнул и просел на рессорах. Владислав Григорьевич, улыбнувшись каким-то своим мыслям, промолчал и решительно махнул рукой вперед.

От Гудауты до Нового Афона они промчались без остановок, при ясном небе грузинская авиация не рисковала появляться в воздухе. Но на горной дороге водителям поневоле приходилось притормаживать на крутых виражах и перед воронками. О близости передовой все чаще напоминали разрушенные бомбежками и артобстрелами дома, обгоревшие остовы машин на обочинах и особенная, гнетущая тишина. Телохранители подобрались и теперь внимательно следили по сторонам. Развалины в любой момент могли взорваться огнем автоматных и пулеметных очередей диверсантов, которые в последнее время все чаще появлялись в этом районе. Пока им везло, до передовой было рукой подать, когда в шум двигателей вкрался зловещий вой, от которого даже у бывалых фронтовиков невольно сжималось сердце. Через мгновение он оборвался и впереди, в метрах сорока, дорога вспучилась ржым фонтаном.

Ибрагим вжался в сидение. Эхо взрыва звоном тысяч невидимых молоточков отозвалось в ушах и окатило спину холодным потом. Второй снаряд едва не накрыл УАЗ, взрывной волной его накрыло на левый борт, камни и осколками забарабанили по обшивке. Третий разрыв отсек путь назад. Вражеская артиллерия брала их в «вилку».

– Владислав Григорьевич, не проскочим! Надо... – воскликнул Гембер и его голос потонул в грохоте нового взрыва.

– Стоп! – приказал водителю Председатель.

Тот ударил по тормозам, и УАЗ скатился на обочину.

– Владислав Григорьевич?! Владислав Григорьевич?! Надо под скалы! Там не достанут! – торопил Гембер.

Война и смерть не разбирает, ни чинов, ни званий и они, подчиняясь инстинкту, бросились прочь от машин. Вдогонку громыхнул разрыв очередного снаряда. Воздух зло зашипел от осколков, накатившая взрывная волна, повалила их на землю, а через мгновение камни и земля обрушились на спины. Ибрагимом дернулся от боли, полоснувшей по правой руке и, похолодев, бросил на нее взгляд. На этот раз пронесло, осколок, порвав рукав камуфляжки, слегка зацепил локоть. Гемберу досталось больше других, на правом плече, сквозь камуфляжку проступало бурое пятно. Кусая губы от боли, он подхватился с земли и, прикрывая Председателя со спины, старался не отстать от Джона с Ибрагимом, приникших к нему с двух сторон.

До скалы оставалось совсем ничего. Позади снова раздался зловеющий вой, на этот раз это был «их» снаряд. Сердце Ибрагима бухнуло, как молот и стремительно взлетело к горлу. В голове билась одна единственная мысль:

«Накрыть его!»

В отчаянном броске он кинулся к Председателю, но Гембер опередил и все вместе они рухнули на землю. Ибрагим наткнулся на его локоть, но не почувствовал боли. Сверху их надежно припечатал своей сотней с лишним килограммов Джон. Вой сорвался на визг и через мгновение глухой взрыв подбросил их над землей. Осколки, просвистев над головами, посекали кустарник и фонтаном каменных брызг отразились от скалы. Им повезло, ударная волна ушла вниз по лощине. Не успело затихнуть эхо разрыва, как очередной снаряд упал слева, земля снова заходила ходуном. Ибрагим насчитал еще девять взрывов, и потом наступила та особенная, пронзительная тишина, когда смерть на время вынуждена была отступить. Но они все еще боялись пошелохнуться и ловили дыхание того, за которого, не раздумывая, готовы были отдать жизни.

– И долго мне так валяться? – с трудом вымолвил из-под пресса трехсот с лишним килограммов Владислав Григорьевич.

– В...ы живой? – вернулся дар речи к Гемберу.

– Пока да, но еще немного и от меня одна лепешка останется, – ворчливо ответил он.

Через мгновение они были на ногах и, потирая ушибленные места, радостно похлопывали друг друга по плечам. Еще один день войны был благополучно пережит.

Глава 5

Сход селян из Гума и Псу начался с поминальной молитвы, и, когда она закончилась, еще долго над притихшей толпой был слышен только посвист ветра и печальное журчание реки. Живые, помянув мертвых, теперь решали собственную судьбу, но никто не отважился заговорить первым, все ждали веских слов мудрых стариков. Столетний Чич Чамба и его ровесник Абзагу Цымба, повидавшие всякого на своем долгом веку, понуро смотрели в землю. Им нечего было сказать землякам.

Сотни новых могил и угрюмые лица воинов красноречивее всего говорили о том, что ни сыновья, ни внуки, ни, тем более, они, убеленные сединами и покрытые ранами старики, уже ничего не могли противопоставить властной и несокрушимой силе, пришедшей в горы. Непрístupные скалы и бездонные ущелья, на протяжении многих веков служившие им надежной защитой от римских легионов, когорт византийских императоров и полчищ грузинских царей, на этот раз не устояли.

Уже мало кто сомневался в том что, не сегодня, так завтра здесь появится полковник Коньяр, и тогда, под жерлами его пушек им ничего другого не останется, как только умереть или покориться. Это был невыносимо трудный выбор и тогда первым решился нарушить гнетущее молчание Сейдык Куджба. Ему, тридцать лет не выпускавшему из рук кинжала и ружья, повидавшему Турцию и Россию, хлебнувшему там, как своего, так и чужого горя, было что сказать.

Окинув печальным взором притихших односельчан, Сейдык заговорил, и его негромкий голос был слышен в самых дальних рядах. Он рассказывал о той России, которая простиралась за Кавказским хребтом, и ужас сжимал сердца земляков от одного того, что конца и края ее границам не ведал никто. Словно грозная горная лавина, она напозла на Кавказ и сметала на своем пути одно за другим свободные горские общества. Перед ней не устояли воинственные вайнахи, и гордый имам Шамиль вынужден был склонить голову перед русским царем. Лихие шапсуги, не знающие страха смерти абадзехи не захотели покориться, и теперь на месте их аулов прорастал бурьян, а те, кто уцелел на утлых фелюгах, искали спасения у турецких берегов.

Путь к ним обернулся невыносимыми страданиями и неисчислимыми потерями. Тысячи немощных стариков, старух и детей так и не увидели берегов Османской империи. Одни тонули во время штормов, другие умирали от голода, жажды и болезней, а те, кому «посчастливилось» доплыть до Стамбула, Трабзона, Синопа и Самсуна завидовали мертвым. Там их поджидали алчные ростовщики и свирепые янычары. Тут же от причалов караваны подневольных кавказских красавиц отправлялись в гаремы Багдада, Дамаска и далекой Александрии. «Золотой век» переживали торговцы самым ходовым товаром – будущими воинами. За бесценок у изголодавшихся убыхских и шапсугских семей они покупали крепких мальчиков и продавали свирепым янычарам. Там, в казармах, опытные, прошедшие огонь, воду и медные трубы воины готовили из них себе смену. Дряхлеющая Османская империя нуждалась в свежей крови, и эти новые тысячи горцев, влившись в ее «вены», вернули ей прежнюю мощь.

Наместник великого аллаха на земле султан Абдул–Азиз, не мог смириться с потерей одной из самых драгоценных «жемчужин» в своей «короне» – Абхазией. С помощью, цепляющихся за ускользающую власть, продажных удельных князьков и жаждущих вернуться на родину махаджиров, турецкие лазутчики и английские шпионы, которым не важно где, но только бы насолить России, подбивали абхазов и убыхов на новую смуту. Не проходило и нескольких лет, как очередной мирный договор между вождями Абжуйской, Бзыбской Абхазии и Наместником на Кавказе, скрепленный бессмысленно пролитой кровью русских солдат и горцев, превращался в пустую бумагу.

Отряды неподвластных никому абреков и мирных крестьян, «смущенные» лазутчиками, принимались за старое – совершали дерзкие набеги на дальние гарнизоны, казачьи разъезды, угоняли в горы скот, а захваченных в плен перепродавали на невольничьи рынки в Стамбул, Трабзон и Самсун. В ответ военная машина Российской империи приходила в движение и наваливалась на непокорных всей своей мощью. И они, зажатые между «молотом» и «наковальней» двух империй, вынуждены были выживать, кто как мог.

Об этом напомнил землякам Сейдык, и горестно вздохнув, закончил:

– Россия и Турция – это бездна, в которой мы растворимся! Но что делать и как жить дальше я не знаю. Может наши мудрые старейшины найдут путь к спасению, а я молю Всевышнего защитить Абхазию.

Низко поклонившись притихшим односельчанам, он тяжело опустился на лавку. Чич Чамба посмотрел на Абзагу Цымба и тот предложил:

– Уважаемые, давайте послушаем Исмаила Дзагана. Он недавно вернулся из Турции и ему есть, что сказать.

Над поляной прошелестел легкий шепоток, и все взгляды сошлись на лет тридцати–тридцати пяти высоком, одетом в синюю черкеску воине. Раздвинув плечом толпу, Исмаил вышел в круг и, положив руку на рукоять кинжала, заговорил с надрывом:

– Пять лет назад в мой дом, как сегодня в ваш, пришла беда! Собака Лорис – Меликов и его шакалы окружили нас! Их было в десять раз больше. Под дулами пушек он предъявил ультиматум – сложить оружие и поклониться. Взамен обещал

сохранить жизнь и не тронуть село. Лживый пес! Те, кто поверил, потом кусали себе локти, но было поздно, их, как стадо баранов погнали в Сибирь, а от домов не оставили камня на камне. Я и еще сорок воинов не стали дожидаться рассвета и, прорвав окружение, пробились к морю. Слава великому аллаху и султану они услышали о нашей беде и прислали корабль. В Турции нас встретили как родных братьев и...

– Не верьте! – перебил Сейдык Куджба и с негодованием воскликнул:

– У турецкого султана, как и у русского царя, вас ждет аркан на шею, только поводок будет длиннее.

– Это не так! В Турции нашим братьям дали землю! – вспыхнул оскорбленный Исмаил.

– Какую землю?! Голые скалы Болу и Сакарая, чтобы не подохнуть с голоду! – возмутился Сейдык,

– Я, как видишь, живой!

– Живой, потому что башку побрил и колени в мечети истер!

– И что?!

– А то! Дали тебе ятаган и прислали, чтобы подбить нас резать горло русским.

– Это лучше, чем подставлять под их хомут шею! – вскипел Исмаил.

– Хватит! – остановил перепалку Чич Чамба и объявил:

– Теперь, пусть скажет слово уважаемый Смел Авидзба.

Сейдык Куджба и Исмаил Дзаган подчинились и уступили место в кругу старому воину. Следы сабельных шрамов на лбу и правой щеке, пустой левый рукав черкески говорили сами за себя. Смерть сыновей Арсола и Коса начертила темные круги под глазами и иссушила губы, но он не потерял присутствия духа, его голос был, как всегда, тверд, а речь нетороплива.

– Шестьдесят лет мы ведем войну с русским царем и турецким султаном, – тихо обронил Смел Авидзба и, прокашлявшись после внезапно перехватившей дыхание спазмы, печально произнес:

– С каждым днем нас становится все меньше, а у гяуров сил все больше....

«Так, что нам делать?»

«Что?!» – торопили нетерпеливые.

– Что?... Вспомните, когда вы слышали голоса наших братьев дахов и абадзехов?...

В ответ прозвучал лишь горестный вздох и Смел продолжил:

– Они бились до последнего. Их аулы разорены, над могилами не рыдают вдовы, а плачет один лишь ветер. Уже не слышны голоса абхазов в самом ее сердце....

..«В Дале и Цабале никого не осталось!»

«Как жить дальше?»

«Что делать, Смел?!» – терзали его вопросами односельчане.

– Что делать?! – повторил он, его лицо искривила гримаса, и затем ответил:

– Научиться терпеть. Ураган вырывает с корнем вековые дубы, но ничего не может поделывать с травой. Мы должны стать травой и ждать, когда он потеряет силу, чтобы потом распрямиться.

– Травой, которую будет топтать враг! – с горечью произнес Джелкан Бутба.
– Тогда уж лучше смерть, чем такая жизнь! – горячился Шмаф Квадзба.
– Умереть?...Жить?... Но где и как?...Сегодня враг, а завтра друг? Кто может сказать, что будет с нами, когда из обессилившей руки выпадет кинжал Что?!...– скорее самому себе, чем односельчанам, задавал эти вопросы Смел.

«Здесь могилы наших предков».

«Может остаться?»

«Как ни будь проживем» – пытались убедить себя и других односельчан, те, кто решил положиться на судьбу и милость победителя.

– Русский царь обещал не трогать семьи, а мужчинам оставить оружие, если мы покинем горы и уйдем в степи Кубани, – напомнил Сейдык о последнем обращении к восставшим горцам кутаисского генерал–губернатора Святополка–Мирского.

– Нашли кому верить! Этому лживому псу! Он камня на камне не оставил от моего дома! Надо уходить в Турцию! Великий султан милостив и даст каждому по буйволу и мешку риса, – снова принялся убеждать земляков Исмаил.

«Как же, слышаны о его милостях!»

«Жен в гарем, а сыновей янычарам. Не слушайте этого турецкого прихвостня!»

«Он зарабатывает свои тридцать серебряников!» – неслись в ответ презрительные выкрики.

– Чт...о?!– вскипел Исмаил и выхватил кинжал.

Кровь на этот раз не пролилась. Те, кто был рядом, схватили его за руки и оттащили в сторону. И когда шум стих, мудрый Чич Чамба снова повторил свой вопрос:

– Так что же будем делать, братья?

В ответ звучали лишь посвист ветра и треск костра. Первым решился нарушить молчание Сейдык и предложил:

– Может, послушаемся русского царя и уйдем в степи Кубани?

– Чтобы там сдохнуть от голода? Вспомните, Муравьев многое обещал шапсугам и где они сейчас? – с негодованием воскликнул Шмаф Квадзба.

– Лучше смерть у могил отцов, чем такая жизнь, – с горечью произнес Кайногу Гумба.

Спор разгорелся с новой силой. Одни предлагали остаться на месте и покориться силе, другие пробиваться к морю и искать спасения на турецком берегу. Время шло. Сгустились сумерки. Над рекой поднялся туман и, выплеснувшись за берега, белесыми языками пополз по поляне. На чернильном небе проступили холодно мерцающие звезды, а сход все продолжался. Слово опять взял Чич Чамба.

– Братья!... – его голос дрогнул, – Наши деды и отцы, кровью которых полита эта земля, смогли защитить ее от врага, но сегодня... – и горестно вдохнув, продолжил:

– У нас не осталось сил, чтобы победить. Мы можем остаться и с честью умереть, но будет ли это правильно? Разрушенные дома можно построить заново, за-

росшие бурьяном поля распахать и засеять, но дух отцов, который живет в ваших сердцах, если они перестанут биться, уже никогда не возродить.

«Никогда!»...– выдохнули сельчане.

«Никог...да» – печальным эхом прошелестело над поляной.

Еще не остывшее пепелище и сырая земля на могилах взывали сердца воинов к мести, но трезвый рассудок говорил обратное. Испуганные, молящие глаза детей искали у них защиты, и это было то последнее, ради чего требовалось жить, чтобы потом, когда придет время, они могли принести горсть родной земли на могилы предков и разжечь огонь в потухшем очаге. Время и судьба поставили всех перед жестоким выбором, Даже самые отчаявшиеся, цепляясь за последнюю соломинку, надеялись, что мудрые старики найдут выход из положения и, как уже не раз бывало, отведут беду. В их глазах теплилась робкая надежда и они, затаив дыхание, ловили каждое слово Чича Чамба.

– Уйти в Турцию, где султан обещает жизнь и дает землю? – размышлял он, – Но, если взамен заберет веру и имя, то, что тогда останется? Что?!...

«Чт..о?!» – как стон прозвучало в ответ.

– Если, покориться русскому царю? Но хватил ли у нас терпения дожить до того дня, когда у этого дуба, под которым сотни лет звучали голоса наших славных дедов, мы снова будем говорить о мире и сами решать свою судьбу. Настанет ли тот час, когда в наших разоренных дворах опять зазвучит счастливый смех внуков. Когда это будет? Когда?...Если бы я знал ответ?...

«Ес...ли бы?» – замерло на устах сотен, а затем на Чича Чамба обрушились молящие и вопрошающие голоса:

«Как же быть?»

«Где искать спасения?»

«Где?»...

– Не знаю! Не знаю, братья!...Впереди ночь и пусть каждый выберет тот путь, что подскажет ему сердце! – закончил говорить Чич Чамба и устало опустился на лавку.

Прошла минута, другая, казалось, что наступившему невыносимо долгому молчанию не будет конца. Все, от мала до велика, с пронзительной остротой ощутили, что этого завтра у одних могло просто не быть, а для других о родных горах и очагах будет напоминать лишь горсточка закаменевшей серой земли. И потом, на дальних турецких берегах шумом лесов, звоном ручьев они будут приходить к ним в мучительных снах и бередить души.

В ту ночь так никто и не заснул. Склон горы покрылся сотнями трепетных огней и они, будто живые, в прощальном объятии тянулись друг к другу. Безутешное горе и печаль вошли в каждый дом и сердце каждого горца. В загонах жалобно блеял скот, это в жертву приносились бычки и козы. Из дальних углов подвалов выкатывались потемневшие от времени дубовые бочки со старым, темно-красным, напоминающим загустевшую кровь, вином. Ему уже не суждено было радовать сердца за свадебным столом и у колыбели первенца. Суровые воины, стиснув зубы, под плач детей и стенания жен поминали погибших и просили Всевышнего о милости и прощении.

В родовом дома Авидзба, на испаханном шрапнелью дворе, собрались все, кто уцелел. Женщины молча готовились к дальней, страшщей своей неизвестностью дороге, заливали в бурдюки родниковую воду и вино, в переметные сумки складывали вяленое мясо, сыр и хлеб. Гедлач Авидзба, пряча глаза, на которые наворачивались слезы, готовил оружие к своему последнему бою

Отец, застыв как изваяние перед домашним очагом, непослушными пальцами то разглаживал несуществующие складки на черкеске, то трогал рукоять старинного кинжала, ножны которого украшала потемневшая от времени и истертая руками далеких предков, тонкая вязь из серебра. Племянник Мыстафа, закончив строгать рогатину из ветки ореха, поглядывал в котел, где варились печень и сердце бычка – жертвы Всевышнему. И когда подошло время молитвы, вся семья Авидзба вышла во двор и расположилась за спиной Смела. Он стал лицом к восходу солнца, нанизал на рогатину сердце и печень бычка, окропил вином из медного кувшина, вознес к небу и начал читать молитву:

«О, Всевышний, да ниспошли свою милость и сохрани огонь в нашем очаге.

Пусть беды обойдут наш дом.

Пусть древний род Авидзба никогда не покроет бесчестие и позор...»

Негромкий голос Смела проникал в израненные болью утрат сердца близких и порождал надежду, что наступившее лихолетье минует, род Авидзба сохранится и снова станет хозяином на своей земле. И когда закончилась молитва, каждый снова остался один на один со своими мыслями. Женщины с дети, укутавшись одеялами, забрались в телеги, а мужчины подсели к огню.

Гедлач поправил поленья. Пламя сердито зашипело и косматыми языками суматошно заплясало по стенам и понуро склонившимся фигурам. На бескровном, словно маска лице отца, замерла гримаса страдания и Гедлач не решился первым начать разговор. Прошедший сход, только еще больше усилил смятения в душе, горевшей жаждой мести врагу за Арсола и Коса. Собственная смерть не страшила его, но разум подсказывал другое. Мертвых было не воскресить, но попытаться спасти живых – отца, жен братьев и детей, он еще мог.

Смел, будто прочел мысли сына, и узловатая отцовская рука легла ему на плечо. Загрубевшие от труда и покрытые рубцами от сабельных ударов пальцы нежно тронули его густые волосы, и из груди вырвался не то стон, не то плач. Старый воин, не раз смотревший в глаза смерти, с трудом сдерживал свои чувства и первые слова горьким комом застряли в горле:

– Сынок...

Гедлач встрепенулся, так отец называл его только в далеком детстве. От внезапно нахлынувших чувств на глазах навернулись слезы. Они катились по щекам и солеными ручейками стекали по подбородку.

– Сынок! – повторил Смел и затем тихо обронил:

– Ты у меня последний, тебе надо уходить!

– А ты, даду?!

– Я остаюсь. Я слишком стар для дальней дороги.

– Нет!!! ... Нет!!! ... Мы пойдем вместе! – воскликнул Гедлач.

– погоди и послушай меня! Ты должен думать не обо мне и себе, а о детях!

– Отец?! Я не могу оставить тебя одного!

– Я буду не один. Здесь Арсол. Здесь Коса.

– Тогда мы тоже остаемся!

– Нет, вам надо уходить! Ты обязан сделать это ради детей, ради того, чтобы сохранился род Авидзба. Одному Всевышнему известно, что вас ждет в Турции, но...

– Отец! Я...я не могу...– терзался Гедлач.

– Оставим это! И будем говорить как мужчины. Я свое отжил, а тебе надо думать о детях! Я не верю всему тому, что говорил Дзаган. Но там уже живут наши. Будет на то воля Всевышнего, обживетесь и вы. Я тебя об одном прошу, сделай все, но чтобы мои внуки остались абхазами. И когда придет время, а я верю, оно наступит, они вернуться сюда и дадут новую жизнь нашему роду, нашему дому и на этом дворе снова зазвучат детские голоса, а в очаге опять возгорится огонь.

– Отец?! Я не могу. Не могу! – твердил Гедлач.

– Все! Закончим на этом! Вам пора собираться, сынок! – был непреклонен Смел.

Гедлач молча склонил голову, поднялся с лавки и направился к семье. Жена, так и не сомкнувшая глаз, по его виду поняла все и принялась складывать в телегу последние узлы с нехитрыми пожитками. На ее почерневшем от страданий и иссушенном слезами лице, казалось, навсегда застыла гримаса боли. Потрясенные шумом сыновья и дочка сонно зачмокали губами. Гедлач склонился над младшим, дрогнувшей рукой погладил по вихрастой голове и, поправив сползшую бурку, возвратился к потухшему очагу, отгреб золу, достал кинжал, несколькими ударами вырыл ком земли и сложил в холщевый мешочек. Там, в далекой Турции, она будет напоминать ему и семье о родине и станет первым кирпичиком в фундаменте нового дома.

В ту ночь в соседних дворах, так же, как и в доме Авидзба горевали все от мала и до велика. И когда над зубчатой стеной Бзыбского хребта показалось солнце, все пришло в движение. Скрип колес телег, ржание лошадей, лязг металла нарушили утреннюю тишину. Печальный караван махаджиров покинул Гума. Вслед ему неслись стоны, плач и звуки медных родовых труб. На протяжении столетий они извещали соседей о радости и беде в доме. Сегодня они звучали как никогда пронзительно и скорбно, порой напоминая, то крик раненной птицы, то плач ребенка. Подхваченные ветром звуки труб уносились вдаль, в горы и там умирали. Они терзали сердца и души невыносимой печалью, как тех, кто остался, так и тех, кто под скрип колес телег и повозок скорбной рекой стекал в долину.

Более тысячи жителей селений Псху и Гума двинулись к морю, где, как заверял Исмаил Дзаган, у устья реки Моква их должны были поджидать турецкие корабли. Сам он, и с ним еще трое воинов отправились вперед, чтобы предупредить турок. Тайными горными тропами, избежав встреч с казачьими разъездами, беженцы на четвертые сутки вышли к морю и на левом берегу реки, разбили лагерь.

Прошел день, за ним другой, к концу подходила неделя, но ни сам Исмаил, ни турецкие корабли, о которых он говорил, так и не появились. К тому времени закончились и без того скудные припасы, а начавшаяся малярия принялась валить

с ног стариков и детей. В лагере нарастал глухой ропот, одни предлагали вернуться обратно и там положиться на судьбу и милость Всевышнего. Другие, таких становилось все меньше, стояли на том, чтобы оставаться на месте и дожидаться турецких кораблей.

Конец спорам положило появление убухского князя Ноурыза Барака с остатками своего отряда. Вместе с ним в лагерь пришли два его молочных брата с семьями, а в конце обоза, тащились изможденные долгим переходом пленники: пятеро адыгейцев, один русский солдат и две горянки из рода лезгин. Его рассказ о жестокостях казаков и царских солдатах, уничтоживших его родовой аула, укрепил решимость одних, связывавших свое будущее с Турцией и рассеял сомнения у тех, кто подумывал отказаться от обещанных милостей султана и собрался вернуться обратно.

Очередной сход закончился тем, что, послав проклятия гяурам, абхазы, псхувцы и убыхи разошлись по палаткам и шалашам, построенным из камыша. Барак расположился в центре лагеря, по соседству с абхазским князем Решид Гечем. Рядом бил родник и приносил желанную прохладу, а широкая крона могучего дуба защищала от палящего солнца и дождей. Жизнь лагеря возвратилась в прежнее русло, и снова потянулись дни томительного ожидания.

Наступившая невыносимая жара и, начавшиеся ливневые дожди, усилили и без того свирепствовавшую в лагере малярию. С каждым новым закатом, на краю каштановой рощи рос скорбный ряд могильных холмиков. Смерть, в первую очередь, забирала самых слабых – стариков и детей. Траурный цвет платков, подобно вороньему крылу все чаще покрывал головы женщин и скорбным серебром осыпал виски мужчин. В лагере среди крестьян и простых воинов, снова начал нарастать глухой ропот. Смерть была наиболее безжалостна к их семьям, и они все чаще подумывали о возвращении домой, но князя продолжали убеждать в том, что единственный для всех выход – это искать спасения в Турции.

Появление на горизонте турецких кораблей положило конец спорам. Впереди плыли два фрегата, за ними, подобно мелким хищникам тащились четыре утлые фелюги торговцев. Боевые корабли строго держали дистанцию, готовые в любой момент дать отпор русским судам. Об этом красноречиво говорил багрово – бурый оскал распахнутых артиллерийских портов и выстроившиеся на корме и носу шеренги аскеров. Над их головами белоснежными пузырями вздувались паруса, на которых в лучах солнца отливали золотом огромные полумесяцы, лишний раз, напоминая о могуществе турецкого султана.

Кайногу Гумба, Гедлач Авидзба, Джамал Бутба и Шмаф Квадзба, не мешкая, зажгли костры и, когда пламя набрало силу, принялись швырять в него охапки травы. Два столба густого дыма поднялись высоко в небо. Сигнал заметили на кораблях, поменяли курс и метров за сто до берега бросили якоря. На воду одна за другой шлепнулись шлюпки, первой плыла та, над кормой которой полоскал на ветру капитанский штандарт. Вслед за ней, хлюпя плоскими днищами на легкой волне, тащились купеческие фелюги. Они вплотную подплыли к берегу и под грохот якорных цепей на песок опустили трапы. По ним, потрясая оружием, сбежали аскеры и, угрюмо поглядывая на прихлынувших к морской кромке беженцев, выстроились в цепь.

Наступившее тягостное молчание нарушали то жалобный плач ребенка, то тревожное ржание лошадей, животные, словно, предчувствовали скорое расставание с хозяевами, яростно грызли мундштуки и нетерпеливо били копытами по земле. В задних рядах нарастал глухой ропот, затем послышались гневные выкрики, и аскеры угрожающе забряцали оружием. Остановило готовую вот-вот вспыхнуть стычку появление капитана. Его шляпка ткнулась носом в песчаную отмель, он легко прыгнул на берег и, набычившись, уставился на толпу. Тут же, словно из-под земли появился Исмаил Дзаган. Его высокая и стройная фигура, будто, стала меньше и согнулась в спине. Из-за них выглянул мулла и похотливым взглядом зашарил по красавицам – горянкам.

Капитан сделал несколько шагов к цепи аскеров и остановился. Властным взглядом прошелся по рядам горцев и задержался на князьях, выделявшихся дорогими черкесками, богато украшенным оружием и величавой осанкой. Гордые сыны гор, подчиняясь его взгляду, шагнули навстречу, но он не сдвинулся с места, так будто перед ним находились простые крестьяне. Молча проглотив обиду, Геч и Барак, пытаясь сохранить достоинство, поклонились. В ответ капитан надменно кивнул головой и заговорил низким гортанным голосом.

Дзаган выскочил вперед и, преданного заглядывая ему в глаза, принялся переводить:

– Капитан Сулейман объявляет вам о величайшей милости посланника аллаха на земле и повелителя половины мира великого султана Абдул-Азиза. С этого часа вы становитесь его счастливыми подданными.

– Э...э. Передай ему, – и, справившись с нанесенной обидой, Геч выдавил из себя:

– Мы благодарны великому султану и...

Сулейман, недослушав до конца, заявил:

– У нас мало времени! На подходе отряд гяуров.

– Наши воины их задержат, – дружно заверили князья.

– Хорошо! – согласился Сулейман и развернулся к шляпке.

Барак замялся и, внезапно осипшим голосом, спросил:

– Господин капитан, мы можем рассчитывать на ваше гостеприимство.

На лице Сулеймана появилась недовольная гримаса, и он холодно обронил:

– У меня нет свободных кают.

– Как?!... – в один голос воскликнули князья.

С лица Геч схлынула кровь. Под его бешеным взглядом Дзаган съежился и пролепетал:

– Надо .. отблагодарить.

– Чт...о?! – больше у князя не нашлось слов.

– Э...э заплатить.

– И.. и сколько этот пес хочет? – процедил Геч

Дзаган изменился в лице, но Сулейман, похоже, не понял, и нервно сглотнув, склонился к его уху и зачастил на турецком. Князья не находили себе места, их руки яростно теребили рукояти кинжалов. Капитан, не дослушав Дзагана, коротко обронил. Тот, пряча глаза, перевел:

– Шесть.

– Шес...ть?! – прорычал Геч.

– Серебром, за каждого – промямли Дзаган.

У Геч больше не нашлось слов, а Барак поигрывая желваками на скулах, с презрением бросил:

– У меня семь пленных, он может взять их себе.

Дзаган снова склонился к уху Сулеймана и перевел. Он снисходительно кивнул головой и поднялся в шлюпку. Аскеры столкнули ее в море, гребцы дружно налегли на весла, и еще не успела она отплыть от берега, как хозяева фелюг торговцы и аскеры, подобно стервятникам накинулись на нехитрый скарб махаджиров. Взамен на место каюте и пищу из судового котла за бесценок отдавалось, то, что в каждой семье держали на «черный день».

В эти последние минуты на родной земле, они–эти «дети» суровых гор, более полагавшиеся на верность слову и твердость булата, оказались бессильны перед коварством и властью злата. Шел жестокий и унижительный торг за место на судне, за будущий глоток воды и саму жизнь. Закаленные в боях воины с окаменевшими лицами смотрели в небо и не замечали, как чужие, жадные руки рылись в сундуках, выскивая золото и серебро. Жены, дочери с глухими рыданиями срывали с себя и швыряли под ноги алчным торговцам кольца и браслеты. Между берегом и судами челноками сновали навьюченные узлами турки. На палубах росли горы из сундуков, ковров и прочего скарба горцев.

Другие, и таких было немало, расседлав своих любимцев, не раз спасавших жизнь в бою, прощались с ними, как с близкими друзьями. Безмолвным обелисками, они высились над рыдающим и стенающим от горя людским морем. Затем всадники и кони, прильнув друг к другу, печальными вереницами уходили к лесу и спустя время оттуда доносились звуки выстрелов. Звучали они и на берегу, это седовласые старики расставались со своим оружием. С каким – то неммым отчаянием старые воины стреляли из пистолетов и ружей в воздух, а потом бросали в море.

Выстрелы, проклятия и мольба горцев слились в один, рвущий душу невыносимый стон. Казалось, что вместе с ними рыдает сама Абхазия. И когда началась посадка, тут и там у трапов и шлюпок начали вспыхивать стычки. Несчастные, всеми правдами и не правдами пытались пронести на борт, то последнее, что удалось уберечь от алчных торговцев. Аскеры безжалостно вырывали из рук узлы и швыряли в воду, строптивых подгоняли в спину прикладами ружей. Капитан Сулейман спешил покинуть берег, опасаясь скорого появления русского отряда. О нем напоминало облако пыли на западном склоне предгорий, оно на глазах разрасталось до грозовой тучи.

Она стремительно напозала на берег. В подзорную трубу были уже видны несущиеся в лихом галопе всадники. Это эскадрон казаков есаула Найденова разворачивался в атаку. Капитан Сулейман не стал медлить и дал команду артиллеристам открыть огонь. Правый борт фрегат оскалился багрово – алым цветом, распахнувшихся портов, и мощный зал сотряс корабль. Прошло несколько мгновений и склон горы, по которому, распластавшись в лаву, скакали казаки, усеяли

черные «тюльпаны». Осколки и камни брызнули под копытами передовой цепи эскадрона.

– Стой, хлопцы! – зычно крикнул Найденев.

Казакь останувилсь в саженьях четьрехстах от берега и, нетерпеливо поигрывая шашками, ждали новой команды. Но Найденев медлил и хмуро наблюдал за тем, что творилось у шлюпок и фелюг. Появление эскадрона еще больше усилило суматоху. Брань, плач и пальба слились в одну ужасающую какофонию звуком. Несколько десятков махаджиров, прорвав цепь аскеров бросились искать спасения в ближайшем перелеске. Те, пальнув им вслед, не решились преследовать, и начали спешно грузиться в шлюпки.

Хорунжий Белодед, с трудом удерживая, рвущегося из поводов горячего кабардинца, предложил Найденеву:

– Антоныч, пишли на перехват, пока вонь як зайцы по кушам не поховалысь.

– Пидожды Пэтро!

– А чего ждаты? Балочкой мимо пушек бусурманив проскочимо.

– За бабами гоняться, цэ нэ казцкэ дило, – мрачно обронил Найденев.

– Антоныч, якиж там бабы? Абрэкив тэж жвае! – не унимался Белодед.

«Пэтро дило говорыть!»

«Сэгодня вонь «тэплэньки», а завтра нам кровь пуцать будуть!»

«Антоныч, надо рубать пока нэ поздно!» – загомонили казакь.

Найденев насупился, и, поиграв желваками на скулах, вдруг объявил:

– Шабаш, хлопцы! Вэртаемя до сэбэ!

– Як же так, Антоныч?! – оторопел Белодед.

– А ось так! У тебэ, Пэтро, шо глаз нэмае? Подывысь шо проклятый бусурман с людыною творыть!

– Так вонь же сами напросылысь?!

– Я, сказав, вэртаемя! – отрезал Найденев и рванул поводья.

Жеребев покосился на хозяина и, обиженно всхрапнув, с места взял в карьер. Вслед за есаулом, гикая и подхлестывая лошадей, поскакали остальные. Паника, возникшая было на берегу, после того, как казакь скрылись за пригорком, улеглась и погрузка махаджиров на фрегаты и фелюги продолжилась. К этому времени свободных мест на палубе не осталось и последних беженцев аскеры, словно скот загоняли в грузовые отсеки. Кромешная тьма и зловоние, казалось навсегда въевшееся в доски, слепили глаза и выворачивали наизнанку желудки несчастных.

Князь Геч с семьей с трудом втиснулся в крохотную темную каюту на баке. За эту милость ему пришлось расстаться с частью фамильного золота и серебра. По соседству расположился Барак, его семерых пленников, ставших добычей капитана Сулеймана, поместили в отдельный отсек грузового трюма. Потом, на четвертые сутки, те, кому достались места на верхней палубе, завидовали им. Палящее солнце превращало ее в раскаленную сковороду, и к мукам душевным добавились страдания физические.

Все эти испытания ждали несчастных горцев впереди. А пока перегруженные суда, поймав в паруса попутный ветер, взяли курс в открытое море. Гедлач Авид-

зба, Кайногу Гумба, Шмаф Квадзба, Джамал Бутба и другие воины прихлынули правому борту. Аскеры что-то зло кричали, но они, словно прикипели к нему. Там, на берегу ржали и метались лошади. Надежные в бою, они до конца остались верны своим хозяевам, бросались в море и плыли вслед за ними. Суровые воины, кусая губы в кровь, не могли сдержать слез. Их сердца терзала невыносимая боль и тоска.

Кайногу Гумба побелевшими от напряжения пальцами вцепился в борт и уже ничего другого не видел, кроме своего Алмаза. Его задранная кверху голова мелькала среди волн. Вслед за ним, выстроившись косяком, плыл еще десяток лошадей. Ржание любимца, сотрясло судорогой тело Кайногу, и неподвластная воле сила подняла его над палубой и опрокинула в море. Через мгновение еще несколько фонтанов взметнулось за кормой фрегата. Толпа махаджиров пришла в движение, и аскеры угрожающе забряцали оружием. Но они не обращали на это внимание, их взгляды были прикованы к тем, кто был в море и выбрал другую, чем у них судьбу.

«Храни вас Всевышний! Храни...и.... – слившись в один, повторяли сотни голосов.

Давно уже в голубом мареве растаяли снежная шапка на горе Чумкузба и колючий ежик из могучих сосен на прибрежных высотах. Но никто так и не отошел от борта. Несчастные горцы будто окаменели. Их взгляды были прикованы к зеленой полоске, напоминавшей об Абхазии, а с дрожащих губы срывался ни то стон, ни то молитва:

– Мы вернемся! Мы вернемся....

...Вернемся ... Вернем ..ся, – печально плыло над морской волной. Порывы южного ветра подхватывали ее и несли к пустынным берегам Абхазии....

Спустя сто с лишним лет в 1993 году трагедия махаджирства могла повториться вновь. Закончилась зима, к середине марта снег сошел с предгорий, дороги быстро подсохли и едва зазеленела листва, как бои между абхазскими и грузинскими войсками на Гумистинском фронте вспыхнули с новой силой. В Тбилиси и в Гудауте, даже те, кто был далек от военной стратегии и тактики, хорошо понимали, что путь к будущей победе для одних, и к новому махаджирству для других, зависел от исхода операции за Сухум.

В те дни не только столица Абхазии, но и ее безмолвные стражи, господствующие над городом высоты Ахбюк, Гвадра, Цугуровка и Апианда, находились в руках оккупантов. Их вершины опоясывали густые полосы заграждений из колючей проволоки и минные поля, за которыми в глубоких капонирах прятались, хищно нацелившиеся стволами в небо, минометные и артиллерийские батареи. Подступы к ним, подобно глубоким шрамам, уродовали вырытые в полный профиль окопы, а на направлениях главных ударов земля бугрилась нарывами мощных дзотов и дотов.

Но и этого оккупантам, казалось мало, из Грузии в Сухум срочно перебрасывалась дополнительная авиация, бронетехника и боеприпасы. На побережье в срочном порядке сооружались дополнительные артиллерийские позиции, в море круглые сутки шныряли сторожевые катера. В воздухе витал запах большой кро-

ви, а в душах заклятых врагов нарастало ощущение близкой развязки. Грузинская армия готовилась к отражению наступления абхазских ополченцев и отрядов добровольцев, слухи о нем еще в начале июня начали будоражить армейский и штаб головорезов из «Мхедриони».

Приближение решающих боев особенно остро ощущали на собственной шкуре те, кто сидел в передовых окопах. На Гумистинском фронте чуть ли не каждую ночь абхазские разведчики выкрадывали очередного «языка». На другом – Восточном положении было не лучше. Разведывательно–диверсионные группы «сепаратистов», уже средь бела дня совершали дерзкие нападения на патрули и стационарные посты, наносили удары по транспортным коммуникациям и серьезно затрудняли снабжение грузинских войск из Зугдиди и Тбилиси. К концу июня даже неискушенные в разведке и контрразведке понимали, что наступление часа «Х» не за горами. В министерстве обороны Грузии терялись в догадках, где и когда ожидать наступления «сепаратистов». Поступавшая развединформация носила противоречивый характер. Абхазы что–то замыслили, но вот, что – это оставалось загадкой для грузинских генералов.

Султан Сосналиев, Сергей Дбар и узкий круг офицеров Генерального штаба министерства обороны Абхазии, привлеченный к подготовке наступательной операции, наученные горьким опытом прошлого мартовского наступления, закончившегося полным провалом и обернувшегося тяжелейшими потерями, разработали два плана. Один – фронтального наступления на Сухум предназначался для глаз и ушей грузинских шпионов и тех «советников», кого подозревали в том, что они «слили» прошлый замысел освобождения Сухума.

Тогда, шестнадцатого марта 1993 года части абхазской армии, поднявшись в атаку, неожиданно напоролась на кинжальный огонь вражеской артиллерии и понесли тяжелейшие потери. Горький урок пошел в прок и на этот раз основной план наступления, о котором знало всего несколько человек в министерстве обороны и руководстве Абхазии, носил многоходовой характер. На первом его этапе предусматривалось, нанесение нескольких отвлекающих ударов на вспомогательных направлениях, а затем, на втором – завладение господствующими высотами над столицей, с последующим ее штурмом.

Это был смелый, но крайне рискованный план. Захват высот, оборудованных мощными оборонительными укреплениями в случае неудачи, мог обернуться невосполнимыми потерями. Второе поражение абхазская армия, и без того сражавшаяся на пределе человеческих возможностей, вряд ли бы перенесла. Но и дальше откладывать наступление было нельзя, каждый новый день войны истощал скудные людские и материальные резервы войск. Это хорошо осознавали, как Владислав Ардзинба, так и Султан Сосналиев с Сергеем Дбар.

Уже не один день они ломали головы над тем, как с меньшими потерями завладеть высотами, чтобы потом у армии остались силы для выполнения главной задачи – штурма и освобождения Сухума. Проведенные ими расчеты, говорили одно и то же – без очистки от мин направлений главных ударов рассчитывать на успех операции не приходилось. Решить эту первостепенную задачу, и здесь они сошлись во мнениях – было под силу только тем, кто в тылу противника чувство-

вал себя как дома. И потому, накануне наступления в штаб были вызваны командиры разведывательно-диверсионных групп и их заместители.

Ибрагим Авидзба в тот день дежурил в смене и был несказанно рад встрече с Кавказом. Последний раз они виделись полторы недели назад, а затем, по слухам, тот находился на задании. Но поговорить им не удалось, Кавказа вместе с командирами «сухумской», «пицундской» и «новоафонской» спецгрупп: Арду Анкваб, Бесиком Губаз и Аликом Айба пригласил к себе Владислав Ардзинба.

Перебросившись с ним парой фраз, Ибрагим проводил разведчиков до кабинета. Там, кроме самого Председателя, находился начальник Генерального штаба Сергей Дбар. Перед ними, на столе лежала крупномасштабная карта, на ней в разводах красных, синих и черных линий бросались в глаза высоты: Ахбюк, Гвадра, Апианда и села: Шрома и Цугуровка.

Владислав Ардзинба, энергично пожав руки командирам, пригласил к столу и, когда они заняли места, поинтересовался:

– Как настрой, ребят?

– Боевой, Владислав Григорьевич! – бодро ответили они.

– Это хорошо! – оживился он и, пробежавшись пытливым взглядом по их лицам, остановился на Кавказе и спросил:

– А что думает «главный махаджир», не засиделись ли мы в обороне? Может пора ли наступать?

– Дайте только команду, Владислав Григорьевич! – живо откликнулся Кавказ.

– Мы готовы! – дружно поддержали его остальные.

– Раз так, то тогда, Сергей Платонович, не будем терять время, разъясни ребятам задачу! – распорядился Владислав Ардзинба.

Сергей Дбар склонился над картой, обвел карандашом вражеские позиции в районе высоты Цугуровка и, словно зачитывая приказ, заговорил рублеными фразами:

– Задача ваших групп состоит в следующем – обеспечить необходимые условия для нанесения внезапного удара основными нашими силами по позициям противника в районе населенного пункта и высота Цугуровка! В этих целях необходимо: на первом этапе скрытно проделать проходы в минных полях, после чего, непосредственно перед наступлением нейтрализовать часовых, а затем подавить опорные пункты!

Арда, Кавказ, Бесик и Алик внимательно слушали и не отрывали глаз от острия карандаша, под которым понятные только военному человеку условные знаки и обозначения оживали линиями окопов и сетками минных полей, наблюдательных пунктов и скрытых постов. В заключение, напомнив про особую важность и секретность задания, Сергей Дбар спросил:

– Вопросы есть?

– Нет! Все ясно! – ответил Арда и заверил:

– Мы не подкачаем!

– Вопросы будем задавать на той стороне, – пошутил Бесик.

Сергей Дбар улыбнулся и продолжил:

– Если их нет, то какие будут просьбы?

– Помочь с минами. Нам самим с такими мощными минными поля не справиться, – высказал опасение Алик.

– Дадим столько, сколько скажите! – заверил Сергей Дбар.

– Много не надо, достаточно двух – трех, но толковых и хорошо знающих тот участок, – ответил Бесик

– Сергей Платонович, а мины там какие? – спросил Кавказ.

– В основном, советские, но хватает и итальянских.

– Д...а. С ними придется повозиться, – посетовал Арда.

– Без спецов не обойтись, – поддержал его Бесик.

– Не волнуйтесь, будут вам спецы! – заверил Сергей Дбар.

– Тогда все. А когда приступить к заданию? – поинтересовался Арда.

– Сегодня!

– Сегодня?!.. А...а сколько у нас на все времени?

Сергей Дбар переглянулся с Владиславом Ардзинб, тот кивнул головой, и ответил:

– Не больше трех ночей!

– А что неплохая цифра! Бог любит троицу, может полюбит и нас, – снова не удержался от шутки Бесик.

Председатель ответил мягкой улыбкой и подошел к командирам. Они невольно подтянулись. С этой секунды, с этого мгновения для них уже не существовало невыполнимых задач, так как это была задача самого Владислава! В том, что она будет исполнена, он тоже не сомневался. Арда, Бесик, Кавказ, Алик – их имена ему были известны не понаслышке. За время войны он не один раз имел возможность убедиться в их мужестве, профессионализме и удачливости, а удача ох как им всем была нужна.

И сейчас, рядом с ними, к которым прикипел душой, Владислав Ардзинба думал не о Цугуровке, являвшейся ключом к освобождению Сухума его терзали иные мысли. После 14 августа 1992 года, с первым выстрелом, унесшим первую жизнь, ему на плечи легло невыносимо – тяжелое бремя ответственности за них – граждан новой Абхазии. Каждый новый день войны безжалостно забирал их жизни, и этому конвейеру смерти не было видно конца.

Он внимательно всматривался в полные жизни и энергии молодые лица, Кавказа, Алика, Арду и Бесика, так, словно хотел запомнить их такими навсегда, и здесь болезненная гримаса искривила лицо. Пройдет всего несколько часов и они, подчиняясь его воле, окажутся на передовой, на том ненавистном «поле смерти», где полегли за последние дни десятки ополченцев и добровольцев из Осетии. Перед глазами невольно возникло изрытое воронками минное поле и истерзанные осколками тела–тела его, Владислава Ардзинба, солдат. Проклятая война она снова заставляла его посылать их, к кому прикипел душой, на муки и на смерть!

Рука Председателя коснулась плеча Кавказа. То была редкая минутная слабости. Война не прощает слабину и потом жестоко мстит, забирая двойную цену. Владислав Ардзинба хорошо усвоил ее уроки, и потому вынужден был сказать то, что говорит командир бойцам перед решающим боем, но в конце не сдержался и дрогнувшим голосом произнес:

– Я, приказываю! Нет, я прошу вас, ребята, вернитесь живыми! Вы нужны Абхазии! Хватит смертей! Мы и так заплатили слишком высокую цену!

Лица командиров дрогнули. Слова того, за которого они готовы были, не задумываясь отдать жизнь, тронули сердце обычно скупого в чувствах Сергея Дбар. Он не сдержался и воскликнул:

– Владислав Григорьевич, Я...мы сделаем все, чтобы...

– Постой, постой, Сергей Платонович, – перебил он и с мягкой иронией продолжил:

– Так ты, что тоже с ними собрался?

Тот смутился и не знал, что ответить.

– Нет, так не пойдет! А я тут с кем останусь? – уже откровенно подшучивал Председатель.

Последние фразы теплыми улыбками согрели суровые лица командиров. Они покидали кабинет Владислава Ардзинба с непоколебимой верой в успех операции и потом еще долго ощущали на своих ладонях крепкое рукопожатие его руки. На выходе из кабинета Ибрагим перехватил Кавказа и набросился с вопросами:

– Вы на операцию? Скоро наступление?

– Ну, в общем... – замялся тот.

– А мне можно с вами?

– Поздно!

– Как? ...А если попросить Владислава Григорьевича, он тебе не откажет?!

– Извини, Ибо, не могу, – старался, как мог, смягчить отказ Кавказ.

– Но почему?!

– У нас полный комплект.

– А в других группах?

– Им нужны только минеры.

– Кавказ, возьми! Я не подведу! – взмолился Ибрагим.

– В следующий раз обязательно, а сейчас, Ибо, прости, надо ехать, время поджимает, – свернул разговор Кавказ и направился к машине, у которой нетерпеливо переминались Арда, Бесик и Алик.

Ибрагиму ничего другого не оставалось, как смирился и проводить разведчиков до «газона». Потом еще долго, пока машина не скрылся в клубах пыли, он смотрел ей вслед.

Через пятнадцать минут армейский ГАЗ–66 с командирами разведывательно – диверсионных групп, был на месте – бывшей базе отдыха «Амра», ставшей во время войны одним из центров подготовки спецназа. Там, в полном составе, их поджидали подчиненные. Опытные разведчики, они шестым чувством улавливали, когда наступал их час и были одеты по – походному.

Алик Айба не стал подниматься в коттедж и собрал свою группу под летним навесом. Перед ним находились далеко не новички, а настоящие профи и такими их сделала война. В той прошлой и, уже кажущейся чужой, мирной жизни никто из них не был ни минером, ни снайпером. Гия Тория, Женя Сангулия, Аслан Габуния, Эрдал Таркил – бывшие спортсмены, они на ходу освоили безжалостную азбуку разведки и диверсии, зачет у них принимал самый суровый экзаменатор – война.

Алик закончил инструктаж, и разведчики оживились. В углу жалобно скрипнула лавка под тяжесть тела. Кавказ перевел взгляд, и на его лице невольно появилась улыбка

«Дизель?!»

Ни он сам, ни, пожалуй, никто другой из группы не могли вспомнить его имя. С того дня, когда этот невозмутимый русский крепыш появился на базе подготовки спецназа, к нему намертво прикипело прозвище «Дизель», хотя больше напрашивалось – «Арбалет». За линией фронта, в его ловких руках он превращался в страшное оружие. После каждой такой вылазки оккупантов еще долго будоражили леденящие душу слухи о том, что на помощь к абхазам из Америки прислали майора Чингачгука, капитана Соколиный Глаз и вместе с ними целое племя воинственных гурунов. «Дизель» на это лишь пожимал плечами и с каждой очередной операции возвращался с пустым колчаном.

«Саша Солопов?» – вспомнил Кавказа имя добровольца, и теплая волна симпатии к этому добродушному парню поднялась в груди.

Шел третий месяц войны в Абхазии. В кубанскую станицу, с этой второй родины Александра приходили вести одна хуже другой. Он больше не мог спокойно наблюдать за тем, что творилось за Псоу и, пристроив жену–абхазку с двумя детьми у родственников, присоединился к добровольцам из майкопского отдела Кубанского казачьего войска. Вместе с ними, обходя стороной милицейские посты, горными перевалами пробрался в Абхазию.

То, что Александр увидел здесь, только укрепило его в своем выборе. Пустынная, истерзанная войной Абхазия взывала к справедливой мести тем, кто, подобно волчьей стае, подло набросился на нее и теперь алчно терзал незащитные города и села. Для него, как и для сотен других добровольцев – она, как и все то, что, раньше называлось одним словом – Союз, продолжала оставаться родиной, которую они не желали отдавать циничным политикам, наплевавшим на все ради вожденной власти.

Добравшись до Гагры, он не стал дожидаться, когда его распределят в батальон и на второй день вместе с добровольцем из Ростова «Вовой–папой» ушел на передовую. Арбалет и колчан стрел за спиной не вызвал у обстрелянных бойцов ни удивления, ни улыбки, с врагом воевали всем чем могли. Из того первого своего рейда за Гумисту Александр вернулся с пустым колчаном, зато за спиной висел автомат, а на поясе топорщилась кобура с пистолетом.

В пехоте Александр долго не задержался. Невысокого роста, ловкий и пластичный, как снежный барс, он был рожден для диверсий и разведки. Неизвестно откуда у него все бралось, но ему первому, каким – то шестым чувством удавалось улавливать грозящую опасность и заметить ловко поставленную растяжку, или заставшую в кустах засаду.

Поэтому сообщение Алика о рейде на Цугуровку на лице «Дизеля и остальных ребят не вызвало эмоций. И без его пояснений опытные разведчики догадались, раз их посылают в эту «мясорубку», значит не за горами наступление, и молча отправились готовится в рейд. Прошло чуть больше десяти минут, и во двор базы въехал старенький, но надежный ГАЗ – 66. Без лишней суеты разведчики заняли

в нем свои места и потом еще около часа добирались до расположения батальона, державшего рубеж обороны перед Цугуровкой.

Приказ Сергея Дбар был выполнен точно и в срок. На подъезде к позиции их встретил начальник штаба батальона и проводил в блиндаж. Алик остался доволен. В углу весело потрескивала поленьями печка–буржуйка, которая оказалась весьма кстати. До этого накрапывавший дождь, у Цугуровки перешел в ливень, и промозглая сырость заставила забыть о лете. Все остальное свободное пространство занимали стол, несколько колченогих табуреток и нары, устеленные соломой.

Сложив рюкзаки в угол и, накинув на плечи плащ–палатки, разведчики вслед за начальником штаба по лабиринту ходов–сообщений добрались до передового поста, но там не задержались. Воспользовавшись непогодой, Алик, Кавказ и «Дизель» перебрались ближе к позициям противника, залегли за скалой и принялись вести наблюдение. Несмотря на то, что полторы недели назад им здесь уже пришлось побывать, они внимательно всматривались в коварную зелень склона. Там, под неприметными кочками таилась смерть. Алик с Кавказом вертели биноклями и пытались обнаружить за стеной дождя стальную паутину систем сигнализации. Это оказалось напрасным занятием, ливень не прекращался, им пришлось свернуть работу и вернуться в блиндаж.

В ту самую ночь, когда, разведчики Алика Айба и других спецгрупп начали выдвигаться на исходные рубежи, абхазская артиллерия открыла ураганный огонь по оборонительным позициям оккупантов на Гумистинском фронте и пунктам управления в Сухуме. Такого мощного обстрела город не видел и не слышал за все время войны. От грохота канонады в районе Синопа в домах вылетали стекла из окон, а в Кяласуре с потолков осыпалась штукатурка. В штабе грузинских войск его расценили, как прелюдию к штурму и приготовились к отражению. Этот отвлекающий маневр, задуманный генералами Сосналиевым и Дбар, позволил десятку малых катеров и баржам военно–морских сил Абхазии в ночь с первого на второе июля, совершить смелый рейд из Гудауты к побережью Восточной Абхазии.

Пасмурная погода была только на руку отчаянно– дерзкому командиру Гудаутского дивизиона военных катеров Александру Воинскому и его морякам. Несмотря на кромешную тьму, он уверенно держал нужный курс и, оставшись незамеченными береговой охраной противника, катера и баржи на рассвете вышли в район села Тамыш. Здесь моряки и десантники столкнулись с, казалось бы, непреодолимым препятствием. Шторм к этому времени набрал силу и достиг трех баллов. Волны захлестали палубы косматыми, пенистыми языками и затем ревущими валами обрушивались на едва видевшийся в блеклом лунном свете берег. В такую погоду о высадке десанта и выгрузке артиллерии не могло и быть речи. В грозно ревущем прибое тонули надежды командира десантников Заура Зарандия.

Глава 6

До заката солнца турецкие фрегаты продолжали строго держать боевой порядок. Артиллеристы дежурили у пушек, нукеры не зачехляли оружие, а Сулейман не покидал капитанского мостика. Он не исключал того, что вслед за казаками Найденова, в море на перехват выйдут корабли русской эскадры. Но его опасения оказались напрасны, горизонт, по – прежнему оставался чист, а впередсмотрящие проглядели глаза, пытаясь обнаружить русский парус.

На этот раз все складывалось, как никогда, удачно. Берег Абхазии турецкая военная экспедиция покинула, не потеряв ни одного аскера, ни одного моряка. Погрузка махаджиров на борт прошла без большой пальбы и серьезных стычек с ними. Если не считать двух десятков, потерявших головы и бросившихся в пасть к казакам Найденова, а затем нескольких «сумасшедших», сиганувших в море к своим жеребцам, то погрузка на борт прошла, вполне, мирно.

Потом еще несколько часов на палубах царила обычная в таких случаях неразбериха, кое–где вспыхивали мелкие конфликты с аскерами, но вскоре все улеглось. От вида бескрайней громады моря, внушавшей большинству горцев суеверный ужас, даже самые воинственные присмирели. Жизнь постепенно брала свое, кто, как мог, торопился обустроить свою походную жизнь. К вечеру у кое–кого от гордости не осталось и следа. Самые ушлые быстро смекнули, что на раскаленной, подобно сковорода палубе долго не продержаться, и как только стусились сумерки, начали тайком шмыгать в каюты. Там, вдали от чужих глаз, с их хозяевами шел циничный торг за место получше и будущую крышу над головой в Турции. Заносчивые гордцы князя Геч и Барак, оставшись без своих верных нукеров, сбросили спесь, и, еще раз раскошелившись, перебрались в каюты второго класса.

«Море обламывало и не таких, как вы! – хмыкнул им вслед Сулейман и, покачивая на руке увесистый кожаный мешочек с золотом, положил в сундук, –

Через пару суток все станете, как шелковые. За глоток воды отдадите не только последнее, а и своих жен! А с таким «приданным» можно подумать и об окончании службы. Через четверо суток буду в Самсуне, а там, под защитой артиллерии мне не страшен сам черт! – тешил он себя надеждой.

В памяти была еще свежа предыдущая вылазка в Абхазию, едва не обернувшаяся пленом. При одном воспоминании о ней Сулейман зябко повел плечами. В тот раз матросы еще не успели поднять паруса, как на горизонте появились три русских военных корабля и взяли фрегат в клещи. Лишая маневра, они теснили его к берегу, и экипажу ничего другого не оставалось, как принимать бой. Через час была потеряна половина парусов и половина команды. Русские артиллеристы знали свое дело и почти посадили его на «мертвый якорь», обрушив на палубу грот-мачту. Впереди ждали смерть или постыдный плен, но великий аллах смилостивился и пришел на помощь. Внезапно налетевший шторм и ночь спасли от позора. В порт Самсуна он возвратился с пустыми карманами и подмоченной репутацией. Две фелюги с махаджирами во время шторма пошли ко дну, а те, что уцелели после боя, голые и босые уже ничем не могли расплатиться.

Пока ему везло. День прошел и русские себя никак не проявили, их флот, похоже, так и остался стоять на рейде у Геленджика. Впереди была ночь, а в открытом море его резвую «Османиэ» не так-то просто было перехватить. Попутный ветер подгонял ее к берегам Турции и только «обоз» из тихоходных фелюг вынуждал держать средний ход. Этот рейд, после которого Сулейман решил больше не выходить в море, должен был вновь вернуть ему славу самого удачливого капитана, а к казенному жалованию дать весомый довесок. Восемьсот живых душ, за которых не щедро, но все таки платила казна, семь рабов и из которых одна только горянка-красавица даже на таком захудалом невольничьем рынке, как в Самсуне, стоила целого состояния, могли обеспечить ему безбедную старость.

Глядя на сундук, почти доверху забитый серебряной утварью, Сулейман испытывал нечто большее, чем искушение грядущим богатством. Он упивался властью и не просто властью капитана корабля. Здесь в море у него, как у великого султана было право миловать и даровать жизнь. Все они: князья и простолюдины зависели от его воли-воли непобедимого и беспощадного к врагу и человеческим слабостям капитана Сулеймана. Кое-кто еще продолжал хорохориться, не подозревая, что пройдет всего несколько дней и им придется вымалывать у него глоток воды, кусок хлеба, а потом и саму жизнь.

Сулейман закрыл сундук на замок, поднялся на капитанский мостик и полным презрения взглядом прошелся по копошившемуся на палубе людскому муравейнику. На ней негде было упасть яблоку. Все свободное пространство и даже спасательные шлюпки оказались заняты. Тут и там выросли шатры из накидок, бурок и женских платьев. Под ними искали защиты от палящего солнца дети, старики и больные. Мужчины и те, кто был покрепче, ловили тень от парусов и терпеливо переносили трудности. Они надеялись, что через трое-четверо суток все испытания будут позади, а щедрые обещания посланцев султана смягчат горечь потерь и утрат.

Подходил к концу этот первый, показавшийся горцам бесконечно длинным, день. Зыбкую тишину изредка нарушали отрывистые команды, скрип руля и плач детей. Время от времени ее оживляли матросы, с ловкостью обезьян взлетающие по канатам на мачты и реи, чтобы сменить паруса. Ближе к вечеру море покрыла мелкая рябь, солнце затянула сизая дымка, а в снастях сердито засвистал ветер.

Фрегат прибавил скорость, седые барашки вспенились перед носом и подхваченные потоками воздуха, живительной прохладой оседали на разгоряченных телах и лицах горцев. Они жались к бортам, чтобы попасть под свежую струю, те, кто оказался посноровистее, украдкой от команды подвязывали к кувшинам веревки, черпали воду, а потом обтирали детей и себя.

Семье Гедлача Авидзба повезло больше, чем другим. Ей досталось место по правому борту, у спасательной шлюпки. По другую сторону расположилась Шезина Атыршба двумя дочерьми, сыном и отцом. За ней, ближе к фок-мачте разбилась «табор» многодетная семья Астамура-кузнеца. И пока Гедлач помогал Шезине и ее детям укрыться от солнца под зыбким пологом, Амра со старшим сыном Дауром из старой черкески и своих платьев соорудили навес. Под него забрались младший сын трехлетний Алхаз и племянник – сын Арсола – Аляс. Его еще на берегу начала изводить высокая температура и он едва держался на ногах. Вскоре к ним присоединилась дочь Апра.

Амра была в ужасе, бедняжку от морской качки выворачивало наизнанку, и она не знала, что сделать, чтобы облегчить ее страдания. После каждого приступа рвоты ей приходилось тратить драгоценную воду и скоблить доски палубы, чтобы избавиться от душающего запаха. Жара делала его невыносимым, и она невольно сжималась в комок, когда поблизости появлялись аскеры. Они брезгливо морщились и пока молча проходили мимо. Соседи бросали на нее сочувствующие взгляды, но ничем не могли помочь. И только наступившие сумерки, принесшие долгожданную прохладу, облегчили страдания детей. Апра одну за другой выпила две кружки воды и, опершись о борт шлюпки, жадно глотала свежий воздух. Лучше стало Алясу, у него спала температура, и впервые за последние дни проснулся аппетит. Оживились и соседи. Зашуршали переметные сумы, забулькала вода в бурдюках и баклажках.

– Пора и нам подкрепиться, – предложил Гедлач и достал из-под горки узлов переметную суму и бурдюк с водой.

– Есть еще сушеная хурма, – напомнила Амра.

– Оставим на черный день

– А Аляс? У него не осталось сил.

– Не надо, тетя! Мне сегодня лучше, – тихо произнес он.

Гедлач бросил взгляд на его изможденное лицо и потянулся к холщевому мешочку. К скудному ужину: крохотным кусочкам кукурузных лепешек, копченого сыра и вяленного мяса добавилась величиной не больше, чем грецкий орех сушеная хурма.

– Бери, бери, Аляс! – подала ее Амра, а потом принялась из рук кормить малолетнего Алхаза.

Даур с Апррой медленно жевали высохшее, будто кость мясо и избегали смотреть на Аляса. Последний раз им досталось по хурме четыре дня назад, на берегу, когда Алхазу исполнилось три годика, и тогда отец расщедрился. Вскоре на растеленном матерью платке не осталось даже крошки. Отец снова достал бурдюк и они, подолгу смакуя каждый глоток из скупой отмеренной им порции, пытались утолить жажду. Потом, отвалившись на спину и закрыв глаза, дети и взрослые по-

старались на время забыться. Усталость и прохлада быстро нагнали сон. Первыми уснули Аляс с Алхазом, за ними Амра с Алясом, не спалось только Гедлачу.

Он, остановившимся взглядом смотрел на густо усыпанное звездами небо, и жгучая тоска сжимала сердце. Это было чужое небо и чужие звезды. Они равнодушно смотрели на него, и ему стало так пронзительно больно и горько, что на глазах невольно навернулись слезы. К горле застрял горький ком, губы задрожали и с них готов был сорваться крик:

«Зачем?! Зачем ты это сделал?»

«Прости отец! Простите Коса! Прости Арсол!»

«Будь проклят тот день, когда я послушался этого шакала Дзагана!»

«За что нам такое наказание? За что?»

«Господи, накажи меня, но пожалей Амру с детьми!»

Тихо шептал Гедлач и не чувствовал, как по щекам катились слезы. В его сумеречном сознании смешались жуткая явь и горячечный бред. В тусклом свете луны палуба напоминала собой тело больного чумой, на ней возились, стонали и рыдали сотни односельчан. Сердце Гедлача вновь защемила смертельная тоска. Вдали от родных гор, затерянный среди бескрайнего простора, он чувствовал себя песчинкой, подхваченной бурным потоком и выброшенной в бескрайнюю громаду моря.

Оно тяжело ворочалось и вздыхало за бортом. Порывистый ветер то разбойничьим наскоком трепал паруса, то затихал и тогда они бессильно обвисали. Перед рассветом установился полный штиль. Длился он недолго, вскоре горизонт на востоке посветлел, звезды последний раз трепетно мигнули и поблекли. Небо с море потемнели и слились воедино, не стало слышно волны. Воздух застыл, все замерло в ожидании нового дня. Минуло мгновение и первым ожило море, где-то в его глубине рождалось движение. Слабая рябь сморщила зеркальную поверхность. Прошла секунда, другая и с востока на корабли покатила бледно-розовая волна. Вслед за ней яркая вспышка разорвала полумрак и над горизонтом показалась багрово-красная кромка солнца.

День вступил в свои права, но он не радовал горцев. Вокруг, по-прежнему, простиралось бескрайнее море. Солнце быстро разогнало утреннюю дымку и оно покрылось слепящей глаза серебристой чешуей, а над палубой вновь поднялся удушающий смрад. К полудню пекло стало невыносимым и все чаще, то тут и там звучали жалобный плач детей и приглушенные стоны стариков. Природа, словно, испытывала их на прочность. К вечеру ветер совсем стих, паруса обвисли, и корабли легли в дрейф.

Ночь не принесла облегчения, скудные запасы воды подходили к концу и те крохотные порции, которыми горцы поддерживали себя, только распяляли жажду. И когда наступило новое утро, то над палубой снова зазвучали детский плач и стенания женщин. Жара отбирала последние силы у самых слабых и больных. Мужья, с потемневшие от горя лицами, все чаще бросали гневные взгляды на аскеров и моряков. Их сытые физиономии только будили у них ненависть и злобу.

Тертый калач капитан Сулейман почувствовал, что назревает бунт, и предусмотрительно выставил на корме и носу вооруженные команды. Но не это остановило

отчаявшихся горцев, готовых было уже броситься в рукопашную, а появившиеся над мачтами птицы и обилие рыбы в море. Они воспрянули духом в надежде на скорый приход в порт. Прошел час за ним другой, а берег так не появился. Наступила новая ночь, на смену ей пришел рассвет, а перед ними, по-прежнему, простиралось бескрайнее море. Их терпение иссякло, отчаяние переросло в ярость. Первая стычка с аскерами произошла на носу. Громкая перебранка быстро переросла в драку. В ход пошли кулаки и кинжалы, но силы были явно не равны. Обесилевшие от голода и жажды горцы не устояли перед дружным натиском аскеров, пустившими в ход сабли и открывшими огонь из ружей и пистолетов.

Сулейман действовал быстро и беспощадно еще две группы аскеров рассекли остальных горцев на части, согнав в кучи и окружили плотным кольцом. Гедлачу, Астамуру–«кузнецу» и остальным ничего другого не оставалось, как, стиснув зубы наблюдать за бойней на носу. Спротивление там было вскоре подавлено, а те, кто уцелел под дулами и штыками аскеров принялись выбрасывать за борт раненых и убитых. Амра, Апра и Шезина пришли в ужас, когда глянули за борт. Вода вокруг тел кипела, это стаи рыб терзали и рвали на части человеческую плоть. Сверху над ними с **голодным** клекотом велись птицы. В течение еще десяти лет подобные «караваны смерти» прокладывали по Черному морю трагические маршруты исхода с родины убухов, абхазов, шапсугов и адыгейцев. С тех дней для них и потомков нет большего греха, чем употребить в еду морскую рыбу.

Потрясенные происшедшим, Гедлач, Джамал Бутба, Шмаф Квадзба, с трудом пришли в себя и, не сговариваясь, вместе с князя Геч и Баракком, двинулись к капитанскому мостику. Внизу у трапа их остановили аскеры. Грозно бряцая оружием, они ждали команды Сулеймана.

– Пусть поднимутся трое! – распорядился он.

Гедлач и князя поднялись на капитанский мостик, дальше им не дали пройти три «амбала». Гора лоснящихся от пота мышц и обнаженные ятаганы надежной стеной оградили Сулеймана от любой выходки горцев. Они, постреливая исподлобья ненавидящими взглядами, не могли найти слов, их захлестывала ярость от презрения, сквозившего в его и глазах переводчика.

– Так, чего вы хотите? – начал терять терпение Сулейман.

– Облегчить страдания наших стариков и детей! – первым заговорил Барак.

– Чего?!..

– Капитан, они умирают! – пытался пробудить в нем жалость Гедлач

– Зачем нас испытывать? Зачем? – с трудом сдерживал Гедлач, клокотавший в нем гнев.

– Это не я, а великий аллах испытывает вас, – процедил Сулейман.

– Мы много не просим. Дайте немного воды и еды, – старался смягчить тон разговора Геч.

– Воды?

– Да, детям? А мы потерпим.

– Она осталась только для воинов и я...

Но Сулейману не дали договорить, тут взорвался Барак:

– А мы кто? Я двадцать лет воевал с гуярами! И где эта милость вашего султана?!..

– Чт...о?! Ты что сказал паршивый пес? – злобная гримаса исказила лицо Сулеймана.

Он подался вперед, его униженные перстнями пальцы сжались в кулак, и сокрушительный удар опрокинул князя на палубу. Вслед за ним «амбалы» обрушились на Гедлача и Барака. Избитые и, раздавленные унижением, они возвратились к своим семьям и потом стыдились смотреть в глаза детям, женам и старикам. Они, никогда не клонившие головы перед самым сильным врагом, на этот раз оказались бессильны защитить их от других, незримых врагов – жажды и голода. Им ничего другого не оставалось, как только смириться и ждать.

Пятый день хождения по мукам горцев подходил к концу. Штиль, наконец, сменился легким бризом и басистый зов горна ворвался в монотонный шум моря. Сигнальщик, широко расставив ноги, бодро выдувал заливистые трели. Внизу захлопали двери кают, и топот десятков ног сотряс трапы. Через мгновение матросы подвахтенной команды высыпали на палубу. Вместе с вахтенными они, подчиняясь зычным командам капитана Сулеймана, подобно, гигантским черным паукам стремительно вскарабкались на мачты и рассыпались по реям. Ловко балансируя на головокружительной высоте, с поразительной скоростью и точностью выполняли команды капитана.

Прошло несколько минут, и фрегат окутало белоснежное облако из парусов. Оно лучилось огромными полумесяцами, напоминавшими простым смертным о величии и могуществе наследника аллаха на земле турецкого султана. Он был далеко, а здесь на корабле вершил жизнями и смертями горцев уже не столько суровый капитан Сулейман, а властители гораздо более жестокие и безжалостные: голод, жажда и невыносима жара. Они, сменяя друг друга, а в последнее время все вместе, изводили свои жертвы. И в этой, бесконечной пытке, лишь на короткое время наступали паузы.

К вечеру суровая природа ненадолго сжалилась и дала им передышку. Уставшее за день солнце нехотя скатилось к горизонту. Жара спала и палуба, до этого походившая на раскаленную сковородку, начала остывать. Усилившийся ветер наполнил паруса и они, вздувшись огромными белыми пузырями, накрыли ее сверху и закрыли от солнца. На его порыв фрегат отозвался крупной дрожью, затем дернулся и, погнав носом седую волну, резво поплыл вперед. Спасительная тень и движение воздуха на время облегчили страдания горцев.

Вместе с прохладой они медленно возвращались к жизни. Послышался звон посуды, зашуршали переметные сумы и те, кто еще был в силах двигаться, принялись извлекать из укромных мест последние скудные запасы пищи. Журчание воды и слабый запах кукурузных лепешек отзывались на иссушенных солнцем, жаждой и голодом лицах мучительными судорогами. Тут и там зазвучали детский плач и старческое причитание. Первые молили еще об одном глотке воды, а вторые, прикоснувшись к пище, в молитве просили Всевышнего облегчить их страдания.

Гедлач вытащил из – под горки узлов тощую переметную суму, развязал тугой узел и достал со дна, затвердевшую как камень кукурузную лепешку. Амра постелила под нее платок. Это были их последние припасы взялся за лепешку. Стараясь

не потерять и крошки, принялся ломать ее на равные части. Она с трудом поддавалась, ногти царапали затвердевшую как камень корку и крошки сквозь пальцы сыпались на платок. Амра тут же их подгробала к аккуратно разложенным кучкам. И когда от лепешки ничего не осталось, он снова разгреб узлы, достал бурку, развернул и из нее показался сморщившийся, будто печеная груша, бурдюк с водой. Еще накануне дети могли позволить себе роскошь выпивать по пять глотков за раз, но после того, как сегодняшней зной едва не убил Аляса, на такую норму им уже не приходилось рассчитывать.

Его пальцы бережно, словно это была не пробка, а нежный персик коснулись ее. Алхаз, потерявший голос от крика голос, жалобно запищал и исхудавшими ручонками потянулся к нему.

– Потерпи малыш. Сейчас, сейчас, – пыталась унять его Амра.

Подсохшая на жаре пробка легко поддалась и вышла из горловины бурдюка. Осевшие на ней бисеринки воды, вспыхнули на солнце алмазной россыпью и заставили всех судорожно сглотнуть. Стараясь не уронить и капли, Гедлач передал ее Дауру. Тот бережно принял и, не давая пропасть драгоценной влаге, припал к пробке растрескавшимися губами. Малыш Алхаз зашелся в судорожном кашле.

– Амра, возьми, – поднес ей бурдюк Гедлач

– Сначала Аляс? – предложила она.

Тот вторые сутки опять лежал пластом.

– Он мужчина. Потерпит

– Я.. я потом, тетя, – еле слышно произнес юноша.

Амра приподняла бурдюк, сделала глоток, на втором остановилась и склонилась над Алхазом. Обхватив губами, его, почерневшие и превратившиеся в запекшуюся полоску губки, она капля по капле стала вливать в рот. Мальчик широко распахнул глазенки, и его маленькое тельце затрепетало. Вода ненадолго возвратила малыша к жизни. Амра, сделав пять глотков, передала бурдюк дочери. Вслед за Апрой, Аляс и Даур, выпили по три глотка, это была та норма, которую с сегодняшнего утра четыре раза в сутки стал выдавать отец. Сам он не стал пить, заткнул бурдюк пробкой, завернул в бурку, положил по самый низ узлов и предложил:

– Теперь можно покушать.

Руки потянулись к сиротливо лежавшим на платке серым кучкам. Амра, облизнув пальцы, собрала оставшиеся крошки, и поднесла к губам Алхаза. Тот силится их сглотнуть, но у него уже не хватало сил и тогда она, разжевав кусочек лепешки, вложила ему в рот. Малыш сипел и никак не мог проглотить. Коричневая пена выступила на его губах, и бедняжка зашелся в кашле. Даур не мог больше смотреть на мучения брата, сухие спазмы перехватили горло, а когда отпустили, забился под корму шлюпки и принялся грызть свой кусок. Борясь с искушением проглотить целиком, он медленно рассасывал его, стараясь продлить эту иллюзию, заставлявшую на время забыть о голоде. Она длилась недолго, последний крохотный кусочек соскользнул в горло. Прошло некоторое время, и голод снова напомнил о себе, вместе с ним проснулась жажда. Язык опять превратился в терку, и каждое его движение отзывалось болью в горле.

Перед Дауром плыли и ломались мачта, фигуры матросов на реях, капитанский мостик с Сулейманом и когда взгляд упал на палубу, у него перехватило дыхание. В нескольких метрах сиротливо валялась баклажка для воды. Он закрыл глаза, а когда открыл, то она не исчезла и не испарилась. В том, что она не была пуста, не возникало сомнений. В такт качке обостренный жаждой слух, улавливал слабое бульканье, и в эти мгновения в воспаленном сознании возникали ручьи и целые реки ледяной, сводящей судорогой зубы, воды.

Как магнит баклажка притягивала к себе, кроме нее Даур уже ничего другого не видел. Порой ему казалось, что все это лишь плод болезненного воображения. И когда он снова открыл глаза, то баклажка никуда не исчезла и не испарилась. Она медленно ползла по палубе и все ближе подкатывалась к ногам. Только одно движение, и она оказалась бы в его руках. Усилием воли Даур справился с искушением и опять закрыл глаза, но жажда не стала слабее. Горло горело так, будто в него залили свинец. Борясь с искушением, он искусал губы в кровь, ее сладковатый привкус мутил сознание и ослаблял волю. С каждой минутой эта попытка становилась все более невыносимой. Десятки, сотни баклажек, залитых водой, кружились журчащим калейдоскопом в горячечном сознании. У него уже не было сил больше терпеть, и рука сама потянулась к баклажке, но пальцы схватили воздух. Фрегат качнуло на крутой волне, и она закатилась под днище спасательной шлюпки. Он проводил ее тоскливым взглядом, и чтобы не дразнить себя, перевел на капитанский мостик.

На нем кроме рулевого и Сулеймана никого не было, свободные от вахты матросы спустились в каюты, и дремали под мерное покачивание судно. Легкий ветерок, потягивавший с востока трепал его разлохмаченную шевелюру. Ловя порывы, он повернулся лицом к ветру и расстегнул рубаху. Недолго постояв, обернулся к трапу и что-то зычно крикнул. Не прошло и минуты, как на палубе появился вахтенный и принес поднос с запотевшим глиняным кувшином. Расплескав воду по подносу и палубе, Сулейман налил полный стакан и стал жадно хлебать. Даур тоскливым взглядом сопровождал каждый глоток, а рука сама поползла под днище шлюпки. Чужие, непослушные пальцы нащупали баклажку и выдернули пробку. Иссохшие губы припали к горлышку и теплая, с горьковатым привкусом жидкость хлынула в горло. Он поперхнулся и зашелся в кашле

– Даур?!...

Отчаянный крик Шезины заставил его оцепенеть.

– Люди что же это такое?! Что с нами будет? – запричитала она

Ее горестные стоны подняли на ноги соседей. Шезина силилась что-то еще произнести, но ее душили слезы, а с растрескавшихся губ срывались лишь обрывки слов. Все взгляды сошлись на Дауре. В одних он видел презрение, в других укор, но ни у кого не находил сочувствия. В нем все помертвело. Рука, сжимавшая баклажку, безвольно разжалась, она упала на палубу, и слабая струйка пролилась на доски. Прошла секунда, другая и от лужицы осталось лишь серое невзрачное пятно.

Шезина тихо всхлипнула, без сил опустилась на колени и, потрясая баклажкой, повторяла как заклинание:

– Вода! Вода!...

Первым не сдержался ее племянник Кемал и бросил в лицо:

– Ты не мужчина, Даур!

Его дед старый воин тяжело вздохнул, посмотрел исподлобья на Гедлача, но ничего не сказал. Тот потемнел в лице, и гнетущее молчание взорвало одно единственное восклицание:

– Шакал!

Оно, подобно бичу хлестануло по Дауру. Он был раздавлен и не находил сил поднять головы, чтобы посмотреть в глаза отцу.

– Гедлач, прости! Это же твой сын! – бросилась умолять мужа Амра.

– Кто? ... – больше у него не нашлось слов.

– Что же нам делать? Чт...о?!... причитала Шезина и потерянно вертела баклажкой.

– Прости нас, если можешь и возьми воду, – прошептала Амра.

Гедлач запустил руку под узлы достал бурдюк и протянул Шезине.

– Нет, нет! А как вы? У вас же маленький, – не знала, что делать она.

– Отец, прости я... – Даур осекся.

– Я тебе больше не отец! – бросил ему в лицо Гедлач и повернулся спиной.

– Гедлач?! ... Даур?! Как же так?! – разрывалась между мужем и сыном бедная Амра.

Даур сник, на его и без того бледном лице не осталось и кровинки. Сгорбившись, он побрела к корме. Амра порывалась пойти за ним, но всякий раз, гневный окрик мужа, возвращал ее обратно. Эту ночь семья Авидзба провела без старшего сына. Утром Амра и Шезина, тайком от Гедлача отправились на его поиски, но так и не нашли, ни на верхней, ни на нижней палубе. Он исчез. Безжалостный Молох Кавказской войны за сотни километров от поля боя продолжал пожирать свои жертвы. В тот день Гедлач не проронил ни слова, ничего не ел и не пил, а с наступлением ночи завернулся в накидку и отвернулся к шлюпке. Амра, уложив детей, прилегла рядом, и опустила руку ему на плечо, но оно оставалось, по-прежнему, неподвижно и холодно, как лед.

Она не знала, что делать и тихо рыдала. Слезы обессилили ее, но терзавшие переживания не давали уснуть. Отвлекли от них, внезапно появившиеся в воздухе острые запахи пищи Она приподнялась над палубой и глубоко вдохнула. Нет, это не было обманом или галлюцинацией. Это, действительно были запахи настоящей кукурузной лепешки и вареного мяса?! Она тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения, но они не исчезли, а стали еще острее и доносились оттуда, где расположилась семья Астамура–кузнеца.

Их приглушенные голоса и загадочные шорохи будили в ней любопытство, а вкус мяса, который так явственно ощущался на губах и, ломящей болью отзывался в висках, неудержимо влек к себе. Она выбралась из-под бурки, приподнялась над бортом шлюпке и не поверила собственным глазам.

Перед Астамуром лежала стопка лепешек, а на листе капусты кусок мяса. И это не было игрой ее воспаленного, голодного воображения. В лунном свете в его руке тускло блеснуло лезвие ножа. Он торопливо кромсал мясо на куски, а жена раскладывала по кучкам. Голод и нетерпение оказались настолько сильны, что дети, не дождавшись дележки, потянулись к ним.

– Подождите, всем хватит! – зашипел на них Астамур.

– Папочка я кушать хочу?! – взмолился детский голосок.

– Тихо, доченька, тихо, – прошептала Асида и ладошкой прикрыла ей рот.

– Папа, а почему на пять? – спросил старший сын Шабад.

– Ты, забыл про Айшу, – напомнила средняя дочь Айгюль.

– Помню! Ешьте! Она скоро придет! – мрачно обронил Астамур, отложил нож в сторону и взял себе последний кусок мяса.

Сбившись в кучку, они торопливо глотала пищу. Большие куски застревали в горле, Шабад поперхнулся и зашелся в надрывном кашле.

– Выпей, выпей, сынок, – послышался испуганный голос Асиды.

Обостренный жаждой и голодом слух Амры различил среди шорохов и шуршания журчание воды. Искушение оказалось сильнее стыда, и не в силах противиться ему она подалась вперед. Шум шагов на трапе заставил ее отпрянуть назад, а семью Астамура замереть. Асида набросила платок на лепешки. Шабад и Айгюль торопливо спрятали в рукава куски лепешки и с опаской посматривали на зияющий провал. Их страхи оказались излишни, из него серой тенью возникла девичья фигурка. Кто это был, Амра не сразу узнала, лицо девушки закрывал надвинутый на самые глаза платок. В руках у нее был узелок. Она поднялась на палубу и, проскользнув между спящих вповалку соседей, опустилась рядом с Астамуром. Узелок выпал из ее рук и на платок скатились головка сыра и горсть сушеных фиников. Глухие рыдание сотрясли девушку. Асида обняла дочь и, поглаживая по голове, глотала слезы и повторяла:

– Прости доченька, прости.

Платок спал с головы девушки, и Амра узнала в ней старшую дочь Астамура, пятнадцатилетнюю Айшу. А в следующее мгновение ее пронзила страшная догадка, какой ценой Астамур спасал семью. Потрясенная она не сдержалась и воскликнула:

– Господи, и за что нам такое наказание!

Ее возглас прозвучал для Астамура, подобно удару грома. Он сгорбился и затем медленно обернулся. В блеклом свете луны его и без того изможденное лицо походило на безжизненную маску. Страдальческая гримаса искривила губы. Он силился что-то сказать, но с них срывались лишь невнятные звуки. Сколько длилась эта немая пауза, не могли сказать ни Амра, ни Астамур. Первой пришла в себя Асида, схватив лепешку и горсть фиников, принялась совать их ей в руки.

– Нет, нет! – отшатнулась Амра.

– Это детям.

– Я...я, не могу. Я...

– погоди, Амра! – сипло произнес Астамур, шагнул к ней и взял за руку.

Нервная дрожь, сотрясавшая его, передалась ей.

– Ты потеряла Даура? А мы... – больше ему не хватило слов.

Амра ничего не ответила и поникла головою. Это напоминание острой болью кольнуло сердце и страдальческой гримасой исказило ее лицо. Астамур судорожно сглотнул и с трудом выдавил из себя:

– А мы... потеряли дочь.

– Прости, Астамур

– За что? Я сам виноват. Будь проклят тот час, когда я послушался этого шакала Дзагана!

– Кто знал, что так все обернется.

– Да. Теперь нам остается одно – терпеть.

– Но какой ценой? – горестно выдохнула Амра.

В груди Астамура, что – то екнуло и он потеряно ответил:

– Но надо же как- то жить, Амра?

– Да, – прошептала она и развернулась, чтобы уйти.

– погоди! – остановил он, и распорядился:

– Асида, дай еще мяса.

– Мясо?! ... Нам? – растерялась Амра.

– Бери, бери! Только не говори никому.

– Я...я, не могу, – пыталась отказать Амра, а руки помимо воли тянулись к этому сказочному «богатству».

– Возьми, возьми. У вас дети, – присоединилась к мужу Асида.

– Спасибо, вам! Пусть господь хранит вас и ваших детей. Мы этого не забудем, – прошептала Амра и возвратилась к себе.

Это нежданно свалившееся на нее «богатство» жгло руки. Она все еще не могла прийти в себя и не знала, что с ним делать. Ей приходилось разрываться между чужой, страшной тайной и тем, что Гедлач мог не принять этот «дар» Астамура. Сам он, привалившись к шлюпке, спал крепким сном, рядом под боком тихонько постанывала во сне Апра. Отбросив последние сомнения, Амра первой разбудила ее.

– Где мы, мама? – не могла она понять спросонья.

– Тихо, доченька, тихо, – умоляла ее Амра и подала в руку кусочек лепешки и мяса.

– Что это? – растерялась Апра.

– Мясо, доченька.

– Мясо?!... Откуда?

– Кушай и не спрашивай, – торопила Амра.

– А Алхазик, Аляс?

– Им тоже будет.

– Да, – больше Апра не задавала вопросов, под ее зубами захрустела корочка лепешки.

После того как она поела и легла спать, Амра по очереди покормила Алхаза с Алясом, потом сама съела кусочек лепешки, а то, что осталась, сложила в переметную суму, надеясь, что этот «подарок» Астамура примет и Гедлач. Теперь, когда дети поели, ей уже не так был страшен его гнев. Еще один день, у подступившей было к ним смерти, она сумела отвоевать.

Начался он, как обычно, со звука горна сигнальщика. Ничего кроме ненависти у горцев он не вызывал. С его звуками с прежней силой в них проснулись голод и жажда. Но на этот раз с утра солнце не так пекло, как вчера, а к обеду пепельная дымка затянула горизонт на севере. Прошло меньше часа, и его диск оранжевым

пятном расплылся над головой и, подобно запылившейся керосиновой лампе, тусклым светом заливал фрегаты, фелюги и горцев, жавшихся друг к другу, в предчувствии новой беды.

Женщины и дети с ужасом смотрели на внезапно вспучившееся море, тут и там вскипавшее седыми бурунами. Волны росли на глазах и, наливаясь свинцом, жадными языками облизывали борт фрегата. Под их ударами корпус жалобно поскрипывал, а палуба отзывалась судорожной дрожью. Она передавалась людям.

Плач детей, горестные возгласы матерей слились в один мучительный стон, терзавший сердца мужчин. Они отводили глаза в сторону, так как ничего не могли противопоставить, той грозной стихии, что надвигалась на них. Неподвластная ни капитану Сулейману, ни экипажу, она набирала силу. Нос фрегата все глубже зарывался в волну, и потоки воды, раз за разом обрушивались на палубу. Злобно шипящие языки, извивались под ногами, забирались под шлюпки и, прихватив с собой, что ни будь из нехитрого скарба, скатывались в море.

Гедлач с тоской озирался по сторонам, ища защиты от слепой стихии. Выросший среди гор, он не знал, как уберечь от нее жену и детей.

– Рви все, что попадет под руки! – первым нашелся Астамур – кузнец, до этого не один раз, выходявший в море.

– Зачем? – не сразу сообразил Гедлач.

– Плети веревки!

– И что...

– Когда начнется шторм, будем привязываться.

– Ясно.

– Детей вяжи тоже. Руками не удержать.

– Конечно! – оживился Гедлач и потянулся к узлу с вещами.

– И еще, когда волна накатит, надо сжать в комок. И лицом, лицом к ней, – дал новый совет Астамур.

– Спасибо, брат, – поблагодарил Гедлач и вместе с Амрой и Апрой принялись перетряхивать все, что попадалось под руки, рвать на полосы и вить веревки.

Рядом, тоже самое, делали Шезина Атыршба с отцом. Кто, как мог, готовился встретить новую беду. О том, что ее не миновать говорило все вокруг. Серо-розовые сумерки плотной пеленой окутали фрегаты и фелюги. Прошло еще какое-то время и море слилось с небом. Первый громовой раскат, заглушая шум волн и свист ветра, пригнули всех к палубе. За ним последовал второй, третий, временами казалось, что небо вот, вот расколется и рухнет на палубу. Строй кораблей нарушился, их капитаны с экипажами теперь боролись каждый сам за себя. И без того перегруженные фелюги все чаще черпали бортами воду, вскоре безнадежно отстали от фрегатов и затерялись в сгустившемся мраке.

Сулейман, вцепившись мертвой хваткой в поручни капитанского мостика, сорвал голос, посылая матросов наверх крепить паруса. Они, рискуя сорваться в клокочущую морскую бездну, каким-то чудом держались на реях и вантах. Свирепый «крымчак» снова и снова с неистовой силой налетал на фрегат, рвал из их рук веревки и норовил сбросить вниз. Не выдержав его напора, с оглушительным треском разлетелись верхние паруса на грот и фок-мачте и, подобно, чайкам, взмахнув ласкутьями – крыльям, пропали во мраке.

Фрегат, терял управление и уже неподвластный руке рулевого, становился игрушкой волн. Они с торжествующим ревом обрушились на него и, сметая все на своем пути, прокатывались по палубе. Гедлач едва успел глотнуть воздуха, как новый вал накрыла его с головой и, подхватив, перебросила через шлюпку. Веревка, привязанная к поясу, лопнула, и он взлетел над палубой. В последний момент правой рукой успел ухватиться за канат, а левая, не выдержав напряжения, разжалась.

– Ал...хас?! – дикий вскрик вырвался из груди Гедлача. Его мальчик, его Алхасик стал добычей волн. Дальше он делал все как во сне, вцепившись в канат, с немим упорством продолжал бороться с морем. Оно, не насытившись, требовало себе все новых и новых жертв. Под ударами волн тяжело груженое судно все глубже погружалось в воду. По команде Сулеймана лишний груз полетел за борт, но когда и это не помогло, аскеры набросились на горцев. Спасая свою жизнь, они лишали ее других. Сабли и ятаганы безжалостно рубили по рукам, отчаянно цеплявшимся за канаты, шлюпки и борта фрегата.

Всю ночь шла эта схватка не на жизнь, а на смерть людей с людьми и с самим морем. Закончилась она с рассветом. Свирепый шторм также внезапно как начался, также быстро стих. Море еще продолжало злобно урчать и пенистыми языками пытаться слизнуть с палубы фрегата очередную жертву. Она напоминала жестокое поле боя, сплошь устеленное обломками мачт, обрывками парусов и канатов. Среди них вперемежку лежали бездыханные, и едва подававшие признаки жизни тела матросов, аскеров и горцев.

– Земля! Земля! – чей-то слабый крик вернул их к жизни.

На горизонте, медленно вырастая из моря, появилась серая полоска земли. Сулейман оживился и, подчиняясь его командам, матросы, цепляясь за обрывки канатов, забрались на реи и начали натягивать то, что осталось от парусов. Фрегат, как подраненная утка, вихляя из стороны в сторону, и, постанывая под ударами волн, медленно вползал в бухту Самсуна. Суэта команды и запахи дымов, доносившиеся с берега, подняли на ноги тех горцев, кто еще мог двигаться. Дотащившись до борта, они, истосковавшимися глазами, всматривались в него.

Из сиреновой дымки выплыла бесплодная, кое-где покрытая скудным кустарником земля. Серая, изрезанная оврагами она напоминала собой лицо больного старика. Вдали гнилыми, почерневшими «зубами» проглядывали низкорослые «лысье» горы. У пристани, сбившись, словно стая диких гусей, теснились рыбацкие шхуны и лодки. У крепости, нависавшей орлиным гнездом над входом в бухту, стояли на якорях два трехтрубных военных корабля. От всего этого изболевшиеся сердца горцев снова сжала смертельная тоска.

Новая команда капитана Сулеймана заставила их встрепенуться. Поврежденные рули работали плохо, фрегат с трудом разминулся с болтавшимся на рейде, потрепанным штормом парусником. Он напоминал корабль-призрак. На капитанском мостике никого не было. Обрывки парусов обвисли тряпками, и никто не спешил их менять. На палубе тут и там валялись груды мусора, среди них в лохмотьях копошились какие-то существа. На уцелевшей грот-мачте зловеще реял черный флаг с красной кляксой посередине.

«Холера!» – кем-то произнесенное слово пошло гулять среди горцев. Еще один корабль с махаджирами стал на «мертвый якорь». Гедлач, Амра, Шезина, Астамур–кузнец, остановившимися взглядами смотрели на парусник–призрак, приземистые домишки, разбросанные тут и там по берегу и на их глазах наворачивались горькие слезы. Сотни километров разделили их с родиной. И вряд ли кто из них мог предположить, что только через сто с лишним лет их потомкам суждено будет увидеть берега родной Абхазии. Черное море равнодушно плескало волной о борт корабля...

Очередной морской вал обрушился на баржу и, злобно шипя, прокатился по палубе. Спасаясь от него, десантники хватались за все, что попадалось под руку, и ждали решения штаба. Связь с ним пропала и теперь судьба операции зависела от командира десантного отряда Заура Зарандия, командира гудаутского дивизиона катеров Александра Воинского и командира баржи Султана Гицба.

Сухощавая и ладно скроенная фигура Зарандия, казалось, слилась с капитанским мостиком и не поддавалась напору ветра и воды.

– Вот невезуха! – в сердцах воскликнул он и, пытался докричаться сквозь рев моря и свист ветра до Воинского,

– Саны...ч?! Что, поворачиваем обратно?

– Подожди, командир, не все потеря...но! – откликнулся тот.

– О чем ты говори...шь?! Я половину бойцов утопл...ю!

– Подожди хоронить! Я сам выброшусь на берег!

– Чт...о?!...С ума сошел?! – оторопел Зарандия.

– Саныч, рискованно! Можем на скальник наскочить! – предостерег Гицба.

– Прорвемся! Война все время риск! – стоял на своем Воинский.

– Все так, но...

– Ни каких «но», Султан! Давай всех на корму! Поднимем нос и...

– Я понял, Саныч! А потом на отливе снимемся с берега! – оценил этот маневр он.

– Тогда вперед! – распорядился Воинский и, наклонившись к переговорному устройству, во всю силу легких позвал:

– «Король», сюда!

Не прошло и минуты, как из машинного отделения на капитанский мостик поднялась долговязая фигура. На черном от сажи лице Жени Сангулия сверкали одни белки глаз и крепкие, под которым запросто разлетался грецкий орех, зубы. Даже здесь, где все смешалось верх дном бывший «Король» студенческого джаз-бэнда не потерял былого лоска. В сшитой, будто с иголки формы и каким-то чудом сохранивших блеск башмаках, он смотрелся как лондонский денди, которому не хватало лишь бабочки и саксофона.

– «Король», как дизеля? – с ходу обрушился на него Воинский.

– На пределе! Пре...деле, – пытался тот перекричать вой ветра и рокот волн.

– Придется добав...ить!

– Куда боль...ше?

– Надо, Жен...я!

– Саныч, ты, что на небо захотел?

– Я сказал самый полный! Выбрасываемся на берег! – отрезал Воинский.

– А...а потом что?! – оторопел Сангулия.

– Потом суп с котом! Чего стоишь? Бегом в машинное, Король!

Тому ничего другого не оставалось, как только пожать плечами и исполнить приказ. Воинский не привык дважды повторять, тем более до берега было рукой подать. Глотнув свежего воздуха, Евгений скатился по трапу и нырнул в сизую пелену машинного отделения. В ней размытыми силуэтами, как белки в колесе метались перед дизелем два «черта–механика» и не спускали глаз с манометров. За запотевшими стеклами едва виднелись, трясущиеся, будто в лихорадке стрелки. Сангулия склонился к плечу старшего механика и прокричал:

– Петя надо прибавить еще!

– Чт...о?!

– Приба...вить!

– «Король», ты е...ся?!

– Я нет! Это Саныч приказал!

– Кт...о?!

– Саны...ч!

– А... Тогда другое дело.

– Будем выбрасываться на берег! – пояснил Сангулия.

– С Санычем, хоть к черту на рога! – отмахнулся Петр, и его рука решительно легла на рычаг.

Дизель, и без того работавший на пределе, казалось вот–вот пойдет в разнос. Гребной винт яростно рубил клокочущую воду, косматые волны, злобно шипя, набрасывались на палубу и капитанский мостик, но подвластная железной воле Воинского, баржа с десантниками и снаряжением пробивалась через буруны к берегу. Сам он, казалось, слился с ней и как к живому существу прислушивался к работе дизеля, напрягал зрение и всматривался в берег, чтобы поймать тот, только ему одному известный момент и завершить этот отчаянно–рискованный маневр.

Справа и слева по борту, выполняя приказ и, веря в своего капитана, вели катера и баржи навстречу судьбе и неизвестности другие экипажи. Воинский ловил каждый звук, и мысленно молил только об одном, чтобы, не дай бог, не напороться на скальник, тогда, всем расчетам и самой операции, пришел бы конец. Скрип днища по песку, прорезавшийся сквозь шум прибора, прозвучал для него самой желанной музыкой.

– Саныч, ну ты... – больше у Зарандия не нашлось слов, и, не дожидаясь полной остановки, приказал:

– Ребята, вперед!

Десантники, подхватив оружие, ринулись на нос баржи. Воинский опустошенным взглядом смотрел перед собой, и не видел, как бойцы, словно горох посыпались с бортов на берег и, разворачиваясь в цепь, тут же занимали круговую оборону. Его ноги дрожали мелкой дрожью, на спине выступил холодный пот, а руки, будто приклеенные не могли отпустить поручни капитанского мостика. Встрепенулся он, когда пальцы Сангулия легли на побелевший от напряжения кулак.

– Саныч, еще один такой стресс и я точно не доживу до свадьбы, – ворчливо произнес Евгений.

Воинский, наконец, смог перевести дыхание и с вымученной улыбкой произнес:

–И, слава богу, хоть на одну несчастную будет меньше.

– Так ты специально хотел угробить?!

–Тебя угробишь! Еще Кощея переживешь.

– Не знаю, как с Кощеем, но если, так дальше будешь кормить, то мумией точно стану.

– Слушай, «Король», а кроме закуски о чем-то другом можешь говорить?

– Если о выпивке, так последнюю бутылку еще на прошлой неделе выпили, – беззлобно огрызнулся Сангулия.

– Как?! ... Почему без команды? – возмутился Воинский.

– А так! Ты же вечно занят.

– «Король», ты уже меня достал!

– Что поделаешь, Саныч, придется до конца мучиться.

– Ну, уж нет! Завтра спишу на берег, – пригрозил Воинский.

И, поддавшись порыву, они – бывший моряк северного торгового флота и бывший директор студенческого клуба АГУ, которых свела и накрепко связала дружбой война, обнялись. По их лицам катились не то слезы, не то соленые брызги волны, но они не замечали этого и были счастливы тем, что остались живы и были вместе. Десантная операция, в успех которой в центральном штабе уже не верили, удалась.

Без единого выстрела бойцы отряда Зарандия высадились на берег и, пользуясь шумом прибоя, спешили поскорее уйти вглубь леса. Впереди, рассыпавшись веером, шли разведчики. Пока им везло, то ли непогода, то ли самоуверенность грузинских вояк, уберегли их от потерь, на пути не попался ни один пост. До стратегической дороги Сухум–Тбилиси оставалось совсем немного.

В предрассветном полумраке прорезалась зубчатая стена гор, подсвеченная тут и там осветительными ракетами. В эти дни бои на Восточном фронте не затихали, ни днем, ни ночью. Его части, отрезанные от основных сил, уже год, находясь в окружении, продолжали оказывать ожесточенное сопротивление.

Появление десантников и их стремительное продвижение к стратегически важному опорному пункту оккупационных войск – селу Тамыш было полной неожиданностью не только для грузинского командования, а и для подавляющего большинства командиров Восточного фронта. Его командующий Мераб Кишмария до последнего держал в тайне время, место высадки десанта и сам замысел операции. Даже командир легендарной разведывательно – боевой группы «Дельфин» – этих «ночных дьяволов», наводивших ужас даже на «отмороженный» уголовный сброд «Джа» и хохлов – националистов из УНА – УНСО, Виталий Осия узнал о ней лишь несколько часов назад.

По возвращению из штаба, он, забравшись в тень платана, с затаенной болью наблюдал за тем, как на околице Чары, перед двором тетушки Торчуа Ахра Голандзия, Батал и Ахра Табагуа, Беслан Осия, Элгуджа Сичинава и другие его бой-

цы самозабвенно пинали шитый – перешитый футбольный мяч. После пушечных ударов Беслана он улетал в огород и каждый раз вратарь – Элгуджа возвращался не с пустыми руками. Уцелевшие на перепаханых осколками грядках огурцы и помидоры служили неплохим допингом, изголодавшимся игрокам.

Это были те редкие мгновения мирной жизни, на которые так скупа война. Звонкие удары по мячу и азартные крики футболистов далеко разносились по округе и наверняка были слышны на грузинских позициях. Там, видимо, от ярости скрипели зубами и давились ядовитой слюной, но на этот раз дальше нескольких выстрелов и отборного мата усиленного электронными киловаттами не пошли.

Бойцы на подобную мелочь не обращали внимания и продолжали играть. Виталий в душе гордился ими и был рад, что игра затягивалась. Вольно или не вольной, они усыпляли бдительность противника. Вряд ли в головах грузинских командиров укладывалось, что пройдет всего семь часов и «ночные дьяволы» ворвутся на позиции опорного пункта «Тамыш», чтобы ножами и гранатами проложить дорогу основным силам.

Время подошло к девяти, закончился второй тайм, а игра все продолжалась. Атаки накатывались то на одни, то на другие ворота. Очередной гол в ворота команды неутомного и заводного Батала Табагуа, безнадежно проигрывавшего ребятам Ахры Голандзия, ослабил накал игры. Виталий не удержался и подлил «масла в огонь»:

– Батал, это тебе не в волейбол мячик над сеткой подбрасывать! Тут бегать надо!

Лучший пасующий сухумской волейбольной команды хитрым ударом подкрутил мяч в левый от вратаря угол ворот и затем с вызовом ответил:

– Ты хочешь сказать, что дурная голова ногам покоя не дает? Так это не ко мне. Я за столом отыграюсь.

– За столом вы все мастера. Ты на поле покажи.

– Подожди нас хоронить! – огрызнулся Батал и в подкате попытался выцарапать мяч из –под ног Ахры.

Последние его фразы резанули по сердцу Виталия. Полные сил, здоровья и веры в то, что еще не отлита их пуля, они не подозревали, что на рассвете им предстоит пойти, возможно, в свой последний бой. В бой, в котором у них не было выбора. Слишком многое возлагалось на эту операцию в центральном штабе. Любой ценой они должны были, наконец, разорвать «грузинскую удавку» и пробиться навстречу десанникам. Виталий затуманенным взглядом смотрел на ребят, и не решался остановить игру, а для кого – то последние минуты этой земной жизни.

Солнце спряталось за пологими прибрежными холмами, длинные, колючие тени поползли по поляне и игра сама по себе утасла. Потом все вместе победители и побежденные собрались во дворе тетушки Торчуа. Иссеченная осколками южная стена дома и сгоревшая пацха, говорили сами за себя. Она и ее шестеро сыновей все эти долгие месяцы не отступили не на шаг и продолжали держать оборону. Виталий вяло жевал лепешку и не решался объявить бойцам приказ. Приказ, который кого –то из них обрекал на смерть.

Тетушка Торчуа чутким женским сердцем, словно, чувствовала, что эта ночь может стать последней для них, и пыталась, как могла, теплом и заботой согреть, такие хрупкие на войне минуты покоя. «Непьющему воробью», сладкоежке Баталу ее средний сын Пантик подсунула чудом сохраненную баночку с вареньем из инжира. «Бате» – шестидесяти летнему Андрею Киркинадзе она налила лишнюю стопку чаи. Элгуджу зашила порванную в бросках за мячом футболку.

А они, еще не остывшие после недавней игры, забыв на время о войне и сне, с жаром продолжали обсуждать забитые и пропущенные голы, несправедливые штрафные и пенальти. Стрелки подкрались к одиннадцати, а споры все не затихали. Виталий решил положить им конец и распорядился:

– Все, ребята заканчиваем! Пора спать!

– Рано, командир?! Детский час еще не кончился! – возразил Астик Садза.

– Все! Все! Заканчиваем разговорчики! – был неумолим он.

Прошло несколько минут и измотанные игрой «дильфинята» спали уже без задних ног. Лишь часовые продолжали исправно нести службу и внимательно прислушивались к коварной ночной тишине. В последнее время разведывательно – диверсионные группы противника все чаще отваживались прощупывать передний край. Сам Виталий беспокойно ворочался с боку на бок и время от времени поглядывал на часы. Стрелки стремительно бежали вперед, отсчитывая, последние минуты безмятежного сна. Большая застыла на двенадцати, а малая на трех.

«Все, пора!» – решил он.

«Дай еще минуту. Минуту земной жизни» – и Виталий невольно поежился от этой мысли.

В три десять он разбудил «дядю Андрея», Бурдика Агрба, Гиви Агрба и Коду Чагава.

«Что случилось, командир?! – насторожились они

– Поднимайте ребят! Пришло время гнать эту нечисть с нашей земли.

– Что, наступление, командир?! – догадался Коду Чагава и его голос дрогнул.

– Давно пора. А то думал, что не доживу, – ворчливо заметил Андрей Киркинадзе.

– Дядя Андрей, ты это брось! Мы еще на твоей брильянтовой свадьбе погуляем! – вскинулся Виталий и коротко обронил:

– Задача у нас одна, ребята! Любой ценой сбить их с дороги!

– Все понятно, командир! – дружно ответили они.

– Раз понятно, поднимайте остальных!

Через пять минут бойцы стали в строй. Долгожданный приказ о наступлении будоражил их кровь и лихорадочным блеском отражался в глазах. Больше одиннадцати месяцев они ждали его. Виталий буднично и просто сказал:

– В четыре ноль, ноль выходим в рейд. Наша задача захватить опорный пункт «Тамыш», что на развилке дорог Кутол – Тамыш, а затем взять под контроль дорогу Зугдиди – Сухум. При хорошем раскладе войти в Тамыш и там закрепиться. Вопросы есть?

– Будем задавать грузинам, – отшутился кто-то из разведчиков.

– Я тоже так думаю, – хмыкнул Виталий и продолжил:

– Действуем тремя группами. Первая, с тобой Адгур, заходит в тыл и отсекает им отход. Постарайтесь прихватить танк. Ты, Гиви, со своими идешь с правого фланга и первым начинаешь атаку. Мы сразу после тебя бьем в лоб. Трогаемся в четыре. Сверим часы!– и здесь голос Виталия предательски дрогнул:

– Ребята, только не лезьте под пули! Хватит смертей! Хватит!

«Все будет нормально, командир!»

«Мы к этой, с косой не торопимся», – нестройно ответили бойцы.

– Тогда, вперед за Абхазию! – призвал их Виталий.

Робкий рассвет нежным цветом окрасил снежные вершины гор. Трепетно мигнули и поблекли звезды. Ночной мрак рассеялся, и в утреннем тумане проступили зыбкие таинственные силуэты, напоминающие то вздыбившегося медведя, то несущийся в галопе табун лошадей. Астик Садза, Пач Чагава, Батал Табагуа, Пантик Торчуа, Ахра Голандзия, Беслан Осия, Андрей Киркинадзе, где короткими перебежками, где ползком перебрались через линию фронта и заняли исходную позицию.

На фоне розовеющего на востоке неба, зловеще прорезался неправдоподобно громадный силуэт танка. Его ствол черным хоботом хищно вытянулся в сторону Кутола. В его металлическом чреве что – то угрожающе погромыхивало. В нескольких десятках шагов, за одичавшим кустом роз послышалась неясная возня, это часовые боролись со сном. Гвардейцы не подозревали, что рядом затаилась разведгруппа.

– Ребята, рассредоточились. Дядя Андрей, прикрываешь с тыла! – распорядился Адгур.

Они без лишних слов бесшумно заняли исходные позиции и теперь ждали сигнала от группы Гиви. Тот не заставил себя ждать, продравшись через розарий, его бойцы зашли во фланг и с ходу ударил по опорному пункту. Утреннюю тишину взорвали разрывы гранат, а пелену тумана вспороли автоматные и пулеметные очереди.

В ответ тяжело ухнул миномет и тут же захлебнулся. Автоматная и пистолетная трескотня потонула в реве двигателя танка. Так и не сделав ни одного выстрела, его экипаж уносил ноги с позиции. За ним в сторону Тамыша бросилась спасаться пехота.

– Они драпают! Драпают! – ликовал Ахра и посылал вслед очередь за очередью.

Бойцы бросились вдогонку за гвардейцами, чтобы на их плечах ворваться в Тамыш. На подходах к нему их встретил нестройный огонь. Из развалин бывшего ремонтного цеха яростными вспышками огрызнулся пулемет. Выстрел из подствольника загасил его. Справа из коровника короткими очередями отстреливался автоматчик. Шесть пуль впились в тело Андрея Киркинадзе. Старый воин, каким – то чудом остался жив и продолжал давить на спусковой крючок, пока не потерял сознание. Шальной осколок скосил Бесика Осия.

Смерть витала над головами бойцов, но они не могли и не имели права останавливаться. Они рвались на юг. Оттуда доносились звуки яростной перестрелки, тонувшие в грохоте артиллерийских разрывах. Это сквозь стену огня прорыва-

лись навстречу десантники. Их высадка придало новые силы бойцам Виталия Осия и они, очертя голову ринулись в битком набитый гвардейцами Тамыш.

Те, ошалев от страха, беспорядочно отстреливались и все дальше откатывались к восточной окраине села. Подавив очередную огневую точку, Беслан, Батал, Ахра, Астик и Гиви, прячась за бетонным забором, короткими перебежками продвигались к центру. За очередным поворотом неожиданно напоролась на танк. Его ствол, не находя цели, суматошно мотался по сторонам. Броня судорожно подрагивала от работающего с перебоями двигателя.

– О, красавчик, попался?! От нас не уйдешь! – радостно воскликнул Беслан и, подкатившись к танку, громыхнул прикладом автомата по броне.

В ответ в его чреве заворочались, затем звякнула крышка люка, из него показалась чумазая физиономия и пролепетала:

– Т...ам, абхазы! Абхазы!

– Не там, а уже здесь! – рявкнул Беслан и сдернул танкиста на землю...

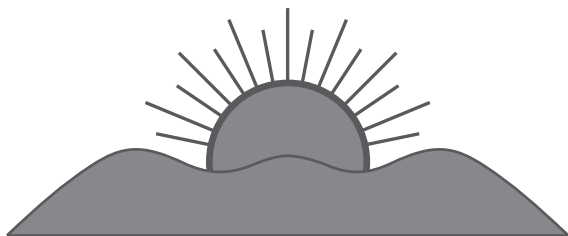
Отряд десантников и передовые группы Восточного фронта, несмотря на тяжелые потери, упорно пробивались друг другу навстречу, чтобы, наконец, перерезать «грузинскую удавку» душившую столицу – Сухум и облегчить наступление частям Гумистинского фронта.

Неожиданное появление более чем полутысячного десанта в тылу грузинских войск и фронтальное наступление частей Восточного фронта вызвало у них настоящий шок. У страха глаза оказались настолько велики, что когда сообщение о нем дошло до штаба в Сухуме, эта цифра возросла втрое. Но десанникам некогда была заниматься арифметикой, они вели свой счет – подбитым танкам, БТрам и уничтоженным пулеметным гнездам. Он был в их пользу, к исходу дня передовым группам удалось пробиться к стратегически важной дороге Сухум–Тбилиси и там соединиться с частями Восточного фронта.

Впервые за время войны над группировкой грузинских войск в Абхазии нависла угроза окружения. Среди оккупантов сначала в Сухуме, а затем цепная реакция перекинулась в Тбилиси, началась паника. Шеварднадзе, «вальсировавший» в то время с генералами в штаб–квартире НАТО в Брюсселе, почувствовал, что его «хваленая гвардия», привыкшая больше «шманать» беззащитных сухумчан, готова была вот–вот дать деру, бросил «бал» и к вечеру второго июля прилетел в столицу Абхазии. Наспех сколотив несколько ударных отрядов, бросил их против десантников и ополченцев Восточного фронта. Но генералы Сосналиев и Дбар не дали ему возможности перевести дыхания и нанесли очередной отвлекающий удар.

Четвертого июля, едва забрезжил рассвет, как сотни бойцов, прячась в молочном тумане, клубившемся над Гумистой, атаковали позиции противника в районе села Нижняя Эшера. Это была лихая атака, помня прошлое мартовское наступление абхазской армии, когда ей удалось пробиться в район маяка, грузинское командование дополнительно усилило оборону минометными батареями и дзотами. Но ни они, ни шквальный автоматный и пулеметный огонь не могли остановить ополченцев. Они, вложив в этот удар всю свою ненависть, к врагу, ворвались на передовые позиции и после яростной рукопашной завладели ими.

Теперь Шеварднадзе и его генералы оказались между двух огней полыхавших в районе села Тамыш и на берегах Гумисты. Пытаясь остановить, как им казалось, наступление абхазской армии, они бросили в бой последние резервы и подняли в воздух всю авиацию, не подозревая о главном направлении удара. В их головах не укладывалось то, что высоты над Сухумом, одетые в бетон и опоясанные минными полями, являлись основной целью стратегического плана, разработанного Султаном Сосналиевым и Сергеем Дбар.

Глава 7

Напоминая тяжелораненого, фрегат «Османиэ» с остатками команды и теми, кто выжил из махаджиров, оставив позади парусник, на котором умирали зараженные холерой, и, вихляя из стороны в сторону, вполз в бухту Самсуна. Капитан Сулейман, еще во время шторма сорвавший голос, сипел на матросов, пытаясь лохмотьями парусов поймать ветер и держать строгий курс. Они, цепляясь за обрывки канатов и, рискуя сорваться вниз, старались, как могли, чтобы только поскорее причалить к берегу и забыть о том кошмаре, что преследовал их последние сутки. Несмотря на жалкий вид судна и самой команды, Сулейман пытался сохранить достоинство и морскую честь. И когда фрегат поравнялся с кораблями эскадры Омер-паши, по его команде аскеры с моряками выстроились на носу во фронт и, вскинув вверх сабли с ятаганами, воскликнули:

«Слава великому султану. Слава его флоту!»

В ответ мощным эхом прозвучало:

«Слава великому султану! Слава флоту! Слава капитану Сулейману!»

Не успело оно затихнуть, как на флагмане громыхнуло орудие. Сам неустрашимый Омер-паша салютовал ему-капитану Сулейману. И на посеревшем от усталости лице «морского волка» появилась горделивая улыбка, а глаза повлажнели. В эти минуты для него, отдавшего двадцать с лишним лет службе султану и флоту, не было ничего дороже, чем честь и уважение самого Омер-паши. Они стоили больше чем, все то золото и серебро, что утащило к себе море, чем красавица-горянка, захлебнувшая в трюме, чем сотни душ махаджиров, пошедших ко дну.

И когда раскаты салюта растворились в шуме волн и ветра, сигнальщик с флагмана протелеграфировал:

«Доблестного капитана Сулеймана ждет у себя на ужин гроза гяуров Омер-паша».

Этот видела вся эскадра, это видели на берегу. Сулейман не мог сдержать обуревавших его чувств и, поклонившись команде, прочувственно воскликнул:

– Слава вам, доблестные воины аллаха и великого султана!

– Мы с тобой, капитан! Слава тебе и аллаху! – охваченные одним порывом кричали они и потрясали оружием.

– Аллах вам в помощь! Теперь все позади! Мы дома! Приготовиться к швартовке! – распорядился Сулейман.

Команда дружно бросилась выполнять распоряжение. Вместе с ней оживились и горцы. Гедлач, Амра, Астамур–кузнец, Шезина Атыршба, Джамал Бутба, Шмаф Квадзба и те, кто еще мог двигаться перебрались на правый борт и жадно вглядывались в берег, который для них должен был стать своим. Лес мачт купеческих кораблей закрывал город, а те убогие глинобитные домишки, хаотично разбросанные по склонам пологих, покрытых скудной растительностью холмов навевали на них еще большую тоску.

Перед глазами возникали совершенно другие видения. Просторные, плодородные долины, в которых хватало пашни и пастбищ всем, как князьям, так простолюдинам. Привольно раскинувшиеся по склонам гор густые буковые и дубовые леса, где для охотника было настоящее раздолье. Хрустально–чистые реки, в водах которых в изобилии водилась золотистая форель. Альпийские луга, где бродили тучные стада, а воздух, напоенный ароматом цветов, напоминал один огромный пчелиный улей. И, конечно, величественные горы. На протяжении веков они хранили память о великих предках, сумевших выстоять и победить самых могущественных врагов.

Гедлач потухшим взором смотрел на лысые холмы, скалистые берега и в его сердце, израненном последней утратой – смертью Даура была абсолютная пустота. Он дышал и не чувствовал могучего зова, проснувшейся после затяжной зимы земли, сладких дымов, в которых смешались запахи домашнего очага и свежеиспеченного хлеба. Воздух Самсуна стеснял дыхание и драл горло. Это не был воздух гор – воздух свободы! Безбрежная громада моря навсегда отрезала его и семью от родины и могил предков.

- Как тут жить?! Как? – воскликнул пораженный убожеством земли Джамал
- И где тот турецкий рай?! Где? – растерялся Астамур.
- Рай был у нас, а здесь... у Шмаф больше не нашлось слов.
- Бежавших из рая, может ожидать только ад, – мрачно обронил Джамал.
- Ради чего все муки?! За что нам такое наказание? Апсар, прости, если бы я только знала ... – причитала Шезина, и рыдания сотрясли ее.
- Мертвых уже не воскресить, надо думать о живых и детях. Ничего, как ни будь обживемся, – пыталась утешить подругу и себя Амра.
- Перестаньте душу мотать! На Самсуне свет клином не сошелся! Живут же наши в Стамбуле, – оборвал ее Гедлач.
- В Стамбуле? А кто нас там ждет? – с горечью произнес Джамал.
- Вы еще вспомните про обещанных султаном буйволов и мешки с кукурузой, – с сарказмом заметил Астамур
- У...у Дзаган, – прорычал Шмаф, и его руки схватили пояс, там, где когда – то висел кинжал.
- У...у Сулейман, – процедил сквозь зубы Джамал и бросил ненавидящий взгляд на капитанский мостик.
- Теперь поздно локти кусать! – глухо обронил Астамур и, вцепившись руками в борт, всматривался в приближающийся берег.

Фрегат протащился мимо торгового причала, рыбацких шхун, сбившихся в кучу, у галдящих торговых рядов, разбитых прямо у кромки моря и, оставив позади порт, стал на якорь у развалин старой крепости. Прошел час. На берегу появился отряд аскеров. Вскоре к ним присоединилось четыре чиновника, сели в шлюпки, подплыли к фрегату и поднялись на борт.

Комендант Озал Челер, начальник береговой охраняя, судовой врач и переводчик, не удостоив взглядом, разбившихся на кучки махаджиров, встреченные Сулейманом, вместе с ним спустились в каюту. Пока шло совещание, команда фрегата паковала сундуки и с нетерпением поглядывала в сторону порта. Оттуда, погоняемая попутным ветром, резво спешила к фрегату фелюга. Не успела она пришвартоваться, как в нее полетели узлы и сундуки команды. Затем подплыл военный катер, и на смену аскерам на борт поднялась мрачная береговая охрана.

Весть о возвращении экспедиции капитана Сулеймана с быстротой молнии облетела город и на берегу быстро выросла толпа из родственников. В задних рядах мелькали черкески, это первые переселенцы–махаджиры пришли встретить своих земляков, чтобы узнать последние вести из Абхазии. И для тех и для других они были неутешительны. Вид фрегата говорил сам за себя, и тревожные возгласы поплыли над водой. Но без приказа Сулеймана никто из команды не решался перебраться на борт фелюги.

Он не заставил себя ждать и в окружении свиты появился на палубе. Вперед шел комендант Челер, позади трусил переводчик, судя по чертам лица, выходец с Кавказа. За несколько шагов, до надвинувшейся на них толпы махаджиров, они остановились и тут же между ними стеной стала береговая охрана.

Геч, Барак, Гедлач, Астамур, Шмаф и, сгрудившиеся за их спинами односельчане угрюмо смотрели на коменданта и ждали, что он скажет. На его надменном лице невозможно было прочесть ни чувств, ни эмоций. Холеная рука крепко сжимала тяжелую трость. На толстых пальцах, унизанных массивными перстнями, сверкали драгоценные камни. Челер цепким взглядом прошелся по лицам махаджиров и кивнул переводчику. Тот вышел вперед и как хорошо заученный урок отбарабанил:

– Великий султан, наследник аллаха на земле и повелитель половины мира оказывает вам великую милость стать его подданными. Сейчас...

– Дайте воды! Наши старики и дети умираю! – перебил его князь Барак.

– Помогите раненым и больным! – присоединился к нему Астамур.

– Султан милостив и... – пытался что-то еще сказать переводчик, но его оборвал Шмаф,

– Мы сыты ею по горло!

И, притихшая было толпа, вновь загудела:

«Мы люди! А не скот!»

«Вы хуже гяуров!»

«Дайте воды! Дайте хлеба!» – наливалась она гневом.

Береговая охрана грозно забряцала оружием, переводчик испуганно отпрянул назад. Сулейман махнул рукой и в воздухе блеснули клинки. Челер продолжал сохранять спокойствие. За время службы в Самсуне ему пришлось принимать де-

сятки подобных экспедиций. Это была не самая худшая, предыдущая, до сих пор болталась на рейде, и там пришлось стрелять. Взбунтовавшиеся горцы, которых косила холера, бросались в море, и вплавь пытались добраться до берега. Тех, у кого хватило сил доплыть, там поджидала пуля или штык береговой охраны и потом ночью в развалинах старой крепости долго пылали костры. Вторую неделю корабль-призрак стоял на рейде и своим зловещим видом отпугивал не только мародеров, а и птицы. Они стороной облетали его.

Челер снова прошелся холодным взглядом по негодующей толпе и поморщился. Его не слишком пугал ее рев и угрозы, грозившие вот, вот выплеснуться через край. Штыков и ружей береговой охраны и аскеров вполне хватало, чтобы подавить бунт истощенных жаждой и голодом горцев. Он опасался больше другого – заразы. В памяти была еще свежа позапрошлогодня вспышка холеры, занесенная в Самсун убыхами, которую проморгала комендантура. В тот раз гнев Омер-паши обошел стороной коменданта, его отправили в аллахом забытый гарнизон, а заместитель поплатился своей жизнью. Повторять их ошибки Челер не собирался, но и лишний раз проливать чужую кровь не горел желанием. Империя нуждалась в воинах, чтобы воевать с гяурами, а горцы делали это лучше, чем кто другой.

Он широко расставил ноги-тумбы и, казалось, врос в палубу. Поднятая над головой пятерня погасила волну гнева и когда наступила тишина, могучий бас Челера безраздельно властвовал на фрегате. Первые его фразы породили в душах горцев надежду.

– Судьба жестоко обошлась с вами...

«Нами» – горестно выдохнула толпа.

– Теперь все позади...

«Позади» – печальное эхо сотен голосов поплыло над морем.

– Великий султан милостив, он дарует вам жизнь...

«Жизнь?!» – прошелестело в ответ.

–И это называется жизнь?! Половина из нас лежит на дне! – не выдержал кто-то в задних рядах

– Кто вернет мне сына? Кто?!... – зашлась в рыданиях несчастная мать.

Это снова накалило обстановку и в лицо Челеру полетело:

«Шайтаны!»

«Аллах вам это не простит!»

«Вы за все заплатите!» – потрясая кулаками, горцы двинулись вперед.

Сулейман махнул рукой аскерам, и те схватились за оружие. Береговая охрана теснее сомкнула ряды вокруг Челера и оцетинилась штыками. Доведенные до предела мужчины и женщины готовы были броситься на них с голыми руками. Еще мгновение и началась бы резня. Но Челер не дрогнул, раздвинул охрану, вышел вперед и призвал:

– Стойте! Хвати крови!

– Братья, остановитесь?! – взывал к землякам князь Геч.

– Все позади! Я здесь, чтобы помочь! – надрывался Челер

Но их голоса тонули в грозном реве:

«Лучше смерть, чем такая жизнь!»

«Паршивый шакал и тот живет лучше!»

«Кто нам вернет детей?»

Потеряв терпение, Челер выхватил пистолет и пальнул в воздух. Толпа отхлынула, а когда рассеялся пороховой дым, то выражение его лица не оставляло сомнений в том, что он уже не остановится не перед чем.

– Еще один шаг и мы будем стрелять! – прорычал Челер.

– Братья, стойте! Остановитесь! – пытался успокоить земляков Геч.

– Тише! Тише! Хватит смертей! – подержали его из толпы.

Прошла минута, другая, и когда на палубе воцарилась хрупкая тишина, он обратился к Челеру:

– Помогите с водой! Дайте врача!

– Пусть заберут раненых и стариков! – выкрикнул Шмаф

– Врач здесь, а воду сейчас подвезут, – заверил Челер.

Толпа оживилась, и из нее понеслись возгласы:

«Вернете старикам оружие!»

«Дайте хлеба!»

– Хлеб будет! Оружие – нет! Его носят воины! – был непреклонен Челер.

– А мы кто?! – возмутился Джамал Бутба.

– Вы беженцы, – отрезал Челер.

– Тогда мы его сами возьмем! – выпалил Шмаф.

– Чт...о?! Ах ты неблагодарная собака!

Грозный рык Челер не остановил Шмафа, и его понесло:

– Будь проклят тот день и час, когда я послушался шакалов султана! Подавитесь своими милостями!

Переводчик съежился и не решался перевести. Челер по его и лицу Шмафа догадался, что тот кричал. Казалось, еще мгновение и начнется резня. И тогда князь Геч бросился спасать его и самого себя. Затолкнув Шмафа в толпу, склонился в поклоне и, выдавал из себя:

– Господин, прости его и нас. Мы измучены несчастьями, и...

– Отдай мне эту собаку! Я его изрублю на куски! – рычал Челер.

– Попробуй взять! Попробуй? – огрызался Шмаф.

– Тише! Тише! Подумай о нас! – зашикали женщины.

Геч лихорадочно соображал, что делать дальше и ничего другого не нашел, как выдать Шмафа за сумасшедшего:

– Простите, его господин. Потерявший разум не ведает, что творит.

– Теперь потеряет голову! – был неумолим Челер.

– Аллах его уже наказал и забрал семью, – использовал последний аргумент Геч.

Но не столько он, а сколько присмирившие махаджирьы погасили ярость коменданта. Его рука отпустила рукоять ятагана, и он объявил:

– Запомните, теперь вы подданные великого султана и наследника аллаха на земле! Его слово закон для смертных. Непокорных ждет смерть!

– Запомним, – процедил сквозь зубы Геч и затем спросил:

– Когда мы сойдем на берег?

- После карантина!
- Карантина?! ...Какого?!
- Видишь на рейде парусник?
- Да, – подтвердил Геч.
- Там холера?
- У нас, ее нет! А есть больные и раненные
- Поэтому здесь врач.
- Пожалейте стариков и детей. Их убивает солнце! – взмолился Геч.

Но Челер был непреклонен, оставив без ответа эту последнюю просьбу, спустился к шлюпке. Вместе с ним фрегат покинул капитан Сулейман. Вслед за ними на фелюгу перебралась команда и под проклятия горцев отчалила к берегу. Там ее встретили плач и стенания родных и близких. А на борту фрегата снова воцарилось гнетущая тишина. Горцы бросали тоскливые взгляды на пристань, но чужое горе не трогало их сердца. Слабая надежда на лучшую долю, жившая в них на пути в Турцию, здесь, в Самсуне умерла навсегда. Обещанный Дзаганом и другими посланцами султана «рай» на деле обернулся земным адом. Впереди их ждали новые испытания и новые потери.

Несчастья и безысходность, которым, казалось, не было конца, подобно ржавчине, точащей даже булат, разъедали совесть самых стойких. Голод и от камня откусит, а нужда съест и честь. Оставшись один на один с новой бедой, они кто, как мог, устраивал свою жизнь. В очередь больных, вытянувшуюся к врачу, становились и те, кто твердо стоял на ногах. Не закрывалась дверь и в каюту начальника береговой охраны. С ними шел торг за крышу над головой, за клочок земли, который мог бы прокормить семью.

К вечеру на причале снова собралась бедно одетая толпа, в ней все чаще мелькали черкески. Слухи о беженцах из Абхазии всколыхнули Самсун и его окрестностях. Сотни махаджиров потянулись в порт. Здесь, на чужбине тоска по покинутой родине изводила вдвойне, и они были рады услышать хоть что-то, что могло бы ее смягчить.

- «Цабал? Дал? Псху?»
- «Как в Абхазии?»
- «Я Батал Камшыш!»
- «Есть, кто из рода Чамба?» – несло над морем

В ответ печально звучало:

«Абхазии больше нет!»

Гяуры захватили Псху!».

«Цабала больше нет!»

«Нет...нет!» – это короткое и убийственное как для тех, так и других слово еще долго носилось над морем и берегом. А затем на разные голоса зазвучало:

«Воды! Воды!»

«Хлеба! Хлеба!»

На эту мольбу откликнулось несколько смельчаков, и на утлых лодках поплыли к фрегату. Стража угрожающе поводила стволами ружей, когда у бортов захлюпали весла, а затем на палубу полетели баклажки с водой и узлы с хлебом, но

не стреляла. Жалось к несчастным беженцам тронула даже их каменные сердца, и они смотрели на это сквозь пальцы. Так продолжалось еще шесть дней, и лишь на восьмые сутки карантин был снят. Две фелюги оттащили фрегат к крайнему причалу торгового порта и, новые махаджиры, наконец, смогли сойти на берег.

Там их встретили такие же, как и они обездоленные, лишенные всего земляки. Щедрые обещания посланцев султана, так и остались обещаниями. Им была дарована лишь одна милость, умереть своей смертью. Как стаи перелетных птиц, застигнутые ненастьем, семьи новых махаджиров сиротливыми кучками расселись по берегу и не знали, что делать.

Прошло не больше часа и над ними, словно, стервятники закружили нахальные торговцы и немногословные смотрители гаремов. Не стесняясь отцов и братьев, бросали похотливые взгляды на молодых девушек, выбирая будущих наложниц, нахально заглядывали в сундуки и корзины. Давно потерявшие жалость и сострадание к человеческим несчастьям, они хорошо знали, как выманить то последнее, что еще чудом сохранилось в семьях.

Со стороны города, на разбитой дороге показались арбы. Скрип колес и крики возниц внесли оживление в тягостную, полную безысходности атмосферу, царившую в этом, разбитым под открытым небом временном лагере для беженцев. Самые нетерпеливые и наивные бросились навстречу, все еще веря, что пришла долгожданная помощь от султана. И когда облако пыли рассеялось, а с повозок слетели накидки, то перед изголодавшимися махаджирами предстало настоящее изобилие.

Горки, еще отдающие теплом печи, румяных кукурузных лепешек, котлы доверху заполненные только что сваренным мясом, запотевшие на жаре амфоры с родниковой водой, казались несчастным горцам каким-то волшебным сном. Перед этим фантастическим искушением невозможно было устоять, оно плавило самые твердые сердца. Из потаенных мест доставался последний перстень, последний золотой, а жены и дочери снимали с себя серьги.

Те же, у кого не осталось ни золота, ни серебра проклинали тот день, когда покинули Абхазию, и вынуждены были продавать смотрителем из гаремов и наставникам будущих янычар живой товар – старших сыновей и дочерей. Голодные, молящие о куске хлеба и глотке воды глаза младших детей не оставляли родителям иного выбора. Плач, стоны, ругань и шум драк на несколько часов превратили лагерь беженцев в один огромный невольничий рынок. И, когда кошельки торговцев потяжелели, а арбы опустели, в них заняли места будущие наложницы в гаремах и будущие свирепые янычары, которым своей кровью предстояло укреплять могущество Османской империи, печальный караван, стенающим ручьем стек в город.

Гедлач возвратился к семье и стыдился посмотреть в глаза Амре и детям. Жалкий узелок, с десятком лепешек и головка твердого, как камень сыра, это было все что ему удалось выменять у торговцев.

- Ничего, на первые дни хватил, – пыталась утешить она.
- Настоящий сыр?! – обрадовалась Апра
- Это же целое богатство! – воскликнул Аляс.

– Подсаживайтесь, будем кушать! – пригласила Амра и расстелила на камне платок.

– Завтра у нас будет мясо. Я найду работу, – глухо обронил Гедлач, и его сердце защемило от жалости к ним.

– Дядя, можно мне с тобой? – попросил Аляс.

– Куда тебе! Отлежись, а потом видно будет, – возразила Амра.

– Мне уже лучше. Я же мужчина! – храбрился он.

– Да, ты настоящий мужчина! – похвалил Гедлач, погладил по вихрастой голове и предложил:

– Ну, что давайте кушайте.

На этот раз он не стал делить еду на скудные кучки и щедрой рукой большими кусками ломал лепешки и кромсал ножом сыр. Впервые за последнее время они ели и не задумывались о завтрашнем дне. Голод и жажда на время отступили, и когда на платке не осталось и крошки, пьянящая слабость охватила их. Уже не было сил пошевелить ни ногой, ни рукой, вслед за детьми Амра и Гедлач погрузились в полудрему. Прошел час, и слабая тень от кустарника уже не могла защитить от набравшего с каждой минутой силу солнца. К полудню, раскаленные камни обжигали руки, а налетавший с юга «шайтан» сбивал дыхание. Временный лагерь махаджиров, зажатый между скал, превратился в духовку и начал быстро пустеть.

Одни, редкие счастливицы отправились на поиски родственников и знакомых, осевших в Самсуне и уже как-то устроивших свою жизнь. Другие обходили ближайšie дворы в надежде найти временное пристанище, но там их чаще встречали бранью, а то и спускали собаки. Третьи, таких было большинство, полагаясь только на самих себя, разбрелись по округе и из того, что попадалось под руку, возводили крышу над головой.

Гедлач, Астамур–кузнец, Джамал Бутба Шезина Атыршба с семьями и Шмаф Квадзба, нашли приют неподалеку от порта. Им стал сложенный из известняка заброшенный склад. Через дырявую крышу проглядывало чужое небо, а сквозь щели в стенах задувал ветер. Снизу, из подвала тянуло затхлым, застоявшимся воздухом, от которого перехватывало дыхание. Но они были рады даже этому. Здесь их, наконец, оставили в покое торговцы, и не цеплялась с придирками береговая охрана. Астамур с Гедлачем наташили валунов и соорудили очаг. А когда в нем запольхал огонь, то его тепло и рассыпчатая мамалыга, приготовленная Шезиной и Амрой, на время отогрели их заледеневшие от несчастий души.

Впервые за последние три недели они спали крепким сном. Под ногами была хоть и чужая, но все таки твердая земля, а не вскальзывающая из-под ног палуба фрегата. Ненавистный Сулейман с его злобными аскерами остались в прошлом. Впереди их ждали новая жизнь и новые испытания. А пока, им снился один и тот же сон– дорогая сердцу Абхазия! Жесткие складки на лице Гедлача разгладились, и губы тронула робкая улыбка.

Февральское солнце показалось из-за снежной шапки Дзыхвы, заглянуло в заиндевевшее окно и шаловливыми зайчиками заскакало по стенам и замерло на лице. Нежное тепло согрело щеку, яркий луч забрался под ресницы и прогнал

остатки сладкого утреннего сна. Перед изумленным взглядом предстали феерические картинки нарисованные морозом на оконном стекле. Столь редкое для этих мест дыхание зимы окрасило мимолетными и, от этого, еще более завораживающими красками лес и горы.

Волна за волной по селу прокатилась звонкая петушиная разноголосица. В нее вплелся веселый перестук молотков по наковальне. Это Астамур—кузнец ковал мотыгу, так как уже не за горами были работы в поле. В хлеву тяжело ворочался скот, и гремели ведра. Шла утренняя дойка. Сиреневые дымы курились над пацхами. В воздухе носились кружащие голову запахи свежее испеченного хлеба. Цокот копыт Алмаза во дворе, голоса отца и старших братьев Коса и Арсола подняли Гедлача из теплой постели. Набросив на плечи душегрейку, на босу ногу в инчигах, он выскочил на террасу и замер в изумлении.

Сад укрытый пышным серебристым покрывалом золотился мириадами маленьких солнышек – плодами хурмы и мандарин. Огромный диковинный цветок распустился на месте куста орешника. Шелковистый газон двора бриллиантовыми брызгами разлетался из – под копыт Алмаза. Он нетерпеливо перебирал передними ногами, рвал из рук брата уздечку, чтобы отдаться той опьяняющей свободе, что разлилась в воздухе. Коса, ласково поглаживая по холке, подвел его к террасе. Крепкие отцовские руки подняли Гедлача над землей и усадили перед собой в седло. А через мгновение лихой разбойничий свист звонким эхом поплыл к вершине Дзыхвы. Алмаз ответил радостным ржаньем и с места сорвался в галоп. Ветер свистел в ушах, бодрящий морозный воздух кружил голову Гедлача. Это были ветер и воздух свободы...

Тоскливый, звучащий на одной ноте голос—стон уныло плыл над Самсуном и безжалостно вырвал Гедлача из сна и из той, прошлой сказки, к которой уже не было возврата. Муэдзин, забравшись на верхнюю площадку минарета, призывал правоверных к утренней молитве. Он напоминал им – смертным о том, что здесь, на этой прокаленной солнцем и продуваемой всеми ветрами земле их жизнь и свобода принадлежали только аллаху и его наместнику на земле великому султану.

К этому часу Астамур и Шмаф уже были на ногах. Нужда подгоняла искать заработок и постоянный «угол». Наскоро перекусив, все вместе отправились в город искать знакомых, а главное работу. По дороге к ним присоединялись те, кто, как и они, вчера сошли с фрегата на берег и те, кто уже не первый месяц влачил здесь жалкое существование. Старожилы выделялись своими лицами, осанкой и одеждой. Нужда с безысходностью и гордого заставят поклониться. У многих был потухший взор, спины понуро сгорблены, а на плечах вместо черкески болтались замызганные турецкие халаты.

Небольшой Самсун, где вся деловая жизнь была сосредоточена в порту, торговых лавках, кофейнях и духанах был наводнен беженцами с Северного Кавказа. Их жалкие лачуги наспех собранные из того, что попадалось под руки или слепленные из глины, как грибы после проливного дождя во множестве плодились на его окраинах. Уже не первый месяц, с первыми проблесками солнца толпы махаджиров в обносках, подобно, грязным ручья стекались на центральную и пор-

товую площадь в надежде получить хоть какую-то работу, чтобы заработать себе и семье на кусок хлеба. Выбор был не велик, либо грузчиком таскать мешки в порту, либо поденным рабочим мотыжить кукурузное поле. Редким счастливым улыбалась удача, когда доставалось места подсобника в торговой лавке или сто-рожа при стаде овец у зажиточного крестьянина.

Гедлач с Астамуром пол дня терпеливо простояли в порту, но очередь до них не дошла. Им ничего другого не оставалось, как только искать работу в кофей-не или духане. Здесь, у порта они попадались на каждом углу. Тесные, мрачные клетушки, в которых под потолком плавали сизые дымы от кальянов, больше напоминали крысиные норы. Лучшие места занимали турки, а по темным углам робко жались группки махаджиров. Но не духота и смрад останавливали Гед-лача с Астамура на пороге. Как на невидимую стену они натыкались на пре-зрительные взгляды турок, и тогда в них просыпалась природная гордость. Она оказалась сильнее нужды. Обрато они возвращались с пустыми руками и без динара в кармане.

Оживленный вид Джамала жен и детей заставил их забыть о неудаче и согрел сердца надеждой. Он принес с собой главную новость, которая взбудоражила ма-хаджиров. Князь Геч накануне, вместе с семьей, отправился в Стамбул. По одним слухам, чтобы просить великого визиря о помощи, а по другим вымолить для себя должность. Астамуру, по линии жены, приходившийся ему дальним родственни-ком, видел в это хороший знак и не уставал повторять:

– Наконец про нас услышат! Наконец, в Стамбуле все узнают и помогут.

– Другим не помогли, а нам с чего? – усомнился Гедлач.

– Зря надеешься. Себе он может, что и выпросит, а другим вряд ли, – усомнил-ся Шмаф.

– Глухой слепого не услышит. Богатый бедного не поймет, – согласился с ним Гедлач.

– Обида не лучший советчик. Вспомни, как он тебя спас от Челера, – возразил Астамур.

– А, куда ему было деваться. Сам мог попасть под ятаган. Много он тебе помог, когда твоя младшая умирала? Крошки не дал!

Горестная гримаса исказила лицо Астамур, и он глухо обронил:

– Дело не во мне. Тебя и меня к визирю близко не подпустят, а его может и по-слушают.

– И много его слушал Сулейман? – отмахнулся Шмаф.

– Он двадцать лет воевал против гяуров

– Князь Моршан тоже воевал. Второй год здесь, а что для него и наших братьев сделал султан? Ничего!

Астамур промолчал и за него ответил Джамал:

– У князей своя дорога, им с нами не по пути.

– Это точно! Деньги, к деньга, а богатый к богатому, – поддержал его Гедлач.

– Так было, и так будет. Нам простым воинам только и остается, что тюрьма и да сума, – с горечью произнес Шмаф.

– Гедлач! Астамур! Ужин готов! – прервали это спор жены.

Они подсели к столу, но кусок не лез в горло. Осунувшиеся, потухшие лица детей напоминали о том, что завтра им снова, придется забыть про гордость горца, и унижено молить разьевшего духанщика о горстке лепешек или головке сыра. А затем, под презрительными взглядами их жен гнуть спину, разгребая на заднем дворе навозные кучи, и закапывать зловонные ямы. Засыпая, они с ненавистью думали о предстоящем рассвете.

Он и, наступивший день, оказались хуже предыдущего. Ни порту, ни в кофейнях, ни в поле для них не нашлось работы. Обрато они возвратились с пустыми руками. Тех скудных остатков пищи, что приберегли Амра с Шезиной, едва хватило, чтобы накормить детей, сами они довольствовались кружкой кипятка, заваренного из веток дикой черной смородины, росшей неподалеку в каменном распадке и корней одуванчика. Голод тоскливыми глазами детей вновь смотрел на родителей, и они были бессильны перед ним.

В ту ночь они не досчитались Джамала Бутбы. Сквозь сон Амра слышала, как скрипнула дверь, затем прозвучали чьи-то осторожные шаги, потом все стихло, и она забылась в тревожном сне. Разбудили ее лай собак и чужая речь. Она приподнялась и выглянула в окно. В зыбком рассвете двоились темные силуэты. В следующее мгновение дверь слетела с петель и пятеро стражников ворвались внутрь. Вслед за ними влетело чье-то тело и шлепнулось на пол.

Брань и дубинки обрушились на взрослых и детей. Согнав их в угол, стражники принялись перетряхивать жалкие узлы в поисках оружия. Вместе с ними искал, чем поживиться «толстый Саид», владелец пекарни на маяке. И пока шел обыск они с затаенным страхом косились на окровавленный ком, валявшийся у ног. Он пришел в движение, рукава черкески зашевелились и из них показались изуродованные топором две культи. Амра задохнулась от охватившего ее ужаса, а рука опустилась на лицо Апре. Мужчины крепились, но и у них сдали нервы, когда из вороха изорванного тряпья проглянуло лицо. Гедлач вскрикнул и подался вперед, но удар дубины отбросил его к стене.

Перед ними лежал Джамал Бутба. Его с трудом можно было узнать. От левого до правого уха лицо располосовал багровый рубец, из которого торчал ломоть хлеба. На месте глаз зияли, сочащиеся сукровицей темные провалы. Тело несчастного, несколько дернулось в предсмертной конвульсии, и навсегда затихло.

От одного этого вида кровь заледенела в жилах мужчин и женщин. Уже давно стих грохот сапог стражников, а они все не могли пошелохнуться.

– Зверье! – с трудом выдохнул Гедлач.

– Твари! – больше у Астамур не нашлось слов.

– Резать! Всех резать! – взорвался Шмаф.

В то утро на краю лагеря махаджиров, у ручья вырос еще один могильный холмик. За этой бедой к ним пришла другая. На следующий день Гедлач исходил весь город, но так не нашел работы и возвратился в лагерь с пустыми руками. И когда он переступить порог, то сердце екнуло. В углу, прижавшись друг к другу, рыдали Амра и Асида. За перегородкой плакали дети. Сам Астамур не находил себе места и метался из угла в угол. В его могучих руках алабаш трещал, как тростниковая палка. У окна мрачнее тучи стоял Шмаф, на его скулах играли желваки, а в глазах плескались ярость и гнев.

Холодный пот мгновенно выступил на спине Гедлач. Он метнулся к ширме, отдернул в сторону и с души свалился «камень» Слава Всевышнему Апра и Аляс были живы.

– Астамур? Амра? Что случилось?! – не мог он понять причины горя написанного на их лицах.

Жена силилась сказать, но ей мешали слезы. Астамур кусал губы и за него ответил Шмаф:

– Пропала Айша.

– Как?! Когда? – не мог поверить Гедлач.

Еще утром, отправляясь в город, он слышал ее звонкий голосок. Осторожная, благоразумная Айша, здесь на чужой земле не позволяла себе сделать лишнего шага. И здесь его обожгла страшная догадка. За последние дни из лагеря было похищено пять девушек. Самой младшей едва исполнилось тринадцать. Страшась произнести вслух, то о чем подумал, он с робкой надеждой произнес:

– Может она в городе?

– Какой город?!... О чем, ты Гедлач? Это все проклятые шакалы! – воскликнул Шмаф.

– И все таки надо искать – не терял надежды он.

– Искали. Никто ничего не видел и ничего не слышал, – потерянно ответил Астамур.

– Так эти сволочи и скажут! У... – выругался Шмаф.

– И все таки, Астамур, Асида не будем терять надежды, – пытался, как мог, утешить их Гедлач и затем предложил:

– Возьмите детям, я тут немного заработал.

Он развязал суму и из нее на стол выпали несколько лепешек и мешочек с курузой. Никто не притронулся к ним. Общее горе заставило забыть о голоде. В ту ночь никто так и не уснул, тяжелые вздохи мужчин, и рыдания женщин звучали до утра. Новый день не принес облегчения, Айша так и не появилась. Ее поиски в городе и расспросы земляков ничего не дали. Время шло и вместе с ним все меньше оставалось надежды на то, что она вернется в семью. Не хотелось в это верить, но Шмаф, видимо, был прав, теперь ее можно было найти в гареме бея или паши, но туда дорога им была заказана.

Сам Шмаф в тот день и на следующий не выходил в город, а спускался к морю и часами неподвижно просиживал на берегу. Тоска камнем лежала на сердце. В глазах потух огонь жизни и все старания Гедлача, Астамура, Амры и Шезизы за жечь его ни к чему не привели. Он безучастно взирал на куски лепешки и сыра. С наступлением ночи бестелесной тенью забирался за ширму, а с рассветом снова спускался к берегу моря.

Его, как и сотни других махаджиров пожирала одна и та же неизлечимая болезнь – тоска по родине. Первыми она забирала мужчин. Одни, как сейчас Шмаф медленно угасали и тихо уходили из жизни. Другие, подобно Джамалу Бутба сами себе выносили приговор и ради куска хлеба для близких резали ненавистных торговцев или сбивались в отряды абреков, чтобы рано или поздно умереть на штыках аскеров. Третьи, презрев голод, болезни, засады и мучительную смерть в турецких зинданах, пытались прорваться на родину.

В то для себя последнее утро в Самсуне Шмаф Квадзба принял решение. На этот раз он встал раньше всех. Осторожные шорохи за перегородкой разбудили Гедлача. Они и стук ножа насторожили его, он растолкал Астамура. Страшась непоправимого, Гедлач отдернул полог и на лбу мгновенно выступила испарина. Черкеска, которую Шмаф хранил на черный день, пузырилась уродливым горбом на спине, а под ней билось в конвульсиях тело.

– Шмаф?! ...Зачем? – отчаянный крик поднял всех на ноги.

Прошла секунда, другая и из предрасветного полумрака проглянуло изможденное лицо – маска. По впалым щекам Шмафа катились скупые слезы.

– Шмаф! Шмаф! – повторял Гедлач и бросился к нему.

Его рука скользнула по спине, коснулась шеи, и на сердце отлегло.

– Что с тобой, Шмаф? – допытывался он.

– Я ухожу, – выдавил из себя тот.

– Куда?! Зачем!

– Домой!

– Домой?!

– Да! Я...я не могу больше.

– Что поделаешь, надо терпеть, – старался, как мог убедить его Гедлач.

– Нет! Нет! Мое сердце в горах, а не в этой турецкой помойке! – терзался Шмаф.

– Мое тоже там, в Абхазии, но...

– Подыхать, как собака или гнить в тюрьме?! Нет! Нет! Лучше смерть от гяуров!

– Ты можешь до нее не дожить. Собаки – аскеры не дадут, – предостерег Астамур.

– Пусть поймают! – воскликнул Шмаф и яростно сверкнул глазами.

– И все таки, подумай, – не оставлял надежды отговорить его Гедлач.

– Я все решил! Здесь моя душа умирает, – упрямо твердил Шмаф.

– Тогда поступай, как сердце велит, – поддержал его Астамур и, порывшись в узлах, вытащил чудом сохранившийся отцовский кинжал и предложил:

– Возьми, брат. Пусть он будет тебе верным другом по дороге домой.

Горестная гримаса исказила лицо Шмафа. Он преклонил колено и, приняв кинжал, окрепшим голосом произнес:

Клянусь вам, мои братья, позор не покроет его! Клянусь, он не заберет ни одной безвинной души! Я верю, что твои внуки Астамур примут этот клинок у моих внуков. Я верю, что мы вернемся! Мы вернемся домой!

«Домой! Домой» – как молитву повторяли за ним Гедлач, Астамур, их жены и дети. И потом еще долго, пока за пеленой дождя не исчезла спина Шмафа, они провожали его печальными взглядами, и в них теплилась робкая надежда. Надежда, которой суждено было сбыться лишь спустя сто с лишним лет...

Дождь третьи сутки подряд грязными потоками заливал окопы и блиндажи, свинцовыми лужами расплескивался по воронкам, и конца ему не было видно. Разведывательно – диверсионная группа Алика Айба делала все возможное и невозможное, чтобы выполнить приказ Владислава Ардзинба. Третью ночь подряд

она мокла на минном поле, но разведчики в душе благодарили природу за ее щедрый подарок. Перед ней оказались бессильны осветительные ракеты вместе со всей западной оптикой, она стала «слепа» и «глуха». Грузинские часовые тоже не горели желанием высовывать нос из укрытий и, по-прежнему, надеялись на минные поля и сигнализацию.

К исходу третьей ночи разведчики проделали первый проход в минном поле и закачивали работу над вторым. Итальянские, советские и турецкие мины с коварными секретками оказались не самым тяжким испытанием. За время войны они успели повидать всякого, но то, с чем столкнулись на склонах Цугуровки, потрясло даже, казалось, не имеющего нервов «Дизеля». Это было самое чудовищное поле смерти, на котором когда-либо ему, Алику и Кавказу приходилось бывать.

В сотне метров от своих окопов они натолкнулись на первые жертвы предыдущих атак и разведрейдов ополченцев. От тошнотворного запаха мутило сознание, а руки деревенели, когда под ними оказывалась чья-то голова, рука или нога. И чем меньше оставалось до вражеских позиций, тем вся чаще исколотые пальцы вязли в разложившейся человеческой плоти и натывались на осколки костей. Они – неизвестные ополченцы и после своей гибели продолжали помогать им, указывая путь, в этом лабиринте смерти

Саша – «Дизель» извлек взрыватель из последней мины и, не чувствуя ни пота, затекавшего в глаза, ни дождя хлеставшего по лицу, без сил откинулся на спину. Ему, Алику, Кавказу вместе с ребятами удалось сделать невозможное – они сумели, как кроты прорыться через это ненавистное минное поле! Впереди находился только бруствер вражеского окопа. Над ним, изредка вспыхивали тусклыми светлячками огоньки сигарет. Справа, под нависшей скалой глазастый Окан разглядел размытый силуэт часового, толкнул под руку Кавказа и спросил:

– Видишь «кукушку»?

– Где, – оживился тот.

– Под скалой.

– Под какой ... а вижу. Хорошая цель для «Дизеля». Ты как? – обратился к нему Кавказ.

– Достану! – коротко обронил Александр и пододвинулся к Алику.

Только ему одному было известно время начала наступления. Он посмотрел на часы и ответил:

– Осталось совсем немного. Ищем остальных часовых!

Снова потянулись минуты томительного ожидания. Дождь продолжал лить как из ведра и грязными ручьями стекать вниз. Сквозь его шум иногда прорывались голоса. Чужая, ненавистная речь только еще больше распяляла разведчиков. Они бросали нетерпеливые взгляды то на часы, то на командира.

– Пора. Твое слово «Дизель»! – тихо произнес Алик.

Александр развернул плащпалатку, бережно как ребенка достал арбалет и вскинул к плечу. Свист стрелы потонул в шуме дождя и, через мгновение серая тень часового переломилась надвое и рухнула на землю. Другой, ничего не успев понять – второй выстрел «Дизеля» нашел свою цель. Дальше, действуя ножами, разведчики сняли передовое охранение и ринулись к дзоту. Путь к вершине был

расчищен и Алик по рации дал сигнал к атаке штурмовым ротам. Первыми в атаку поднялись бойцы Лесика Цугба, за ними в прорыв устремились остальные.

Неожиданная ночная атака ошеломила гвардейцев и уже к рассвету части абхазской армии овладели высотой и ворвались в село Цугуровка. Задача, которую Председатель ставил перед разведчиками, была выполнена, и Алик Айба с захваченного командного пункта по рации доложил об этом.

В тот день Владиславу Ардзинба, Султану Сосналиеву и Сергею Дбар приходилось часто принимать такие доклады. Несмотря на упорное сопротивление грузинских войск на отдельных участках фронта наступление абхазской армии продолжало успешно развиваться. Девятого июля, к исходу дня ее части взяли под контроль стратегически важный пункт – село Шрома.

Его потеря взорвала Шеварднадзе, и он в ярости обрушился на командиров. Тем ничего другого не оставалось, как покинуть кабинеты в Сухуме, отправиться на передовую и возглавить контрнаступление. Бои на Гумистинском фронте приобрели небывало ожесточенный характер. В течение дня позиции не один раз переходили из рук в руки. Подавляющее преимущество грузинских войск в авиации, артиллерии и тяжелой бронетехнике позволило им вновь восстановить контроль над Цугуровкой и высотой Ахбюк.

Боевой порыв, владевший командирами и бойцами абхазской армии в первые дни наступления, начал угасать. И без того обескровленные и измотанные в боях роты и батальоны ополченцев с трудом отбивались от наседавшего врага. Перед ними маячила угроза повторения в еще больших масштабах неудачного мартовского наступления. Владислав Ардзинба не стал медлить и немедленно выехал на Гумистинский фронт.

На подходе к командному пункту его встретил министр обороны Султан Сосналиев. В своем докладе он ничего утешительного не сообщил. За прошедшие часы частям абхазской армии не удалось выбить противника с занимаемых позиций. Не помогли и брошенные в бой резервы. Ураганный огонь грузинской артиллерии не позволял оторвать головы от земли. Потери, понесенные штурмовыми ротами, были чудовищны. Санитары не успевали уносить с поля боя раненых и убитых, Они лежали под палящим солнцем, и смердящий запах смерти ощущался даже здесь, в нескольких сотнях метров от передовой.

Владислав Ардзинба молча выслушал рапорт Сосналиева и вместе с ним прошел на командный пункт. Здесь, в полном составе находилось все командование Гумистинского фронта и Генерального штаба. В царившем полумраке лица генералов и офицеров, с запавшими от бессонницы и невероятного нервного напряжения глазами, походили на маски. Он пробежался по ним пристальным взглядом, и они невольно подтянулись, остановился на начальнике Генерального штаба и распорядился:

– Сергей Платонович, доложите обстановку на фронте!

Тот взял карандаш и прошел к карте. Сухие цифры говорили сами за себя. Владислав Ардзинба молча слушал, все больше мрачнел и когда доклад подошел к концу задал всего один вопрос:

– Сергей Платонович, меня интересуют только одно. Войска способны продолжить наступление?

Поежившись под его испытующим взглядом, тот глухо ответил:

– В нынешнем состоянии нет!

– Султан Асламбеевич, вы тоже придерживаетесь такого же мнения?

– Да, Владислав Григорьевич, войска нуждаются в передышке, а боезапас требует пополнения. При такой интенсивности боев скоро будет нечем стрелять...

– Говорите передышка?! – перебил его Владислав Ардзинба и затем обрушился на генералов и офицеров:

– А кто ее даст?! Шеварднадзе?? Каркаршвили? Вы что не верите в себя и своих бойцов?! Где мы найдем силы для нового наступления? Я вас спрашиваю, где?!

Под градом этих упреков, они все ниже склоняли головы и прятали глаза.

– Владислав Григорьевич, у противника подавляющее преимущество в артиллерии и тяжелой технике, – выдавил из себя командующий артиллерией Гумистинского фронта Аслан Кобахия.

– И что? Оно всегда было на их стороне! – отмел он этот аргумент.

– Бойцы измотаны. Некомплект в частях пятьдесят процентов, – напомнил Сергей Дбар.

– Сергей Платонович, ну, что ты мне тычешь этими процентами? Мы в контроле или на фронте?!

– С теми силами, что остались продолжать наступление....

– Да оставь ты эти силы в покое! – взорвался Владислав Ардзинба и в его голосе смешались гнев и горечь:

– Вы же не просто военные! ...Вы же абхазы! Наша сила в негибном духе наших бойцов! Год назад они голыми руками остановили этих отморожков. Теперь, чего вам не хватает?! Чего?

– Владислав Григорьевич, дайте хоть сутки, чтобы перегруппировать силы, – взмолился Султан Сосналиев.

– Султан Асламбеевич, ну нет у нас этих суток! Понимаешь, нет! Надо атаковать! Если не сегодня, то никогда! Только вперед! Только на Сухум! Там палачи и убийцы издеваются над нашими отцами и матерями! Они насилуют наших сестер и дочерей! Так сколько же это терпеть?! Вы должны поверить в бойцов и себя! Смерть страшна! Никто не хочет умирать! Но сегодня, сейчас мы стоим перед жестоким выбором. Это момент истины для каждого из нас, для самой Абхазии! Промедлим и тогда ни у нас, ни Абхазии не будет будущего!

Непоколебимая вера в победу и неукротимая энергия, исходившая от Председателя, передались командирам. Их потухшие лица оживились, а в глазах вспыхнул дерзкий огонек. Наступившая ночь, превратилась для оккупантов в кошмар. В абхазских ополченцев и добровольцев, будто вселился дьявол, их не могли остановить ни кинжальный пулеметный огонь, ни танки. С наступлением рассвета село Цугуровка и высота Ахбюк вновь перешли под контроль абхазской армии и она, подобно горной лавине, нависла над Сухумом. Но здесь в ход войны вмешалась большая политика.

В Абхазии высадился мощный «десант» из ооновских и российских дипломатов. Они принялись «атаковать» Владислава Ардзинба, но он устоял перед их напором и, умело используя успехи абхазской армии на фронтах, добился своего. 27

июля российской, абхазской и грузинской сторонами было подписано «Сочинское соглашение», предусматривавшее прекращение огня, вывод оккупационных войск из Абхазии и возвращение в Сухум законного правительства.

Прошел день, другой после подписания Соглашения, а мир на земле Абхазии так и не наступил. Грузинское командование, стараясь выиграть время, всячески саботировало выполнение его положений и водило за нос членов наблюдательной комиссии. Офицеры и солдаты выведенных из Сухума подразделений, не покинули территории республики а «растворились» среди грузинского населения Галского и Очамчёрского районов. В укромных местах пряталась тяжелая бронетехника.

Намеченное на девятое сентября возвращение в Сухум законных органов власти во главе с Владиславом Ардзинба так и не состоялось. Оккупационное командование инспирировало с помощью марионеток в Сухуме и Очамчырах «митинги протеста» с лозунгами: «Абхамам нет места в Сухуми!», «Сепаратизм не пройдет!»

После такого «представления» терпение у абхазской стороны иссякло и в ночь на 16 сентября в Очамчёрском районе подразделения Восточного фронта атаковали противника по трем направлениям: село Беслаху – Арду – Цагера. Второй удар был нанесен на рассвете в нижнем течении реки Гумиста. На следующую ночь имитация военно – морскими силами Абхазии высадки десанта в центре Сухума окончательно запутала командование грузинских войск. После этого в решающую схватку за столицу Абхазии вступили основные силы абхазской армии. Подобно неудержимой снежной лавине она обрушилась с завоеванных высот на противника и начала теснить к городу.

Шеварднадзе впал в панику и с истерически призывами обратился в ООН, штаб – квартиру НАТО и к президенту России Ельцину. Он не просил, а требовал мешаться в конфликт и остановить наступление «зарвавшихся сепаратистов». Москва, пытаясь надавить на Абхазию, 20 сентября ввела экономические санкции. Подача электроэнергии в республику была прекращена, а на границу по реке Псоу опустился «железный занавес». Воевать со всем миром абхазское руководство не собиралось и сделало тонкий ход. На ряде участков фронта войска были отведены на исходные позиции. Это несколько охладило боевой пыл бравого десантника, министра обороны России Павла Грачева, рвавшегося с двумя воздушно–десантными дивизиями спасать Шеварднадзе в осажденном Сухуме.

В боях возникла пауза, и Владислав Ардзинба решил воспользоваться ею, чтобы еще раз мирным путем разрешить кризис и сохранить человеческие жизни. Но Шеварднадзе остался глух к его обращениям, посчитав, что инициатива в боях за Сухум вновь перешла в его руки, и не стал брать телефонной трубки. Вч – связь с Гудаутой была отключена. Позиция Ельцина и, подтянутые из Грузии свежие силы, породили у него иллюзию близкой победы. И здесь «Седой лис» жестоко просчитался.

В Москве в те дни было не до него. Президент Ельцин и, оппозиционный ему Верховный Совет сошлись в непримиримой схватке за власть. Видимо, сам Всевышний помогал Абхазии и ее народу. Воспользовавшись заминкой, Владислав Ардзинба отдал приказ о генеральном штурме Сухума.

22 сентября части абхазской армии перешли в генеральное наступление. Почти двадцатитысячная грузинская группировка не устояла перед натиском пяти тысячами ополченцев и добровольцев и начала отходить с передовых позиций. К двадцать шестому сентября отступление превратилось в паническое бегство, а двадцать седьмого бои шли в центре города. После падения железнодорожного вокзала и комплекса зданий бывшего Совмина республики сопротивление оккупантов было окончательно сломлено. Но город все еще кишел забившимися в щели украинскими наемниками и боевиками из отрядов «Мхедриони». Им, после зверств над мирными жителями, рассчитывать на пощаду не приходилось и ополченцы, чтобы не нести потери безжалостно выжигали их огнеметами и «гасили гранатами».

В Новом районе, куда направлялся Владислав Ардзинба, для осмотра мест боев и «кладбище» грузинской тяжелой бронетехники, еще шла «воздушная» война. Подвижные группы ополченцев вели охоту за вражескими снайперами, засевшими в высотках. Тут и там верхние этажи сотрясали разрывы гранат и автоматные очереди. Куски бетона, кирпича и горящие головешки сыпались на улицы, и водителям двух УАЗов приходилось проявлять чудеса мастерства, чтобы не угодить под них.

Сидевшая, как на иголках, охрана Владислава Ардзинба перевела дыхание, когда впереди показался забор. За ним находилась база ремонта и хранения грузинской бронетехники. Ворота в нее оказались наглухо заблокированы подбитым грузовиком.

– Молодцы! Грамотно заткнули глотку! – отметил удачное попадание Эрдал Таркил.

– Как только туда заехать? Как?! – сокрушался Олег Гогуа и сбросил скорость.

– Пешком! – разрешил его сомнения Владислав Ардзинба.

– Владислав Григорьевич, а может не стоит? Чего на это железо смотреть! – заикнулся Гембер.

– Еще не всех снайперов выбили! – поддержали его Алик Кчач и Кавказ Атыршба.

– Тормози, Олег! Мы что не на войне? – был непреклонен Владислав Ардзинба.

Подчиняясь, тот заехал под прикрытие бетонного забора и остановился. Ибрагим Авидзба, Джон Хутоба, Алик Кчач и Эрдал Таркил, выскочили из машины и, образовав вокруг Председателя живое кольцо, старались закрыть его от огня снайперов. Гембер, с опаской косясь на верхние этажи высоток, не оставлял попыток отговорить от рискованной «экскурсии». И словно в подтверждение его слов на верхних этажах соседней высотки, нависавшей над рембазой, раздалась автоматная стрельба, а затем громыхнула граната.

– Владислав Григорьевич, может, вернемся? Смотрите, что твориться! – взмолился Кавказ.

– А вы для чего?! – отрезал он и решительно протиснулся через пролом в заборе.

Телохранители, кто в пролом, а кто через забор перебрались во двор. Перед ними открылось настоящее «кладбище» из танков и БТРов. На многих видне-

лись следы недавних боев: перебитые гусеницы и траки, смятые баки с горючим и, болтавшиеся на оборванных петлях крышки люков. Почти вся территория и ремонтные боксы были заставлены этой, ставшей уже не опасной грудой металла.

– Вот это арсенал?! – поразился Джон.

– Мог быть и больше, если бы эти сволочи не так быстро драпанули! – с презрением бросил Гембер.

– В боксе одно новое стоит! – воскликнул Эрдал и махнул рукой на два, поблескивающих новой краской БТРа.

– Будет на чем к «Шеве» подкатить! – пошутил Джон.

– Гад, в последний момент успел смыться! – с ожесточением произнес Алик.

– Куда он денется! Рано или поздно не мы, так свои, когда гробы подсчитают, кончат, – философски заключил Джон.

– Э...э. когда это еще будет! Вчера в наших руках был! – продолжал сожалеть Алик.

– Черт с ним! Сейчас надо ребят на Восточном выручать. После Сухума он как бешеный пес на них кинется! – с ожесточением произнес Гембер и бросил взгляд на Владислава Ардзинба.

Тот, все это время молча рассматривавший трофеи, сурово обронил:

– Недолго им нашу землю поганить!

– Если так дальше пойдет, то скоро на Ингур выйдем, – живо поддержал его Джон

– Эх, раньше бы нам такой арсеналом, весной бы уже все закончили! – все сокрушался Алик.:

– И без него закончим! – подвел итог Владислав Григорьевич и, посмотрев на часы, предложил

– Может, заглянем в Эшеру?

– Как скажите, Владислав Григорьевич! – ответил за всех Гембер и они возвратились к машинам.

По разбитой танками и БТРами дороге, утопая в клубах пыли, они проехали в село. Бомбежки и артобстрелы превратили его в руины. Но каким – то чудом среди них сохранился дом, в котором сорок восемь лет назад Владислав Ардзинба произнес слово – «мама» и сделал свой первый шаг. Видимо, само Провидение хранило дом и родовой очаг. За тринадцать месяцев войны ни один снаряд, ни одна авиабомба, так и не попали в него. Хозяева оказались на месте. Над крышей пацхи курился сиреневый дымок, по двору бегали куры, а под летним навесом, подобно разноцветной гирлянде, покачивались вязанки перца. Наперекор войне и лихолетью крестьянская жизнь брала свое.

На шум машин и стук калитки из пацхи выглянула еще крепкая для своих лет женщина. Прикрывая ладонью глаза от слепящего солнца, она разглядывала гостей и, увидев среди них сына, стряхнула с подола зерна кукурузы в таз и поспешила навстречу. Кавказ впервые так близко видел ее. В глаза бросалось сходство матери и сына. Оно проявлялось в быстрых и энергичных движениях, в прямом взгляде открытых глаз, в которых читались природный ум и твердая воля.

Она шла навстречу сыну и в эти мгновения видела только его. Они встретились и обнялись. Ее крепкие, иссушенные тяжким крестьянским трудом руки, нежно гладили по седым вискам, непокорной пряди и запавшим от усталости щекам. И он, который, как казалось Кавказу, не знал ни слабости, ни сомнений, стойко переносивший удары жестокой военной судьбы и, сохранявший ледяное спокойствие перед лицом смертельной опасности, под ласковыми и трепетными руками матери оттаял.

В эти мгновения Председатель, железная воля и непоколебимая вера которого в победу, помогли рядовым бойцам и командирам поверить в то, что они могут совершить невозможное, был просто любящим сыном. И в этой любви сейчас и потом, до самой смерти матери, он черпал свою силу.

Глава 8

К вечеру двадцать седьмого сентября Сухум был полностью освобожден от регулярных грузинских армейских частей, боевиков из отрядов «Мхедри-они» и украинских националистов. Последними пали железнодорожный вокзал и комплекс зданий бывшего Совмина республики. Объятые пламенем, они, подобно двум гигантским свечам, освещали погружающиеся в вечерний полумрак улицы города. Но ни густые клубы дыма, длинными языками сползавшие вниз к морю, ни спорадические перестрелки, вспыхивавшие то в одном, то в другом месте, с разрозненными группами гвардейцами, уже не пугали и не могли остановить сухумчан.

Город, казавшийся недавно мертвым, ожил и медленно, как тяжелобольной, приходил в себя. Тысячи полуоглохших и полуослепших за неделю непрерывных артобстрелов и бомбежек горожан спешили выбраться на свет из темных подвалов, погребов и укрытий, чтобы встретить своих освободителей. Для одних эти встречи несли радость, для других обернулись горечью невосполнимых утрат. Но безжалостная война не давала времени на передышку ни тем, ни другим. Враг еще был силен и мог нанести ответный удар, поэтому командиры не позволяли ни себе, ни своим подчиненным расслабиться и готовились к новым, как они думали, затяжным боям.

К двадцать восьмому сентября значительная часть восточной Абхазии все еще находилась под контролем оккупантов. Раскатистое эхо артиллерийской канонады и мощные взрывы авиационных бомб, доносившиеся из – за реки Кодор, были хорошо слышны в Сухуме. Это бойцы Восточного фронта под командованием Мераба Кишмария за неделю непрерывных и небывалых по ожесточенности боев сокрушили у города Очамчыра многоэшелонированную оборону противника, на его плечах прорвались к стратегически важной дороге Сухум – Зугдиди и взяли под свой контроль

Тбилиси охватила паника. И было от чего. В Абхазии грузинские войска терпели одно за другим поражения, а в Менгрелии накануне, двадцать четвертого сентября в городе Сенаки неожиданно объявился свергнутый Шеварднадзе в начале 1992 года президент Грузии Звиад Гамсахурдия. Он и его сторонники жаждали реванша и развили бурную деятельность. И без того истерзанная за полтора года

«освободительными» походами войск Госсовета и мародерами из отрядов «Мхедриони», Менгрелия после двух его митингов в Зугдиди и Цаленджихи, вспыхнула, будто спичка, грозя, как и Абхазия, выйти из повиновения «Малой империи».

В результате этого, к двадцать восьмому сентября, более чем двадцати тысячная военная группировка грузинских войск в Абхазии оказалось в западне, которая вот – вот могла захлопнуться. Ее командование слало в Тбилиси панические радиogramмы, и тогда Госсовет собрал и направил на помощь последние резервы. Кабинеты в армейских штабах и камеры в тюрьмах опустели. Гвардейцы, уголовники и наемники из числа украинских националистов, весь этот сброд предпринимал одну за другой атаки на позиции ополченцев под Очамчырой, чтобы расчистить путь для нового наступления на Сухум.

В сражение были брошена штурмовая авиация и все имевшаяся у грузинского военного командования бронетехника. Бои на Восточном фронте шли буквально за каждый метр дороги, которая в те решающие для судьбы Абхазии сентябрьские дни стала поистине дорогой смерти. Значительно уступая в численности и вооружении, ополченцы несли чудовищные потери, но не отступили и продолжали отчаянно сражаться, чтобы отсечь бронированные клещи грузинских войск, тянувшиеся к освобожденной столице Абхазии.

Наиболее ожесточенные бои шли в районе села Адзюбжа. Здесь всего семьсот бойцов Мераба Кишмария противостояли пяти тысячному 1-му армейскому корпусу, усиленному головорезами из отрядов «Мхедриони». Раз за разом бронированный таран из танков и БТРов ударял по позициям ополченцев, но дальше передовых окопов ему так и не удалось пробиться. Подвижные расчеты гранатометчиков, удачно маневрируя, прямой наводкой били по бензобакам, а когда кончались заряды в ход шли бутылки с зажигательной смесью.

Чадающие факела зловеще колыхались над дорогой и полем. Воздух пропитался запахом гари и пороха. Коричнево – черные ручьи из крови и расплавленного металла змеились по обожженной и истерзанной минами и снарядами земле. Четырежды гвардейцы и мхедрионовцы поднимались в атаку и сходились в рукопашной схватке с ополченцами и каждый раз, не выдержав яростного отпора, окатывались назад. Путь на Сухум для них, по – прежнему, оставался закрыт.

В Тбилиси хорошо понимали политическую и военную цену сражения под Адзюбжа и, не считаясь с потерями, бросили на этот участок фронта новые силы на этот раз под командование Джабы Иоселиани. Малоизвестный даже в узких кругах – художник, но зато хорошо знакомый по оперативным сводкам МВД бывшему первому секретарю ЦК компартии, а затем Председателю Госсовета Грузии Шеварднадзе, «вор в законе», «Джа» должен был стать спасителем нации. Посланный, чтобы «замочить сепаратистов», под Адзюбжа он крепко обломал себе «зубы». Отчаянные призывы «Джа» к «братве», взять на «перо» абхазов, уже ничего не могли изменить. «Свет демократии» в Закавказье – партийно – криминальный грузинский режим был загашен абхазскими ополченцами и добровольцами из России.

Двадцать восьмого сентября едва только над горами и морем забрезжил расцвет, основные силы абхазской армии после короткого, но мощного артобстре-

ла перешли в наступление. В этот удар ополченцы вложили всю свою ярость и ненависть, накопившиеся к оккупантам за предыдущие тринадцать месяцев. К полудню грузинские оборонительные позиции были прорваны и линия фронта, как таковая, перестала существовать. Окрыленные успехом ополченцы усилили натиск, и вскоре отступление гвардейцев, а вместе с ними и толп мародеров, нахлынувших из Западной Грузии, превратилось в паническое бегство.

Обезумевшие от страха орды захлестнули дороги, ведущие к Гали и Зугдиди. «Счастливики», сидевшие в танках и БТР, и те, кто смог удержаться на броне, гусеницами и огнем прокладывали себе дорогу среди деморализованной пехоты и беженцев, ища путь к спасению. Животный страх расплаты за совершенные во время оккупации преступления, массовые грабежи и насилие, заставлял их, как пауков в банке, биться за место в машине и на борту катера. Над дорогами и у морских причалов стоял отборный мат, звучали проклятия и мольба. То в одном, то в другом месте возникали яростные перепалки и, когда не помогали кулаки, в ход шло оружие. После автоматных очередей на обочинах и морском берегу оставались валяться трупы. Очередная волна паникеров, прокатившись по ним, оставляла за собой кровавое месиво.

Вместе с оккупантами спасались от справедливого возмездия и те, предки которых в середине тридцатых годов двадцатого века по чужой воле были переселены из Центральной Грузии в Абхазию. Спустя шестьдесят лет, их внуки и правнуки, отравленные ядом пещерного национализма, забыли, что всего лишь гости на чужой земле, и, следуя призывам новых правителей из Тбилиси – «Грузия – для грузин!», с карательными отрядами беспощадно грабили армянские и абхазские села. Им, кто живьем закапывал в землю и замуровывал в стены своих бывших соседей, однокашников по школе и учителей, кто превратил в пепелища некогда цветущие села: Лабра, Шаумяновка, Атара, Яштухе и десятки других, рассчитывать на снисхождение не приходилось. Прихватив награбленное, они, как крысы с тонущего корабля, ринулись за Ингур.

С ними бежали и те, кто, забыв про совесть и, польстившись на легкую добычу, разоряли брошенные абхазские, русские и греческие дома. Кто по ночам, натянув на лицо маску, отбирал последнее у немощных стариков и старух. Им было чего бояться и паника, подобно чуме, за считанные часы опустошила Очамчирский и Галский районы.

Бойцы абхазской армии, разметая в стороны заборы из брошенной военной техники и обозы с награбленным добром, встречали на своем пути обезлюдевшие села и поселки. О том, что в домах еще несколько часов назад была жизнь, напоминали горячие угли в печах, болтавшееся на веревках белье и скот, бродивший по дворам и огородам.

Прошли лишь сутки с начала наступления, и грузинская армия исчезала как мираж. Попытки контратаковать, которые предпринимали разрозненные остатки из отрядов «Мхедриони» и украинских националистов – боевиков, уже ничего не решали. Набрав наступательные обороты, отряды абхазских ополченцев и добровольцев безжалостно подавляла последние очаги сопротивления и тридцатого сентября вышли к реке Ингур.

За ней начинались земли Грузии, но наступательный порыв, охвативший бойцов и командиров, оказался настолько велик, что они уже не могли остановиться. С ходу форсировав реку, передовые отряды продолжали добывать деморализованных гвардейцев и бандитов из отрядов «Мхедриони» на землях Менгрелии.

В тот день, казалось, что никто и ничто был не в силах погасить этот яростный огонь и жажду справедливой мести за смерти близких, поруганную честь сестер и матерей, оскверненные могилы предков, что полыхал в душах бойцов абхазской армии.

«Нам не надо и горсти чужой земли!», – это обращение Владислава Ардзинба охладило самых горячих. Штурмовые роты, вынуждены были подчиниться, и возвратились за реку Ингур. Больше ни одного оккупанта на истерзанной войной земле Абхазии не осталось.

Тридцатого сентября тысяча девятьсот девяносто третьего года в Сухуме, Гагре, Гудауте, Очамчыре, в самых отдаленных горных селах ночь так и не наступила. До самого утра бархатное, усыпанное яркими звездами южное небо подсвечивали сигнальные и осветительные ракеты, терзали трассеры автоматных и пулеметных очередей.

Эта была их общая победа: абхазов, русских, армян, греков, махаджиров и всех, кто в тяжкий час испытании протянул руку помощи народу Абхазии. Победа, которая совсем недавно казалась такой далекой, пришла так же неожиданно, как бурная весна в горах. И опьяненные победители все еще не могли поверить в то, что вооруженная до зубов и, в десятки раз превосходящая по силе, военная армада грузинских войск разбита наголову. Но сотни брошенных танков и БТРов, горы мин и снарядов, россыпи гранат и патронов были не фантастическим сном. Эта была их безоговорочная победа!

Счастливые Ибрагим, Кавказ, Эركان, Окан и Джон не жалели патронов и, один за другим, опустошали рожки автоматов и магазины пистолетов. Рядом с ними падали в воздух бойцы из ополчения и ребята из охраны Владислава Ардзинба. Сам он и его соратники: Станислав Лакоба, Юрий Воронов, Сергей Дбар и Султан Сосналиев, дали волю свои чувствам.

Суровое лицо Председателя смягчилось, и Ибрагим увидел на его глазах слезы. Он сам не чувствовал, как по щекам потекли теплые ручейки и не стеснялся их. В эти мгновения его душа от радости находилась на седьмом небе. Он был счастлив от того, что остался жив, что остались живы Владислав Григорьевич, Кавказ, Окан, Джон, что, наконец, Абхазия стала свободной.

В ту ночь, впервые за 413 суток жители Сухума и всей Абхазии спали и не вздрагивали в ожидании разрывов мин и снарядов, трескотни пулеметных и автоматных очередей, топота кованых сапог и грохота слетающей с петель двери. Бои и перестрелки, полицейские облавы и обыски остались позади. Город медленно возвращался к мирной жизни.

Привыкали к ней и Ибрагим с Кавказом. Свою первую ночь они провели не в казарме или казенной комнате общежития, а в абхазском доме у Аслана. Он располагался неподалеку от центральной городской аптеки и, несмотря на то, что в этом районе шли ожесточенные бои, чудом уцелел и выглядел диковинной

картинкой среди прострелянных снарядами и исполосованных очередями крупнокалиберных пулеметов обгоревших остовов зданий. Обошли его стороной и мародеры.

В комнате, где они спали на стене неспешно тикали деревянные часы с кукушкой и, когда стрелки подходили к очередной цифре, дверцы избушки распахивались, крохотная птаха появлялась на свет и, откуковав свое, снова пряталась за ними. Но ни ее стрекот, ни громохание старенького холодильника «Бирюса» в кухне не могли разбудить Кавказа с Ибрагимом. Они, широко раскинувшись в постелях, от которых пахло не прогорклым запахом хлорки, а еле уловимым ароматом мяты, напоминавшем об уже позабытой мирной жизни, спали как убитые.

Первым проснулся Кавказ, сказалась многолетняя армейская привычка вставать с восходом солнца и, не став будить сладко спавшего Ибрагима, потихоньку вышел из комнаты и спустился во двор. Там, у летней печки во всю хлопотала мать Аслана – Лидия Петровна. Ополоснувшись прохладной дождевой водой из бочки, он пришел к ней на помощь и принялся колоть дрова. Стук топора разбудил Ибрагима с Асланом. Разомлевшие после крепкого сна они появились на летней террасе.

– Солдат спит, а служба идет! – поддел друзей Кавказ.

– А если хорошо спит, то она идет еще быстрее! – отшутился Ибрагим.

– Служба не волк, в лес не убежит! – лениво потянувшись, ответил Аслан и плюхнулся в плетеное кресло.

– Ребятки, у меня завтрак стынет! Быстро умываться и к столу! – поторопила их Лидия Петровна.

Дважды повторять приглашение ей не пришлось. Завлекательные запахи для неизбалованных армейской пищей желудков, доносившиеся со стола, действовали лучше всяких слов. Ребята бросали благодарные взгляды на Лидию Петровну и уминали за обе щеки жаркое из перепелов, которыми поделился сосед – охотник. Закончился завтрак неизменным кофе по – турецки, после него Ибрагим с Кавказом отправились в Верховный Совет. Там, на восемь часов был назначен общий сбор для дежурной и свободной смен телохранителей.

За три дня, прошедших после освобождения Сухума, они еще с трудом ориентировались в городе. Стрела портового служила им главным ориентиром. Поэтому, не спеша, с любопытством поглядывая по сторонам, друзья шли к месту сбора.

День выдался погожий. Природа наперекор войне брала свое. Затянувшийся «бархатный сезон», продолжал ласкать и согревать истерзанную Абхазию. Бирюзовое море умиротворенно плескалось у гранитных скал у Нижней Эшеры, таинственно перешептывалось легкой волной с галькой у Сухумского маяка и рисовало фантастические рисунки на песчаных пляжах Агудзеры. Зеркальную гладь сухумской бухты морщили пока еще редкие лодки рыбаков. В туманной дали, у кромки морского горизонта робко, словно не решаясь омрачить нежные краски увядающего осеннего неба, теснились облака. Солнце еще не успело подняться высоко, и в воздухе сохранялась та опьяняющая свежесть, от которой начинает кружиться голова, а в теле появляется необыкновенная легкость.

Ибрагим с Кавказом в полную грудь дышали и не могли насладиться тончайшим ароматом осенних цветов, запахом смолы и преющих водорослей. Широко шагая, они гнали перед собой волну из опавших листьев, но через десяток шагов война напомнила о себе. Воронка и сгоревший грузовик перегородили улицу и им пришлось пробираться через развалины. Из – под завалов тянуло тошнотворным запахом разложившихся тел и гари. Ошметки сажи, поднятые сквозняками, кружились в воздухе и забивали нос. Под ногами хлюпала зловонная жижа, вытекавшая из разрушенной канализации. Горы мусора, при приближении начинали оживать – это полчища разьевшихся крыс спасались бегством.

Выбравшись из развалин, Ибрагим и Кавказ невольно ускорили шаг. Впереди показалось здание Верховного Совета. На подходе к нему, у Академии наук повстречался Джон ХUTOба и уже вместе они вышли на площадь. За ночь с нее исчезли сгоревшие машины и завалы из бревен, но в самом здании Верховного Совета, в коридорах и кабинетах еще сохранялись следы поспешного бегства.

Свой первый рабочий день Председатель Верховного Совета Абхазии Владислав Ардзинба и его охрана начали с наведения порядка в приемной и кабинете. После обеда к нему выстроилась бесконечная очередь – очередь из траурных платков на головах женщин и темных пиджаков на плечах мужчин. Они пришли и каждый со своим горем. У кого – то был убит сын или дочь. Кто – то не мог отыскать ни среди раненых, ни среди мертвых близких. Другие на месте дома находили дымящиеся развалины. Беспомощные старики, смиряя природную гордость, просили о малом, чтобы им и осиротевшим внукам не дали умереть с голода.

И этот – такой долгожданный и выстраданный мир оказался для Председателя и его народа не меньшим испытанием, чем сама война. Страна лежала в руинах. Восточная Абхазия напоминала собой безлюдную пустыню, тишину которой и после окончания войны продолжали нарушать взрывы. Одичавший без хозяев скот поневоле превратился в саперов. Тяжелее всего приходилось тем, кто жил в городах. Полки магазинов, были под чистую вычищены бежавшими оккупантами и мародерами. На продуктовых складах, где трудно было отыскать даже мышь, гуляли одни сквозняки. Остановились электростанции. Не работали ни водопровод, ни канализация, ни транспорт. Все стало!!

С наступлением ночи Абхазия погружалась в крошечную темень, и тогда казалось, что она переставала существовать. Грустным напоминанием о счастливом прошлом, служили полыхавшие за Псоу разноцветьем огней рекламы Адлер, Кудепста, Хоста, Мацеста и Сочи. Всего в сотне метров, за рекой Псоу существовали совершенно другой мир и другая жизнь. В ресторанах, барах и кафе рекой лились водка, вино и коньяк. На танцплощадках гремела музыка, и тысячи отдыхающих наслаждались хмельной и беззаботной курортной жизнью. И вряд ли кто задумывался о том, что рядом с ними такие же, как и они, еще недавно граждане одной страны, разбирали развалины в поисках близких, рыли могилы и поминали умерших.

Победители остались один на один со своей бедой. Блокада, на границе наглухо отрезала Абхазию от остального, сытого и благополучного мира. До 1 сентября 1999 года ни один железнодорожный вагон не пересек моста на реке Псоу, ни один

корабль или катер не вошел в ее порты. Безжизненно застыли на приколе в аэропорту самолеты. Небо над Абхазией и море у ее берегов стали одной огромной «запретной зоной» и лишь «щель» на Псоу приоткрывалась на короткое время.

С раннего утра бесконечная очередь из стариков, женщин и детей выстраивалась на пограничном переходе. Не было в ней только мужчин, циничные чиновники поспешили записать их всех в «террористы», и они стали «невъездными». В восемь часов полосатый шлагбаум поднялся на дорогой, и эта человеческая река, громокая тележками, детскими колясками и всем тем на чем, можно было увезти или вынести муку, соль, керосин, бензин, спички устремлялась к «Казачьему» и «Блошиному» рынкам.

Прошло два месяца после окончания войны, но положение Абхазии и ее народа так и не изменилось. Лишь одна погода оставалась благосклонной к ним и то ненадолго. Октябрь, побаловав теплом и ясной солнечной погодой, сменился сырым и промозглым ноябрем, вслед за ним пришел небывало холодный декабрь. Тяжелые свинцовые тучи заволокли небо, и нудный морозящий дождь с утра и до вечера поливал полуголодные и замерзающие города и поселки Абхазии. Порывистый северный ветер, вырвавшись из ущелий, безжалостно трепал деревья, срывал с них листья и, сбивая в грязные кучи, гонял по безлюдным улицам. Разрушенный войной Сухум, потеряв свои зеленые «бинты – повязки», стал еще страшнее и напоминал собой тело смертельно больного сплошь изъеденное гноящимися язвами пожарищ и развалин.

Несмотря на усилия ремонтных бригад, большинство котельных и кочегарок, так и не удалось запустить, а кое – где восстановленное электроснабжение работало с перебоями и с трудом поддерживало еле теплившуюся жизнь города. Стылый холод вымораживал стены домов, и они превращались в настоящие холодильники. Наступившая зима угрожала не только холодом, но и голодом. Незасеянные с прошлого года поля заросли густым бурьяном, а загонь для скота после набегов гвардейцев и мародеров наполовину пустовали. Крестьяне, сами еле сводившие концы с концами, делились последним, но это не могло облегчить положения горожан. С каждым днем оно становилась все хуже.

Утлые турецкие суденышки, снаряженные махаджирами и их капитаны, с наступлением холодов и свирепых штормов, перестали появляться на Сухумском рейде. Единственный уцелевший портовый кран сиротливо смотрел стрелой в равнодушное и холодное небо. На городских складах и без того скудные запасы муки и пшена подходили к концу, Бензина и солярки, которые выдавались только армии и флоту, едва хватало на одну заправку.

Очередной рабочий день в кабинете президента Абхазии Владислава Ардзинба, единогласно избранного на этот пост парламентом республики двадцать шестого ноября, начинался с одного и того же. Министры докладывали о том, сколько осталось килограммов муки, соли и крупы, литров бензина и солярки. Скудные запасы таяли на глазах, положение становилось угрожающим, не могли его поправить даже поставки из Адыгеи. Несмотря на все усилия ее президента Джаримова, большинство грузов застревало на складах российской таможни.

«Где взять хлеб! ...Где взять соль? ... «Где взять мазут?» – повторял про себя как

заклинание Президент и рассеянно перебирал сводки, словно надеясь, найти в них ответ. Но бесстрастные цифры говорили только об одном – запасы подходят к концу. Это был заколдованный круг, из которого пока не удавалось вырваться. Он с раздражением отшвырнул от себя эти, ставшие ненавистными бумаги, встал из – за стола и прошел к окну.

За ним, в серой пелене морозящего дождя свинцово – сизыми валами вздымалось штормовое море. Пенистые языки перехлестывали через парапет набережной и грязными лужами растекались по тротуару. Придвинувшийся к самой сухумской бухте горизонт был абсолютно чист. На нем давно не возникали дымки кораблей, последний турецкий сухогруз, прорвавшийся к Абхазии, стоял на рейде полмесяца назад. Невольно теплая волна благодарности поднялась в груди Президента к капитану корабля, его отчаянному экипажу и тысячам махаджиров, проживающим в Турцию, которые и после окончания войны продолжали помогать словом и делом.

«Делом! Делом!» – повторил про себя Владислав Ардзинба, отошел от окна и пригласил из приемной дежурного телохранителя.

Ибрагим Авидзба, разгладив на куртке невидимые складки, прошел в кабинет и остановился у порога.

– Прикрой дверь, Ибо! – распорядился Президент и задержал на нем потеплевший взгляд.

Еще тогда, в Гудауте, при первой встрече ему приглянулся этот доброволец – махаджир. В его, тогда еще по – юношески наивных и открытых глазах, он прочел то, что больше всего ценил в людях – твердый характер и быстрый ум. Со временем симпатия к немногословному телохранителю только возросла. Война, как огонь в горне кузнеца закалила, но не ожесточила Ибрагима. Президент не раз ловил себя на мысли, что если бы у него был сын, то тот походил бы на этого махаджира – добровольца. И сейчас, не считая нужным заходить издали, Владислав Ардзинба прямо спросил:

- Урал Атыршба смелый парень?
- Д...а! – озадачено ответил Ибрагим.
- Он рискнет с кораблем прийти сюда
- Можете не сомневаться, Владислав Григорьевич, но с капитаном могут возникнуть проблемы, надо искать, – догадался, о чем идет речь Ибрагим.
- В октябре он нашел?!
- Найдет и сейчас! Там Кавказ. Мне надо с ними созвониться.
- Хорошо! Но побыстрее, с запасами совсем худо, особенно с мукой и солярой.
- Сегодня, крайний срок завтра, ответ будет!
- Я надеюсь, ребята будут делать все возможное?
- Они сделают и невозможное, Владислав Григорьевич! – заверил Ибрагим.
- Я верю! – ответил он и продолжил:
- С оплатой тоже решим! Часть найдем здесь. Надеюсь, что помогут наши земляки в Турции. Переговорю с Дженгиз Гюлем и Ирфаном Аргуном, они подключат кого надо.

– Владислав Григорьевич, брат тоже не останется в стороне, – напомнил Ибрагим.

– Аттила?

– Да!

– Спасибо! Даже и не знаю, чем мы сможем его отблагодарить! Он настоящий абхаз!

– Ему достаточно вашего слова, Владислав Григорьевич! Он это делает от чистого сердца, ради Абхазии!

– Хорошо, что у нее есть такие сыновья как Аттила, Урал, Кавказ и ты Ибо! Она никогда не забудет вас! – с теплотой произнес Президент и его суровый взгляд смягчился.

– Владислав Григорьевич! Владислав Григорьевич! – пытался что – то сказать растроганный Ибрагим.

– Не надо слов, Ибо! Мы мужчины! Пусть за нас говорят дела! – закончил на этом разговор Президент.

В тот же вечер Ибрагим связался по телефону с Уралом и Кавказом. Они с ответом не задержались. Спустя неделю турецкий сухогруз, груженный соляжкой и мукой, на рассвете причалил к причалу сухумского порта. Урал сдержал свое слово и сейчас, сидя в кабинете президента, не знал куда деваться от похвал. На память об этой встрече он уносил на своей руке именные часы.

Два последующих дня Ибрагиму, Окану и Уралу, пришлось крутиться, как белкам в колесе. В среду, к исходу дня все работы на сухогрузе были закончены и они поднялись на борт. При себе Ибрагим имел девяносто тысяч долларов, которые Владиславу Ардзинба удалось «наскрести» в банке и под свое «честное слово» получить у друзей Абхазии в России. Это была оплата в счет будущей поставки зерна и соляжки из Турции. Такую огромную сумму ни Ибрагим, ни Урал, ни Окан не решились хранить при себе, тем более в сейфе капитана Исмаила. При захвате судна грузинским сторожевиком, они могли стать легкой добычей. Выход из положения нашел Урал, в его каюте они оборудовали хитрый тайник. К целлофановому свертку с деньгами, что лег на дно, добавились еще четыре гранаты и два пистолета. Их Ибрагим с Оканом прихватили на крайний случай.

Закончив с тайником, они снова поднялись на палубу. Капитан Исмаил не спешил поднимать якорь, ждал, когда на море не опустятся сумерки. Тусклое декабрьское солнце, последний раз отразившись блеклыми лучами в снежных вершинах гор, закатилось за горизонт. Вечерний сумрак опустился на Сухум, море и он дал команду к отплытию.

Корпус содрогнулся от набравшего обороты дизеля, лопасти винта вспенили воду за кормой, в воздух взлетели швартовые канаты и корабль, загруженный кругляком и металлом, той единственной «валютой», которой расплачивалось правительство Абхазии, отчалил от причала. Глубоко зарываясь носом во встречную волну, он обогнул западный мыс бухты и, продолжая оставаться в тени берега, взял курс на Сочи. Там, перед границей с Россией команде предстояло совершить хитрый маневр, чтобы не напороться на грузинский сторожевик и выйти в нейтральные воды.

Ибрагим, Урал и Окан, за день беготни по порту и нервотрепки, связанной с загрузкой корабля, валились с ног от усталости и, с трудом досидев до конца ужина, спустились в каюту и улеглись спать. На палубе остались капитан Исмаил с вахтенной командой. Им предстояло пройти в кромешной темноте, участок в шестьдесят километров. Исмаил, по каким – то только ему известным приметам, безошибочно находил нужный курс. Сухогруз, подчиняясь его воле и твердой руке рулевого, как привязанный повторял все изгибы берега.

Позади остался, выступающий далеко в море, пицундский мыс и вскоре, из мрака ночи тусклой россыпью огней проглянули многоэтажки Адлера. До российской границы было рукой подать, и тогда капитан резко поменял курс. Корабль развернулся на девяносто градусов, и на всех парах устремилось в нейтральные воды. Через двадцать минут хода за горизонтом скрылись огни Большого Сочи, и рулевой взял курс на турецкий порт Трабзон. Теперь, когда самый трудный и рискованный участок маршрута остался позади Исмаил мог позволить себе расслабиться и, уступив капитанский мостик помощнику, отправился отдыхать. Но в ту ночь, ни ему самому, ни экипажу, ни Ибрагиму с Уралом и Оканом так и не удалось поспать.

После полночи задул сильный северо – западный ветер и поднял большую волну. Под ударами накатывавших на левый борт валов судно жалобно поскрипывало, угрожающе кренилось и черпало воду. Старый, давно отслуживший свое дизель, из последних сил грохотал изношенными железными внутренностями, чтобы удержать корабль на курсе. С каждой минутой это становилось делать все труднее. Ветер усиливался, а стрелка барометра все дальше убегала по циферблату влево, предупреждая о надвигающемся шторме.

К этому времени весь экипаж уже был на ногах. Поднялись в рубку и Ибрагим с Уралом и Оканом. Остаться в тесной каюте и биться головами и локтями о переборки в полной темноте и неизвестности было выше их сил. Здесь, рядом с капитаном Исмаилом они чувствовали себе увереннее перед лицом разбушевавшейся стихией.

Он занял место на мостике и опытным взглядом оценил ситуацию. Ничего хорошего она не сулила. Идти прежним курсом, становилось все более рискованно. Вздывавшаяся за бортом волна, трещающий под ее ударами корпус и грохот разболтавшегося в креплениях леса – кругляка ничего хорошего не сулили. Исмаил решил уходить от шторма и взял курс на юго – восток. Там экипаж подстерегала другая опасность – грузинские сторожевые корабли. Из двух зол капитан, как ему казалось, выбрал наименьшее – курс на Батуми.

Подгоняемый попутным ветром и волной сухогруз все дальше уходил на юго – восток и перед рассветом, когда до турецкого берега оставалось не больше сорока миль неожиданно напоролся на грузинский сторожевик. Его хищный силуэт появился за кормой. Надежда, но то, что с ним удастся мирно разойтись, у капитана Исмаила быстро улетучилась. Яркий сноп света прожектора разорвал мрак и как сторожевой пес «обнюхал» палубу сухогруза и остановился на рубке. Вид судна выдавал его с головой и капитан Исмаил дал команду:

«Полный вперед!»

Сквозь рев моря и грохот дизеля прорвался усиленный ваттами электроники голос. С ужасающим акцентом, на английском языке он требовал остановиться. Ибрагим метнул взгляд на приборную доску, но суматошно мечущие стрелки ему ничего не сказали, и с тревогой воскликнул:

- Капитан сколько до Турции?
- Миль тридцать!
- Успеем?!
- Не знаю, если только....

Капитан Исмаил так и не успел договорить. Пулеметная очередь зловеще прошелестела над палубой и рикошетом взвизгнула на мачте.

– Право руля! – закричал он, пытаясь в очередной раз вырвать судно из захвата прожектора.

Палуба резко ушла в сторону и Ибрагим, вцепившись в поручни, едва устоял на ногах. В следующее мгновение он, а за ним Урал и Окан метнулись к трапу и скатились в каюту. Смахнув с крышки тайника хлам, Ибрагим запустил руку в щель и, нащупав стволы, вытащил пистолеты, а затем гранаты.

Окан вставил магазин в пистолет, передернул затвор и сунул в карман куртки, в другой опустил две гранаты. Тоже самое повторил Ибрагим.

- Ребята, а мне?! – потребовал Урал.
- Береги деньги! – категорично отрезал Ибрагим.
- Но ...
- Никаких но! Урал, это не просто деньги – это мука и солярка для Абхазии! – бросил на ходу Ибрагим и вслед за Оканом выскочил на палубу.

Исмаил не сдавался и продолжал маневрировать, надеясь оторваться от грузинского сторожевика. Но расстояние неумолимо сокращалось. Окан бросил нервный взгляд на часы и спросил:

- Капитан, сколько до Турции?!
- Миль двадцать пять! – ответил тот и мрачно заключил:
- Не дотянем.
- Как не дотянем? ... Должны! – всполошился Ибрагим!
- На моей

Пулеметная очередь оборвала капитана Исмаила и бросила его, а вместе с ним Ибрагима, Окана и Урала на палубу. Осколки стекла из разбитой рубки посыпались на спины. На этот раз со сторожевика вели прицельный огонь по сухогрузу. Выдержка изменила капитану, он метнулся к переговорному устройству и закричал:

«Машинное? Сто...»

Рука Ибрагима зажала ему рот, а яростный вопль:

«Вперед, капитан!» – подхлестнул Исмаила.

Команда сухогруза продолжала совершать маневры, пытаясь уйти от прицельного огня сторожевика. Усилившаяся качка, а еще больше неуверенная стрельба пулеметчика помогли ей. Пули чаще сбивали пену с гребней волн и не находили цели. Так до бесконечности продолжаться не могло, это понимали как Окан, так и Ибрагим. Оба готовились к худшему, вставили запалы в гранаты, положили в

карманы куртки и не спускали глаз с грузинского сторожевика. Его контуры все отчетливее проступали на фоне светлеющего на востоке горизонта. Он выходил на параллельный курс, чтобы отсечь сухогруз от берега.

– Шайтан! – быстро разгадал маневр Исмаил и от ярости заскрипел зубами!

– Что случилось, капитан?! – напрягся Ибрагим.

– Осекает нас от берега!

– Собака! – выругался Окан.

– Надо идти вперед, может прорвемся?! – воскликнул Урал.

– Бесполезно! Через полчаса перекроет ход! Лучше сдаться пока трупами не сделали, – обреченно произнес Исмаил.

– Что...о?! – взорвался Ибрагим и, выхватив из кармана пистолет, закричал:

– Не останавливаться! ... Ты слышишь, капитан, не останавливаться! Вперед!

– Я...я! – только и мог, что произнести тот под дулом пистолета.

В машинном отделении сухогруза не слышали и не видели, того, что происходило на палубе, и выжимали из старенького дизеля все что могли. Гонка продолжалась. Грузинский сторожевик медленно, но упорно оттеснял их от турецкого берега. Урал, вцепившись руками в поручни, жег его ненавидящим взглядом и как молитву повторял:

– Ну, где же они?! Где?

– Кто? Кто?! – переспросил Окан.

– Береговая охрана!

– Береговая?! – воскликнул Ибрагим и через мгновение, схватив капитана за куртку, зарычал:

– У тебя есть их частоты?

– ...Да..а, – выдавил из себя он.

– Так чего молчал?! Вызывай!

– Что передавать?

– Все!... Что на нас напали! Что стреляют! Только быстрее! – кричал Ибрагим и подталкивал капитана к радиорубке.

В эфире зазвучал писк морзянки. Прошла бесконечно долгая одна, за ней другая минута, когда, наконец, прозвучал ответ. Ибрагим, Окан и Урал перевели дыхание. Капитан Исмаил приободрился, грузинскому сторожевику из – за сильной боковой волны, пока не удалось перекрыть курс сухогрузу. Старая посудина трещала по всем швам, но не сбавляла ход и упорно пробивалась к турецкому берегу.

За этой гонкой ни капитан, ни команда, ни застывшие у левого борта Ибрагим, Окан и Урал не заметили, как подкрался рассвет. Горизонт прояснился и у его кромки, на западе проступил силуэт турецкого военного корабля. Он рос на глазах. Заметили его и на грузинском сторожевике, и в бессильной злобе, огрызнувшись пулеметной очередью, легли на обратный курс.

И когда над сухогрузом навис мощный борт военного корабля Ибрагим, Окан и Урал спустились в каюту и без сил рухнули на койки. Поднял их на ноги сиплый гудок сухогруза. Сверху доносились отрывистые команды капитана Исмаила и топот ног. В иллюминаторе показался лес портовых кранов – это был Трабзон,

и Ибрагим с Оканом поторопились избавиться от своего опасного груза. Пакет с пистолетами и гранатами, вывалился за борт и, булькнув, пошел ко дну. После этого они поднялись на палубу и стали ждать, когда сухогруз причалит к берегу.

Ибрагим с жадным любопытством всматривался в надвигающийся из утреннего тумана порт и быстро отыскивал тот причал, с которого он вместе с Гума отправился в Абхазию. За это время здесь мало что изменилось. У пассажирского терминала, как и тогда, толпились на посадку русские челноки, перед портовой гостиницей вился рой такси, но ему казалось, что с тех пор минула целая вечность.

Война раз и навсегда круто изменила его жизнь,. Он с волнением ожидал встречи с прошлым. Первым напоминание о нем стал Эндер Козба. Тот с Кавказом прохаживались по причалу и что – то оживленно говорил ему. Команда капитана Исмаила заставила встрепенуться Ибрагима. Швартовые канаты взлетели в воздух и шлепнулись на пирс. Гребные винты последний раз вспенили воду за кормой и затихли. Он и Окан с трудом дождались, когда с борта спустили трап и, крепко пожав руку Уралу и капитану, которым предстояло улаживать портовые формальности, поспешили навстречу пограничникам и таможенникам. Те, вели себе на редкость великодушно, бегло проверили документы с вещами и разрешили сойти на берег. Там Ибрагим и Окан попали в крепкие объятия Кавказа и Эндера.

Их измочаленный вид говорил сам за себя и Эндер предложил отправиться в гостиницу. Но Ибрагим, узнав о рейсе на Стамбул, отказался. Оставшиеся до отлета часов, они провели в баре. Живой, словно, ртуть Эндер, затерзал его и Окана вопросами. Отбились они от них, лишь, когда объявили посадку. И едва Ибрагим коснулся кресла как тут же уснул. Он спал сном счастливого человека – половина поручения президента Владислава Ардзинба была выполнена. Его душу согревала особенным теплом, лежащая в нагрудном кармане капсула, с землей с могил Арсола и Коса Авидзба. Разбудил его не рев турбин, заходящего на посадку самолета, а тихо произнесенное Оканом слово:

«Ибо, мы дома!»

«Дома! Дома!» – повторял он про себя и уже не замечал ни шаткого трапа, ни суеты пассажиров, не слышал разговора таксиста с Оканом. Его взгляд пожирал улицы и площади, купался в море рекламных огней и когда впереди показалась хорошо знакомая улица, сердце в груди забухало, как кузнечный молот. Не дожидаясь остановки, он, простившись с Оканом, сунул деньги таксисту, выскочил из машины, перемахнул тротуар и, влетев под арку, остановился, чтобы перевести дыхание. Затем, с замирающим сердца взялся за ручку двери. Уже подзабытый мелодичный звон колокольчика напомнил еще раз, что это не чудесный сон – он дома. ...Дома!!!

Войти незамеченным Ибрагиму не удалось. На звук колокольчика из гостиной выглянула сестра и остолбенела, а через мгновение ее радостный крик:

– Ибо! Ибо приехал! – поднял на ноги весь дом.

Захлопали двери и в холл из комнат высыпали: горничная, мама, отец и зати-скали его в объятиях. Не прошло и пяти минут, как из офиса примчался старший

брат Аттила, и впервые за этот год семья Авидзба в полном составе собралась за одним столом. Сгоравшие от нетерпения сестра и мать, едва только опустели тарелки, накинулись на Ибрагима с вопросами, не удержался и обычно скупой на слово отец, его интересовало все, что было связано с малой родиной и фамилией Авидзба в Абхазии. До глубокой ночи продолжался этот, взволновавший всех разговор, и только усталость заставила их разойтись по комнатам и лечь спать.

На следующее утро Ибрагим с нетерпением дождался, когда закончится завтрак, и сразу же отправился в город, по которому соскучился за эти восемь месяцев. С первых минут его закрутил водоворот встреч со старыми друзьями, но будь – то уютное кафе при волейбольном клубе «ДЭСЭИ», или кают – компания на яхте Аттилы, он не раз ловил себя на мысли о Владиславе Григорьевиче, Джоне, других ребятах и тех тысячах стариков, женщин и детей, что так нуждались в муке, которую, возможно, сейчас Урал и Кавказ погрузили на сухогруз в Трабзоне. Его сердце уже не принадлежало только одному, обласканному теплом и цивилизацией Стамбулу, сегодня оно было там, среди суровых гор Абхазии в полуголом и замерзающем от холода Сухуме. Даже весельчак Джелкан и тот не смог отвлечь Ибрагима от этих мыслей.

С легкой грустью он возвратился домой. Осторожно, стараясь никого не потревожить скрипом ступенек, поднялся по лестнице на второй этаж. И здесь дверь кабинета открылась, из него выглянул отец и пригласил:

– Ибо, зайди, надо поговорить!

Он напрягся, рано или поздно, но этот разговор должен был состояться и вошел в кабинет

– Садись, сынок!

Так его называли в редкие минуты душевных откровений. Ибрагим ответив благодарным взглядом, и только сейчас заметил, что отец в последнее время сдал. Тот перехватил этот взгляд и с грустью произнес:

– Да, сынок, и я не вечен.

– Что ты, папа! Ты у нас еще молодец!

– Был молодец, но годы берут свое. Пришло время и надо думать, кому передавать дела, тебе или Аттиле? – и его испытывающий взгляд остановился на Ибрагиме.

– Конечно Аттиле! – не задумываясь, ответил тот.

– Аттиле?! – голос старшего Авидзба потеплел:

– Да, он уже многого добился, но ему тесен Стамбул. У него своя дорога. Я надеюсь на тебя, сынок!

– Папа, мне только двадцать один и я ничего не умею!

– Война это тоже школа и еще какая! А с образованием, не беда наверстаешь. Университет в Лондоне тебя ждет.

Ибрагим молчал, слова тяжелые словно комья застряли в горле.

– Ну, так что? – торопил с ответом отец.

– Я... я сейчас не могу. Там сейчас трудно. Что я скажу Владиславу Григорьевичу? ... Он, понимаешь, папа...

– Понимаю, Владислав Григорьевич для нас больше, чем президент. Он вернул нам Абхазию!

– Папа, если бы ты его только увидел. Он ... – у Ибрагим не нашлось больше слов.

– Ибо, мы гордимся тобой! Для нашей семьи великая честь, что ты рядом с президентом, но война закончилась и надо думать о будущем.

– Но ты же сам говорил, наше будущее в Абхазии!

– Все правильно, мы будем абхазами, пока есть Абхазия.

– Так что же мне делать, отец?! ... Что?! – терзался Ибрагим.

Этот мучительный вопрос болезненной гримасой отразился на лице Авидзба – старшего. Он, который, казалось, никогда не знал слабости, дрогнувшим голосом произнес:

– Хорошо! Отложим разговор до утра!

В ту ночь Ибрагим так и не уснул. Он разрывался между домом, семьей и тем новым чувством, которое завладело им и властно звало в Абхазию. Его пальцы перебирали фотографии из старых альбомов. С них смотрели веселые и беззаботные лица родных и друзей, в памяти воскресали счастливые, и грустные мгновения, что они пережили вместе. Но вольно или не вольно их вытесняли другие – первые шаги с Гума по земле Абхазии, та навсегда оставшаяся в памяти встреча с Владиславом Григорьевичем, бой с гвардейцами под Сухумом и многое другое, что теперь прочно вошло в его жизнь. Он уже не мог противиться могучему зову новой жизни и чувствовал себя в родном доме странником, ненадолго остановившимся отдохнуть перед дальней дорогой. Его мысли, все его существо уже было там, в Трабзоне на сухогрузе, груженном мукой и соляжкой сухогруза, где его ждали Урал с Кавказом.

Стук в дверь заставал Ибрагима обернуться. Отец вошел в комнату. Он поднялся навстречу, и они долго смотрели друг на друга. В глазах сына отец прочел ответ на свой вопрос и печально произнес:

– Решил возвращаться?

– Да, папа!

Обычно скупой на слова и эмоции он дрогнул и, пряча глаза в сторону глухо произнес:

– Мне не будет тебя хватать, сынок.

На глазах Ибрагима навернулись слезы.

– Папа! Я вернусь! Я не уйду от вас! Я...я не могу сейчас остаться! Там ждут! Там... – больше у него не нашлось слов.

– Не надо, Ибо! Ты мужчина! У каждого из нас своя дорога, важно, чтобы она не вела в тупик. Там будет нелегко и дай бог тебе сил, чтобы ты прошел по ней с честью!

– Тебе не будет стыдно за меня, отец! – поклялся Ибрагим.

И, подчиняясь порыву, отец с сыном обнялись

В аэропорт его отвез Аттила. Отец не захотел, чтобы он утонул в слезах матери и сестры. Потом, всю дорогу до Трабзона, Ибрагим вспоминал его последние слова и ощущал на себе этот согревающий теплом взгляд. Тогда он и не предполагал,

что им уже не суждено было больше встретиться. Внезапная смерть не позволила отцу и сыну осуществить свою давнюю и заветную мечту – пройти вместе по земле, где когда – то ступали Арсол, Коса и Гедлач Авидзба.

В тот холодный декабрьский вечер, когда груженный сухоруж отчалил от пирса в Трабзоне и взял курс на Абхазию, все мысли Ибрагима были связаны с тем, как избежать встречи с грузинскими кораблями и доставить до места груз. На этот раз погода и удача были на его и стороне экипажа. Рассвет застал сухогруз у берегов Абхазии. Она встретила их холодным, пронизывающим до самых костей ветром и мокрым снегом. Он на время скрыл следы войны, но не беду с которой сухумчане и вся Абхазия остались один на один. Для них та первая послевоенная зима с холодными, проливными дождями и свирепыми штормами, казалось, никогда не кончится.

Наступил март и небо, еще недолго похмурившись, прояснилось. С каждым новым днем солнце набирало силу, и под его яркими лучами отогретая теплом земля ожила, а вместе с ней и люди. Жизнь постепенно брала свое. Вновь зазеленели распаханное поля, а в домах пусть пока редко, но зазвучали младенческие голоса. В июне то в Гагре, то в Пицунде, то в Новом Афоне робкими стайками стали появляться, невесть как пробравшиеся через границу, отчаянные россияне.

В настоящий праздник для сухумчан превратилось открытие в июле долгое время пустовавшего санатория Ракетных войск стратегического назначения России. Его начальник Саид Лакоба – один в трех лицах начальника, начмеда и начальника режима вместе с десятком врачей и медсестер в ту ночь так и не заснули. До зеркального блеска они драили номера для первого заезда отдыхающих. На следующий день об этом, без всякого преувеличения, говорила вся Абхазия. И пусть большинство корпусов, по – прежнему, пустовало но эти тридцать восемь человек, поместившихся в одном автобусе, значили для народа Абхазии гораздо больше, чем вся гуманитарная помощь «Красного Креста». Их приезд пробудил надежду на то, что несправедливая и жестокая блокада будет снята с границ и к ним вернется уже позабытая жизнь с ее повседневными радостями и огорчениями.

Наивные, в те июльские дни 1994года они не знали, да и не могли знать, что еще бесконечно долгих пять лет им предстояло, сцепив зубы, вырываться из той чудовищной разрухи, в которой лежала Абхазия. Лишь в сентябре 1999года окно в «большой мир» приоткрылось. Вновь назначенный, и мало кому известный премьер Владимир Путин снял блокада на реке Псоу.

Глава 9

Очередной рабочий день в администрации президента республики Абхазии Владислава Ардзинба начался с хорошей новости. Приехавший накануне из Москвы министр иностранных дел Сократ Джинджолия в своем утреннем докладе сообщил о наметившихся положительных подвижках в позиции российского руководства по вопросу урегулирования абхазо–грузинского конфликта. В ходе непростых переговоров в российском МИДе и Федеральной пограничной службе им были достигнуты важные негласные договоренности о «смягчении» режима санкций на границе по Псоу и «дискретном» допуске российскими пограничниками турецких судов с продовольствием и горючим в порт Сухума. Эта была полумера, но она позволяла частично ослабить удушающую петлю блокады, от которой третий год жестоко страдал его – Владислава Ардзинба народ.

После ухода умудренного жизнью, и мало чем уступающего знаменитому греческому тезке–Сократа, он не удержался и позвонил в Москву старым знакомым по работе в Верховном Совете, сохранившим крепкие связи в Госдуме и МИДе. Они были немногословны, но, по крайней мере, намекнули, что «процесс пошел» и грузинские конфиденты на «Охотном ряду» и «Смоленской площади» начали сдавать свои позиции.

Их уверенный тон давал надежду на то что, в Кремле, наконец, нашлись трезвые головы, осознавшие очевидный для него факт, что не Грузия, а Абхазия является истинным союзником России в начатой американцами битве за Кавказ. Именно Абхазия, как считал он, со временем станет тем самым маленьким, но надежным локомотивом, который, рано или поздно, вытащит Грузию из – под «машиниста Шеварднадзе», мчащего ее на всех парах, а вместе с ней Закавказье в объятия американцев и НАТО. Все это вместе взятое позволяло рассчитывать на положительные подвижки в предстоящих переговорах с грузинской стороной. В душе он надеялся, что хитрец Сократ, сумеет найти лазейки, чтобы ослабить «удавку», которую «российскими руками» умело затягивал вокруг Абхазии «Седой Лис»–Шеварднадзе.

Закончив разговор с Москвой, Владислав Ардзинба в приподнятом настроении взялся за текущие дела, его не испортили даже «кричащие» проблемы, свя-

занные с катастрофическим дефицитом горючего. Пошли вторые сутки, как на заправках закончился бензин и ситуация настолько обострилась, что затронула армию. Как докладывал министра обороны Султан Сосналиев, по этой причине на время были отложены сборы с резервистами, а в баки танков и патрульных катеров пришлось залить последние резервы горючего.

Блокада на границах Абхазии в очередной раз жестоко напомнила о себе, но президент не терял уверенности и надеялся, что в ближайшее дни испытанные друзья Аттила Авидзба и Урал Атыршба сумеют отправить из Турции танкер с горючим. В правительстве тоже не сидели сложа руки и не ждали с моря погоды, а с помощью «толкачей» в российской таможне всеми правдами и неправдами пытались пропихнуть через границу на Псоу бензин и сольерку.

Приближалось время обеда, Владислав Ардзинба сложил документы в папку и здесь раздался звонок из Тбилиси. По ВЧ–связи вышел сам Шеварднадзе. «Седой Лис», как всегда, начал издали, и чем дольше продолжался разговор, тем все более неуютно чувствовал себя Владислав Ардзинба. Последние конфиденциальные договоренности, достигнутые Сократом на встречах в российском МИДе, не составляли для Шеварднадзе секрета. Более того, в Тбилиси знали в деталях об «особых условиях» пребывания российских пограничников в морских портах Сухума, Очамчыры и на авиабазе в Гудауте. Напрашивался очевидный вывод – произошла банальная утечка информации, а где дали «течь» голову не приходилось ломать. Это был далеко не первый случай, когда грузинская «пятая колонна», окопавшаяся в «сталинской высотке» на «Смоленской площади», подставляла его и друзей Абхазии в российском руководстве.

Шеварднадзе, пользуясь случаем, с убийственной иронией продолжал гвоздить ядовитыми вопросами. Владиславу Ардзинба нечего было сказать в ответ и оставалось лишь одно, в бессильной ярости скрипеть зубами и изворачиваться, словно уж на сковороде. «Седой Лис» не упустил возможности продемонстрировать, кто в российском МИДе настоящий хозяин. Этой словесной «пытке», казалось, не будет конца, у него иссякло терпение, и он брезгливо швырнул трубку ВЧ–связи на аппарат.

Враги России и Абхазии, в очередной раз нанесли коварный удар по его планам. Гнев и возмущение душили президента. Проклиная в душе продажных и беспринципных чиновников, окопавшихся на «Смоленской площади» он в ярости закружил по кабинету. Снова зазвонил телефон, на этот раз закрытой внутренней связи. С докладом вышел руководитель Службы государственной безопасности, но то ли из–за помех на линии, то ли от волнения, временами его голос прерывался, и тут было от чего. По оперативным каналам в СГБ поступила «убойная» информация и касалась она не много не мало, а нового командующий российскими миротворческими силами в зоне абхазо–грузинского конфликта.

По данным абхазских контрразведчиков, он возвратился из поездки в Тбилиси не с пустыми руками, а с личным подарком от самого «Седого Лиса». Да еще каким – новенькой иномаркой, стоимости которой вполне хватало, чтобы до конца жизни прокормить командующего, а вместе с ним весь штаб, включая вечно ненасытных тыловигов, в московском ресторане «Араги».

Это сообщение стало последней каплей, переполнившей чашу терпения президента. Дальше спокойно взирать на такое откровенное мздоимство он уже не мог, до продажных московских чиновников было не дотянуться, но командующий российскими миротворцами находился под рукой. Сгорая от праведного гнева, Владислав Ардзинба распорядился немедленно вызвать его на прием.

От комплекса правительственных зданий до объединенного штаба миротворческих сил, располагавшегося на территории военного санатория Московского военного округа, было не более пяти минут езды. Командующий оказался на месте и не заставил себя ждать, вскоре его чеканный шаг зазвучал в коридоре президентского крыла.

Поблескивая надраенными до зеркального блеска ботинками и белозубой улыбкой на загоревшем и сытом лице, он появился на пороге приемной. В новой, еще непривычной для глаз форме, которая пришла на смену старой советской, он скорее походил на натовского, чем российского генерала. Мундир, усыпанный карманами и оловянной мишурой, сверкал, словно, рождественская елка, а огромная с высоко задранной тульей фуражка, напоминала летное поле гудаутской авиабазы.

Небрежно поздоровавшись с дожидавшимся приема министром, тот невольно вытянулся в струнку, и, не удостоив внимания двух телохранителей, скромно стоявших у окна, генерал бросил нетерпеливый взгляд на начальника секретариата Раису Погорелую. Она приветливо поздоровалась и пригласила занять место на диване. В ответ, командующий гневно мотнул головой, да так, что едва не сшиб фуражкой–аэродромом вешалку, остановился посередине приемной и раздраженно буркнул:

– Доложите! У меня нет времени!

– Одну минуточку, – засуетилась под грозным генеральским взглядом Раиса Николаевна и подняла трубку телефона.

Командующий недовольно скрипнул ботинками, презрительным взглядом окатил неловко замявшегося на диване министра, и остановился на телохранителях. Их расслабленные позы и, мешковато сидящая форма, пробудили в его армейской душе праведный гнев, но он так и не успел построить во фронт и подравнять «под линейку» этих полувоенных штафинок. Вовремя вмешалась Раиса Николаевна и пригласила:

– Пожалуйста, заходите! Владислав Григорьевич вас ждет!

Генерал не забыл заглянуть в зеркало, видимо, остался доволен своим бравым видом, решительно ухватился за ручку двери и по-хозяйски шагнул в кабинет. Через секунду о нем напоминали лишь резкий запах тройного одеколona и кожи новеньких, накануне полученных со склада, ботинок.

В приемной вновь воцарились мир и спокойствие. Телохранители–Ибрагим Авидзба и Джон ХUTOба вернулись к разговору о прошедших соревнованиях по рукопашному бою. Министр снова почувствовал себя гражданским человеком, присел на краешек диван и зашуршал бумагами. Раиса Николаевна принялась сортировать документы на доклад, их внушительная стопка занимала половину стола. Благостную тишину нарушали лишь шелест страниц под ее рукой и жуж-

жание старенького вентилятора, но это спокойствие оказалось обманчивым.

Прошла минута, другая и из кабинета президента донеслись, приглушенные дверью возбужденные голоса, быстро перешедшие в такую яростную перепалку, что Раиса Николаевна вынуждена была стыдливо закрыть уши. Министр с головой зарылся в бумаги, а от былой вальяжности телохранителей не осталось и следа. Они бросали тревожные взгляды то на безжизненно молчавший телефон прямой связи с президентом, то на дубовую дверь кабинета, вздувшуюся как негодная консервная банка от бушевавших за ней страстей, и нерешительно топтались на месте.

Внезапно крики оборвались. За дверью происходила загадочная возня, потом слышались глухие удары. Раиса Николаевна побледнела и вскочила со стула. Министр остолбенел и растерянно захлопал глазами. Ибрагим с Джоном, колебались не больше секунды и, не дожидаясь команды, ринулись спасать президента. Выхватив из кобур пистолеты, они ворвались в кабинет и застыли на пороге с открытыми ртами.

Под ноги, вихляя из стороны в сторону, катилась футбольным мячом фуражка–аэродром генерала. Сам хозяин ушел в глухую оборону. Его голова по самые уши утонула в спинке мягкого кресла, а спина и все то, что было ниже, превратилось в барабан, на котором рассвирепевший президент отбивал так милый сердцу настоящего военного марш «Прощание славянки» и сопровождал зловещими выкриками:

- Сегодня машину, а завтра родину!
- Нашел себе друга! Эту продажную сволочь Шеварднадзе!

В ответ доносились лишь всхлипы и сопение. Генерал был сломлен и перестал оказывать сопротивление. Первым из телохранителей дар речи вернулся к Ибрагиму.

– Владислав Григорьевич?! Владислав Григорьевич, нам...

– Что...о?! – и, бросив на него такой взгляд, что бедняга едва не провалился под пол, президент яростно крикнул:

- Вон! Вас кто сюда звал? – и вдогонку проворчал:
- Ну, что за люди? Поговорить, не дадут!

Обескураженные Ибрагим с Джоном, как пробки из бутылки вылетели из кабинета в приемную. В ней уже никого не было. Министра словно ветром сдуло, а ошарашенная Раиса Николаевна, как рыба выброшенная на берег, открытым ртом хватала воздух и двумя руками удерживала дверь в коридор, опасаясь, что там услышат далеко не дипломатическую лексику президента.

Вскоре шум в кабинете стих, но генерал так не появился в приемной. Ибрагим с Джоном обменялись недоуменными взглядами, и, не решаясь снова заглянуть за дверь, напряженно прислушивались к тому, что за ней происходило. Скрип дверцы шкафа и последовавший затем характерный звон стеклянных бокалов заставили их с облегчением вздохнуть. Видимо яркий и убедительный армейский лексикон президента до глубины души потряс боевого генерала и, назревавший острый «военно–дипломатический» конфликт», закончился вполне мирно разговором «по–русски».

Прошло время и из кабинета уже вместе вышли президент и генерал, их глаза подозрительно блестели, а щеки горели ярким румянцем. Взаимное крепкое рукопожатие лишней раз свидетельствовало о том, что все неясности были улажены и остались позади. Под вой сирены машины ГАИ генерал отправился к себе в штаб.

Владислав Григорьевич, хитровато улыбнувшись каким-то своим мыслям, мимоходом бросив многозначительный взгляд на неловко переминавшихся с ноги на ногу Ибрагимом с Джоном, смущенно прятавшую глаза Раису Николаевну и возвратился в кабинете. Она поняла все без слов и, склонившись над списком посетителей президента, принялась звонить, отменяя назначенные встречи. А он прошел к окну и его взгляд затерялся, в простиравшейся за парком морской дали. Ибрагим с Джоном могли лишь догадываться, о чем думал президент и, чтобы не мешать деликатно прикрыли дверь кабинета. Оставшись один, он вернулся к столу и продолжил рассмотрение документов, но работа не пошла. Свинцовым прессом давила усталость, а в висках ломило так, будто на голову надели железный обруч.

Усилием воли президент попытался сосредоточиться, но буквы, по-прежнему, продолжали плясать перед глазами, а перо цеплялось за каждое слово. Он решил сделать перерыв, вызвал машину и, собрав документы, вышел в приемную. Ибрагим, на ходу принял из рук папку, а Джон привычно занял место впереди, и они двинулись на выход. Внизу, у рабочего подъезда, нетерпеливо пофыркивала стареньким двигателем машина. Водитель предупредительно распахнул дверцу, президент сел на заднее сидение, рядом опустился Ибрагим, а Джон расположился впереди. Жалобно пискнув рессорами под его внушительным весом, волга тронулась с места.

По сторонам, напоминая о недавней войне, мелькали мрачные развалины и унылые, поросшие бурьяном пустыри. Вскоре следы боев стали не так заметны, природа брала свое и зеленым «бинтом» затягивала на земле рваные рубцы от траншей и воронки, уродливые язвы от разрывов мин и снарядов. Позади остались район «Маяка», мост через Гумисту и дорога, описав крутой вираж, пошла на Нижнюю Эшеру.

Волга плавно покачивалась на неровностях и, это убаюкивающее движение принесло умиротворение в душу президента. Он расслаблено откинулся на спину сидения и потеплевшим взглядом смотрел по сторонам. Ему, в жилах которого текла кровь горца и вечного труженика-крестьянина из древнего абхазского рода Ардзинба, сельские пейзажи за окном, как ничто другое были близки и дороги.

Здесь, на склонах гор, уходящих «сахарными» вершинами в заоблачную высь, ему были знакома каждая тропка, каждый ручей и каждый залив моря. Еще мальчишкой, он исходил ближайшиe пещеры и руины греческих, римских и абхазских крепостей в поисках древних кладов. Повзрослев, вместе с пастухами поднимался на альпийские луга и ночи напролет просиживал у костра, заслушиваясь легендами и мифами, рожденными человеческим гением на этой божественно прекрасной земле.

Во время учебы на историческом факультете сухумского государственного пединститута, и позже, работая аспирантом, кандидатом, доктором наук на кафедре

московского Института востоковедения Академии наук СССР, вместе с Юрием Вороновым и Олегом Бгажба, исходил с научными экспедициями вдоль и поперек заповедные уголки Абхазии. В долинах Дала и Цабала, под жгучим солнцем, перебросал лопатой тонны закаменевшей, словно цемент, земли, чтобы доказать правителям из Тбилиси историческое право своего народа жить в этих, данных абазам самим Господом, горах.

На альпийских лугах, полыхавших ярким костром разноцветья, крепкая, мозолистая рука отца научила твердо держать косу. Набитые на ладонях кровавые мозоли от мотыги и топора помогли понять настоящую цену тяжелого и вместе с тем благородного крестьянского труда. Среди привольно раскинувшихся на склонах гор виноградников, шершавая ветвь лозы передала ему силу родной земли.

В конце восьмидесятых, когда для Абхазии и ее народа настал час испытаний, в нем властно заговорила ее могучая и живительная сила. Сытая, благополучная Москва, квартира и, замаячившее впереди звание академика, в одночасье стали чем-то мелким и незначительным, перед той страшной бедой, что обрушилась на родину. Не раздумывая, он бросил все и безоглядно окунулся в «кипящий политический котел», который тогда напоминала Абхазия. Вместе с Юрием Вороновым, Станиславом Лакоба и Сергеем Шамба в стенах Абхазского парламента в ожесточенной полемике с грузинскими шовинистами они шаг за шагом отвоевывали право абхазского народа писать и говорить на родном языке

И когда 14 августа 1992 года из Грузии на беззащитные абхазские города и села, подобно волчьим стаям набросились вооруженные до зубов банды мародеров и убийц, эта Великая Любовь помогла ему и народу не только выстоять, а и совершить, казалось бы, невысказанное и невозможное. Ценой огромных потерь им удалось победить тысячекратно превосходящего врага.

30 сентября 1993 года захватчики трусливо бежали за Ингур, и на землю Абхазии пришла выстрадавшая, политая кровью и слезами вдов победа. Пьянящий воздух долгожданной свободы кружил головы победителей, но счастье оказалось коротким. Мир жестокой и циничной политики не захотел понять, пусть маленький, но требующий уважения к себе народ. Сытый и самодовольный он, не принял принесенные им жертвы и не посчитался с правом говорить на родном языке, быть хозяевами своей земли. Надменно отвернувшись этот «цивилизованный мир» и одним циничным росчерком пера загнал их-победителей в одну «большую зону» за те «преступления», которые они не совершали.

«Железный» занавес опустился на границы Абхазии и они: абхазы, армяне, русские, греки в одночасье стали без вины виноватыми. Голод и вопиющая несправедливость костлявой рукой третий год подряд продолжали душить их. Но они, по-прежнему, верили своему президенту и не на минуту не сомневались в том, что его не смогут сломать самые могущественные враги. Они были убеждены, что он – «наш Владислав» и на этот раз устоит против, казалось бы, всего остального мира и найдет в себе силы и те сокровенные слова, что уже однажды помогли им вместе победить в невысказанно жестокой войне.

И эта их вера в него – «нашего неслышимого Владислава», помноженная на силу любви к родной земле, обильно политую кровь и соленым потом тысяч ее

сынов и дочерей, давали ему силы и укрепляли волю. Он был твердо убежден в том, что рано или поздно добро победит зло, канет в прошлое возведенная абсурдом стена блокады и, наконец, мир воцарится в многострадальной Абхазии.

Президент затуманенным взглядом скользил по наливающимся новым урожаем полям, а притихшие Ибрагим и Джон время от времени исподволь поглядывали на его, ставшее таким по-детски открытое лицо, и боялись пошелохнуться. Это были те редкие и счастливые минуты, когда он принадлежал только самому, но они, к сожалению, продолжались недолго.

Гул мощных моторов нарушил тишину и на перекрестке, перед въездом в Нижние Эшеры, им пришлось притормозить. Армейская колонна, поднимая клубы пыли, направлялась в сторону сейсмической лаборатории, охрану которой все еще продолжали нести российские войска. Президент подался вперед и потеплевшим взглядом проводил ее. Прошлые воспоминания ожили в нем.

В те судьбоносные августовские дни девяносто второго грузинская танковая группа, прорвав оборону ополченцев, с ходу форсировала Гумисту и вышла на оперативный простор. Всего километр отделял ее от дома, а там была мама. Ракеты, выпущенные звеном вертолетов, прошли мимо, вздыбили бетонный плац сейсмической лаборатории и исклевали осколками стены штаба и центрального корпуса. После следующего залпа запылали жарким костром дома ее сотрудников Калининых и Хачикянов.

Казалось бы, часы Нижних Эшер, а с ними и судьба матери были сочтены. И здесь произошло то, что, вряд ли могло уложиться в паранойных умах грузинских политиканов и вояк. «Окопные» русские офицеры и солдаты, наплевав на нейтралитет своих начальников, руководствуясь совестью и памятью отцов, сорок лет назад плечом к плечу воевавших против общего врага – фашизма, встали в один строй с абхазскими ополченцами и отбили атаку новоявленных нацистов. Живой остов одного танка на берегу реки и второго на обочине дороги напоминали о том бое.

Все следующие тринадцать месяцев войны, дом, в котором выросло не одно поколение Ардзинба, был словно заколдован для артиллерии и авиации враг. Об этом, спустя четыре года, красноречиво напоминали, превратившиеся в дырявое решето две соседние трехэтажки, в которых когда – то жили семьи русских военных. Мама, тихая и немногословная, в те роковые часы не дрогнула и сохранила веру в тогда, казавшуюся многим немислимой, победу. Несмотря на все уговоры, наотрез отказалась переехать в Гудауту и продолжала здесь держать свой «фронт». И Всевышний, как в награду все это время хранил ее и Абхазию.

Пыль, поднятая армейской колонной, осела, и президент невольно взмахнул рукой, пытаясь отогнать прошлые тягостные воспоминания. Рев мощных двигателей стих, и ее хвост исчез за металлическими воротами сейсмической лаборатории, больше напоминавшими сито. Водитель прибавил скорость, и тут губы Владислава Григорьевича тронула легкая улыбка, а через мгновение он громко рассмеялся.

Ибрагим с Джоном переглянулись и пытались найти ответ на лице президента. А он продолжал смеяться и его заразительный смех невольно передался им,

Перед глазами всплыла недавняя, потрясающая по своей выразительности, сцена совсем не дипломатического приема генерала. Их хохот заглушил скрип тормозов и задорный лай Тарзана, бросившегося встречать хозяина.

Владислав Григорьевич легкой походкой, так будто и не было груза проблем, направился к крыльцу. Пес, радостно повизгивая, крутился волчком и пытался лизнуть его руку. Потрепав густую холку, он поднялся на террасу, Навстречу вышла жена. Ее внимательный взгляд скользнул по нему и тень тревоги, в последние годы не покидавшая печальных глаз, исчезла. Чутким женским сердцем, по походке и выражению лица, она научилась читать мысли мужа. За порогом дома для всех он был «нашим несгибаемым Владиславом», а чего ему это стоило, знали только одна она и мать. Сегодня выпал тот редкий день, когда президент был просто любящим сыном и мужем

– Света, как у нас с обедом? Мы проголодались как волки! – бодро произнес он и, подмигнув Ибрагиму с Джоном, шутливо сказал:

– Ребята, готовьтесь к бою.

– Спасибо, мы уже покушали, – стали отнекиваться они.

– Ничего не знаю! Мне что одному отбиваться за столом? Никаких нет, через пять минут жду в столовой. Света, накрывай!

– У меня все готово! – заверила она, возвратилась на кухне, и оттуда донесся веселый звон посуды.

Президент поднялся наверх переодеться, а Ибрагим с Джоном заняли пост в беседке увитой виноградом. Отсидеться им не удалось, подчиняясь «приказу» они приняли на себя «гастрономический удар» хозяйки. После обеда Владислав Григорьевич отправился в кабинет работать с документами, а они возвратились на пост и, разомлев от жары, по очереди дремали в тени беседки.

Звон цепи, и залистый лай Тарзана заставил их встрепенуться. На террасе показался Владислав Григорьевич и, спустившись во двор, прошел в сарай. Ибрагим с Джоном тоскливо переглянулись, догадавшись, что ждет впереди, и не ошиблись. Во двор он возвратился с мотыгой, садовым секатором и наточенной как бритва косой. Джон с ненавистью покосился на нее. Владислав Григорьевич схватил его взгляд, лукаво улыбнулся и с иронией спросил:

– Соскучился по ней?

– Вроде нет, Владислав Григорьевич, – вяло Джон.

– Идем, идем! Пора вам, братцы, растрясти бюрократический жирок!

Это предложение, у них до мозга костей горожан, знакомых с сельским хозяйством в основном за столом, не вызвало энтузиазма. В здоровенных лапищах Джона, что секатор, что коса могли продержаться не больше часа и потом, после каждой такой «растряски», ему приходилось мотаться по Сухуму в поисках мастера. Для Ибрагима, недавно научившегося отличать фасоль от гороха, а жгучий перец от обыкновенного, эта «битва» за урожай тоже превращалась в нелегкое испытание.

Джону досталась «любимая» коса, и он поднялся в сад, косить траву. Ибрагим, вооружившись мотыгой, пристроился рядом с Владиславом Григорьевичем и принялся рыхлить землю под корнями виноградника. Несмотря на то, что день

клонился к вечеру, через час он взмок как мышь и исподволь бросал на него то-скливые взгляды. В умелых руках президента секатор порхал, как бабочка над ви-ноградной лозой и он не думал делать перерыв. Только с наступлением сумерек для Ибрагима и Джона, наконец, закончилось это «хождение по мукам».

В доме их уже ждал отменный ужин, потом все вместе прошли в гостиную, к телевизору, посмотреть футбольный матч между двумя извечными соперниками Спартак и ЦСКА. С самого начала игра приняла боевой и бескомпромиссный характер. Атаки как морские волны накатывались то на одни, то на другие во-рота. Гол назревал, но Ибрагиму с Джоном было не до него, оба сонно клевали в креслах, и здесь жалобным повизгиванием напомнил о себе Тарзан. Подошло время прогулки, Владислав Григорьевич разрывался между тем, что происходила на футбольном поле далекого московского стадиона и своим любимцем.

– Ребята, у вас нет желания прогуляться с Тарзаном? – его вопрос заставил их встрепенуться.

– Есть, Владислав Григорьевич! – в один голос ответили они.

– Только не загуляйте! – пошутил он вслед.

Они спустились во двор. Навстречу, гремя цепью, радостно бросился Тарзан. Ибрагим с ненавистью посмотрел на пса, вместо долгожданного сна ему пред-стояла беготня по двору. Добряк Джон, у которого здоровья хватало на двоих, сжалился и взял на себя службу вместе с псом. Ибрагим благодарно кивнул го-ловой, на заплетающихся ногах поднялся в комнату, без сил рухнул на кровать и последнее, что услышал – это был радостный лай Тарзана.

Пробуждение было внезапным. Его трясли, словно перезрелую грушу. Он си-лился открыть глаза, но веки, будто налились свинцом и падали вниз. На него надвинулось бледное, словно, полотно растерянное лицо Джона и остатки сна сняло как рукой.

– Что случилось, Джон?! – воскликнул он.

– Нам хана! – выдавил тот.

– Что ... о?! – тренированное тело Ибрагима взметнулось над кроватью, руки на лету сдернули со спинки стула автомат. Он приник к простенку, передернул затвор и принялся выискивать врага. Со двора доносились лишь переливы цикад и шорохи, снующих в кустах птиц. Наверху, в комнате, где спал президент мирно тикали напольные часы. С облегчением опустив автомат, он с недоумением по-смотрел на Джона, застывшего посередине комнаты живой мишенью, и раздра-женно бросил:

– Тебе, что делать нечего, шутник хренов?

– Какие шутки, Ибо! Тарзан пропал! – убито произнес он.

– ...Как?! – и внутри Ибрагима все похолодело.

Тарзан был не просто пес – это был подарок близкого президенту друга. От одной только мысли, что он мог попасть под колеса машины или того хуже вы-скочить на минное поле у Гумисты, Ибрагиму стало не по себе. Не сговариваясь, они на цыпочках спустились во двор, на руках выкатили из гаража армейский УАЗик, толкнули под горку и на ходу заскочили в кабину. До самого рассвета им пришлось колесить по селу, проверять заброшенные дома и сараи, звать загуляв-шего пса, но тот не отозвался.

Последним местом, где Тарзан мог еще носиться, была бывшая база подготовки олимпийской сборной СССР. По дороге к ней они несколько раз останавливались, Джон выходил из машины и во всю мощь своих безразмерных легких звал Тарзана, но в ответ звучало лишь раскатистое эхо. Пес провалился как сквозь землю, не оказалось его и в «олимпийском» городке, Там их встретили стаи летучих мышей, расплодившихся в несметных количествах в гигантской чаше бассейна.

В дом они возвратились перед самым рассветом и, оставшиеся до подъема президента часы, провели, как на иголках. Он, как обычно, в половине седьмого появился на дворе бодрый и энергичный, на щеках после крепкого сна играл яркий румянец. Не обратив внимания на вялый ответ, ополоснулся холодной водой и когда Ибрагим подал полотенце, заметил его убитый вид, насторожился и спросил:

– Ибо, что с тобой?

– Все нормально, Владислав Григорьевич, – уныло ответил он.

Президент перевел взгляд на Джона, тот выглядел не лучше, и в его голосе зазвучала неподдельная тревога.

– Какое нормально? Вы на себя в зеркало смотрели? Как с креста сняли!

– Владислав Григорьевич, я... – слова застряли в горле у Джона.

– Это не он! Это я виноват! – набравшись духа, ответил Ибрагим.

– Виноват? В чем?...Ничего не пойму! В конце концов, что произошло?! – потерял терпение президент.

– Мы... Я ...потерял..., – мялся Джон.

– Потерял?... Что?!

– Мы проверили все! Даже... – и Ибрагим ужаснулся от одной мысли, что все то время, когда они с Джоном носились по поселку, президент и его семья оставались без охраны.

– Владислав Григорьевич, это настоящий черт... – бормотал Джон.

– Какой еще черт?! Чего мямлите?! Говорите толком! – вскипел он.

– Потерялся Тарзан! – выдавил из себя Ибрагим.

– Тарзан?!... – брови Владислава Григорьевича взлетели вверх и он в сердцах бросил:

– Тоже мне защитнички! Сегодня пса проморгали, а завтра меня с Абхазией!

– Владислав Григорьевич, я...мы... – больше у Ибрагим не нашлось слов.

– Обшарили всю округу, – оправдывался Джон.

– Не там шарили! То же мне шерлоки холмсы! – с убийственной иронией произнес Владислав Григорьевич и, отшвырнув полотенце в сторону, забрался в УАЗик и повернул ключ зажигания.

Двигатель сипло всхлипнул. Посрамленные Ибрагим с Джоном переминались с ноги на ногу, и не знали, что делать.

– Чего ждете? Я сказал в машину! – рыкнул на них президент.

– Вам не положено, Владислав Григорьевич! Разрешите мне за руль? – попытался возразить Ибрагим.

– Что...о?! Я кому сказал!

Второй раз ему повторять не пришлось. Телохранители как ошпаренные метнулись к машине, а дальше началось что-то невообразимое. Надежный армейский УАЗ за все время войны не испытал того, что в тот, злополучный день ему досталось на горной дороге. В неопытных руках Владислава Григорьевича он вел себя как необъезженный мустанг. Ибрагима и Джона катало по заднему сидению, будто бильярдные шары. Они уже перестали считать шишки и молились только об одном, чтобы машина не сорвалась в ущелье. Она каким-то чудом держалась на дороге и, смахнув с края обрыва груды щебенки, в очередной раз благополучно ушла с крутого виража.

Президент никуда не сворачивал и вел машину в сторону гор. Справа, за кустарником проглянули развалины овчарни. Ибрагим вспомнил, что во время ночных поисков Тарзана они сюда не заезжали, и предложил:

– Владислав Григорьевич, посмотрим там?

– Там место для шакала. «Кавказца» надо искать в горах! Там он хозяин! – отрезал тот и надавил на педаль газа.

Машина взревела всей мощностью двигателя, отчаянно заскребла колесами по каменистой, поросшей травой еле заметной дороге и с трудом взяла крутой подъем. Впереди в полукилометре показалась крыша сторожки пастухов. Ибрагим догадался, куда направлялся Владислав Григорьевич и в очередной раз поразился его житейской сметке. До нее оставалось не больше сотни метров, когда из кустов выскочил Тарзан и, как ни в чем не бывало, радостно завилял хвостом.

Счастливым вид пса вызвал у Ибрагима с Джоном такой прилив ненависти, что не будь рядом хозяина, они бы разорвали его в клочья, но и без них ему перепало. Владислав Григорьевич грозно сверкнул глазами, выскочил из машины, схватил первую, попавшуюся под руки, палку и огрел загулявшего пса. Тот завертелся волчком и жалобно заскулил

– Перестань! Пошел в машину! – прикрикнул он и снова взмахнул палкой.

На этот раз Ибрагим с Джоном приготовились получить свою порцию и не сводили глаз с вздувшейся узлами вен руки президента. Палка, просвистев в воздухе, улетела в кусты, а он, все еще кипя от гнева, рыкнул:

– Чего стоите? Пошли в машину!

Напуганные не меньше пса, Ибрагим и Джон первыми втиснулись в УАЗик. Тарзан, поджав хвост, запрыгнул на переднем сидение и виновато уронил морду между лап. Президент прошелся по нему испепеляющим взглядом, сел за руль и отпустил тормоза. Машина скатилась с пригорка и, набирая скорость, заплясала на ухабах. До дома никто не проронил ни слова. Там, Тарзан, не дожидаясь команды, сполз с сидения и обреченно поплелся к конуре. Гул УАЗа и суета во дворе подняли на ноги жену. Она вышла на террасу. Мрачные лица мужа и телохранителей ничего хорошего не сулили, и в ее голосе зазвучала тревога:

– Слава, что случилось?!

– Ничего – отрезал он.

Она с недоумением смотрела то на мужа, то на понурых Ибрагима с Джоном, ничего не могла понять, и снова затеребила вопросы:

– Нет, вы что-то скрываете?! Слава, ты можешь, наконец, ответить?

– Я все сказал! – буркнул он.

– Ребята, может, вы скажете, в чем дело?

Ибрагим с Джоном прятали глаза, боялись открыть рта и косились на Владислава Григорьевича. Тот мрачнее тучи поднялся на террасу и вошел в дом. Жена растерянно пожала плечами и поспешила за ним. Из глубины комнат донеслись их громкие голоса. Появление еще одного свидетеля их позора вогнало Ибрагима и Джона в смертную тоску. Они, как неприкаянные шатались по двору, бросали испепеляющие взгляды на забившегося в конуру и, боящегося показать нос Тарзана.

В эти минуты на душе Ибрагима, было так муторно, как никогда за все годы службы в охране. От унижения и стыда, он готов был провалиться сквозь землю. Рука затеребила карманы камуфляжки и опустилась на кобуру.

– Пистолет ищешь? – мрачно обронил Джон.

– Ручку?

– Ручку? ... Зачем?

– Затем! Рапорт писать, – в сердцах бросил Ибрагим.

– На Тарзан?

– Дурак! Увольняюсь!

– Увольняешься?! ... Ты че?! Из-за какого-то паршивого пса?! – опешил Джон.

– Причем здесь пес! Как в глаза Владиславу Григорьевичу смотреть?

– Ибо, брось! Как ни будь обойдется, он отходчивый.

– Отходчивый?! Разве в этом дело?! Идиоты, мы безмозглые! Всю ночь за псом гонялись, а его одного оставили! А, если бы.... – казнил Ибрагим.

– Тяпун тебе на язык! – замахал руками Джон.

– Тяпун, не тяпун. Какая разница. Хреновы мы телохранители.

– Нет, ты, кончай ерунду пороть! Ну, залетели! С кем не бывает? Если хочешь знать...

Договорить Джон не успел, на террасе появился Владислав Григорьевич. Он, тоже чувствовал себя не в своей тарелке и, пряча глаза, глухо произнес:

– Чего такие невеселые?

– А чему радоваться? Убить нас мало, – с ожесточением произнес Ибрагим.

– Так таки и убить?

– Простите, Владислав Григорьевич. ... Сами не знаем, как все вышло, – повинился Джон.

– Обижаетесь на меня?

Вопрос президента остался без ответа. Они опустили глаза к земле. Он прокашлялся и, смущаясь, произнес:

– Да...а. Как – то не хорошо вышло. Извините, что на вас всех собак спустил. С кем не бывает, ну погорячился.

– Какие собаки?! Да, нас гнать в шею надо! – в один голос воскликнули Джон с Ибрагимом.

– Прямо таки в шею? – лицо президента смягчилось, а в голосе появилась легкая ирония:

– А кто, тогда служить будет? И потом, где мне таких следопытов найти?

– Какая тут служба, Владислав Григорьевич! Проспал я! – продолжал терзаться Ибрагим.

– Ладно, Ибо, хватит убиваться! Как говорится служба службой, а завтрак по расписанию, – решил он поставить последнюю точку в этом не легком для всех разговоре и пригласил к столу.

– Спасибо, мы уже перекусили, – стал отнекиваться Джон.

– Это же когда успели?

– Только что, чурчелой, – соврал Ибрагим.

– Ничего не знаю! За мной, ребята! – категорически потребовал Владислав Григорьевич.

Им ничего другого не оставалось, как подчиниться, но вместо столовой он прошел в кабинет. Они переглянулись, неуверенно переступили порог и остановились. Президент выдвинул один из ящичков секретера, достал две изящные, инкрустированные позолотой деревянные коробочки и предложил:

– Берите, ребята!

– Как?! ... Владислав Григорьевич ... – опешили они.

– Берите, берите! И забудем, что было. У меня нервы тоже не железные, – смущенно произнес он.

Они оторопело смотрели то на него, то на часы, на которых тонкой вязью было выгравировано, – «Уважаемому Владиславу Григорьевичу от президента республики Адыгея»...

Спустя два дня я и Кавказом сидели у Ибрагима дома и, сгорая от «белой зависти» вертели в руках подарок президента, который мог стать предметом первой гордости для самого «крутого» абхазского коллекционера. Сам он, небрежно разваливаясь в кресле, с превосходством поглядывал на нас, и в эти минуты его распирало от гордости и банального тщеславия. Но наши недоверчивые взгляды, видимо, не давали покоя и он, горячась, заново переживал перипетии, той, поистине драматической для него, Джона и пса ночи и снова возвращался к рассказу.

Мы с Кавказом отпускали недвусмысленные намеки, на то, что в той запутанной истории с часами «собака зарыта» в другом. Это только распалило нашего друга, и его понесло. В сумбурном и эмоциональном рассказе смешались в одну кучу–забавная история с генералом и трагикомические похождения за псом. Мы с Кавказом, схватившись за животы, катались по дивану, а через минуту уже сам Ибрагим заходился от хохота.

И когда смех стих, Кавказ с тонкой иронией подвел своеобразный итог истории с загулявшим псом и потерявшим бдительность генералом. Сводился он к тому, что «борзым» генералам и заплывшим жирком псам время от времени надо давать взбучку, чтобы не теряли нюх и не забывали кто в доме настоящий хозяин. С таким аргументом ни я, ни Ибрагим не стали спорить, суровая служба Кавказа давали ему на то право.

Ибрагим перешел к очередной истории из жизни телохранителей, но так и не успел начать, в дверях появилась младшая моя дочь – Лида. Она привезла с собой из гостиницы профессиональную кинокамеру и стала торопить с поездкой в Мюс-

серу на «дачу Горбачева». О ней мы оба много слышали и теперь горели желанием посмотреть все своими глазами. Поторапливаемые ею, поспешили во двор. Кавказ, взяв на себя роль носильщика, взвалил на плечи сумку, кинокамеру и отнес в машину. Ибрагим занял место за рулем, и едва мы тронулся, как тут же утопил педаль газа до пола. Истинный абхазец он считал ниже своего достоинства ехать меньше ста, и через сорок минут на развилке к Мюссере нас остановил дежурный ГАИ, но узнав Ибрагима с Кавказом, без разговоров поднял Шлагбаум.

До «дачи» оставалось чуть больше тринадцати километров и, несмотря на это, впереди нас поджидало нелегкое испытание. Построенная десять лет назад, но так и не ставшая важнейшей государственной дорогой для Генсека ЦК КПСС Михаила Горбачева, она за послевоенные годы пришла в негодность, камнепады и оползни превратили ее в трассу для слалома. Ибрагим осторожно объезжал провалы и каменные языки оползней. Местами мерседес тащился со скоростью черепахи и когда его колеса начинали скрести обочину, за которой, на дне ущелья ревела река, наши с Лидой сердцам уходили в пятку. Перевели мы дыхание, когда дорога уперлась в стеклянно–бетонный куб, то–ли проходную, то–ли армейское огневое сооружение. От него в обе стороны, терясь в густом лесу, уходил высоченный забор из панцирной сетки, за ним темной паутиной проводов угадывалось электрическое ограждение.

Ибрагим остановил машину перед глухими, местами покрытыми ржавчиной воротами и нажал на сигнал. Прошла минута, другая, никто в этом, кажущемся «спящем царстве» не подавал признаков жизни. Нам надоело ждать и, подстегиваемые любопытством, мы с Лидой вышли из машины, чтобы хоть издали взглянуть на «дачу Горбачева». На центральной аллее, уходящей вглубь субтропического парка, двух боковых и стоянке для машин никого не было. Заповедную тишину нарушали лишь щебет множества птиц и монотонный рокот волн, видневшегося вдалеке моря.

Кавказ потерял терпение, решительно направился к проходной и энергично забарабанил в дверь. Гулкое эхо пошло гулять по округе, подняв в воздух стаи птиц, но не пробудило ни одной человеческой души. Мы уже собрались возвратиться к машине, когда в проходной возникло какое–то движение, за мутными стеклами промелькнул размытый силуэт, потом громыхнул засов, и в дверях показалось мрачная, заросшая густой щетиной недовольная физиономия. Я оторопел, и тут было от чего. Если бы не армейская камуфляжка с сержантскими «лычками» на погонах и, болтавшийся за спиной старой модификации «калаш», то часового «особого объекта» можно было принять за абрека с большой дороги.

Он пробежался по нам недовольным взглядом и спросил:

- Вы кто?
- Свои! – бодро ответил Кавказ.
- Свои? А пропуск есть?
- Какой еще пропуск? Я из охраны президента! – повысил голос Ибрагим.
- И что? На тебе это не написано, – остался невозмутим «цербер».
- Как что?! – и Ибрагим зашарил по карманам.
- А то, без звонка Гембера или Емельяныча пропустить не могу.

– Ты че не понял?! Я тебе русским языком сказал, мы из охраны президента!

– Понял, но без пропуска нельзя, – гнул свое часовой.

– Ибо, не дави, наверно, он нас за шпионов принимает? – попытался свести разговор к шутке Кавказ.

– Шпионы, не шпионы, но без пропуска и приказа Гембера не пущу! – уперся «цербер», и на его щеках заиграли желваки.

Похоже, наша экскурсия на «дачу Горбачева» закончилась, не успев начаться. Лида заскучала, у меня тоже стало кисло на душе. На выручку пришел опытный Кавказ и пустил в ход испытанное и, как правило, не дающее сбой оружие – святое для абхаза гостеприимство. «Цербер» от его красноречия стал таять на глазах. Я воспользовался моментом и тоже использовал коварный прием, который пока успешно открывал самые запретные двери в Абхазии. Возвратившись к машине, достал из сумки дежурный экземпляр, получившей здесь известность книги «Мое сердце в горах» и в подтверждение наших совсем не шпионских намерений показал часовому.

Яркая обложка, а еще больше фотографии известного в Абхазии политика и историка Станислава Лакоба, писателя Фазиля Искандера привлекли его внимание. Нехитрый прием сработал и на этот раз. «Цербер» с любопытством зашелестел страницами и на одной, где были фотографии военных лет, задержал внимание. А через мгновение с удивлением воскликнул:

– Так это же мой брат?!

– Смотри лучше, может себя найдешь! – «подогрел» его хитрющий Кавказ.

– Теперь видишь, какие к тебе люди приехали, – развивал успех Ибрагим, так и не нашедший в своих карманах удостоверения.

– Будешь молодцом, так в следующей книге, Николаевич, – и Кавказ кивнул в мою сторону, – обязательно и про тебя напишет.

После такой массированной атаки «цербер» дрогнул, его лицо смягчилось и он, оправдываясь, зачастил:

– Ребята, я же против вас ничего не имею. Но... Ладно, подождите, я позвоню Аслану!

Мы приободрились, и стали прислушиваться к звукам, доносившимся из– за неплотно прикрытой двери дежурки. Мой тренированный слух уловил характерный треск армейского полевого телефона ТА – 57, потом послышалась неразборчивая речь. Разговор продолжался не больше минуты и когда часовой снова появился на крыльце, то мы с Лидой поняли, что и эта «дверь» Абхазии откроется перед нами.

– Подождите немного, подъедет Аслан и все решит, – объявил «Цербер» и снова уткнулся в книгу.

Ждать появления начальника дежурной смены охраны госдачи долго не пришлось. Из глубины парка донесся приглушенный гул мотора и из–за поворота показался вишневый «жигуленок». Его хозяин – Аслан узнал Ибрагима и после короткого разговора, с кучей оговорок разрешил нам объехать вокруг «дачи», но о том, чтобы зайти в нее не могло быть и речи. Здесь он оставался непреклонен. Это, конечно, крепко подпортило настроение, так как никакие рассказы Ибра-

гима с Кавказом не могли заменить то чудо, которое я Лидой надеялись увидеть собственными глазами. Тем не менее, мы не терял надежды и в душе рассчитывал, что в какой-то момент доброе абхазское сердце дрогнет, и потому подсел в машину к Аслану.

Как только тронулись, я решил повторить трюк, только что проделанный с часовым, достал из сумки книгу и положил на видное место. Реакции Аслана не пришлось долго ждать. Раз другой он бросил на нее любопытный взгляд и уже на первом вираже дороги попался на мою «наживку». Лево́й рукой, не выпуская руля, вел машину, а правой перелистывал страницы, пока не зацепился за фотографию с однополчанами. Один из них оказался героем очерка «Молох» и у нас с Асланом завязался оживленный разговор на тему войны.

Жигуленок лихо накручивал один за другим крутые повороты, позади остался огромный парк и после очередного виража скатился на стоянку. От открывшего вида я и Лида потеряли дар речи. За годы путешествий по Абхазии нас, казалось бы, трудно было чем-то удивить. Но здесь, на этом крохотном пятчке земли, природа оказалась необыкновенно щедрa. Мюссера напоминала забытый и от того еще более завораживающий своей первозданной красотой рай. Мы не могли сдержатъ восторга.

Аслан довольно улыбнулся и великодушно разрешил прогуляться, но предупредил:

– Ничего не фотографировать и с дороги не сходить!

– Конечно! Конечно! Только одним глазком! – заверили мы с Лидой и поспешили присоединиться к нему.

Дорога, густо усыпанная гигантскими иголками средиземноморских сосен и ливанских кедров, резко пошла вверх. «Дача Горбачева», издавела казавшаяся «избушкой на курьих ножках», с каждым новым шагом прорастала из горы и на глазах превращалась в диковинный желто-мраморный замок. Два наземных этажа опоясывала изящная анфилада летних балконов, которые по углам переходили в нечто напоминающее то-ли капитанский мостик, то-ли сторожевую башню. Слева, от главного входа, за рядом, кажущихся воздушными, египетских колонн и громадными цветными витражами, угадывался бассейн. С южной стороны, над последним этажом просматривался зимний сад.

Летняя резиденция бывшего Генсека ЦК КПСС СССР разительно отличалась от других правительственных дач прошлых вождей на «Холодной речке», в Новом Афоне, Сухуме и Пицунде. Те «осколки советской империи» – серо-зеленые, приземистые каменные коробки, затерявшиеся среди скал и прятавшиеся от людского глаза за густой стеной леса, больше напоминали гнезда стервятников. «Дача Горбачева» была открыта солнцу, морю и всем ветрам, она, словно бросала вызов им – этим символам той мрачной и жестокой эпохи.

Поднявшись на смотровую площадку, мы с Лидой какое – то время не могли сдвинуться с места, пораженные и очарованные необыкновенной красотой морской бухты и набережной. Аслан, похоже, окончательно проникся к нам доверием, решил сквозь пальцы посмотреть на все инструкции и великодушно разрешил зайти внутрь «дачи».

Массивная деревянная дверь легко поддалась одному его нажатию, я с Лидой, сгорая от нетерпения и любопытства, перешагнули порог. Больше часа Аслан, как заправский экскурсовод водил нас по дворцу последнего советского вождя, который так и не успел «поцарствовать» в нем. Я поражался громадной чудо-люстре, распутившейся над лестничными пролетами диковинным шестиметровым каменным цветком из уральских и алтайских самоцветов. Богатству библиотеки, где за честь почло бы заседать британское научное королевское общество. Строгой роскоши обеденного зала, за которым не зазорно было бы поседеть самому сэру Артуру и его доблестным рыцарями. Бесчисленным спальням, способных вместить весь гарем турецкого султана Мехмеда Второго.

Все то время, что мы бродили по «даче» меня не покидало грустное чувство. Эти громадные, лишённые человеческого тепла и души залы, мебель, картины, в которые было вложено столько труда и таланта, так никому и не послужили. Она – «дача Горбачева» вольно или невольно стала символом его эпохи-эпохи несбывшихся надежд, горьких разочарований и бесплодно потраченных сил. Покидал я ее со смешанными чувствами, но долго печалиться нам с Лидой не пришлось.

Пока мы восхищались этим последним «осколком советской империи» подчиненные Аслан времени даром не теряли. На улице, наши носы уловили аппетитный запах шашлыка, доносившийся с заднего двора. Там весело потрескивал костер, а над ним и наспех сооруженным из досок столом, колдовали два бойца из охраны. Несмотря на то, что Ибрагим с Кавказом спешили по делам в Гагру, они не смогли устоять под напором Аслан, а мы с Лидой были только рады задержаться в этом «земном раю», и остались разделить хлеб – соль.

Аслан, широким жестом пригласил к «походному столу», разлил по стаканам вино и, как принято в Абхазии, произнес тост за гостей. Я и Лида охотно присоединились. Кавказ с Ибрагимом подняли стаканы и, не пригубив, опустили на стол.

– Что не нравится?! – насторожился Аслан и предложил:

– Может водки?

– Нет! Спасибо, не надо. Мы не пьем, – вежливо отказался Ибрагим.

– Ты меня обижаешь, брат?!

– Извини Аслан, нам нельзя.

– Как это нельзя?!... Больной что ли?

– А что, похожи? – попытался свести к шутке Кавказ.

– Тогда я тебя не понимаю! Ты, что не абхаз? – обиделся Аслан, и без всякой задней мысли брякнул:

– А... так вы же эти самые... мусульмане! Турки...

И тут моих друзей, будто подменили. От бывшего благодушия не осталось и следа, они вспыхнули как спички. Бедняга Аслан понял, что сморозил страшную глупость и, съездившись, потерянно бормотал:

– Я, ребята, ...ничего плохого ...Извините, сорвалось...

Но Ибрагима было не остановить, он швырнул на стол вилку и с негодованием воскликнул:

– Ты, что несешь! ...Какие мы турки?! Мы абхазы!...

– Нас сто лет гнобили! Отобрали имена и фамилии. Но мы здесь и говорим по-абхазски! – вторил ему Кавказ.

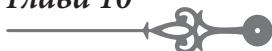
Мне и Лиде с трудом удалось загасить нелепую ссору. Обед был окончательно испорчен. Ибрагим с Кавказом больше ни к чему не притронулись, торопливо простившись с Асланом и ребятам из охраны, мы возвратились к машине и выехали в Гагру.

Всю обратную дорогу Кавказ с Ибрагимом терзались тем, что о них высказал вслух Аслан. К сожалению, такое случалось нередко и каждый раз это больно ранило моих друзей. Им и еще сотням других добровольцев, оставшимся после войны в Абхазии приходилось снова и снова доказывать, что они такие же абхазы, как и те, кто во времена махаджирства не покинул ее.

Суровое прошлое продолжало напоминать о себе и спустя сто с лишним лет, все еще разделяло их. Но оно, и я в этом не сомневался, уже не было властно над будущим Ибрагима, Кавказа и другими потомками махаджиров. Я твердо верил в то, что трудную дорогу к самим себе, они пройдут вместе и рано или поздно, но перевернут последнюю трагическую страницу в истории Абхазии и ее народа. Недавняя война и, не менее жестокие испытания, связанные с пятилетней блокадой, не сломили его. Могучий зов родной земли и любовь к Родине были намного сильнее всех предрассудков.

Глава 10

Такого изнурительно жаркого августа в Абхазии давно уже не было. В полдень от палящего солнца на улицах Сухума начинал плавиться асфальт, металлические крыши домов раскалялись как сковородки, а от обжигающе – горячего воздуха перехватывало дыхание, и потому горожане предпочитали проводить время на берегах Гумисты или на знаменитых песчаных пляжах Агудзеры. В те дни город напоминал собой одну огромную печь кирпичного завода. Здесь же на государственной даче президента республики Абхазии жара мало ощущалась, знаменитый дендро – парк, детище Николая Смецкого, за сто с лишним лет ставший еще одним чудом света, надежно защищали ее от жгучих солнечных лучей, а легкий бриз, потягивавший со стороны моря, приносил с собой бодрящую свежесть и прохладу.

Пошла вторая неделя, как президент – Владислав Ардзинба перебрался сюда из городской квартиры. В последнее время его все чаще донимали острые головные боли, временами переходящие в изматывающую не только тело, но и душу слабость. Перемена места сказалась к лучшему, он почувствовал себя гораздо бодрее и с прежней энергией принялся за дела, а их накопилось невпроворот.

Одно из них и, весьма важное, предстояло решать в ближайший час. Посол США в Грузии находился на пути к госдаче, с чем он мог пожаловать, президент мог только догадываться. После провала в Тбилиси «миссии Примакова», пытавшегося вдохнуть новое дыхание в абхазо – грузинские переговоры, зашедшие в тупик, американцы тут же активизировались. В том, что коварный «Седой Лис» – Шеварднадзе непременно воспользуется визитом посла и постарается разыграть очередную комбинацию на американском и российском политическом поле, сомнений у Владислава Ардзинба не возникало.

При одном только воспоминании о той роковой поездке в августе 1997 года в Тбилиси его передернуло. За все годы своей бурной политической карьеры в более унижительном положении он еще не бывал. Шеварднадзе, ловко переиграл их с Примаковым по всем статьям. Выманив в Тбилиси на «переговоры», попытался предстать в роли «великого и милосердного», а его выставить упрямым и кровавым вождем «сепаратистов».

В памяти всплыли ее мельчайшие детали. То было время, когда казалось, что, вот, вот в переговорах с Тбилиси произойдет прорыв и ему, наконец, удастся вырвать Абхазию из тисков жесточайшей блокады. Во многом эту надежду питал приход на должность министра иностранных дел России, хорошо знакомого по совместной работе в Верховном Совете СССР Евгения Примакова. В отличие от предшественника Андрея Козырева, откровенно смотревшего в рот американцам и бывшему своему шефу Шеварднадзе, новый министр занимал позицию, более отвечавшую национальным интересам России на Кавказе.

Беседа с Примаковым носила доверительный характер, министр не раз вспоминал совместную работу в Верховном Совете СССР и с пониманием отнесся к его позиции по урегулированию абхазо – грузинского конфликта. Прошло всего несколько часов, как закончился разговор, и тут как тут напомнил о себе из Тбилиси Шеварднадзе.

Непревзойденный лицедей он начал разговор издали, позволил себе пару шуток, но Владислава Ардзинба не покидало смутное чувство тревоги. «Седой Лис» за спиной, которого все явственнее прорезались «уши американцев», не один раз пытавшийся заманить его в политическую ловушку, накануне предстоящей встречи проявил удивительную стоворчивость. Это настораживало, но теплившаяся в глубине души надежда, что такой политический «тяжеловес» как Примаков не позволит водить себя за нос, перевесила все сомнения, и после мучительных размышлений он все таки вылетел в Москву, а оттуда четырнадцатого августа на борту министра иностранных дел России они отправились в Тбилиси.

Столица Грузии встретила безоблачным небом, шикарной ковровой дорожкой и возбужденной толпой корреспондентов, осаждавших со всех сторон трап самолета. Первым на него сошел Примаков, и сразу же попал под «обстрел» журналистов.

«Я привез вам Ардзинба!» – эти первые фразы, сорвавшиеся с губ министра иностранных дел России, прозвучали для президента Абхазии ужаснее пощечины.

Его – руководителя страны, победившей в тяжелейшей войне, представили этой галдящей и нахально ухмыляющейся толпе как какого – то непокорного васала, доставленного чуть ли не в клетке к трону восточного сатрапа. От возмущения в нем все вскипело и Примакову стоило немалых усилий, чтобы уговорить спуститься с трапа и отправиться на встречу с Шеварднадзе. Тот встретил слащавой улыбкой, но ни она, ни стол, ломившийся от выпивки и закуски, не могли ввести в заблуждение. В горло не лез кусок, который старательно подсовывал хозяин стола, а душу мутило от одной только мысли, что он так легко попался на «крючок», ловко подведенный коварным «Седым Лисом».

Эти болезненные воспоминания отозвалось острой пульсирующей болью в затылке, а через мгновение в глазах зарябили черные точки. Мучительная слабость, которая после поездки в Тбилиси все чаще напоминала о себе, снова разлилась по телу. Владислав Ардзинба сделал над собой усилие, чтобы перебороть ее и ту неведомую болезнь, что изнутри подтачивала его. Уже не первый месяц врачи пытались «докопаться» до причины недуга, но пока все их усилия были тщетны.

Невольно в памяти всплыл тот, произошедший накануне поездки в Тбилиси, разговор со Станиславом Лакоба. Давний соратник по национально – освободительной борьбе, с которым был «съеден ни один пуд соли», категорически возражал. Его аргументы вызывали разве что улыбку, богатое воображение историка могло подсказать не только банальную версию с отравлением, а и более изощренные способы и средства, наверняка имевшиеся в арсенале грузинских спецслужб. Тогда он отмахнулся от этих доводов, но Станислав упрямо твердил свое, и продолжал возвращаться к истории загадочной смерти первого председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакоба, произошедшей в Тбилиси в декабре тридцать шестого.

Аналогия между ним и Нестором становилась все более уместной и заставляла задуматься. Также как он с Шеварднадзе сегодня, так и в далеком тридцать шестом Берия с Лакоба сошлись в смертельной схватке. И в центре ее опять таки находилась Абхазия. К концу года «Хозяин Грузии» неожиданно сменил гнев на милость и проявил удивительное дружелюбие к строптивому председателю ЦИК непокорной автономии. Двадцать пятого декабря лично позвонил и пригласил не просто на последнее в уходящем году ритуальное заседание ЦК Грузии, а и снизошел до того, что зазвал к себе в гости.

Двадцать седьмого декабря, после окончания партийного актива, несмотря на отговорки, Нестор вынужден был уступить личной просьбе матери Берия и приехал к нему в дом. Стол ломился от закуски и лучших грузинских вин, Лаврентий излучал радушие и своей рукой подкладывал в тарелку гостя самые лакомые кусочки рыбы. Затем они отправились в театр, там шла премьера балета «Мзечабуки» («Солнце – юноша»), но вскоре Нестору стало не до того, что происходило на сцене. Перед глазами расплывались разноцветные круги, к горлу подкатывали приступы изматывающей тошноты и, не дождавшись окончания акта, он отправился в гостиницу». Утром двадцать восьмого декабря в четыре двадцать председателя ЦИК республики Абхазии Нестора Лакоба не стало...

Эти мрачные воспоминания не прибавили настроения Владиславу Ардзинба. Он зябко повел плечами, усилием воли переборол слабость и вышел на балкон. Его взгляд блуждал в туманной морской дали и, словно, пытался найти ответы на вопросы, рожденные суровым послевоенным временем и безжалостной к любой слабости политикой.

В эти минуты кортеж посла США в Грузии подъехал к госдаче. Створки ворот распахнулись и бронированный джип, с трудом вписываясь в крутые повороты дороги, проехал наверх и остановился на смотровой площадке. С нее открывалась захватывающая дух панорама сухумской бухты. Но ему было не до красот Абхазии, нетерпеливым взглядом он пробежался вокруг и, не заметив суетящегося Владислава Ардзинба, нахмурился.

Навстречу неспешно спускался по лестнице, худощавый молодой человек в очках, как потом оказалось помощник президента, поздоровавшись на отменном английском, предложил пройти в особняк. Не удостоив его ответом, посол поднялся на крыльцо и там столкнулся с двумя телохранителями, больше походившими на абреков. Под их холодными и прощупывающими взглядами он почувствовал себя неуютно, торопливо проскользнул в дверь и оказался в просторном коридоре. Но

гордец Ардзинба даже здесь не посчитал нужным встречать представителя самой могущественной державы, и в его душе поднялась волна раздражения. Погасив ее, он бросил ледяной взгляд на помощника, тот в вежливом поклоне склонил голову и распахнул дверь в кабинет.

С каменным лицом посол перешагнул порог и оказался в просторной квадратной комнате. После яркого дневного света глаза долго привыкали к царившему в ней полумраку. Владислав Ардзинба занимал место за столом, его лицо скрывалось в тени, и только по характерному медальному профилю американец догадался, кто перед ним. Как ему показалось, лидер абхазов тяжело поднялся из кресла. На этот раз ЦРУ не ошиблось в оценке состоянии здоровья президента Абхазии. Судя по всему, он, действительно, был болен, медленно ступая, сделал навстречу несколько шагов и остановился.

Молча обменявшись рукопожатиями, они какое – то время прощупывали друг друга испытывающими взглядами. Искушенные в политике оба умели скрывать свои мысли и чувства и потому эта «перестрелка» мало, что дала. Владислав Ардзинба нахмурил брови, внешний вид посла вызвал в нем волну раздражения. Спортивные кроссовки, линялые джинсы, мятая рубаша и небрежно повязанный галстук говорили о том, что тот, видимо, перепутал техасское ранчо с государственной резиденцией. Ничего не сказав, президент жестом пригласил сесть, а сам занял место за столом.

Посол, как у себя дома плюхнулся в кресло напротив, закинул нога на ногу и первым нанес пробный, но болезненный для Владислава Ардзинба удар. Со скорбным выражением на лице он спросил:

– Как ваше здоровье, господин президент?

Окатив его холодным взглядом, тот сухо произнес:

– Я вас внимательно слушаю.

– Извините, одну минуту, – ответил американец и положил перед собой папку.

Не заглядывая в нее, заговорил напористо и энергично. Это был дежурный набор фраз, с которыми в последнее время к руководителю Абхазии обращались западные политики и дипломаты. Прошло несколько минут и в голосе посла зазвучали непривычно жесткие нотки. Он, уже не смущаясь, говорил об ущербности односторонней ориентации на Москву, недвусмысленно намекал на то, что при нынешнем российском руководстве рассчитывать на смягчении экономической блокады на границе не стоит, а тем более ожидать существенных сдвигов на переговорах с Тбилиси, и призывал к конструктивному сотрудничеству, обещая взамен, пролить на разоренную Абхазию «долларовый» дождь.

Президент молчал и угрюмо смотрел куда – то за спину посла и эта кажущаяся пассивность, вселяла в того все большую уверенность. Увлеченный собственной речью, он уже не сомневался в неотразимости своих аргументах и принялся в такт словам постукивать указательным пальцем по крышке стола. И здесь самоуверенность и нахрап сыграли с ним злую шутку. Мимо его внимания прошли изменения, произошедшие с Владислава Ардзинба. Губы президента сошлись в жесткую складку, а уголки бровей взметнулись вверх. Наливаясь гневом, он резко оборвал гремевшую подобно камнепаду речь:

– Достаточно, господин посол! Мне все понятно.

Тот осекся.

Сдерживая душившее его негодование, Владислав Ардзинба с вызовом произнес:

– Вы что, хотите выкрутить нам руки? – и, не дождавшись ответа, решительно заявил:

– Не выйдет! Мы вам не банановая республика, а Абхазия! Она была две тысячи лет назад и еще столько же будет!

В глазах посла появился лед, но через мгновение от него не осталось и следа. Опытный дипломат он умел скрывать свои чувства и, расплывшись в фальшивой улыбке, снисходительно заметил:

– Ну, зачем же так, господин президент! Вы историк и не хуже меня знаете, что эмоции в политике плохой советчик.

– Советчик говорите? Хорошо, что в таком случае посоветуете?

– Давайте будем реалистами, – и американец снова перешел в атаку:

– За прошедшие после войны время политическая, я уже не говорю о катастрофическом внутреннем положении, ситуация в Абхазии значительно ухудшилось. Ваши надежды на Россию не оправдались и, поверьте мне, вряд ли на этом направлении вас ждет успех.

– Вы так думаете? – с иронией спросил президент.

Но это не смутило посла, он продолжал упорно гнуть свое:

– Не только думаю, а и уверен! Вы, стучитесь в ту дверь, которая закрыта! Это не мы, а Россия своей блокадой заставляет абхазский народ терпеть неслыханные лишения, и потому в такой ситуации ваша позиция вызывает у значительной его части не только недоумение, а если говорить прямо, то крайне отрицательное отношение, – Здесь американец сделал многозначительную паузу, стрельнул испытывающим взглядом на помрачневшего Владислава Ардзинба и, не услышав ответа, продолжил:

– Господин президент, настало время, когда стоит более внимательно посмотреть в другую сторону и там искать ключ к решению проблемы. Я не сомневаюсь, что у нас вы найдете понимание. Путь Абхазии в цивилизованный мир лежит через запад.

– То есть, вы хотите сказать, через Грузию?! – в голосе Владислав Ардзинба зазвучал металл, а в уголках глаз морщинки собрались в тугой узел.

– В общем, да! – уклончиво ответил посол и поспешил добавить:

– Конечно, при самой широкой автономии для Абхазии и нашей неограниченной экономической помощи. На первом этапе она может составить около двадцати миллионов долларов, но эта цифра, как вы понимаете, далеко не окончательная, если ваш курс будет иметь другой вектор и...

– Курс?!В цивилизованный мир?! – вспыхнул президент и обрушился на американца:

– А где был тот цивилизованный мир, когда эти новые фашисты из Тбилиси расстреливали безоружных стариков и детей?!... Где был, когда бомбили наши города и села! ...Почему вы молчали, когда эти варвары жгли наши архивы, толь-

ко чтобы стереть с лица земли даже само упоминание об абхазах?! ...Где, вы все были? ...Я вас спрашиваю, где?!...

Кровь прихлынула к лицу посла. Он, как рыба, выброшенная на берег, хватал раскрытым ртом воздух и ничего не мог сказать, а когда пришел в себя, то в нем снова заговорил дипломат.

– Я понимаю вас, господин президент, это была большая трагедия, но пришло новое время и потому надо смотреть дальше, вперед. Там...

– Вперед?!...Куда снова в Грузию?!... Вы хоть понимаете, о чем говорите?! Это равносильно тому, если бы русскому и американскому народу, свернувшему шею фашистам, опять предложили Гитлера с его концлагерями и гестапо! Вы что это хотите вернуть моему народу?!

– Господин президент! Господин президент! Я совсем другое имел ввиду, – растерянно бормотал посол и нервно елозил в кресле.

– Другое?... – лицо Владислава Ардзинба вновь запылало гневом и, не выбирая выражений, он обрушился на него:

– Благодетель мне нашелся! Если вы такой знаток Абхазии, то чего в броневике по Сухуму раскатываете. Выйдите на улицу и повторите все это людям, а я посмотрю, что с вами станет!

Американец захлопал глазами, его лицо побагровело как перезревший помидор, а когда к нему вернулся дар речи, сорвался на визг:

– Жалкие пигмеи! Решили нас запугать?! Меня?!... Америку?! Мы только пошевелим одним пальцем и вы завтра приползете в Тбилиси на коленях! Мы вас...

– Что?!... – этот не то рык, не то рев рассвирепевшего президента расплющил американца по креслу, заставил вздрогнуть помощника и напрячься телохранителей.

В следующее мгновение произошло то что, что вряд ли когда случалось в современной дипломатической практике. Папка с американскими предложениями взлетела над столом и с оглушительным треском хлопнулась перед носом опешившего посла. Его физиономию перекосило, щеки запылали как от пощечины, он пытался что – то сказать, но следующий удар Владислава Ардзинба был сильнее апперкота знаменитого Мохаммеда Али.

– Пошел ты ...со своими предложениями!!!

Посол хоть и слабо знал русский, но понял все без переводчика и расплылся как студень. Еще бы, такого дипломатического фиаско в его долгой карьере еще не случалось. Последнее «предложение» президента Ардзинба, херило навсегда не только ее, но и его имя. Отмыться от подобного позора можно было разве, что собственным хакакири на глазах всего госдепа США.

Несколько секунд в кабинете царила гнетущая тишина, которую нарушало лишь прерывистое дыхание президента и посла. Они испепеляли друг друга пылающими взглядами, и сколько продолжалась эта молчаливая «перестрелка» не могли сказать ни помощник, ни телохранители, застывшие каменными изваяниями у стен. Первым остыл президент. Посол тоже быстро спустил пар, перспектива политического хакакири его явно не устраивала, но как выпутаться из того по-

ложения, в которое он сам себя загнал, уже не знал. Все зависело от Владислава Ардзинба.

Тот нервно повел плечами и не без сарказма спросил:

– Господин посол, надеюсь, что после такого дипломатического разговора воевать не станем?

– Худой мир лучше, любой доброй ссоры, – поддержал тот миролюбивый тон.

– Извините, я был слишком резок, – здесь президент сделал паузу, а затем продолжил:

– Прошу понять меня правильно, дело вовсе не в упрямом Ардзинба, а в моем народе, который не только в прошлой войне, но и за свою долгую историю перенес столько страданий, что заслуживает к себе большего уважения. У нас нет вашей военной армады, и потому защищаемся, как можем. Мы с уважением относимся к американскому, русскому и, несмотря на все, к грузинскому народу, но и к себе требуем того же, Мы никому не позволим разговаривать с собой свысока и диктовать, как нам жить дальше. Не загоняйте нас туда, откуда нет выхода. Дайте время, и оно все расставит по своим местам. Мы хотим мира, но мира, который бы нам не диктовали из Тбилиси, Вашингтона и даже Москвы. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Да, господин президент! – впервые за время беседы в голосе американца зазвучали человеческие нотки, а в глаза появилось сочувствие. На это раз он говорил искренне и от души:

– Владислав Григорьевич, я понимаю вас и ваше стремление помочь своему народу, но, к сожалению, – и здесь он развел руками, – вы, а тем более я, не можем не считаться с жестокими реалиями политики, которая диктует свои правила игры. Я всего лишь чиновник и должен строго следовать им, но вы президент и у вас есть право выбора. Прощаясь, хотел бы пожелать, смотрите не ошибитесь.

– Не ошибемся! – был категоричен Владислав Ардзинба и, пожал протянутую послом руку, потом еще долго смотрел ему вслед.

Все это время Ибрагим с Джоном боялись пошелохнуться, такого президента им давно не доводилось видеть, Подобное на их памяти было под Ахбюком, когда он поднял в атаку ополченцев, дрогнувших перед бешеным натиском гвардейцами. Спустя годы, когда о том времени напоминали только поросшие травой развалины, президент с прежним неистовством продолжал воевать за нее – за Абхазию. Тяжело вздохнув, он с грусть заметил:

– Да, ребята, на войне бывало полегче, – и, возвратившись к столу, взял пакет с документами и распорядился:

– Ибо, это для Сергея Багапш и Сократа Джинджолия, пусть детально проработают вопрос на правительстве и в парламенте и пришлют свои соображения. Да, и еще, не забудь зайти в приемную к Раисе Николаевне и забрать почту.

– Все сделаю, Владислав Григорьевич! – заверил Ибрагим и, не мешкая, выехал в город.

Через десять минут он был в правительстве и, хотя уже наступило время обеда, застал на местах премьера Сергея Багапш и председателя парламента Сократа Джинджолия. Передав им пакеты, направился в администрацию президента, по

пути встретил Кавказа и вместе с ним поднялся в приемную. В ней было непривычно тихо, кроме самой Раисы Погорелой, в углу, на краешке диванчика скромно занимал место миниатюрный, язык не поворачивался назвать стариком – абхаз.

На вид ему было не больше шестидесяти пяти. Под летней рубашкой, сверкающими снежной белизной брюками, стрелки которых, казалось, резали воздух, угадывалось еще крепкое и жилистое тело. Лишь легкая рябь морщинок, покрывавшая открытый высокий лоб и седые усы, выдавали возраст. Светло-голубые глаза напоминали позднее сентябрьское небо. В них отражалось то же величавое спокойствие, которым, несмотря на неистовые июньские грозы, изнуряющую июльскую жару и свирепые августовские штормы, дышала и манила к себе бесконечная небесная высь над горами.

Старик цепким взглядом прошелся по Ибрагиму с Кавказом, и они склонили головы в уважительном поклоне. Он ответил легким кивком и тут же, словно улитка замкнулся в себе. Ибрагим прошел к столу, принял у Раисы Николаевны почту для президента. Уложив ее в папку, она поинтересовалась:

- Как, Владислав Григорьевич?
- Нормально! Скучать никому не дает! – дипломатично ответил Ибрагим
- Здесь когда будет?
- Даже не знаю. А что, есть что – то срочное?
- Как сказать, – замялась Раиса Николаевна, и, бросив взгляд на старика, пояснила:

- У меня, Ибо, к тебе одна небольшая просьба.
- Пожалуйста! – охотно согласился он.
- У Давлета Чантовича Кандалия личное письмо к президенту, если не затруднит, то передай.

Старик встрепенулся, на удивление легко поднялся с дивана и слегка надтреснутым голосом произнес:

- Оно у меня там! – и поспешил в коридор.

Ибрагим с Кавказом вслед за ним вышли в холл. Давлет Чантович снял с полки холщевую сумку, пошарил в ней, нашел почтовый конверт, достал опечатанное на пишущей машинке письмо, и предложил:

- Можешь почитать, там нет ничего такого!
- Ну, что вы?... Зачем? Это же вы написали президенту! – отказался Ибрагим.
- Да, президенту! Одна надежда на него, что поможет мне и моей старухе!

Остальные палец о палец не ударили и одними обещаниями кормят.

– Не волнуйтесь, я все сделаю, – заверил Ибрагим, положил письмо в папку и предложил:

- Может вас домой отвезти?
- Домой говоришь, сынок? – переспросил Давлет Чантович и с горечью произнес:

- Нет его у меня.
- Как это нет?! – удивился Кавказ.
- А вот так! За свои восемьдесят восемь не заслужил!
- Родственники же остались? – поинтересовался Ибрагим.

– В Мерхеули, и те давно на кладбище лежат.

– Это где родился Берия?! – некстати вспомнил Кавказ про зловещего наркома НКВД и тут же пожалел.

Тихий и благообразный старичок на глазах превратился в клокочущий вулкан. Лицо Давлета Чантовича пошло бурными пятнами, губы судорожно задергалось и с них в адрес Берия понеслись проклятия:

– Гад! Чтоб ему гореть в аду синим пламенем! Сволочь! Пол Абхазии в крови утопил! Кровосос херов!

Этот взрыв эмоций обессилил старика и Ибрагим с Кавказом не на шутку переполошились, но он, на удивление быстро пришел в себя и зашуршал бумагами в сумке. На стол один за другим ложились пожелтевшие и потерявшие цвет документы: справка об освобождении из казанской спецтюрьмы, прошение о реабилитации, копии писем к маршалу Ворошилову, генеральному прокурору Руденко. И когда уже не осталось свободного места, Давлет Чантович сгреб их в кучку и с ожесточением произнес:

– Вот тут вся моя жизнь! Как в тридцать седьмом заклеямили – «враг народа», так до сих пор отмываюсь! Эти сволочи Берии и Гоглидзе всю мою жизнь изговняли!

– Неужели сам Берия?! – поразился Ибрагим.

– Если бы он один?! Такие твари в те годы как вши плодились! Потом, когда мне «вышку» заменили «четвертаком» и «закатали» в лагерь под Магадан, я только тем жил, что ждал, когда их, гадов в «распыл» пустят. И дождался!

Кавказ с Ибрагимом деликатно молчали, боясь причинить лишнюю боль старику, а тот, оказавшись во власти того жестокого времени, уже не мог остановиться:

– На второй месяц после ареста Берия меня освободили, и я сразу домой. Домой?! – болезненная гримаса искривила лицо Давлета Чантовича, – От него за семнадцать лет и четыре дня, что меня гноили в лагерях и на пересылках, одно название осталось, – и он снова не удержался от крепкого слова:

– Сволочь! Хотел уничтожить даже дух абхазов! Вы только представьте, в срок третьем, когда немцы брали перевалы на Красной Поляны, а в Псху наши бойцы выбивали их хваленый «Эдельвейс», по приказу Берия менгрельцев переселяли в Абхазию. В Гудауте и Очамчырах, в самом сердце Абхазии, как грибы после дождя вырастали «береевки» – эти деревянные «куратники». Для самих абхазов, тех, кого не «загребли» в тюрьгу, как меня или не попал на фронт, на запасных путях в Поти и Зугдиди, стояли под парами сотни эшелонов.

И тут его маленький, сухой кулак обрушился на стол.

– Антихристы! Хотели сгноить абхазов в Сибири, но Господь снова не бросил наш народ и остановил руку Сталина. Хозяин не подписал план Берия о депортации абхазов, наверно, что-то шевельнулось в его каменном сердце. Может вспомнил, как под Сухумом в девятьсот шестом после налета на пароход «Цесаревич Георгий» прятался от жандармов и полиции в абхазском селе. Да, чего сейчас гадать, прошлое не вернуть и не исправить. В общем, в Мерхеули делать мне было нечего, и я рванул в Сухум, а там прямиком попал в МГБ, потом оно стало КГБ.

В те времена, таким как я, без их разрешения даже в сортир нельзя было сходить. Короче, привели меня к полковнику Шелия, плохого про него ничего не могу сказать, понапрасну нашего брата не гнобил и «липовых» дел «не шил». Но все равно поначалу попер на меня:

– Ты почему, Кандалия из Мерхеули сбежал?!

А я, дурной мой язык, в ответ:

– А чего там делать? Один осел остался и тот у армянина Ашота.

Как он тут зыркнул, а мне наплевать, надоело бояться, но орать больше не стал, вызвал подполковника Шенгелия и приказал:

«Возьми этого абрека на пару часов и, как следует, обработай!»

От тех слов меня прошиб холодный пот, заняли отбитые почки и заломило в затылке. Грешным делом подумал:

«Берия посадили, а в «живодерне» ничего не поменялось».

Вышел из кабинета, иду по коридору, руки по привычке за спину, ног под собою не чую. Опомился, когда живой и невредимый оказался не в подвале, а на улице. Привел меня Шенгелия в парикмахерскую, что на набережной, сейчас там одни развалины, усадил в кресло и приказал мастеру привести в порядок. Тот с перепугу даже усов не оставил, побрил до самой макушки. Я, конечно, упирался, а Шенгелия мне говорит:

«Давлет, какой ты упрямый, лучше бороду потерять, чем голову!»

И вот там, в парикмахерской, я понял. Все, конец их власти! Они – эти Шелия и Шенгелия как были, так и остались кровососами, но задницами почувствовал, что после того, как Хозяин «коньки отбросил» их время кончилось. Ну, а когда шлепнули Берия, то даже последний «вертухай» на дальней зоне в Магадане допер до этого. По инерции «живодерня» еще продолжала скрежетать и пугать, но в ней не стало главного – смазки – нашей безвинной крови. Раньше, за одни те мои слова про армянского осла, они бы живьем с меня шкуру содрали, а тут промолчали!

Здесь Давлет Чантович горько улыбнулся и с иронией заметил:

– С тех пор и пошла гулять байка, что в «конторе» нашего брата больше в «расход» не пускают, все патроны при Берии перестреляли. Но стричь всех под одну гребенку тоже будет не правильно, среди них, правда редко, попадались люди. Взять того же Шенгелия, после того как меня «обработали» в парикмахерской зашли в ресторан «Рица», там хорошо посидели и по-людски поговорили, а когда расходились, он напоследок предупредил:

«Ты, Давлет, лучше держи язык за зубами! Сейчас тебя за «осла» не шлепнешь, но жизнь попортить мы еще сможем. Хозяина уже нет, но система еще нас с тобой переживет, и потому твоя правда о Лакоба кой – кому как кость в горле».

– Но такими, – и Давлет Чантович, снова, вернулся к рассказу о том суровом времени, – они стали после пятьдесят третьего, а тогда в тридцать шестом Берия со своими дружками – нкавэдэшниками Рухадзе, Гоглидзе и братьями Кобуловыми в Тбилиси и Сухуме королями ходили. Еще бы, любого в бараний рог могли согнуть, но Нестор спины перед ними не прогибал, и тогда они обложили его, как медведя в берлоге.

– Лакоба?!... Нестора Аполлоновича? – переспросил Кавказ.

– Его самого, – подтвердил Давлет Чантович.

– А вы его знали? – оживился Ибрагим.

– Не только знал, но и работал. Сначала дежурным водителем, а потом телохранителем.

– Вот это да! – поразились Ибрагим с Кавказом.

– Жаль, что мало поработал, какой был человек! Он, как сейчас Владислав, за народ готов был жизнь положить! – печально произнес Давлет Чантович и продолжил:

– Так вот, эти бериевские холуи Рухадзе и Гоглидзе рогом рыли землю, чтобы найти на него компромат. Начало тридцать шестого ничего хорошего Нестору не сулило. Война с ними отнимала все силы, тем более в Москве надеяться было уже не на кого. Сталин после его отказа стать главным палачом – наркомом НКВД перестал даже звонить. А Берия, тут как тут, в конце лета стал давить планом «Абхазпереселенстроя», хотели отправить в Абхазию двадцать тысяч менгрел, Нестор, конечно, встал на дыбы:

«Только через мой труп!»

Берия тоже закусил удила, я уж думал, что задавят Нестора, но здесь ни с того ни с сего подобрел Сталин, два или три раза, точно сейчас не скажу, столько прошло времени, вызывал Нестора Аполлоновича в Москву. Однажды даже пригласил на «Ближнюю дачу» и было это, – Давлет Чантович напряг память, – где – то в двадцатых числах декабря. Я хорошо запомнил ту поездку в Москву. В те дни слишком многое решалось для Абхазии и Нестор пахал без сна и отдыха, часто говорил по телефону с Серго Орджоникидзе и тот «пробил» встречу у Сталина.

В командировку Нестор Аполлонович отправился с легким сердцем, видимо, в глубине души рассчитывал, что в личной беседе с Хозяином сумеет убедить вынести на февральский Пленум ЦК предложение о выводе Абхазии из состава Грузии. В Москве остановились в гостинице «Метрополь» и Нестор сразу же отправился по делам, а я остался в номере – принимал звонки, записки и посетителей. Три дня Нестор крутился как белка в колесе, возвращался поздно страшно усталый, но довольный, встреча со Сталиным и беседы в ЦК укрепляли уверенность в положительном решении вопроса по Абхазии. Перед самым отъездом, в номер, заглянул Серго с компанией земляков. Все были навеселе, много шутили и говорили, что скоро гадюке Берия вырвут поганое жало, потом дружно поехали на вокзал.

В Сухум Нестор вернулся в приподнятом настроении, перестал обращать внимание на грязную возню Рухадзе, и принялся готовить материалы к февральскому пленуму ЦК. До Нового Годом оставались считанные дни, в доме уже стояла елка, и тут Берия вызвал его в Тбилиси по каким – то партийным делам, – здесь Давлет Чантович прервал рассказ и горестно поник.

Кавказ с Ибрагимом хорошо понимали старика, заново переживавшим прошлую трагедию, и не торопили. Собравшись с силами и, с трудом находя слова, он продолжил:

– Все было против той поездки! Понимаете все!! Не зря говорят, любящее женское сердце – это вещун. Нестору нездоровилось, простыл в поезде, когда возвращался из Москвы, мог бы остаться и не ехать в Тбилиси. С другой стороны, а что бы это изменило? Наверно, ничего! В те времена, если машина НКВД запущена, то ее уже не остановить. Перед отъездом пришлось заскочить домой за лекарством. Встретили нас Сария с сыном Рауфом, и когда она узнала, что Берия вызывает, даже в лице переменялась. Кинулась к Нестору и стала отговаривать. У того тоже на душе кошки скребли, но он не подавал виду, с тяжелым сердцем простился и поехал на вокзал.

Там, как сейчас, никто из начальства перед ним не расшаркивался, сели в обычный вагон. Проводники подсуетились и принесли чай–наш абхазский, тако-го сейчас не найти. Выпили, о жизни поговорили, потом он взял у меня портфель с документами и сел за работу. Что–то писал, зачеркивал и снова писал, похоже, встреча с Берия не давали ему покоя. Легли поздно, я в пол глаза спал. Как никак охрана, по нынешнему телохранитель. Нестор над этим частенько посмеивался. Лучше его в Абхазии никто не стрелял, с двадцати шагов, с первого выстрела из «пятака» делал «бублик».

Тбилиси встретил нас промозглой погодой и пронизывающим ветром. С вокзала на машине представительства Абхазии проехали в гостиницу «Ориант». Нестор Аполлонович, как обычно, поселился в тридцать первом номере, я занял тридцать второй. По соседству жили работник ЦК Азербайджана Озеров и врач–армянин, помню, что звали Сетрак. Нестор в гостинице не задержался, привел себя в порядок и отправился в ЦК, но не прошло и часа, как вернулся обратно. Заглянул ко мне в номер, на нем лица не было, швырнул папку в угол и распорядился отвезти в дом Рамишвили – был такой театральный деятель – веселый и хлебосольный мужик.

К нашему приезду, у него уже собралась компания. Мне сразу не понравилось то, что в ней терлись Гоглидзе и наш Агрба, к тому времени этот змей подколотный перебрался в тбилисское НКВД. Кроме них было еще человек пять, некоторых я встречал в Сухуме, но кто такие, не знал. Нестор Аполлонович остался, а мне сказал, что позвонит, когда за ним заехать.

Я возвратился в гостиницу, и весь вечер провалялся в номере, но так и не дождался звонка. Где – то ближе к десяти привели Нестора, а скорее принесли двое, наверное, из НКВД, потому что у подъезда стояла машина Гоглидзе. На него страшно было смотреть, весь в грязи и едва мог говорить, ругал кого–то, что долго возили по городу.

– Ясное дело, чтобы яд подействовал, – вспомнил Ибрагим, гулявшую по Абхазии версию смерти Лакоба.

– Это я потом понял, – согласился Давлет Чантович и снова возвратился к событиям того трагического вечера:

– В номере ему стало совсем худо, я взял на руки, усадил на подоконник и открыл окно, не помогло, стал звать на помощь. Прибежали Озеров с Сетраком, ну, тем доктором–армянином, и они тоже ничего не могли сделать. Нестору становилось все хуже и мы повезли его в больницу. По дороге он, наверное, смерть свою

почувствовал, но даже тогда думал не о себе, а об Абхазии и приказал мне, если что с ним случится, чтобы я забрал портфель с документами и любой ценой доставил в Москву. Так и сказал:

«Давлет, если жизнь придется положить, то не бойся, за народ ее отдать не страшно», – и потерял сознание.

Когда подъехали к больнице, в то время она носила имя Камо – был такой боевик, перед революцией вместе со Сталиным в Тифлисе банки как орехи щелкал, к Нестору вернулось сознание, но поговорить нам не дали. У подъезда поджидал Гоглидзе с оравой энкавэдэшников. Гад! Быстро узнал в какую больницу едем?!

– Следили! – предположил Кавказ.

– Конечно. В те времена, если попал под «колпак», то без «хвоста» никуда! – подтвердил Давлет Чантович и продолжил рассказ:

– Занесли мы Нестора Аполлоновича в приемную, но дальше порога меня с Озеровым не пустили, а Сетрак с врачами остался. Энкавэдэшники нас на улицу выгнали, сколько мы там времени протолкались, не скажу, не до того было, за Нестора переживал. Под утро вышел Сетрак, и на его лице все было написано. Нестора не стало!

Тут, как тут, появился Гоглидзе, увидел меня, подозвал и спрашивает:

«Тебе что покойник говорил?!» – а зенками как рентгеном просвечивает.

Я понял, дело плохо, дураком прикинулся и говорю:

«А что Сергей Арсентьевич, разве покойники разговаривают?»

Тот ничего не сказал, зло зыркнул и на том расстались.

– Это работа Берия! – категорично заявил Кавказ.

– Может и так. Потом слухи разные ходили. Берия, конечно, сволочь, каких еще свет не видел, но не осел, чтобы глупо подставляться и грязные дела так обдeldывал, что потом не подкопаешься. Правда бога не обманешь, тот все видит! Свое, этот мерзавец получил! – с ожесточением произнес Давлет Чантович и, порывшись в сумке, достал вырезку из газеты «Правда».

За долгие годы она выцвела, а некоторые буквы едва читались. На первой странице крупным шрифтом был набран приговор Верховного Суда СССР Берия и его подручным: Меркулову, Рухадзе и братьям Кобуловым.

Он потряс ее в воздухе и воскликнул:

– Семнадцать лет я ждал этого! Целых семнадцать!

– Извините, Давлет Чантович, а что стало с портфелем и документами Нестора Аполлоновича? – деликатно напомнил Ибрагим, заинтригованный всей этой историей.

Лицо несчастного старика вновь исказила болезненная гримаса и он, собравшись с духом, возвратился к воспоминаниям:

– К утру я еле живой добрался до гостиницы, чтобы исполнить его последнюю волю – забрать портфель с документами, и отвезти в Москву к Поскребышеву.

– Секретарю Сталина!? – изумился Ибрагим.

– Алексею Иннокентьевичу, ему самому, – подтвердил Давлет Чантович.

– А он что, вас знал?! – не менее Ибрагима был поражен Кавказ.

– Думаю, запомнил, когда отдыхал в Абхазии, я его возил в Новый Афон и на горячий источник в Приморское.

– Вы, наверное, и Сталина знали?! – в один голос воскликнули Кавказ с Ибрагимом.

– Откуда?! Я человек маленький, видел всего два раза, да и то от страха толком не успел разглядеть. Первый раз это случилось, когда Хозяин приехал на госдачу в Сухум, но здесь ему что-то не понравилось, пришлось перебираться под Гагру, на Холодную речку. В тот день основного водителя Нестора – Гриши Амиржанова на месте не оказалось, и вместо него поехал я. Второй раз дело было под Хостой, там, у охраны Сталина «ЧП «случилось».

– Покушение?! – загорелся Кавказ.

– Нет! Охрана «зевнула» Хозяина и к нему рванула толпа.

– А...а, – потерял Кавказ интерес к этой теме и снова принялись теревить Давлета Чантовича про портфель Лакоба.

Тот невесело усмехнулся и с сарказмом произнес:

– О чем вы говорите, ребята?! Какой портфель?! Какой Поскребышев?! Я вошел в номер, а там уже трое с квадратными подбородками и оловянными глазами шурували в ящиках стола и вещах Нестора. Мне даже пикнуть не дали, скрутили, запахнули в машину, привезли во внутреннюю тюрьму и затащили в камеру. Я опомниться не успел, как заявили Рухадзе, Гоглидзе и Меркулов из ЦК Грузии. Посмотрели на меня, так будто я у них последние штаны спер, а потом Рухадзе, как обухом по голове:

– Говори, мерзавец, что тебе известно про контрреволюционный заговор предателя Лакоба против товарища Сталина и товарища Берия! С кем из контрреволюционеров он встречался в Сухуме и Москве?!

Я чуть с табурета не свалился. Такое сказать про Нестора! Да преданней советской власти и товарищу Сталину человека не то, что в Абхазии, во всей Грузии не было. Подумал, может мерещится, потом грешным делом посчитал, что гады перепили, у Гоглидзе глаза были красные как у рака. Но, когда Рухадзе пистолетом мне в зубы заехал, тогда дошло, что дело по – серьезному «шьют» и решил под простачка «косить».

Вроде сошло, бить больше не стали, только на психику давили. Особенно Гоглидзе, весь из себя, с холеной «мандовошкой» под носом, громче всех орал. А я ему:

«Сергей Арсентьевич, чего так заходите? Вы лучше меня друзей Нестора Аполлоновича знаете. Это вы, а не я к нему в гости заживали. Я – человек маленький, сказали принести – принес, сказали отвезти – отвез».

Он, сволочь, с перепугу аж побелел, когда я его в одну компанию с «врагом народа Лакоба» записал, глаза выкатил и захлопал на Рухадзе. Затихли они, молчу и я, а сам думаю:

«Длинный язык – короткая жизнь. Скажи им еще слово, в раз запутают. Мало того, что сам себе петлю на шее затыну, так еще других за собой поташу, и решил ничего не говорить и ничего не подписывать».

Потом, в тюрьме и лагерях не раз убеждался, что правильно сделал. На простых мелочах следователи даже самых умных запутывали и ломали. Особенно интеллигенты легко на этот крючок попадались. Проговорятся, а потом начинают спорить и свое доказывать, бесполезно, эти гоглидзе и хвататы тебя твоими словами и показаниями «свидетелей» так окрутят, что уже деваться некуда. В тот раз они от меня ничего не добились, отправили в камеру и до середины апреля тридцать седьмого не трогали, как будто забыли, зато потом сполна отыгрались.

Давлет Чантович смолк. Даже после стольких лет при одном только воспоминании о тех днях его лицо побледнело и, с трудом подбирая слова, он произнес:

– Этот конвейер пыток и те нечеловеческие муки, которые пришлось перенести мне и тысячам невинных, невозможно ни забыть, ни вытравить из памяти. Даже сейчас, где-то там, в глубине каждой моей клеточки живут тот ужас и та боль от «бутылочки», когда часами заставляли сидеть на горлышке бутылки, задыхаться в «шкатулке» – шкафа, в котором сутками держали без сна, «рояле», когда твои пальцы крошили ящиком стола и прочих «изобретениях» садистов – следователей. Но самым тяжелым и страшным были не страх перед допросом и боль во время пыток, а изматывающее, вытягивающее из тебя все жилы, ожидание.

Да, да! Ожидание! – Давлет Чантович зябко повел плечами и продолжил:

– Когда заканчивался день, оно становилось невыносимым. После вечерней баланды и отбоя, в тюрьме ненадолго наступала тишина, но она не приносила облегчения. Думаете, кто ни – будь мог уснуть? Не верьте тому, кто такое скажет. Брехня! Даже с самыми крепкими нервами не спали, а ждали, когда наступит этот, будь он трижды проклят, час дьявола!

Давно за стенами тюрьмы они, еще не отмеченные печатью «враг народа», спали крепким сном, а тут, в кабинетах следователей и оперов просыпался сам дьявол и готовился к кровавой пляске. Он и его подручные проверяли, как привинчены к полу табуретки, предусмотрительные были заразы, боялись, что какой ни будь отчаянный смельчак хватит ею по оловянной башке. Цинично ржали, когда выгребали из шкафа пустые бутылки, выбирая подходящую для будущей «наседки». Всего не перечесать, что рождалось в воспаленном сознании палачей.

Каждый из нас – «врагов народа» прошел свою дорогу в энкавэдешный ад, но у всех она начиналась глубокой ночью с топота ног конвоя и лязга засова. В тот миг вся тюрьма замирала и когда хлопала дверь соседней камеры, предательская слабость разливалась по твоему истерзанному и измученному телу. В ту ночь приходила очередь другого и гаденькое омерзительное чувство облегчения, что на этот раз пронесло, заглушало в тебе муки совести и сострадания к несчастному соседу...

Давлет Чантович вновь прервал рассказ, отвел глаза в сторону и глухо произнес:

– Не судите меня и тех, кто прошел через мясорубку НКВД. Все мы люди, и все хотим жить. Вопрос всегда состоял в цене, а эти мерзавцы: Берии, Рухадзе, Гоглидзе и палачи экземпляром помельче знали на каких струнах человеческой слабости сыграть, чтобы превратить в безропотное существо. В их дьявольском спектакле все роли были заранее расписаны, и не имело значения, виновен ты или

нет, если «вписывался в схему очередного контрреволюционного заговора» или «теракта», то должен «признать свою вину». То, что они творили с нами в тюрьмах и лагерях, для них как для дровосека – рубка леса, охотника – травля зверя, стало обыденным делом. В нем, если можно так сказать, находились и свои непревзойденные «мастера». Душегуб Малюта Скуратовым им в подметки не годится.

Один такой мне попался. После того, как в Тбилиси им не удалось «сломать» меня и «выбить» признания на Нестор, погнали этапом в Москву, Перед отправкой, на последнем допросе Гоглидзе припугнул, что я еще пожалею, когда за меня возьмутся настоящие мастера. Так и сказал:

«У них не то, что такие, как я, а даже покойники «поют!»

Тогда, грешным делом подумал, на «понт берет» и страшнее того, что было вряд ли, будет. А, оказывается, ошибался, и еще как, тбилисские палачи перед лубянским живодемам просто шпана подзаборная.

В Москве со мной долго не церемонились и сразу взяли в оборот. Оно и понятно, камеры ведь не безразмерные, а «фабрика», штамповавшая дела на «врагов народа», не могла допускать простоев. Случилось это на шестой или седьмой день, точно не помню, в тюрьме все дни друг на друга похожи. Привели меня на этот раз в кабинет к следователю Хвату. Имя вроде нормальное – Алексей другого такого мучителя во всей живодерне НКВД не найти.

Стою возле стены, еле на ногах держусь, на прошлом допросе они перестарались. Наконец, он свой ужин закончил, аккуратненько накрыл газеткой «Правда» блюдце с бутербродом, накрахмаленным платочком губки промокнул и настольную лампу в харю мне ткнул. Долго смотрел в глаза, понял, что «разговор» с ходу не получится, и решил мой язык как следует «почесать», кивнул головой двум «кочегарам», чтобы они поработали. Те, как роботы, принялись меня по полной программе обхаживать. Хват сначала газетку почитывал, потом, надоели мои вопли, поднялся, стал по кабинету прохаживаться и на часы поглядывать. пытки, и те у них, по порциям отмерялись. Затем подошел к секретарю и о рыбалке заговорил, дальше, ничего не помню, отключился. Ошибочка в их расчетах получилась, то ли не туда ударили, то ли с дозой переборщили, а может, я подвел, слабоват оказался. Очнулся, а перед глазами Хват с газеткой плывет. Услышал мой стон, отложил ее в сторонку, глянул, понял, что толку от меня не будет, и распорядился отправить в камеру. А я, натура моя вредная, говорю:

– Алексей Григорьевич, что-то сегодня я у вас мало задержался?

А он криво ухмыльнулся и отвечает:

– Нехороший ты человек, Кандалия. Столько времени у занятых людей забрал. Ну, ничего, не расстраивайся, завтра всю порцию с лихвой получишь.

– Вот такие у них «мастера» были. Это сейчас легко говорить, а тогда – Давлет Чантович поежился, – Нет! Такое невозможно описать и передать даже самыми жуткими словами. Они ничто перед тем, что творилось в кабинетах этих палачей!...

Он смолк, пальцы сжались в кулаки и слова, тяжелые как камни, обрушились на Ибрагима с Кавказом.

– Они и сейчас, когда наступает ночь, звучат во мне и терзают! Эти нечеловеческие крики, стоны и мольба замученных жертв. Хруст сломанных костей и треск

рвущейся на куски кожи. Рев, истеричные вопли и мат озверевших от нашей пролитой крови мучителей. Монотонная дробь пишущей машинки, и тихий шелест накрахмаленной блузки секретаря–машинистки...

И снова голос Давлета Чантовича предательски задрожал,

– Если бы только стены тюрем могли заговорить, то это был бы самый страшный рассказ. Об этом писали Солженицын с Шаламовым и то чистая правда. Но никакие слова не могут передать то, через что прошли мы – живые и мертвые. И если найдется композитор, который сумеет передать те наши невыносимые страдания и ту невыносимую боль, то это будет самая чудовищная музыка, которую когда-либо слышал смертный. Это...

Обессиливший от воспоминаний и переживаний старик уже больше не мог говорить и Ибрагим с Кавказом, поддерживая его под руки, вывели на улицу и усадили в машину. Ибрагим повернул ключ зажигания, двигатель сердито фыркнул и затем спросил:

– Давлет Чантович, вас куда?

– Тут недалеко, сразу за эстакадой, к высотке, – пояснил он.

– А я знаю! – вспомнил Кавказ.

– Там живет друг, – пояснил старик.

– Не волнуйтесь, отец, доставим до самого порога! – заверил Ибрагим и тронул машину.

Через пять минут они были на месте. Лифт в доме не работал, и им пришлось пешком подниматься на седьмой этаж. Квартира встретила голыми стенами, и лишь на кухне полупустой холодильник откликнулся на появление гостей голодным клекотом. Давлет Чантович, едва отдышавшись, принялся суетиться над столом, но Ибрагим с Кавказом, несмотря на его настойчивые уговоры, вежливо отказались, возвратились к машине и отправились на госдачу.

В тот вечер на стол президента Владислава Ардзинба легло письма Давлета Чантовича Кандалия. А Ибрагим, закрученный в водовороте неотложных дел, на время забыл о нем. В воскресенье, когда выдался свободный час, он вспомнил о несчастном старике и решил навестить его. По дороге заехал в магазин и, накупив продуктов, знакомым путем добрался до места.

Давлет Чантович оказался дома, искренне был рад гостю и тут же накрыл стол. Первый тост он поднял за здоровье президента, а затем рассказал о встрече с ним. Она состоялась на третий день, после того, как письмо попало в руки Владислава Григорьевича.

Ибрагим смотрел на счастливое лицо старика, и на его душе посветлело. Давлета Чантовича был счастлив тем, что наконец-то после стольких мытарств получил свой «угол». На столе лежал ордер, в котором черным по белому было написано, что он является владельцем половины частного дома в районе городского рынка. Но не столько этот невзрачный клочок бумаги, а участие в его судьбе самого президента вернули ему веру в справедливость.

Глава 11

Несмотря на ранний час в воздухе не ощущалось бодрящей утренней прохлады. Легкий морской бриз, потягивавший со стороны моря, был не в силах остудить жар, исходящий от иссушенной небывалой июньской засухой земли и прокаленной солнцем взлетной полосы военного аэродрома в Гудауте. В зыбком мареве неказистый на вид трудяга военный транспортник «Антоша» напоминал собой фантастический звездолет. Подчиняясь твердой руке пилота, он, подняв облако пыли, стремительно пронесся по бетонке и взмыл в воздух.

Прошло несколько минут и Гудаута, привольно раскинувшаяся лесом многоэтажек по побережью, превратилась в хаотичное скопление каменных коробок. Закончив разворот, «Антоша» взял курс на юго-запад. Справа, в иллюминаторах промелькнула мрачная громада гор, холодно блиставшая вечными ледниками. Под крылом тонкой жемчужной нитью вспенилась кромка морского прибоя. Прошла минута другая и впереди, в голубой дымке проступила, вытянувшаяся далеко в море, пицундская коса. На ней, подобно драгоценным камням в малахитовом обрамлении знаменитой тиссо – самшитовой рощи, переливались на солнце многоцветьем огромных стеклянных витражей корпуса санаториев и пансионатов.

Где-то там, среди них, под могучими кронами гигантских реликтовых сосен затерялась печально – знаменитая «дача Хрущева». В далеком октябре 1964 года ее стены стали свидетелями крушения одного из самых могущественных советских вождей Никиты Хрущева. Он, сумевший согнуть в бараний рог «всесоюзного палача» – Лаврентия Берия, оставивший отпечаток своего башмака на трибуне ООН и умудрившийся засунуть «ежа в штаны» США – завести на Кубу ракеты с ядерными боезарядами, банально «прокололся» на товарищах по партии.

Следуя испытанному и проверенному на собственной шкуре партийному правилу – «вовремя сдай ближнего и обосри нижнего», «товарищи» не стали ждать, когда Никита покажет им свою «кузькину мать» и сами сделали ему «козью морду». В то время, когда «верный ленинец и неутомимый строитель коммунизма» замыслил в Пицунде очередную реформу в стране, от предыдущей, ошалевший народ давилась в бесконечных голодных хлебных очередях, они решили, пока не поздно исправить «искривленную его волюнтаризмом генеральную линию партии».

В те промозглые осенние дни Кремль напоминал собой растревоженный муравейник. За спиной ничего не подозревавшего Хрущева, ближайšie соратники: Брежнев, Шелепин и Серов плели партийный заговор. Сам он, убаюканный садкими речами «верного ленинца» – Анастаса Микояна, в тиши пицундского парка набрасывал последние тезисы к октябрьскому пленуму. Но они так и остались на бумаге. По возвращению в Москву его встретила не ликующая толпа «благодарного народа», а сумрачный председатель КГБ Иван Серов и под охраной доставил в Кремль. В тот же день неверные соратники единодушно отправили Хрущева на пенсию растить так милую его сердцу кукурузу.

С тех пор минуло тридцать лет, но больше никто из советских вождей так и не отважился появиться в Пицунде. И только первый и последний президент СССР Михаил Горбачев, решил «застолбиться» в этом поистине райском уголке Абхазии. Неподалеку от «дачи Хрущева», у поселка Мюссера, на «скромные» членские взносы, естественно не свои, а миллионов рядовых партийцев он развернул грандиозную стройку. В строжайшей секретности, под присмотром «недремлющего ока» партии – девятого управления КГБ СССР около семисот специально отобранных строителей в 1987 году принялись ударными темпами возводить объект «специального назначения».

За четыре года «стройка века» вылетела стране в «круглую копеечку», но кто их тогда считал, если речь заходила о здоровье «прораба перестройки» и «генератора нового мышления». Работы не прекращались ни днем, ни ночью. Сотни тонн плодороднейшей земли свозились со всей Абхазии, чтобы потом разбить на ней настоящий чудо – парк, перед которым меркла слава знаменитого сухумского Ботанического сада. Как на дрожжах выросстал из земли «дачный домик» первого партийца страны. Лучшие бригады метростроителей день и ночь долбили скальник, готовя укрытие от бомб и ракет. Но Михаилу Горбачеву так, и не суждено было обжить ее. В злополучном августе 1991 года, поднятая им волна «перестройки», смела с подмостков истории КПСС и его самого.

Не повезло не только ему одному. Злой рок, будто витал на госдачах в Абхазии, игравшими просто таки мистическую роль в судьбах советских вождей. В январе 1924 года пламенный трибун революции и вождь непобедимой Красной Армии Лев Троцкий «проспал» на другой госдаче в Сухуме свой звездный час. Смерть Владимира Ленина застала его Абхазии. И в то время, когда он беспечно наслаждался ее красотами и хлебосольством хозяина маленькой и солнечной республики – Нестора Лакоба, Иосиф Сталин в заснеженной Москве по всем статьям переиграл на чрезвычайном съезде партии «троцкистов», а потом и его самого. Спустя пять лет, некогда грозного «Льва» вышвырнули за границу как какого – то безродного щенка.

Спустя семьдесят лет неудача подстерегла и другого «видного» партийца. Один из «могильщиков» СССР, бывший член политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе, для которого, до поры, до времени «солнце восходило на севере», почувствовав, что оно «закатывается», быстро «слинял» из Москвы в Тбилиси. И когда в Грузии заварилась очередная «политическая каша», искушенный лицедей, растолкав локтями неопытных конкурентов, вновь оказался «на коне». Возомнив

себя новой мессией, попытался «огнем и мечом» покорить мятежную Абхазию, но жестоко «обломался». В сентябре 1993 года, зажатый на госдаче в Сухуме, он лишь по милости Владислава Ардзинба, едва успел унести ноги.

Много еще чего занимательного могли рассказать стены бывших госдач, но члены абхазской делегации, прильнувшие к иллюминаторам, вряд ли думали об этом, их куда больше интересовали другие вопросы. Это был первый зарубежный визит в таком представительном составе: президент Владислав Ардзинба, премьер Сергей Багапш, министр иностранных дел Сергей Шамба, глава старейшин Абхазии Павел Ардзинба, депутат Вячеслав Цугба, главный редактор ведущей газеты «Республика Абхазия» Виталий Чамагуа, глава Сухумского района Лев Ардинба и другие. И не просто визит, а визит в Турцию, где предстояла встреча с потомками махаджирами.

Поэтому вольно или невольно все, начиная от президента и заканчивая многочисленной охраной: Гембером Ардзинба и Ибрагимом Авидзба, задавались одними и теми же вопросом – кого через несколько часов они встретят на турецкой земле:

«Братъев по духу и крови?»

«Или праздных зевак, пришедших посмотреть на них из любопытства?»

Предстоящая встреча должна была дать ответы на эти вопросы. А пока абхазской делегации приходилось бороться с ужасной болтанкой. Самолет попал в зону воздушных завихрений и его, словно щепку на морской волне, кидало из стороны в сторону. Выход из ситуации нашли быстро, практичный глава администрации сухумского района поднялся на борт не с пустыми руками. Обжигаящая горло чача вскоре привела абхазскую делегацию в равновесие с капризной природой. Качка прекратилась, и до самого Стамбула никто не замечал каких – либо неудобств и не почувствовал посадки.

Последний раз всхлипнули двигатели и «Антоша» смиренно замер на стоянке. Абхазские делегаты приникли к иллюминаторам. На взлетном поле царила нервная суета. Несколько человек раскатывали по бетонке красную ковровую дорожку к боковому выходу из самолета. Наземные техники безуспешно пытались пристроить к нему трап, но крепления не подходили. Кто – то из абхазской делегации не удержался и пошутил,

– К нашему абхазскому самолету не так просто подобраться!

Веселый смех прокатился по салону, и снова все внимание было приковано к тому, что происходило на летном поле. На нем появилась группа людей и уверенно направилась к самолету.

– Ирфан Аргун! – первым узнал его среди встречающих Сергей Шамба

– Гюндюз Геч!

– Джемал Эти!

– А вон и наш Вова Авидзба!

– Смотрите, здесь даже Зураб Лакербая – заговорили наперебой члены абхазской делегации, и стали собираться на выход.

Снаружи доносились странный металлический срезет и взволнованные голоса. Дверца, ведущая на трап, по – прежнему, была заперта.

– Командир, что происходит?– обратился Владислав Ардзинба, к появившемуся из пилотской кабины летчику.

Тот, неловко помявшись, пояснил:

– Владислав Григорьевич, с выходом проблема – их трап с нашим бортом не стыкуется.

Президент, не раздумывая, ответил:

– Но прыгать, как козы мы не станем! Несolidно! Так ведь командир?

– Я не дипломат, а военный, – уклончиво ответил тот.

– Самолет для десантников?

– Да!

– А у нас тоже десант, только мирный и братский, поэтому выйдем как десантники! Ты меня понял командира?

– Есть, товарищ президент! – оживился летчик и исчез в кабине.

Через мгновение корпус самолета вздрогнул, массивная крышка грузового люка поползла вниз и, гроыхнув о бетонку, опустилась на взлетное поле. Встречающие оторопело смотрели на происходящее, по-видимому, ожидая появления абхазского танка или БТРа. Первым сообразил в чем дело Владимир Авидзба и что – то крикнул рабочим. Те, ухватившись за ковровую дорожку, принялись перетаскивать к новому месту. Владислав Ардзинба, Сергей Багапш, Сергей Шамба, вместе с ними остальные члены абхазской делегации, не дожидаясь, когда она ляжет под ноги, «десантировались» на турецкую землю.

Их оглушили пронзительные автомобильные сигналы и свистки полицейских. Площадь перед аэровокзалом, прилегающие к ней подъезды были запружены толпами людей и машинами. Невообразимый шум, стоявший в воздухе, заглушал рев двигателей самолетов.

– Вот попали?! – воскликнул кто – то из абхазской делегации.

– Может, нас встречают? – прозвучало чье – то робкое предположение.

– Похоже, на забастовку! – не согласился с ним.

– Нет, это Аджалана привезли, – проявил завидную информированность Виталий Чамагуа.

– Точно! Вчера в новостях слышал! Поймали в Эфиопии и сегодня должны привести, – согласился с ним кто-то.

– Долго охотились. Теперь курдским боевикам туго придется, – подтвердил Ирфан Аргун и, широко улыбнувшись, пояснил:

– Все это к нему отношения не имеет.

В том, что это так, Владислав Ардзинба и его соратники смогли убедиться через несколько минут. На выходе из VIP – зала они оказались перед огромной толпой, которая при их появлении взорвалась оглушительными криками:

«Абхазия! Абхазия!»

«Владислав! Владислав!»

«Мы братья! Мы братья!»

Над этим людским морем колыхались сотни национальных флагов Абхазии и портретов, с которых где сурово, а где приветливо смотрел президент Владислав Ардзинба. Сам он, Сергей Багапш, Сергей Шамба и остальные члены делегации

с трудом сдерживали готовые вот – вот навернуться на глазах слезы. Наконец произошло то, о чем мечтали их предки. Спустя столетие, пока еще хрупкий «мостик» соединил обе половинки одного народа. В эти незабываемые и счастливые мгновения делегаты испытывали те же чувства, что 30 сентября 1993 года, когда последний оккупант покинул землю Абхазии. Лишь на лице личного представителя Эдуарда Шеварднадзе – Зураб Лакербая, сохранялась кислая мина

– Что с тобой Зураб? – поинтересовался Виталий Чамагуа.

– Вас встречают как победителей! – с грустью заметил тот.

– И что?

– А грузинскую делегацию не пришла встретить не одна собака! – в сердцах произнес он.

Дальше поговорить им не удалось, натиск толпы усилился и абхазской делегации, чтобы не быть задушенной в объятиях, пришлось искать спасения в машинах. Кавалькада из десятка мерседесов под нескончаемые приветствия и овации с трудом пробилась на выезд и в сопровождении полицейского эскорта направилась в Стамбул. Вслед за ней устремилась автомобильная армада сотрясая воздух выстрелами и ревом клаксонов. Обычно неумолимая и суровая к нарушителям турецкая полиция, на этот раз была благосклонна.

– Ну, все как у нас! – не преминул пошутить Владислав Ардзинба.

– Как будто из дома не уезжали, – согласился с ним Сергей Шамба.

И в этом оба были свершено правы. Потом, в течение всех последующих дней, будь то фешенебельный отель «Хилтон» или обыкновенный сельский дом, встречи с министрами или простыми крестьянами, везде абхазскую делегацию встречали с необыкновенным радушием и теплотой.

Здесь, в Турции они заново открывали ту патриархальную и самобытную Абхазию, рассказы о которой слышали от своих дедов и прадедов. Это было настоящим чудом. Махаджирь, лишенные исторической родины, наперекор времени и жестоким правителем не только выжили, а и сохранили уклад жизни и неписанные законы мудрых предков. Годы, революции и войны оказались бессильны перед великим духом нации. Сердце Абхазии продолжало биться в горах Болу и Сакара. Порой Владислав Ардзинба, Сергей Багапш, Сергей Шамба и их соратники терялись и не могли понять, где они находятся – в Эшерах, Джгярде или Джюжде и Энегеле.

Визит абхазской делегации в Турцию не остался незамеченным. Газеты пестрели портретами Владислава Ардзинба, Сергея Багапш, Сергея Шамба и Павла Ардзинба. Их появление на улицах Стамбула, каждый раз превращалось в небольшой митинг или импровизированную пресс – конференцию. С особым, ревностным вниманием за визитом наблюдала грузинская сторона, и всякий раз не упускала возможности подпустить яду. Заключительная пресс – конференция, абхазской делегации, вызвала небывалый ажиотаж.

Задолго до ее начала конференция – зал отеля «Джамахир» не смог вместить все желающих. Свободных мест не осталось даже в проходах. В глаза бросалось большое количество грузинских журналистов. Пожалуй, впервые после войны у них появилась возможность напрямую «атаковать» президента Абазии и они поста-

рались воспользоваться этим сполна. Не успели еще руководители абхазской делегации занять места за столом, как на них обрушился град вопросов. Грузинские журналисты били в самое больное место – по проблеме беженцев и, особо не стесняясь в выражениях, хлестали наотмашь. В адрес Владислав Ардзинба, Сергея Багапш и Сергея Шамба звучали обвинения в геноциде, нарушении прав человека и прочих смертных грехах.

Владислав Ардзинба, дождавшись, когда гневный запал угаснет, пододвинул к себе микрофон и заговорил спокойным тоном:

– Да проблема беженцев существует! Это серьезная проблема и ее надо решать, но взвешенно и поэтапно. Наши предложения хорошо известны. Тем, кто запятнал себя военными преступлениями, нет места на абхазской земле. Повторяю на нашей земле!

– На какой такой вашей?! – раздался возмущенный возглас.

Молодая журналистка, пылая гневом, заявила:

– Как вы можете так говорить?! Это наша общая земля! Мы один братский народ, а вы такими заявлениями его только разделяете!

Дальше ее слова потонули в гуле одобрительных голосов грузинских журналистов. Владислав Ардзинба нахмурился и выдержал паузу. О том, какие им владели чувства могли догадываться лишь те, кто его хорошо знал. Уголки бровей Владислава Григорьевича несколько раз взлетели и опустились, прошла секунда, за ней другая, суровая складка на лице разгладилась и когда шум в зале стих, он продолжил.

На этот раз президент заговорил на абхазском языке. Сергей Багапш и Сергей Шамба недоуменно переглянулись. Еще большее удивление его речь вызвала у грузинских и немногочисленных русских журналистов. Они зашущукались, а Владислав Ардзинба как ни в чем ни бывало продолжал говорить. Грузинская журналистка растерянным взглядом пробежалась по залу. На лицах некоторых абхазских и русских журналистов появились язвительные улыбки. Смысленные догадались, какой коварный подвох заключался в речи президента. Дошло это и до нее, но она прямо гнула свое:

– Я так и не услышала ответа на мой вопрос.

– Разве? – с наигранным изумлением произнес президент и, обратившись к Сергею Багапш и Сергею Шамба, переспросил:

– Я, кажется, достаточно понятно все сказал?

– Да! – подтвердили они и не смогли сдержать усмешки.

Журналистка, обожгла их ненавидящим взглядом и истерично воскликнула:

– Я хочу услышать ответ по – русски!

– А чем вас не устраивает на абхазском?

У нее не нашлось больше слов. За нее ответил Владислав Ардзинба.

– Так что же это у нас с вами получается? – и здесь он развел руками – Если мы друг друга не понимаем то, о каком одном народе вы говорите? Может о турках – месхетинцах, которых товарищи Сталин и Берия сослали в Среднюю Азию, а сегодня другой, правда, уже бывший товарищ Шеварднадзе не пускает на родные земли. Молчите! Так вот я вам так скажу, нам такое родство и даром не надо!

В зале еще долго звучал смех, а посрамленная журналистка поспешила затеяться в задних рядах. Пресс – конференция продолжилась. Бородатый журналист с характерным акцентом повторил прежний вопрос:

– Господин президент, все таки хотелось бы узнать ваше мнение по проблеме беженцев – это первое. И второе – чем объясняется столь жесткий подход абхазской стороны к процедуре их возвращения?

Ответ не заставил себя ждать. Он был быстрым и хлестким.

– Если вы имеете в виду так называемых беженцев, которые, не дожидаясь нашего прихода, вместе с мародерами бежали за Ингур, то это лучше спросить у них самих, почему они не желают пройти вполне оправданной в таких случаях поверки. Если на них нет вины, то ради бога пусть возвращаются.

– Господин президент, тем самым вы хотите сказать, что те несколько сот тысяч, которые не могут вернуться в Абхазию, свершили преступление? – прозвучал вопрос из задних рядов.

– Это сказали вы! – мгновенно парировал Владислав Ардзинба и продолжил:

– Что касается их числа, это далеко не так.

– Ну, почему же? Цифры, а их подтверждает и комиссия ООН, говорят сами за себя!

– Какие?! Те, что приводятся представителями Грузии? Так это откровенная ложь! – и в голосе президента зазвучали гневные нотки:

– Они, спекулируя на ней, умышленно вводят в заблуждение мировое сообщество. Триста тысяч беженцев – это блеф! Не мне вам говорить, что еще недавно в советские времена тбилисские чиновники были общепризнанными мастерами приписки. Как говорить старая школа.

– Но если вы не верите их данным, тогда назовите свои? – не сдавался журналист.

– Хорошо! – согласился Владислав Ардзинба и предложил:

В таком случае обратимся к независимому источнику – последней всесоюзной переписи. Согласно ей, в Абхазии, накануне агрессии насчитывалось около двухсот сорока тысяч грузин, но ни как не триста. Сегодня только в Галском районе проживает более пятидесяти тысяч. Как видите, интересная получается арифметика у грузинского руководства. Мне же остается добавить одно. Этим «счетоводам из Тбилиси» нечего искать соринку в чужом глазу, а лучше разобраться с «бревном» в собственном – миллионом своих граждан, которые ищут спасения в России.

За этим последовали и другие острые вопросы. Постепенно Владиславу Ардзинба, Сергею Шамба и Сергею Багапш удалось погасить накаленную атмосферу в зале. Телохранители: Гембер Ардзинба и Ибрагим Авидзба, все это время сидевшие, словно, на иголках, в ожидании провокации наконец смогли расслабиться. Закончилась пресс – конференция под аплодисменты.

После нее абхазская делегация возвратилась в отель «Хилтон» и там гостеприимные хозяева организовали заключительный банкет. Но не обилие, для них явно неизбалованных в блокаде, изысканных блюд на столах стало главным сюрпризом. Здесь в самом сердце Стамбула, казалось собрался весь многонациональный

Кавказ. Убыхи, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги съехались со всех концов Турции, чтобы увидеть и услышать посланцев из далекой родины, с которыми они связывали надежду на то, что рано или поздно канут в прошлое пока еще разделяющие их границы.

За все время своего существования стены банкетного зала отеля «Хилтон» вряд ли когда слышали такое богатое многоголосье. Абхазскую песню сменяла кабардинская, а когда она заканчивалась, ее подхватывали адыгейцы, к ним присоединялись убыхи и шапсуги. И было совсем неважно, что пели они на разных языках. В них пела сама душа. Она пела о третней любви к ней – родной земле, память о которой не могли стереть ни время, ни расстояния.

На смену песням пришли танцы. Зажигательная мелодия абхазского танца заставила приплясывать за столом даже седовласого Павла Ардзинба. Не устоял перед ней и президент. Он вышел в круг и юная Юшим, подобно легкокрылой горлице закружила перед ним. А Владислав Григорьевич, гордо приподняв голову и расправив плечи, легко и непринужденно двигался по залу в такт музыке и движениям девушки. И пусть ему было далеко до Чепика и Вахи из знаменитого «Шаратына», его танец с Юшим вызвал дружные аплодисменты.

Вечер продолжался, танец сменяла песня. Время давно перевалило за полночь, и только усталость заставила гостей и хозяев разойтись. Ибрагим Авидзба все эти дни безотлучно находившийся рядом с президентом и одновременно исполнявший обязанности телохранителя, переводчика и гида, воспользовался его разрешением и, не заходя в номер, поспешил домой.

Несмотря на поздний час его с нетерпением ждала вся семья. Давно уже закончился поздний ужин, а они все не могли никак наговориться. Далеко за полночь ему, наконец, удалось добраться до постели, и едва голова коснулась подушки, как он тут же уснул. До обеда, понежившись в постели, Ибрагим на ходу перекусил бутербродом и отправился в город по старым друзьям.

Ноги сами привели в волейбольный клуб «ДЭСЭИ». За шесть лет здесь многое изменилось. О прошлой беззаботной юности и позабытом любимом волейболе напоминали поблекшие от времени фотографии на стендах и нестареющий тренер Айдин. Он, по – прежнему, жил спортом и с нескрываемой гордостью рассказывал об успехах клуба и его учеников. Прошел час, другой, за разговором Ибрагим не замечал времени. В кабинет начали заглядывать ребята, подошло время тренировки, и он не без грусти вынужден был расстаться с Айдином. И не успел отойти от дверей клуба нескольких шагов, как его подждал неожиданный сюрприз.

Навстречу шел живой из плоти и крови Гум. Тот тоже опешил и застыл на месте. Они не находили слов и принялись с жадным любопытством разглядывать друг друга. Прошло почти шесть лет с того дня, как война разлучила их на пограничном переходе на реке Псоу.

С тех пор старый друг сильно изменился. Рубашка с трудом сходилась на раздавшейся груди. Лицо округлилось, а в глазах уже не было того юношеского задора. О прошлом военном лихолетье напоминали лишь ранняя седина на висках и рубец шрама на шее друга.

– А я думал, ты в Англии! – все не мог поверить своим глазам Ибрагим.

– Ибо, ты?! – вернулся дар речи к Гуму.

Подчиняясь порыву, они бросились навстречу и, тиская друг друга в объятиях, повторяли:

«Как ты?»

«А ты?»

«Выглядишь молодцом!»

«Ты тоже!»

И когда схлынули эмоции, Гум предложил:

– Может куда ни будь зайдем и поговорим?

– Конечно! – не раздумывая, согласился Ибрагим.

Подходящего места не пришлось искать. Напротив находился спортивный бар, они прошли к нему и заняли столик в углу, подальше от шумной компании. Гум щедро прошелся по меню, а Ибрагим остановился на одном искомом – кебаб. И пока официант занимался заказом, старые друзья вспоминали прошлое.

– Ты как тогда добрался? – поинтересовался Ибрагим.

– Нормально, – не стал вдаваться в подробности своего возвращения в Турцию Гум.

– Контузия прошла?

– Первое время пришлось помучиться и если бы не профессор Бехчели, то не знаю, чем бы все закончилось. А так все о, кей успел закончить университет.

– В Лондоне?

– Там.

– А Эндер, как он? – вспомнил о нем Ибрагим.

– В Англии остался. Но я с ним давно не встречался, – поспешил свернуть разговор о нем Гум и в свою очередь спросил:

– Как Кавказ, Окан, Эركان, Мухарем?

– Живы и здоровы. Кавказ и Окан сейчас здесь.

– Да?! А я и не знал!

– В Трабзоне. Скоро должны подъехать.

– Тогда встретимся. А как дела у «Мухи»?

– Свой бизнес. Занялся углем в Ткварчале.

– Ну, дает! Никогда бы не подумал.

– И неплохо получается. Меня с Эрканоу к себе приглашал.

– И что вы?

– Не пошли

– Все в охране?

– Да, у Владислава Григорьевича?

– Как он?

– Такой же, никому спуска не дает. Вчера на пресс-конференции так этих грузинских журналюг отбрил, что надолго запомнят! – вспомнил Ибрагим о событиях прошлого вечера.

– Слышал, знакомые ребята рассказали. Вот, гады, сколько лет после войны прошло, а все нейдет! – с ожесточением произнес Гум.

– Ничего, мы терпеливые! Рано или поздно, но до них дойдет, что Абхазии им не видать как собственных ушей! – отрезал Ибрагим и затем предложил:

– Может, хватит о политике, лучше расскажи, как живешь. Я слышал, ты женился?

Гум удивился, и было чему. Со дня свадьбы не прошло и недели, а о ней уже стало известно Ибрагиму. Тот хитровато прищурился и заметил:

– Видишь, как разведка в Абхазии поставлена.

– Может она еще скажет, где миллион найти? – в тон ответил Гум.

– Приезжай к нам. Миллиона не гарантирую, но дело найдется.

И здесь добродушная улыбка, гулявшая по лицу Гума, растаяла. Задорный огонек, горевший в глазах, погас. Он зябко повел плечами и, избегая взгляда Ибрагима, затеребил в руках салфетку. Возникшую неловкую паузу разрядил официант. Он вовремя подоспел с заказом.

Ибрагимом, перекусивший одним бутербродом и чашкой кофе, набросился на искандер – кебаб. Гум же поскучнел, вяло ковырял вилкой и ножом румяный кусок хюнтар – бекеды. Его, похоже, резанули по сердцу последние фразы Ибрагима и разбередили в душе уже, казалось, зажившую рану. В памяти, так будто это было только вчера, воскресли события того трагического времени.

Размытые лица Кавказа и Ибрагима. Тесная комната в Гудауте. Обрывистый берег Гумисты. Перепаханное минами и снарядами поле. Бруствер окопа. Все это с бешеной скоростью завертелось перед глазами. Затем полыхнула вспышка разрыва. Столб черного дыма поднялся над тем местом, где еще мгновение назад находился Зурик. И когда осела пыль, то вместо него на земле осталось искромсанное осколками кровавое месиво. Из обезглавленного тела струей хлестала кровь.

– Гум, что с тобой?! – всполошился Ибрагим.

Внезапно побледневшее лицо старого друга и обильный пот, выступивший над верхней губой, заставили забыть о еде.

– Все нормально, Ибо! – смешался он.

– Какое нормально? На тебе лица нет!

– Сейчас пройдет.

– Контузия дает о себе знать?

– Э...э! – и, проглотив внезапно подкативший к горлу горький ком, Гум выдал из себя:

– Ибо, ты и ребятам наверно думаете, что я тогда сбежал?!

– О чем ты?! – не знал, что ответить Ибрагим.

– Я не струсил! Если снова война, не сомневайся, я буду с вами!

– Не сомневаюсь. И перестань об этом. Что было, то сплыло. Сейчас там другая жизнь и такие, как ты нужны

– Война это одно, – и здесь Гум замялся, пытаясь найти нужные слова:

– Понимаешь, Ибо, эта жизнь в Абхазии....

– Да, там не сахар. Это тебе не Стамбул, но если...

– Извини, что перебил, речь не о том! После войны я приезжал в Сухум, ты был в Европе.

– Знаю, «Муха» рассказывал. Жаль, что не встретились, глядишь многое пошло по другому, – с сожалением заметил Ибрагим.
– Вряд ли, – и, отведя глаза в сторону, Гум глухо произнес:
– Такая как там жизнь не для меня!
– Ну, почему?!
– Разве это жизнь? Жалкое существование...
– Так уж и существование! Зря так думаешь! – перебил Ибрагим и нахмурился.

Последняя фраза Гума покорила его. А тот, не заметив произошедшей в нем перемены, продолжил:

– Думай, не думай, а что ты или Кавказ добились за эти пять лет? Ничего! И сколько еще будите сидеть среди развалин, никто не знает. А жизнь одна и другой не будет. Поэтому...

– Стоп! А вот тут ты не прав! – перебил Ибрагим и с вызовом произнес:
– По – твоему выходит, что счастье в набитом животе?
– Я не о том, Ибо! Извини, если что не так сказал, – смутился Гум.
– А о чем?
– О жизни.
– И я о ней. Жизнь без большого дела это что?
– Вот видишь, дела! А какое оно может быть в Абхазии?
– Строить свое государство.
– Это общие слова. Тем более в Абхазии до него еще надо дожить
– Как это слова?!... Ты нас не спеши хоронить! – вспыхнул Ибрагим.
– Прости, Ибо, я...я имел в виду в общем, – смешался Гум и, спеша сгладить допущенную бестактность, предложил:

– Может, поедем ко мне и там поговорим?
– Спасибо, не могу. Завтра рано улетать. Дела, – холодно ответил Ибрагим.

За столом возникла неловкая пауза. Больше они не притронулись к еде и, помявшись, торопливо пожали руки и расстались. Потом еще долго горький осадок после встречи с Гумом оставался на душе Ибрагима, и только новые заботы, связанные с отъездом абхазской делегации домой заставили забыть о ней. В Абхазию он возвратился в приподнятом настроении. Поездка в Турцию породила надежду на то, что, наконец, блокада вокруг нее будет прорвана и теперь уже потомки махаджиров своими глазами смогут увидеть родину предков. Но эти наивные иллюзии вскоре развеялись. Первая их делегация безнадежно застряла на пограничном переходе на Псоу и вынуждена была ни с чем возвратиться в Турцию.

Наступил сентябрь 1999 года. Он мало, чем отличался от предыдущих. Дежурные угрозы Шеварднадзе, звучавшие из Тбилиси, похоже, особенно не пугали бесшабашных русских курортников и «дикарей», после снятия блокады они валом валили через границу на реке Псоу. В Гаграх и Пицунде с трудом можно было найти свободное место. Днем на знаменитых «золотых пляжах», как в старые добрые времена, нежились под ласковым сентябрьским солнцем тысячи счастливых, спасавшихся от осеннего ненастья, заливавшего холодными дождями центральную часть и север России. С наступлением вечера в кафе и пацхах всю

гремела веселая музыка. Ее отзвуку далеко разносилось над безмятежной гладью моря, вызывая зубовой скрежет у экипажей грузинских сторожевиков, изредка отваживавшихся «сунуть нос» в прибрежные воды.

О местных жителях и говорить не приходилось. У них давно выработался стойкий иммунитет к дежурным угрозам Шеварднадзе. Его тысяча первое заявление – принести на «штыках» свободу в Сухум, на лицах завсегдатаев «кофейни Акопа» вызывало лишь насмешливые улыбки. Они не обращали внимания на подобные бляения из – за Ингура и, тем более, не думали бежать домой, чтобы хвататься за автоматы, а продолжали беззаботно проводить время на набережной, с азартом двигали по столам костяшками домино, забывая с оттяжкой очередного «козла».

Также вели себя отдыхающие в военной санатории «Сухумский». Казалось, что в те дни вся российская армия двинулась на приступ южной курортной твердыни, и его начальнику Саиду Лакоба, приходилось, как партизану короткими перебежками перемещаться по территории, чтобы незаметно пробраться в свой кабине. Такого наплыва отпускников старожилы санатория не могли припомнить. Не только все корпуса, но и здание администрации были забиты под завязку. Об этом красноречиво напоминали, победно развевающиеся на балконе начальника отдела режима санатория Лаховича, пестрые мужские шорты и вызывающе откровенный женский купальник.

Наступил знаменитый «бархатный сезон». Жара спала. На море установился штиль. Вода в море напоминала парное молоко, и счастливая ребягня часами бултыхалась в ласковой волне. Узкая полоска берега, была завалена лоснящимися от пота коричневыми и красными телами.

На этом фоне предстоящие первые всенародные выборы президента Абхазии почти никак не влияли ни на политическую, ни на жизнь вообще. Она неспешно шла своим чередом. Горожане больше гонялись за отдыхающими, чем за агитационными листовками, чтобы скопить лишнюю копейку на «мертвый» сезон. В селах наступило время уборки урожая, и крестьяне не забивали себе голову тем, кто станет новым президентом – конечно Владислав Ардзинба! О том, что меньше чем через месяц предстоит идти на избирательные участки, обывателю напоминали язвительные статьи в газете «Нужная». Главный редактор Изида Чания и ее команда «отчаянно – смелых амазонок» из номера в номер «покусывали» власть, но та с высоты своего сиятельного пьедестала предпочитала этого не замечать.

Первый и последний оппонент действующему президенту – Леонид Лакербая, так и не смог добраться до дверей ЦИК. Ему, несмотря на титанические усилия, с трудом удалось собрать всего несколько сотен подписей из тысячи необходимых к заявке в гонке на президентский пост. От наивного романтика и его сторонников с подписными листами избирательный электорат шарахался, как от зачумленных. В головах многих не укладывалась даже сама мысль, что кто – то иной, кроме Владислава Ардзинба может стать президентом.

Тех скудных грошей, которые смогли наскрести «оппозиционеры», едва хватало, чтобы заплатить за бензин для дышавшего на ладан жигуленка Леонида Ивановича. Робкие попытки, предпринятые им и соратниками – «возрожденцами» найти доброго и бескорыстного «дядю» на стороне, тоже ни к чему не привели.

Никто не хотел подставляться под «накат» тех, кто за спиной президента хорошо «наваривался» на бензине, от которого для неговорчивых пахло порохом и рыбе, искавшей спасения от турецких сетей у берегов Краснодарского края. Избирательная компания Леонида Ивановича тихо «умерла», не успев начаться. Но тогда, за этим небольшим и, показавшимся многим, забавным чудачеством, мало кто сумел разглядеть отблески будущих грозных потрясений, от которых через пять лет содрогнется Абхазия. Все это было еще впереди

Наступило 3 октября. Безальтернативные президентские выборы прошли тихо и буднично. Ничего неожиданного и удивительного на них не произошло, как и ожидалось, безусловную победу одержал Владислав Ардзинба. Через девять дней еще одна победа закрепила его успех – был принят Акт о государственной независимости Абхазии. В те дни безусловного триумфа ни он сам, да и вряд ли кто в Абхазии предполагал, что счет его побед подходил к концу. Последняя и полая драматизма была одержана в октябре 2001 года.

Спустя три года, после майской 1998 года «шестидневной войны» в Галском районе, где грузинские войска в боях с частями абхазской регулярной армии и резервистами потерпели очередное сокрушительное поражение, президент Шеварднадзе вновь решил проверить крепость власти в Сухуме.

В августе – сентябре 2001 года у восточных границ с Грузией абхазская разведка обнаружила значительные силы боевиков. Несколько диверсионных групп, проникших на территорию Абхазии, были уничтожены силами МВД и Службы государственной безопасности. В Сухуме во весь голос заговорили о подготовке Тбилиси к новой войне. Но искушенный лицедей Шеварднадзе все отрицал. В то время, как в Тбилиси на переговорах напускали тумана и «водили за нос», спецпредставителя Владиславом Ардзинба – Анри Джергения, спецслужбы и МВД Грузии спешным порядком завершали подготовку к вторжению. В крытых тентах камазах из Панкисского ущелья перебрасывались к границе с Абхазией последние группы чеченских боевиков, оружие и боеприпасы.

Обнадеженный заверениями Шеварднадзе премьер Анри Джергения возвратился в Сухум, и еще не успел переступить порога своего кабинета, как громом среди белого дня грянули сообщения из Министерства обороны и СГБ о прорыве более чем полутысячного отряда боевиков в Абхазию. В то время, как он обрывал телефон Шеварднадзе, наивно полагая добиться ответа от «Седого лиса», передовые группы Гелаева стремительно продвигались по Кодорскому ущелью и уже находились в сорока километрах от Сухума. Впереди них «бежали» самые невероятные слухи о том, что вслед за ними отряды грузинских командос, натасканные американскими и турецкими инструкторами вот, вот высадятся в Сухуме.

В те дни Абхазия, в который уже раз оказалась на грани новой крупномасштабной войны. Головорезы Гелаева были не чета уголовному сброду банд Китовани и Иоселиани. Уверенные в поддержке Шеварднадзе они рвались к Сухуму и в Адлер, чтобы там, у резиденции президента России громко «заявить» себе. До столицы Абхазии оставалось рукой подать. Ситуация была близка к критической. Люди ждали от власти немедленных действий. И пока правительство заседало российские десантники и ветераны –резервисты, не дожидаясь приказа,

двинулись навстречу боевикам. По телевидению выступил с обращением бывший первый заместитель председателя Верховного Совета Абхазии Станислав Лакоба. Его спокойный и уверенный тон несколько развеял страхи и опасения, но одного этого было мало. Политик и историк, у которого после добровольного ухода из власти в 1996 году осталось только имя, не мог отдавать команды.

В те драматические часы, когда эхо разрывов артиллерийских разрывов было хорошо слышно в Цебельде и Мачаре, а в военный госпиталь поступили первые раненые, все, от мала и до велика, ждали, что скажет Владислав. Даже будучи тяжело больным, он, по – прежнему, оставался для них источником веры и надежды в то, что и на этот раз враг будет разбит и победа останется за ними.

И он выступил. В экстренном выпуске новостей, впервые за долгое время они увидели своего президента. Камера пробежала по напряженным от волнения лицам премьера, министров и остановилась на нем. Следы болезни, несмотря на все старания телеоператора, были заметны невооруженным взглядом. Но его воля, как и раньше, была непреклонна, а во взгляде читалась решимость и вера в победу.

Президент говорил негромко и с большими паузами. Он сказал немного, но каждое слово находило отклик в сердцах тех, для кого свобода и независимость Абхазии не были пустым звуком. Услышали их и сотни бойцов, которые в эти самые минуты у горы Сахарная Голова остановили рвущихся к столице боевиков. «Наш Владислав», истерзанной болезнью, как и прежде, оставался грозой для врагов и источником веры для своего народа. Теперь уже ни у кого не возникало сомнений в том, что бандитам не видать Сухума, как своих ушей. Его заявление, – «Мы порвем этих бандитов, как тузик тряпку!» – не было пустым звуком.

Абхазские резервисты вместе с бойцами регулярной армии и русскими десантниками меньше чем за три недели боев наголову разбили раскрученных грузинской пропагандистской машиной хваленных боевиков Гелаева. После их разгрома Абхазии в очередной раз пришлось залечивать раны нанесенные войной. Делать это становилось все труднее. Скучных ресурсов республики хватало лишь на то, чтобы еле, еле свести концы с концами. Но главная беда заключалась не в этом.

Прогрессирующая болезнь президента и бесконечная чехарда с премьер – министрами, чувствовавшими себя временщиками, все больше отдаляли его от реальных проблем в стране и жизни народа. В отсутствии его железной воли и твердой руки и без того дышащая на ладан экономика, беззащитно растаскивалась циничной армией чиновников «по личным карманам». На этом загнивающим поле экономики пышным цветом расцветал криминал. Глухой ропот против безвластия власти нарастал в народе.

Последней каплей, переполнившей терпение ветеранов войны, стало громкое убийство, совершенное далеко от Абхазии. 3 февраля 2003 года в Москве, в подъезде своего дома на Верхней Масловке был застрелен один из лидеров движения ветеранов войны «Амцахара» Герой Абхазии Салыбей (Ака) Ардзинба. Его эхо докатилось до Абхазии и всколыхнуло не только ветеранов, но и все абхазское общество. Оно уже задыхалось под гнетом криминалитета.

20 марта в театре Абхазской государственной филармонии состоялся третий съезд ветеранов движения «Амцахара». Он стал первым, на котором долго копившееся в обществе недовольство выплеснулось наружу. Делегаты: Саманба, Квициния, Смыр, Тарнава обрушились с жесткой критикой не только на Кабинет министров, а и впервые на самого президента. То, что совсем недавно производилось полупшепотом и с оглядкой на соседей, теперь усиленное микрофонами разносилось по самым дальним углам огромного зала филармонии и тут же передавалось на улицу. Ораторы, не опасаясь, выплескивали все, что у них наболело за многие годы «застоя». Бездеятельность власти и всевластие криминала «сидели уже в печенках».

К началу апреля политический кризис еще больше углубился. Правительство Геннадия Гагулия предпринимало отчаянные попытки удержаться на плаву, но загадочный побег 5 апреля группы особо опасных преступников из Драндской тюрьмы «пустил» его ко дну. Жалкий лепет милицейских чинов, пытавшихся оправдать вопиющую безответственность охраны, если не сказать большего – очевидное для многих ее предательство, окончательно вывел из себя ветеранов движения «Амцахара». Они потребовали личной встречи с Владиславом Ардзинба, в противном случае пригрозили разогнать беспомощное и потерявшее рычаги управления правительство.

Президент отверг их требования, и по Сухуму поползли тревожные слухи. Поводов для них вполне хватало, что ни день, то на дорогах республики среди бела дня происходили вооруженные грабежи. В Тбилиси почувствовали запах жареного и принялись активно «подливать масла в огонь» – боевики возобновили необъявленную войну в Галском районе.

В штабе движения «Амцахара» и под крышей «Эльбруса», где в те суматошные апрельские дни собирались ветераны все чаще раздавались воинственные призывы «раздербанить прогнившую власть». Их отголоски докатывались до базы СОБРа и охраны Президента. Они тоже не собирались сидеть сложа руки и готовились дать отпор. Качели противостояния раскачивалась все сильнее. Ни одна из сторон не собиралась уступить.

На отчаянные заявления премьер-министра Гагулия о поиске путей выхода из затянувшегося кризиса уже никто не обращал внимания. Лидеры «Амцахара», закусив удила, больше не желали его слушать и требовали немедленной отставки правительства. Теперь все зависело от Владислава Ардзинба. Будучи больным, он не думал поддаваться нажиму, а тем более уступать диктату. Коса – нашла на камень.

И тогда, чтобы развязать президенту руки первый вице – премьер Беслана Кубрава вместе с министром иностранных дел Сергеем Шабма предложили коллегам добровольно подать в отставку. Ожесточенный спор по этому вопросу в кабинете премьер-министра ни к чему не привел. В головах большинства еще не укладывалось то, что кто-то еще, помимо президента, может решать судьбу правительства. Оставшись в одиночестве, Сергей и Беслан решились на беспрецедентный и отчаянный шаг – выступили с обращением по телевидению. Но оно не было услышано ни одной из сторон.

Противостояние нарастало. С раннего утра у ресторана «Эльбрус» собирались возбужденные сторонники «Амцахара» и требовали от своих лидеров решительных действий. Под их давление те перешли в наступление и выдвинули ультиматум – немедленная отставка правительства! В ответ власть заиграла мускулами. На базе СОБРа начали готовиться к развитию ситуации по самому худшему сценарию. Обстановка накалялась с каждым часом и тогда Владислав Ардзинба решил выслушать «бунтарей».

Центр событий и решений переместился в резиденцию президента, на госдачу. В небольшой приемной, еще помнящей Сталина, уже больше пяти минут нервно переминалась депутация от «Амцахары». Их обстрелянных вояк вряд ли пугала тень прошлого советского диктатора. Живой из плоти и крови Владислав Ардзинба в минуты гнева любого мог согнуть в бараний рог. Поэтому даже самые прозорливые вряд ли догадывались, что их ждет за массивной дубовой дверью

Наконец она распахнулась. Телохранитель отступил в сторону. И они, не раз смотревшие смерти в глаза, до этого горевшие праведным гневом, невольно ступшевались и по одному робко переступали порог. Владислав Ардзинба продолжал сидеть в кресле и тяжелым, не сулящим ничего хорошего взглядом, припечатывал их к стенке. Выстроившись в неровную шеренгу, они исподлобья, с любопытством посматривали на него. Большинство, впервые за последние два года не на фотографиях, а наяву видели президента и с горечью замечали произошедшие в нем изменения.

Болезнь серьезно подорвала здоровье Владислава Ардзинба, но не волю. С присущим ему напором он обрушился на них, казалось, что перед ним невозможно устоять. Но они уже были другими. Первым ринулся в ответную атаку генерал Мераб Кишмария. С армейской прямоотой он говорил о бессилии власти и все-силлии криминала. Вслед за ним осмелели остальные, и на президента посыпался град упреков. Порой казалось, что стены и потолок кабинета не выдержат накала бушевавших в нем страстей и обрушатся вниз. Но в конце концов здравый смысл возобладал.

Через несколько дней правительство Геннадия Гагулия ушло в отставку. На смену ему пришел молодой и немногословный Рауль Хаджимба. Новый премьер без лишней суеты и громких слов принялся разгребать навороченные за долгие годы завалы. Сцепив зубы, и, не обращая внимания на злопахательство завистников и «доброхотов», он пытался сдвинуть с места громадную чиновничью машину, опутанную клановыми и корыстными связями. Саботаж одних и зависть других неподъемными гириями висели на его ногах. Он стал заложником системы, которая рано или поздно должна была рухнуть. Время властно требовало решительных перемен, и его неумолимый бег уже не в силах были остановить ни Рауль Хаджимба, ни сам Владислав Ардзинба.

Глава 12

Шабад не дождавшись, когда остановится маршрутка, сунул в руку водителя «стольник», распахнул подвязанную на резиновый шланг дверцу, и выскочил из машины. Тяжелая, набитая подарками, спортивная сумка больно ударила по спине, но он этого не почувствовал. Его сердце радостно забухало в груди, а ноги сами понесли к знакомым до мелочей, выкрашенным в синий цвет, воротам дома большой и дружной семьи Кубрава. Подрагивающая от нетерпения рука привычно скользнула в прорезь и, нащупав щеколду, тихонько отодвинула в сторону.

Приоткрыв калитку, он протиснулся в щель и, стараясь остаться незамеченным, прошмыгнул под распахнутыми окнами зала, из которых доносился невнятный шум голосов, и на одном дыхании взлетел по ступенькам крыльца. Дверь в прихожую оказалась открытой, легкий сквозняк шаловливо поигрывал шторой на входе.

Он отодвинул ее в сторону и шагнул в прохладный полумрак. Позабытый за год учебы в ростовском университете запах лобии, который так замечательно готовила только мама и аппетитный аромат мамалыги, где вне конкуренции была тетя Марина, заставили еще быстрее биться сердце. Его счастливый взгляд пробежался по стенам, шкафу и лестнице, ведущей на второй этаж.

Старенькое, купленное отцом на барахолке по случаю новоселья бронзовое бра, которое они ремонтировали не один раз, опять было неисправно. Под лестницей, на своем месте валялся футбольный мяч. Судя по его облезлому виду, младшие братья: Инал и Аслан продолжали исправно «считать» доски на соседских заборах и упорно «стричь» в палисадниках кусты лаврушки и лимона. Их громкие голоса доносились из верхних комнат, видимо, там шел очередной «передел территории и собственности». В столовой весело погромыхивала посуда. Мама готовила обед и, похоже, не одна, мелодичный смех тети Марины раздавался в зале. Лишь за дверью кабинета отца царил тишина, он, видимо, еще не вернулся с лекций в университете.

В дальней спальне громыхнул, упавший на пол стула, На лестнице раздался топот босых ног и Шабад, опасаясь, что его появление в доме, раньше времени будет раскрыто вездесущим Асланом, расстегнул молнию на сумке. Во внутреннем

ее кармашке лежали подарки, две серебряные цепочки, купленные в ростовском ломбарде. Не в силах сдержать на лице счастливой улыбки, он распахнул дверь и шагнул в столовую.

Амра Алексеевна обернулась, увидела сына и, радостно всплеснув руками, бросилась его обнимать. На шум их голосов скатились по лестнице взбешенные Аслан с Иналом и принялись тискать старшего брата. Шабад пытался казаться взрослым и суровым, но надолго его не хватило. Через несколько минут, он вместе с ними копался в сумке. Новенький футбольный мяч, а еще больше редкая пока для Сухума диковинка – «скейтборд» вызвали у младших братьев настоящую бурю восторга, Они рвались на улицу, чтобы тут же их обновить, но с этим пришлось повременить, мама позвала столу.

За ним не хватало только отца, в последние дни он допоздна пропадал то в университете, то на заседаниях политсовета «Единая Абхазия». Амра Алексеевна, переглянувшись с Мариной, решительно открыла холодильник, достала графин домашнего вина и кивнула Шабаду. Теперь, после мужа в доме появился еще один мужчина. Неловкой рукой он неуверенно разлил вино по бокалам и, краснея, произнес тост.

После второго – тоста матери, на Шабада обрушился град вопросов. Он таял под любящими взглядами родных и, с превосходством поглядывая на «умную голову» – Инала, сыпал фамилиями известных математиков: Лагранжа, Лобачевского, Вишневского. Чем глубже он забирался в дремучие дебри из интегралов и дифференциалов, тем большее восхищение читал в изумленных глазах среднего брата, матери и тетки.

Младшего – непоседу Аслану мало интересовали сияющие вершины высшей математики, которые одну за другой успешно брал старший брат. «Шило» в одном месте не давало покоя, и он бросал умоляющие взгляды то на дверь, то на мать, видевшую в это время только одного – Шабада. Иналу тоже вскоре надоело блуждать в дебрях интегралов и дифференциалов. Перед его глазами стоял новенький, заманчиво поблескивающий глянец «скейтборд». Он уже мысленно раскатывал перед толпой завистливо поглядывающих на него соседских пацанов, и лихо нарезал пируэты перед извечным своим соперником – Зуриком.

Стук калитки прервал рассказ Шабада и все головы дружно повернулись к окну. За ним промелькнул седой ежик Беслана Сергеевича и со двора донесся его жизнерадостный голос:

«Зверски голодного доцента в этом доме накормят?!»

От напускной солидности Шабада не осталось и следа. Он сорвался с места и воскликнул:

«Папа! Не только накормят, но и споют!»

Через мгновение из прихожей донеслись радостные возгласы и шумная толкотня. В столовую отец с сыном вошли обнявшись. Аслан грустно поник, катание на «скейтборде» откладывалось надолго. Беслан Сергеевич озадачено посмотрел на стаканы с вином, затем на Шабада, тот потупил взгляд, и сурово произнес:

– Что – то рановато, ты собрался петь, сынок?

– Беслан, без тебя какая песня, – ответила за сына Амра Алексеевна и лукаво улыбнулась.

Но тот был неумолим и сурово спросил:

– Как экзамены, Шабад?

– Все сдал и Абхазии не опозорил! Получил благодарность от декана, – нашелся тот.

– Тогда, молодец! – растаял Беслан Сергеевич и уже сам решительно взялся за ручку графина.

Тост за успехи первенца, пошедшего по его стопам и теперь с успехом «грызущего гранит» науки вернул за стол прежнее веселое настроение. Вскоре два финансиста добрались до «дебита с кредитом». Амра Алексеевна с тихой радостью смотрела на просветлевшее и дышавшее гордостью за сына лицо мужа и в эти минуты была по – настоящему счастлива. Кажется, переменчивая судьба снова поворачивалась к семье светлой стороной, а та черная, что началась весной две тысячи третьего года, похоже, закончилась.

В тот злосчастный для семьи Кубрава день шестого апреля 2003 года Беслан, уходя на работу, ничего не сказал ни ей, ни Марине. И когда он, бледный от волнения, вместе с Сергеем Шамба появился на экране телевизора, в ее душе все обрвалось.

«Почему ты, а никто другой решился на этот отчаянный шаг? Признать ошибки правительства и предложить в полном составе уйти в отставку? – терзалась она вопросами:

...Чтобы развязать руки президенту в его первой схватке с лидерами «Амцачара»?

... Или может потому, что не захотел быть «карманным» вице – премьером в правительстве, которое все больше становилось «семейным» и вызывало справедливое негодование не только у ветеранов войны, а и у соседей по дому?

... А может быть косые взгляды завистников и грязные намеки?

...Тоже мне нашли коррупционера?! ...С телевизором «Горизонт», купленными еще до войны в Ткуарчале! С хрустальной люстрой в зале, которую подарил старый друг из России. Со стиральной машиной, последний раз работавшей, когда Шабладу шел шестнадцатый.

...Или может быть внешний лоск Беслана? Даже сейчас, за домашним столом он держался, так, будто находился на дипломатическом приеме. Лоск?! ...А чего он стоил! Об этом знали только одна она, мать, отец и брат с раннего утра и до позднего вечера, «загибавшиеся» на грядках.

В те ужасные для нее минуты она смотрела на мужа и ничего не слышала. Крутой и решительный характер Владислава Ардзинба ей был известен не понаслышке. В тот вечер Беслан вернулся домой не на служебной волге, а пешком. На следующий день вокруг него и семьи образовалась зияющая пустота. Некоторые бывшие приятели – министры стали сторониться и быстро забыли, где находится их дом. Телефон, еще вчера разрывавшийся от непрерывных звонков лишь изредка грустно потренькивал по вечерам, это звонили друзья сыновей. Сами они приехали и в их не по годам повзрослевших глазах читались боль и обида за отца.

Он, которого они привыкли видеть энергичным и в кругу людей, от одиночества, а больше от того, что превратился в «нахлебника» для семьи, осунулся и почернел. Целыми дням просиживал в кабинете и не выходил на двор. Но мир оказался не без добрых людей. Однополчане, время от времени заглядывавшие в дом, не давали ему закиснуть, а когда подошла осень, то подвернулась и подходящая работа. Алеко Гварамия пригласил на работу в университет и там, среди студентов он, кажется, снова нашел себя.

Так продолжалось до апреля две тысячи четвертого года. К тому времени страна и народ уже задыхались от одряхлевшей и ставшей в руках временщиков – министров безответственной власти. Наступившая бурная весна, а вслед за ней приближающиеся президентские выборы пробудили надежды на лучшее. Возвращение Беслана в политику и неизбежные грядущие большие перемены, которые с нетерпением ждали не только он и его товарищи по политсовету, а и вся Абхазия, давно уставшая жить в «затхлом политическом болоте», вдохнули в него новую жизнь.

Это чувствовал Шабад и радовался за отца. С присущим для юности нетерпением он жаждал наступления перемен. Они уже витали в воздухе и были видны даже невооруженным взглядом. Страна и народ просыпалась после многолетней политической спячки, на слуху у всех были имена будущих президентов. О них уже в полный голос говорили не только в политсоветах партий, писали в «Нужной», «Чегемской правде» и «Эхо Абхазии», а и в каждом доме.

Эти отголоски грядущих грозных политических бурь, о которых в те еще безмятежные июльские дни две тысячи четвертого года, вряд ли кто догадывался, докатились и сюда до стен госдачи. Размеренное и полусонное течение жизни ее обитателе было нарушено раз и навсегда. За пластиковыми разноцветными столиками, выставленными перед гостиницей на летней террасе, напоминавшей собой весенний луг, с утра и до позднего вечера стоял гул голосов. Ибрагим, Кавказ Аслан, Оксана и Индира, охрана госдачи: Зурик, Ашот, Армен, Заур, Батал и даже молоденькие девчухи из столовой: Милана и Марина гадали, кто станет будущим президентом.

То, что в октябре выборы состоятся, почти ни у кого не вызывало сомнений. Тяжелобольной и в последние годы не появлявшийся на людях президент Владислав Ардзинба еще официально не заявил о своем уходе из власти, но ветры будущих больших перемен уже во всю витали в воздухе. Их манящий запах надежды на будущую лучшую и более счастливую жизнь кружил головы даже тем, кто был далек от властных кабинетов и самой власти. Впервые в современной истории Абхазии у них: абхазов, менгрел, армян и русских, до этого безропотно внимавшим партийным вождям, появился выбор между прошлым и будущим, между тем, кого настойчиво предлагала власть и тем, кого требовали истосковавшиеся по переменам душа и сердце.

Это был невероятно сложный выбор – столетние обычаи и нравы требовали голосовать за «своего», с кем связывали кровные отношения, но здравый смысл склонял к тому, кто делом доказал не только верность Абхазии, но и мог дать каждому, независимо от рода и прошлых заслуг, шанс на лучшую и более спра-

ведливую жизнь. Поэтому нешуточные страсти начинали разгораться не только в правительственных и парламентских кабинетах, а и в совершенно далеких от высокой политики высокогорных селах. «Горячее лето» 2004 года с приближением осени грозило полыхнуть настоящим «пожаром» страстей и эмоций, на которые так щедры южане.

С каждым новым днем неоспоримому фавориту в будущей президентской гонке премьеру Раулю Хаджимба становилось все теснее в той «упряжке», что вот-вот готовилась стартовать к заветному финишу. Строгий судья – жизнь вносила все новые и новые коррективы, в расписанный еще весной на госдаче в Сухуме и далекой Москве сценарий с заведомо известным результатом, который своенравному и независимому абхазскому народу явно пришелся не по душе. Даже а Гальском районе, где зачастую количество патронов в магазине для «калаша» решало «спор» кто прав, никто не хотел выступать в роли послушных статистов, безропотно бредущих к избирательным урнам.

Абхазия 2004 года разительно отличалась от Абхазии апреля 2003 и тем более 1999 года. Она уже была другой. Победа в войне и испытания блокадой убили сидевшего в душе народа покорного раба и вернули ему, казалось бы, навсегда утраченные чувства достоинства и чести. Он распрямился, и теперь трудно, мучительно искала свой путь к более справедливой и лучшей жизни. Фамилии будущих лидеров: Алесандра Анкваб, Сергея Багапш, Станислава Лакоба, Сергея Шамба, Анри Джергения, Нодара Хашба, Якуба Лакоба и еще нескольких будущих кандидатов в президенты все чаще появлялись на слуху.

И сейчас они звучали в споре между Ашотом, Оксаной и Индирой. Я с дочерьми: Лидией и Олесей в пол – уха слушали разговор на злобу дня, мелкими глотками пили холодную минералку и с нетерпением ждали появления в гостинице Ибрагима с Кавказом в надежде, что нам, наконец, удастся попасть внутрь знаменитой «дачи Сталина». В предвкушении будущей «экскурсии» наше разгулявшееся воображение будоражили загадочные истории о ней, рассказанные Станиславом Лакоба и Олегом Бгажба.

Пожалуй, ни с одной из госдач, которые советская партноменклатура щедрой рукой разбросала по заповедным уголкам Абхазии, не было связано столько жутких легенд и слухов, как с этой «сухумской». Под ее мрачными сводами произошло немало событий, решительно повлиявших на судьбы великих вождей и целых народов.

Здесь безнадежно завязли в национальном вопросе председатель ВЧК «железный» Феликс Дзержинский, и «локомотив» советской промышленности неутомимый Серго Орджоникидзе, так и не сумевшие расплести давний «абхазо – грузинский узел».

Позже в январе двадцать четвертого, после смерти Владимира Ленина «проспал» свой звездный час, а вместе с ним и власть над огромной страной неслышимый и беспощадный Наркомвоенмор Лев Троцкий. Среди благоухающих субтропиков, он, благодаря «стараниям» врачей и заботливого председателя Совнаркома Абхазии и большого друга Сталина – Нестора Лакоба, застрял в Абхазии на целых три месяца. За это время в холодной Москве произошли события, круто изменив-

шие не только судьбу Троцкого, а и самой страны. Сталин успел «очистить» ЦК от «троцкистов» и некогда грозный «Лев» остался с носом.

Здесь, среди буйства южных красок субтропического парка, под раскидистыми кронами слоновьих пальм состоялась знаковая встреча Вождя с перспективным «чекистом» Лаврентием Берия, положившая начало зловещей карьере всесоюзного палача. В тридцать седьмом он и его подручные: Меркулов, Гоглидзе и Рухадзе залили кровью безвинных жертв половину Абхазии и до «седьмого колена» вырезали семью Нестора Лакоба. Последнюю точку в той страшной трагедии поставила пуля палача Сухановской тюрьмы. Семнадцатилетний «террорист» Рауф Лакоба, после пяти лет пыток и допросов двадцать седьмого июля 1941 года, был обвинен следователем НКВД в том, что он «возглавлял антисоветскую террористическую группировку в сухумской школе, занимался с членами этой группировки клеветническими измышлениями и имел террористические намерения в отношении Л. Берия». В тот же день Рауф был расстрелян.

Эти и многие другие истории, связанные с тем, что происходило за стенами «дачи Сталина», были известны Ибрагим с Кавказом. Поэтому я с Лидой и Олесей в душе рассчитывали не только услышать от них что ни будь новое, но и увидеть собственными глазами, а затем потрогать руками все то, что окружало Сталина и других вождей экземпляром помельче.

Время шло, стрелки часов перевалили за четыре, а их все не было. Мы уже попрощались с Оксаной и ребятами, когда с дороги донесся гул мотора и через минуту на стоянку перед гостиницей скатился, сверкая новой краской, мерседес. Из него вышли наши друзья, и мы поспешили к ним навстречу.

По нашим загоревшимся глазам Ибрагим догадался, что больше всего нас интересовало, и с ходу заверил:

– Сегодня прием у товарища Сталина вам обеспечен!

– За благополучный исход не ручаемся. Черт его знает, с какой он ноги встал, – пошутил Кавказ.

– Его ноги нас меньше всего волнуют! А вот мышцы... – и здесь Лида сделала испуганное лицо.

– С этим у нас как раз все нормально! Вы только взгляните на нашего зверя, – усмехнулся Ибрагим и показал на разомлевшего под солнцем и беззаботно дремавшего на стуле Котофеича.

Мы посмеялись и потом дружно направились к парадному входу госдачи. Ибрагим первым по-хозяйски поднялся на мраморное крыльцо, сорвал с петель мастичную печать, затем смахнул густую пыль с бронзовой ручки, распахнул дверь и широким шестом пригласил:

– Прошу к товарищу Сталину!

Я, вслед за мной Олеся с Лидой несмело перешагнули порог и остановились. В нос шибануло затхлым и застоявшимся воздухом давно не проветривавшегося помещения. В огромном и кажущемся бесконечным коридоре царил прохладный полумрак. Ибрагим зашарил рукой по стене, нащупал выключатель и включил свет. Высоко под потолком яркими огнями вспыхнула массивная бронзовая люстра, и когда глаза освоились, мы робко перешагнули порог и оказались в огром-

ной спальне. Ее интерьер с поразительным однообразием повторял обстановку других господ в Новом Афоне, Пицунде и на «Холодной Речке». Те же темные, но теплых тонов деревянные панели, сделанные из редких пород деревьев, поразительные по мастерству резные потолки, множество уютных кушеток и кресел с витыми ножками и спинками.

Осмелев, мы уже не стеснялись присесть за рабочий стол Вождя, потрогать пальцем тот знаменитый, якобы, им самим забитый в стену гвоздь, на котором потом висела его шинель. В такое трудолюбие Хозяина верилось с трудом. Подобную историю я слышал на каждой госдаче и конец у них был один и тот же. За эту недоделку он, на одной подвешивал на тот самый гвоздь начальника личной охраны Николая Власика, а на другой архитектора Мирона Мержанова. Меня это уже не пугало и, набравшись нахальства, я незаметно выдернул гвоздь из стены и спрятал в карман. Дальнейшая экскурсия по ванной и туалет Хозяина не произвела впечатления, здесь все было, как и у остальных – нормальных людей.

Пробежавшись по приемной, кабинету, второй спальне, мы поднялись по роскошной деревянной лестнице на следующий этаж и там задержались у двери кабинета президента Владислава Ардзинба. Она была опечатана жирной сургучной печатью, которую покрывала многодневная пыль. На наши вопросительные взгляды Ибрагим только развел руками и двинулся дальше.

В просторном и светлом зале для приемов мы несколько оживились. Тяжелые шторы из золотистого атласа были раздвинуты, и солнце смело лилось через окна. Яркие блики весело поигрывали на деревянных панелях, бронзовых светильниках, на полированной поверхности громадного стола и спинках стульев, их было ровно по числу членов политбюро ВКПб. Казенную обстановку зала несколько скрашивал старинный, лоснящийся, словно, бегемот рояль.

Олеся бросила вопросительный взгляд на Ибрагима, он великодушно кивнул головой. Она подошла к роялю, подняла крышку и коснулась пальцами клавиш. Они отозвались печальными звуками, и нам опять стало неуютно в этом огромном и лишенном жизни зале. Не сговариваясь, мы вышли в коридор и вновь окунулись в прохладный полумрак.

Следующими на очереди оказались вторая спальня и бильярдная. Но и в них мы долго не задержались. На нас насторожено поглядывали пустые кресла, кушетки, несмятые постели, кажется, что жизнь навсегда покинула эти холодные и неуютные комнаты. В какой – то момент мне почудилось, что за дверью кабинета Сталина раздался старческий кашель, потом послышался скрип паркета под сапогами и на мгновение в приемной, в зеркале старинного трельяжа промелькнула сутулая, туго затянутая в военный френч, фигура.

Я невольно поежился. Олеся с Лидой тоже чувствовали себя не в своей тарелке и все чаще бросали взгляды во двор. Там за окнами весело плескалось в лужах яркое солнце, и беззаботно гомонили птицы. Заметив наши понурые лица «экскурсоводы» решили свернуть экскурсию и предложили на пару минут подняться на последний – третий этаж, чтобы, как многозначительно заметил Ибрагим, разгадать еще одну загадку «дачи Сталина». В нас снова проснулось неистребимое любопытство, и мы, переборов себя, поднялись наверх.

Обстановка здесь оказалась намного проще и скромнее, чем на первом и особенно втором – парадном этаже. В тесном коридоре, который слабо освещался через единственное запыленное окно двери, выходявшей на крохотный, напоминающий ласточкино гнездо балкон, трудно было что – либо разглядеть. Ибрагим включил свет, прошел в конец коридора и остановился перед потемневшей от времени дубовой дверью. Недолго повозившись в карманах куртки, достал тяжелой, больше походивший на амбарный ключ, вставил в замок и энергично провернул. Дверь дрогнула под его напором и с печальным скрипом отошла в сторону.

Вслед за ним и Кавказом мы вошли в небольшую квадратную комнату. Обстановка в ней резко отличалась от той строгой роскоши, что царил на нижних этажах. Лишь деревянные панели из каштана и, невесть как оказавшийся здесь громадный кожаный диван, помнящий вертлявый зад Лаврентия Берия, напоминали что это «дача Сталина». Я с Олесей и Лидой, повертев головами по сторонам и, не заметив ничего примечательного, с недоумением посмотрели на Ибрагима.

– Комната для охраны! – подтвердил мою догадку он.

– И что в ней до сих пор живет дух начальника охраны Сталина – Коли Власика? – пошутил я.

– Здесь, конечно не лучший дух, – в тон мне ответил Ибрагим, – но есть очень любопытные вещи, – и показал рукой на противоположную от нас стену.

Стена была, как стена, и ничего необычного я на ней не заметил. Но когда глаза освоились с ярким солнечным светом, над деревянной панелью проступил загадочный серый знак размером чуть больше тридцати сантиметров.

– Очень похоже на крест?! – первой сделала вывод Лида.

– Причем православный, – отметила наблюдательная Олеся.

– Точно крест! – согласился я с ними, подошел ближе и потер его рукой.

Нет, это не был шуточный розыгрыш наших друзей. Рисунок никуда не исчез, а на руке не осталось следов мела.

– Что за чертовщина?! – удивился я.

Ибрагим с Кавказом переглянулись и, таинственно улыбнувшись, по – прежнему, продолжали хранить загадочное молчание. Это только еще больше заинтриговало меня и дочерей. Здесь на «даче Сталина», где в последние восемьдесят лет жили одни воинствующие атеисты, скорее можно было увидеть самого черта, чем намек на руку божью.

– А вот еще один крест! – озадачено воскликнула Олеся и ткнула в левую стену.

Еще два таких же креста мы обнаружили на остальных стенах. На мой немой вопрос Ибрагим и Кавказ лишь пожимали плечами и с многозначительным видом показывали пальцами вверх. Но мое атеистическое прошлое отказывалось принимать что – либо сверхъестественное, а вбитый в голову за многие годы учебы махровый материализм и сохранившиеся скудные школьные познания в физике и химии подсказывали, что за всем этим стоит, видимо, не божий промысел, а, скорее всего, проделки искусной на всяческие сюрпризы природы. Вспомнив про свою пятерку по химии, я снисходительно заметил:

– Ребята, хватит нам пудрить мозги! Все очень просто! В стенах осталась старая арматура и на ней собирается конденсат?!

Но мои познания по химии не произвели впечатления на Ибрагима и он, не церемонясь, с ходу отмел это предположение.

– Это же почему, нет?! – не собирался так легко сдаваться я.

– А потому, что там нет ничего кроме каменной кладки, – пояснил Кавказ.

– Откуда это вам известно? – не поверила Олеся.

– Проверяли! Обдирали не только штукатурку, а и засверливались! И ничего! – подтвердил Ибрагим.

– Прямо чертовщина какая – то! Нет, тут что – то не так, – продолжал упорствовать я.

– А вот, дьявол здесь точно не задержался! – рассмеялся Кавказ и подмигнул Ибрагиму.

– А...а все понял! Специально сделали, чтобы деньги с туристов драть, – использовал я последний аргумент.

Он вызвал смех у наших друзей. С трудом сохраняя на лице серьезное выражение, Ибрагим с легкой иронией ответил:

– А что, очень даже дельная мысль!

– Ибо, может с них первых и начнем? – живо поддержал Кавказ.

Мне же надоело ломать голову над головоломкой с крестами, я сдался и предložил:

– Ладно, согласен! Стену долбить не будем, только скажите, как вы это сделали?

– А никак! – был ответ Ибрагим.

– Это еще до нас появилось. Сами пытались докопаться, откуда ноги растут, – пояснил Кавказ.

– И откуда? – допытывалась Олеся.

Ибрагим с Кавказом лишь развели руками. Очередная загадка «дачи Сталина» поставила меня и дочерей в тупик. Мы не находили всему увиденному разумного объяснения. И тогда Ибрагим изложил свою версию.

– Так вот, если верить древним преданиям христианство в Абхазию пришло вместе с апостолом Христа – Симоном Кананитом и первым местом, где он остановился был не Новый Афон, а Сухум. На этом самом месте, где мы сейчас стоим, Симон произнес первые слова молитвы во славу Христа. Здесь...

– Ибо, а причем тут Кананит, Смецкой и Сталин? – торопил я с ответом. – Лучше объясни, почему кресты на стенах появились?

– Научное объяснение этому наверно трудно найти, – задумчиво ответил Ибрагим и продолжил:

– Но то, что они – Кананит и Сталин как– то связаны между собой, в этом сомневаться не стоит. Дьявол, каким считали Сталина и святой, каким был Кананит, под одной крышей не могли ужиться.

– Ибо, про Сталин и Берия мы уже слышали и знаем, что они хуже черта, – скептически заметила Олеся.

– Черт или не черт! Но то, что Сталин на даче ни разу не ночевал – это факт, – подтвердил Кавказ.

– И не только он. В девяносто третьем здесь не задержался и другой дьявол – Шеварднадзе! – напомнил Ибрагим.

– Сволочь! Если бы не Ельцин, то за все бы ответил! – с полуоборота завелся Кавказ, – Тот позвонил Владиславу Григорьевичу и попросил отпустить мерзавца. Он дал слово, что не тронет. Слово, Владислава Григорьевича для нас конечно закон, но простить Шеварднадзе тысячи загубленных жизней... Можете не сомневаться, если бы попался, то на месте кончили, как собаку! Трусливый шакал! В то время, когда мы добивали засевших в Совмине и порту гвардейцев с отмо-роженными хохлами, которым где бы не воевать, только бы насолить русским, этого обосравшегося засранца, переодели в форму российского полковника и под видом раненого переправили в военный санаторий.

–Иуда! – с презрением обронил Ибрагим, – Кинул всех! На его глазах в Совмине под огнемтеми жарились, как бараны на верителе те, кому не приходилось рассчитывать на нашу пощаду, слишком много на их руках было безвинной крови, а в нашей груди клокотала лютая ненависть. У развалин Диоскурии, пускали пузыри в море, те, кому удалось вырваться из окружения. Они получили то, что заслужили и подышали как бешеные собаки! «Шева» все это видел и даже не замолвил за них слова, он спасал собственную шкуру, кинул их всех как последний базарный кидала и драпанул к себе в Тбилиси. Это уже потом, когда американцы поддержали ему штаны, он стал такой смелый, что начал грозить Абхазии новой войной.

– Пропади пропадом этот Шеварднадзе! Бог ему судья, а черт хозяин. Ты, Ибо, про эти самые кресты доскажи! – поспешил я сменить тяжелую тему.

Может, поговорим в другом месте, а то здесь как – то не по себе? – предложила Лида.

Ибрагим охотно согласился, мрачные стены «дачи Сталина» не располагали к рассказу, и пригласил пройти в гостиницу, чтобы там за чашкой кофе продолжить разговор. Мы без особого сожаления покинули неприветливые и мрачные комнаты. Двор встретил нас ярким солнечным светом и веселым шелестом пальм, которые подобно часовым застыли перед входом. Мы поднялись к гостинице, прошли на летнюю площадку и заняли свободный столик. Дежурившая в тот день администратором, быстрая на подъем Оксана приготовила отменный кофе по – турецки, подала к столу и сама присела рядом. Мы сделали по несколько глотков, и затем все свое внимание сосредоточили на Ибрагиме, приготовившись выслушать продолжение загадочной истории с крестами. Он не стал испытывать нашего терпения и возвратился к рассказу.

– Случилось это осенью то ли тридцать пятого, то ли тридцать шестого года, точно не скажу. К тому времени Нестор Лакоба вместе с любимцем Сталина известным в те годы архитектором Мироном Мержановым закончили перестройку замка Смецкого. Сам Николай Николаевич не дожил до того дня и умер здесь, на конюшне, новая власть не простила ему заслуг перед старой. Сталин должен был вот – вот подъехать и потому работы шли день и ночь, спешили сделать подарок вождю. С деньгами, материалами и людьми не считались. На отделку залов шли самые редкие породы дерева, привозили его со всего мира и работали с ним

лучшие резчики и плотники. В этом вы могли убедиться сами. Там нет ни одного гвоздя, а резьба нигде не повторяется.

– Один гвоздь все таки был, – напомнил я и вытащил из кармана.

– И вот так всегда! Нам с Кавказом уже надоело их забивать, – посетовал Ибрагим и вернулся к рассказу:

– Как – то сюда заезжал композитор Игорь Корнелюк, Уж его –то в Питере трудно чем удивить, так он когда эту красоту увидел, то сказал:

«Это волшебная музыка, застывшая в дереве!»

С такой оценкой согласились и мы, а затем вежливо напомнили ему о загадочной истории с крестами. Она, похоже, пробудила в Ибрагиме творческие начала и в его голосе слышались непривычные поэтические нотки.

– Так вот, когда все работы были закончены, Нестор отправился в Новый Афон, где в это время отдыхали Сталин, Буденный и Ворошилов. Жили они в старой одноэтажной деревянной даче, сейчас в такой «новый абхаз» даже тещу не поселит. Ту каменную, на которую мы ездили в прошлом году, что стоит ниже, построили позже, после войны. Хитрый Лакоба рассчитывал, что легко убедит их перебраться в эти хоромы. Уговаривать Сталина долго не пришлось. Тому, похоже, порядком надоело с утра до вечера глазеть на Ворошилова с Буденным и гонять шары в бильярдной, он охотно согласился.

Погода выдалась как на заказ, и вожди вместе с Нестором отправились из Нового Афона в Сухум на открытых машинах. Дорога тогда была не лучше, чем сейчас и потому на «тещином языке» им пришлось ползти со скоростью черепахи. Крестьяне узнавали их и валом валили к дороге. Под колеса охапками летели цветы, шустрые пацаны запрыгивали на подножки, чтобы только потрогать живых богов, с именем которых они вставали и ложились спать. Больше всех досталось Буденному – чуть не выдрали знаменитые усы. Но главный сюрприз ждал Сталина на перевале.

Там, где сейчас ресторан «Грот», кортеж встретил абхазский хор. Те, из наших стариков кто дожил до наших дней, говорят, что ничего подобного в своей жизни не слышали. Наверно сам Орфей никогда так ни пел, как тогда спели абхазские певцы. После того концерта весь день плакали горы, а в Верхних Эшерах заговорил немой. Вождь был доволен. Ворошилов с Буденным так «завелись», что рвались в пляс, а Нестор просто светился от счастья.

Все складывалось наилучшим образом. Порой, казалось, что сама природа радовалась появлению вождей. Небо, умытое короткими грозowymi дождями, снова ожило после изнурительной августовской жары и завораживало нежными красками. Легкие перистые облака робко теснились за холодно блистающими ледниками Кавказского хребта, а предгорья полыхали золотисто – красным багрянцем увядающей листвы. В воздухе появилась та особая удивительная легкость и прозрачность, которая наступает только в «бархатный» сезон.

Сквозь густую зелень садов звездной россыпью проглядывали созревающие плоды хурмы и апельсина. Бронзовые шатры из снопов кукурузы покрывали пригорки, а во дворах на зеленых лужайках высились аккуратные горки из початков. Тяжелые ядовито – багровые вязанки из горького перца, закрученные в пышные

гирлянды под летними навесами и крышами пацх, тихо покачивались на ветру. В тот год земля Абхазии как никогда была прекрасна и щедра на урожай.

Минут через двадцать, после концерта, вожди добрались до дачи. Некогда суровый клочок горной природы, благодаря неиссякаемой энергии Николая Николаевича Смецкого за сорок с лишним лет превратился в настоящий земной рай. Теперь о прежнем хозяине парка напоминали гигантские мохнатые секвойи, стройные кипарисы, взметнувшиеся к самому небу своими острыми, как пики вершинами, буйно разросшиеся экзотические пальмы, непроходимые бамбуковые заросли и, парящая над этой неземной красотой, белокаменная, словно созданная из хрустально – чистого горного воздуха, трехэтажная башня замка.

Машины, описав не одну замысловатую петлю по узкому серпантину дороги, остановились перед парадным входом. Навстречу гостям поспешил вездесущий Власик с охраной. Нестор в роли гостеприимного хозяина первым вошел внутрь и по деревянной лестнице повел Вождя, Буденного и Ворошилова на второй этаж. Там, в зале для заседаний прислуга и повара успели накрыть настоящий абхазский стол. Такой вы можете увидеть разве что на нашей «золотой» свадьбе.

На огромных серебряных подносах высились горки зелени из петрушки, кинзы и молодого лука. Среди нее заманчиво полыхали и сами просились в рот стручки жгучего перца. Изящные соусницы с арашихом и асизбалом – острыми приправами, из грецкого ореха и алычи, были едва видны за гроздьями отборного кутолского винограда, от которых ломились плетеные из лозы вазы. Легкий и ароматный парок поднимался над глиняными горшочками с подливой, приготовленной из вареной фасоли, арахана и акуландыра. Нежное, слегка подрумяненное мясо молодого козленка украшали чернослив и базилик. Пылали жаром только что снятые с плиты кукурузные лепешки. Янтарными дольками жирно лоснились кусочки сыра сулгуни в горках рассыпчатой мамалыги. Завершали этот гастрономический парад пузатые хрустальные графины со знаменитым ачандарским и моквинским вином.

Лакоба кивнул головой официантам, те наполнили бокалы, и перевел взгляд на него – Сталина. Тот выдержал долгую паузу и, отдавая дань уважения хозяину стола, наклонил голову в его сторону. Нестор поспешно вскочил с места, вслед за ним на ноги взлетел Буденный с Ворошиловым.

Но они так и не услышали тост Хозяина. Его рука дрогнула, лицо почернело, он покачнулся и, потеряв равновесие, повалился на спину. Власик и охрана едва успели подхватить его под руки, вынесли в приемную и уложили на кушетку. Ворошилов и Буденный замахали шляпами перед лицом, а Лакоба распахнул окно. Налетевший с гор ветер надул пузырем тяжелые бархатные портьеры и пошел гулять по комнатам и коридорам, где метались растерянная охрана и прислуга. Врач Хозяину не понадобился, он на удивление быстро пришел в себя, на еще не твердых ногах спустился вниз, молча сел в машину и укатил в Новый Афон.

После его отъезда Власик с охраной перевернули на даче все верх дном, «обнюхали» все углы и закутки. Медики из спецлаборатории проверили каждое блюдо и графины с вином, но так и не обнаружили следов яда. Лишь на третьем, послед-

нем этаже, в комнате охраны, что располагалась прямо над спальней Вождя, они обнаружили на стенах, те самые кресты, что видели.

Власик приказал охране содрать со стен не только покраску, а и штукатурку, но за ней ничего кроме каменной кладки не было. Кресты на стенах исчезли, а спустя две недели, когда Вождь вновь заехал на дачу, они снова появились на прежних местах и больше не пропадали. На этот раз, несмотря на все уговоры Лакоба, он так и не поднялся в комнаты, прошелся по верхнему парку, а затем укатил в Новый Афон и больше здесь не появлялся.

– Да, ну и дела?! – больше мне нечего было сказать .

После рассказа Ибрагим, я с дочерьми уже новыми глазами посмотрели на холодный белокаменный замок, за стенами которого творилось черт знает что. Во мне снова проснулось любопытство, вспомнилась еще одна старая история, связанная с этим место и именем Берия, обрывок из которой довелось услышать от чудом оставшегося в живых после сталинских репрессий Давлета Чантовича Кандалия – личного телохранителя и водителя Нестора Лакоба. Я уже собрался «попытать» на эту тему наших друзей, но тут с нижнего поста, позвонил дежурный и доложил Ибрагиму:

«Через десять минут подъедет В. Г.»

Он и Кавказ извинились и отправились встречать Владислава Григорьевича. Мы проводили их до машины, а затем прошли на смотровую площадку перед парадным входом на госдачу, и еще несколько минут любовались прекрасными видами, открывавшимися на город и море. Сделав на прощание несколько снимков, Олеся и Лида стали поторапливать меня с возвращением в санаторий, надеясь еще успеть поймать «бархатный» вечерний загар.

Рискуя каблуками модных босоножек, они решили сэкономить время, и первыми решительно ступили на скользкий после недавнего дождя серпантин дорожки. Запыхавшиеся, но с целыми головами и ногами мы благополучно скатились по крутым бетонным ступенькам к круглой, засаженной кактусами клумбе и свернули на центральную аллею, Она, подобно кинжалу рассекала надвое нижнюю часть парка и острием упиралась в главный административный корпус.

Не успели мы сделать и нескольких шагов, как справа раздался треск веток и из кустов показался Ашот. Перебросив автомат за спину, он перекрыл дорогу и вежливо, но настойчиво предупредил:

– Здесь нельзя! Вам лучше спуститься по левой боковой аллее.

– Хорошо! – не стал возражать я.

Лида не удержалась от вопроса и спросила:

–А что Владислав Григорьевич, уже приехал?

– М...да, – помявшись, ответил Ашот.

Здесь уже Олеся, набравшись смелости, поинтересовалось:

– Как он себя чувствует?

– Нормально! – поспешил свернуть разговор Ашот и, стараясь нас не обидеть, попросил:

– Извините, но тут задерживаться нельзя.

– Конечно! Конечно! – подчинились мы и свернули на левую боковую аллею.

Через десяток метров густые заросли скрыли Ашота и тут, внезапно проснувшееся в нас жадное любопытство, оказалось сильнее его предупреждения. Оглянувшись по сторонам и, не заметив других часовых я, а за мной дочери, не стовариваясь начали осторожно пробираться к аллее гигантских «Слоновых пальм». По моим расчетам, в конце ее открывался вид на кипарисовую аллею, где в это время мог прогуливаться президент. Никем незамеченные мы благополучно добрались до склона холма, с которого хорошо просматривался нижний парк, и, спрятавшись за пышными кустами папоротника, принялись высматривать Владислава Григорьевича.

Первой увидела президента, а вернее его охрану, глазастая Олеся. Теперь все наше внимание сосредоточилось на худощавой мужской фигуре, которая то появлялось, то исчезала за стволами кипарисов и крепкими телами двух телохранителей. С такого расстояния трудно было различить лица, но то, что это был Владислав Григорьевич, у меня не возникало ни малейших сомнений, рядом с ним находились Ибрагим с Кавказом. Даже с этого расстояния было заметно, что болезнь сказалась на нем. Его долгие остановки говорили о том, что все усилия врачей, пока были безрезультатны

Я переглянулся с дочерьюми. На их лицах прочел ответ на то, что творилось в моей душе. Это были сложные и противоречивые чувства, в них смешались жалость к нему, как человеку и уважение, как к политику, который даже в этом положении продолжал твердо держать власть в руках. Власть, которая в последнее время все более тяжким бременем давила на него и народ.

Мои глаза, по – прежнему, были прикованы к Владиславу Григорьевичу, а в памяти всплыл тот прошлый яркий и навсегда запоминающийся образ несгибаемого лидера своего самобытного и гордого народа, обаятельного человека перед блестящим и острым умом которого ты испытывал неподдельное восхищение. Быстрый в движениях и мыслях, полный неукротимой энергии он невольно заражал тебя своей верой и уверенностью.

«Когда я впервые увидел его?! ...»

Лет пятнадцать или шестнадцать назад. То было время бурных перемен и, как потом оказалось, несбывшихся больших надежд и горьких разочарований. Страна и народ мучительно и трудно приходили в себя после кровавых сталинских репрессий и разлагающего душу брежневского застоя. Одряхлевшая и потерявшая былую мощь, обюрократившаяся партийная машина, была уже не в силах сдерживать копившуюся десятилетиями энергию протеста против коррумпированного и давно изжившего себя коммунистического режима. Ее вальяжные и закормленные привилегиями функционеры безнадежно проигрывали одну позицию за другой тем кто, наплевав на карьеру и собственное благополучие, смело и решительно боролся за людей и дело.

И эта могучая волна людских надежд и ожиданий вынесла в восемьдесят восьмом на самый ее гребень из тиши научного кабинета его – Владислава Ардзинба доктора наук, директора Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа. С того дня он уже больше не принадлежал ни себе, ни семье,

ни друзьям. Время и история выбрали именно его, сумевшего сделать то, что до него не удавалось никому другому – привести свой народ к свободе и независимости.

В нем, как в фокусе отразилась вековая мечта и надежда, которой жили отцы и их славные предки. В годы войны, что шла не на жизнь, а на смерть, он стал символом несгибаемого духа и непоколебимой веры в победу над тысячекратно превосходящим врагом. В нем черпали свою силу и уверенность ополченцы, когда из последних сил отбивались от ожесточенных атак гвардейцев у Гумисты и под Ах-бюком. В него верили сражавшиеся в окружении командирь и бойцы Восточного фронта. Он давал силы старикам, детям и женщинам, боровшимся с голодом и холодом в блокадном Ткуарчале. И потом, когда пришла долгожданная победа, они – победители, сцепив зубы, целых пять лет терпели вопиющую несправедливость – блокаду, которой циничные политики хотели поставить их на колени. В те годы и дни они снова черпали в нем свою силу и верили в то, что «наш Владислав» ни за что не «сторгует» великие жертвы, что они принесли за свободу своей родины.

С тех пор минуло для кого – то всего шестнадцать, для других целых шестнадцать лет, а для него, об этом, когда придет время, возможно, он скажет сам. А сейчас можно было только догадываться, о чем мог сейчас думать там, на кипарисовой аллее в холодном одиночестве первый президент Абхазии. Суровое и беспристрастное время отсчитывало последние месяцы и дни его власти.

Власти!!!

...Власти, за которую, как многие думали, он цеплялся из последних сил.

...Власти?

...А что они о ней знают?

...Лучи ее славы ослепляют, но не греют. Власть – это беспощадная борьба и не столько с противниками, а сколько с самим собой, когда перед тобой на одной чаше весов лежат любовь, многолетняя дружба, а на другой интересы нации и страны. Разве могут знать они бывшие друзья – романтики, что на самой вершине власти ждет только одно холодное одиночество! Власть жестока, она не прощает слабости и не терпит рядом с собой друзей!

Друзей?!

...Шесть лет прошло с того дня, когда в последний раз в тесной заставленной от пола и до потолка книжными полками квартире Станислава Лакоба, где самой дорогой вещью был старый рояль Натальи, они отмечали его день рождения. И после того ни одного звонка и ни одной встречи. Политика безжалостно вмешалась в старую дружбу и развела их по разные стороны «баррикад». Да что, Станислав, если даже ироничный добряк Алик Бгажба и тот никак не напоминает о себе.

Когда, в какой момент ему стало окончательно ясно, что политик обречен на одиночество? Когда?...

В девяносто третьем, на переговорах в Москве? Тогда он на мгновение растерялся и едва не дал слабину, от вероломства Ельцина, который после очередного стакана отказался от прежних договоренностей и заплясал под «дуду» Шеварднадзе....

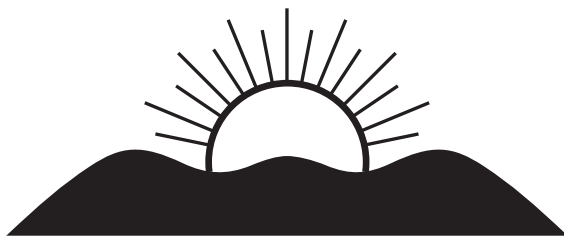
Или 14 августа девяносто седьмого в Тбилиси, где старый друг Евгений Примаков вольно или невольно унизил Абхазию и его.

Как бы там ни было, но с каждым новым годом он становился все более одинок. Одних друзей забирала смерть, и память о них продолжала жить в сердце незаживающей раной. Другие тихо отходили в сторону и этим причиняли не меньшую боль, оставляя его один на один с властью и самим собой.

Властью, которая выжала его без остатка. И, несмотря на это, он продолжал оставаться в ней ради одного – того, в котором не мог и не имел права ошибиться! Чтобы потом, когда придет день и час передать ему в руки самое дорогое что было в жизни – Абхазию, за которую он бился не щадя ни себя, ни врагов, ни друзей.

Сколько их претендентов – премьеров и министров прошли перед ним за последние годы? Пять, шесть?! Никто из них, так не смог выдержать сурового испытания властью. Последним в этом ряду остался Рауль Хаджимба. Целых четыре года он терпеливо поднимал его с одной ступеньки властной пирамиды на другую. Рауль оказался прилежным учеником, но хватит ли ему одного прилежания и упорства, чтобы и дальше уверенно вести маленький корабль под названием Абхазия в бурном и жестоком море политики? Хватит ли ему воли и твердости, чтобы не согнуться под тяжким бременем власти и не стать бледной тенью Владислава Ардзинба? Будет ли он также прозорлив и тверд перед сильными мира сего, чтобы не позволить превратить себя в послушную игрушку пусть даже в дружественных руках...

Видимо, подобные мысли терзали президента, застывшего в неподвижности в конце аллеи и пристально вглядывавшегося в город. Он, будто, пытался найти ответы на эти вопросы в той, ставшей благодаря ему, свободной и жаждущей перемен Абхазии.

Глава 13

Об этой встрече мы не договаривались, все получилось как – то спонтанно. Из Ачандары неожиданно подъехал Батал Ахба, с которым я не виделся больше трех лет, у Феликса Цикутания, как всегда, в кармане завалялась лишняя тысяча рублей, а у запасливых братьев Читанава сохранилось прошлогоднее вино. Не долго думая, с подачи Феликса решили организовать хлеб – соль по дежурному варианту в «Абхазском дворе» у безотказного Бено.

Не прошло и часа, как все было готово, и я с моими друзьями заняли ближайший к морю столик. За ним не хватало только Дениса – младшего из пятерых братьев Читанава, он задержался в избирательном «штабе» Сергея Багапш. Мы бросали нетерпеливые взгляды на дорожку и с трудом сдерживали аппетит от вида того изобилия, которым ломился «скромный» абхазский стол. Хлебосольный хозяин «двора» – Бено, видимо, решил, как следует, проверить финансовые возможности Феликса, и не поспешил.

Пузатый, запотевший, словно негр в русской бане, пятилитровый графин с вином, лоснился посередине стола. Его окружала целая гора из нарезанных крупными ломтями очамчырских помидор, щедро усыпанных петрушкой, луком и кинзой. Флотилии из разнокалиберных соусниц с арашихом и асизбалом – острыми приправами из грецкого ореха, алычи, обильно сдобренных острым перцем окружали нас со всех сторон. Легкий парок поднимался над кусками только что снятой с огня отварной козлятины. Ароматный запах исходил от рассыпчатой мамалыги и сыра сулгуни янтарными дольками, лоснившегося в ней. Все это будило волчий аппетит.

Первым терпение иссякло у Феликса, он потянулся к графину с вином, и тут во «дворе», появился запыхавшийся Денис.

– Молодец, знаешь, когда явиться! – приветствовал его Бено.

Старший брат – Савелий не удержался от шуточного упрека,

– Денис, на работу можешь не приходить, но опаздывать на хлеб – соль – это уже преступление.

Тот, устало плюхнулся на лавку и, бросив на стол измятую листовку, в сердцах произнес:

– «Хаджимбисты» совсем совесть потеряли! Вы посмотрите, что они на наших льют!

Мы пропустили эти слова мимо ушей и потянулись к стаканам, а Батал даже не пошелохнулся. На его лицо набежала тень, голубые глаза потемнели, как море перед началом шторма, и он желчно заметил:

– А о твоих, Денис, партократах и комсомольцах, говорить нечего! Просрали Союз, и если им опять дать власть, то просрут Абхазию.

– Ребята, вы что?! – в один голос воскликнули Бено с Феликсом.

Но ссору уже невозможно было остановить. Денис вспыхнул как спичка:

– Ты че несешь?! Это Багапш с Лакоба просрут Абхазию?!...

– Я одно знаю точно, что с Раулем, будет как при Владиславе, – гнул свое Батал.

– Легко сказать. Лучше вспомни, как Василич в Очамчyre останавливал отморозков из «Мхедриони». Он, а не Рауль, первым пошел против них! А тогда был не девяносто второй, когда нам деваться было некуда, а восемьдесят девятый.

– Ты это еще через сто лет расскажи. Как оно на самом деле было, теперь, кто знает, – отмахнулся Батал.

– Я знаю! – неожиданно поддержал Дениса обычно дипломатичный и осторожный Феликс, – Все на моих глазах происходило. Я в то время в очамчyrском курорторге работал и, если память не изменяет, было это в июле. Василич проводил с нами планерку, тут позвонили из Гага и передали, что четыре «Икаруса» битком набитых «мхедрионовцами» едут на Сухум. Сидим как в воду опущенные, представить такое в восемьдесят девятом, когда еще стоял Союз, никто не мог. Василич начал срочно звонить в Сухум, там тоже не знают что делать. С поста ГАИ пришла новая информация – «мхедрионовцы» разоружили милиционеров. Мы смотрим на Василича, а он на телефон. Сухум не отвечает!...

Феликс смолк, спустя столько лет те далекие, драматические события с новой силой ожили в нем и, справившись с волнением, продолжил:

– Короче, Василич распорядился раздать охотничьи ружья добровольцам, а милиционерам, тем, кто был из наших, приказал идти к мосту через Галидзгу и заблокировать двумя бензовозами. Дальше, что рассказывать, сами слышали, какой кипиш поднялся. Они, сволочи, поперли вперед и начали стрелять. Нам ничего другого не оставалось, как только подорвать бензовозы! Палили как на войне, были раненые. Василича тоже зацепило, но это пустяк по сравнению с тем, как его потом на парткомах прессовали. В прокуратуре дело хотели возбудить, в конце концов задвинули на хозяйственную работу. Так, что он ...

– Я против Багапша лично ничего не имею, – перебил Батал. – Он отличный хозяйственник, а вот какой вояка не знаю. Зато Рауль с первого и до последнего дня на Восточном фронте воевал и такие разведоперации закручивал, что некоторым вашим бывшим министрам, которые сейчас в президенты рвутся, а тогда сидели в Гудауте, и не снились!

– Что?!... Вояка говоришь? Сегодня весь Восточный фронт вместе с Мерабом ищут тот самый окоп, где сидел тот самый Рауль! – снова вспыхнул Денис.

– Он сидел там, где надо! А вот твой Анкваб в Тбилиси, в любимчиках у Шевы ходил! – огрызнулся Батал.

– Во-первых он не мой. В любимчиках говоришь?!... Да, если хочешь знать он отца родного оштрафовал. Что ему какой-то «Шева». Нет, Анкваб – голова! Это тебе не «трофейный» генерал! В тридцать два в советские времена лампасы, а тем более у ментов за одни красивые глаза не давали.

– Денис, я что – то тебя не пойму, то ты за Багапша, то за Анкваба.

– Я за нормальных людей, хоть они и в разных командах.

– Командах?!.. Все они одним миром мазаны! Вокруг твоего Багапша куча бывших партократов и комсомольцев! В девяносто первом, такие как они просрали Союз...

– Что?!...Ты хочешь сказать, что я и Феликс сидим в той куче, а завтра тебя с твоим Раулем в Грузию поведем?! – взорвался Денис и в запале воскликнул:

– Мне здесь делать нечего!

Мы опешили. Савелий растерянно хлопал глазами, а когда пришел в себя, извинился и бросился догонять брата. Бено, помявшись, вспомнил о шашлыках и незаметно исчез на кухне. Феликс тоже чувствовал себя не в своей тарелке и, сославшись на забытую в фитобаре «Мушни» спортивную сумку, отправился за ней.

Мы с Баталом остались одни. Он, пряча глаза, потянулся к сигаретам, нервно закурил и ушел в себя. Я зашелестел журналом, исподволь поглядывал на него и не знал с какого бока подступить. За эти несколько месяцев с ним, и не только с ним, со многими моими знакомыми и друзьями произошли странные и труднообъяснимые метаморфозы. До сегодняшнего дня я знал совершенно другого Батала и мне вспомнился совершенно другой разговор, произошедший на этом же самом месте...

Как и сейчас шел август, но только девяносто девятого года. Встреча произошла случайно у братьев Читанава, в фитоцентре «Мушни». Мы искренне были рады ей. До этого последний раз я видел Батала на спортивном празднике в Ачандаре в девяносто шестом, а потом, через общих знакомых обменивались приветами. С тех пор он сильно изменился, виски припорошила ранняя седина и уже не так часто, как прежде на лице появлялась открытая улыбка. Потемнели, бездонные как горные озера голубые глаза, а в их глубине затаилась невысказанная боль и тоска. На моем лице отразилось недоумение. Он тяжело вздохнул и с грустью, не по годам мудро, сказал:

– Возраст измеряется не годами, а пережитым.

Возникла неловкая пауза. Батал ушел в себя и затем, стыдясь своей слабости, тихо произнес:

– Ты знаешь, так трудно, как сейчас, мне не было даже на войне.

Я молчал и не знал, что сказать, опасаясь неосторожным словом еще больше ранить его.

....За что!? Почему, после стольких лет она продолжает мучить и мстить? – продолжил он этот, скорее с самими собой разговор:

– Чего ей еще надо?! Недавно ты забрала мать. Слег и не встает отец. А когда приходит ночь, она оживает во мне и начинает истязать. Под сердцем возникает что-то омерзительное и мучительными кошмарами преследует до утра. Спасаясь

от этого наваждения, я иду сюда к солнцу, морю и людям, которые не поражены отвратительной проказой войны. Но проходит день, наступает вечер и она снова забирает к себе.

– Когда это произошло?! – терзался в поисках ответа Батал. – Наверно, той промозглой осенью девяносто второго года. В ту ночь я с тремя одноклассниками решили тот роковой рубеж, что подвластен одному Господу. Проклятые политики! Ну почему они не захотели договориться и бросили нас друг на друга! Вчерашние друзья и родственники превратились в смертельных врагов, сосед пошел на соседа, а когда прогремели выстрелы, то уже невозможно было найти ни правого, ни виноватого.

И тогда мы решились, – вспоминал он, – выйти на страшную охоту – охоту на людей. Инал и Юра были совсем пацаны, им бы в школе Пифагора с Ломоносовым зубрить, но у войны свой отсчет и свой выбор. В кромешной темноте мы спустились в ущелье, перешли ручей и начали взбираться по склону. Под ногами предательски потрескивали сучья и с грохотом осыпались камни. По узкой, местами размытой дождями и оползнями горной тропе, вышли на передний край обороны.

Впереди лежало минное поле, за ним, в сотне метров начинались вражеские позиции. Проход, сделанный в заграждении минами и ребятами из разведки, в темноте ночи утратил знакомые очертания и наши дневные наблюдения, похоже, оказались напрасными. Как назло луна ушла за тучи, но возвращаться назад гордость и заевшее самолюбие не дали и мы, скрипя зубами от злости, ползли вдоль «колючки», пытаясь найти тот чертов проход. За поисками не заметили, как снова очутились на поляне, где недавно встречались со своим дозором, пришлось тащиться обратно.

К тому времени показалась луна и осветила окрестности своим неверным светом. На этот раз мы быстро нашли проход и остановились вначале еле заметной тропки. Долго не решались ступить на землю, из которой в любое мгновение могла отозваться затаившаяся смерть. Первый шаг дался с трудом, сердце замирало, когда нога опускалась на песчаный бугорок и он разъезжался в сторону. Так, метр за метром, отсиживаясь в воронках и, вслушиваясь в затаившуюся тишину, мы продвигались вперед. Я не выпускал из руки пистолета, а ребята ножи. На «нейтралке» тот хозяин, кто действует первым.

Пока нам везло, с той стороны в «гости», похоже, не собирались. До поры до времени молчали их пулеметы. После недавних тяжелейших боев грузины тоже сели на «голодный паек» и лишь время от времени попугивали осветительными ракетами. Со змеиным шипением они взлетали в ночное небо, и мы плашмя шлепались на землю, а когда все снова погружалось во тьму, короткими перебежками продвигались к окопам. За время боев артиллерия сравняла все живое и не живое с землей. Дома превратились в груды развалин и, оцетинившись обломками кирпичика и арматуры, безжалостно терзали наши ноги и руки.

Пока пробирались по «нейтралке» взмокли как мыши, а ей все не было видно конца и тут над моей головой громыхнуло. Я обмер – напоролся на колючку с «колокольчиками» и подумал, что звиздец. Казалось, что эти чертовы консервные

банки никогда не перестанут дребезжать. На грузинском посту то ли не услышали, то ли не обратили внимания. Мы выждали пару минут, потом проделали дырку в «клоючке» и по одному перебрались ближе к окопу.

Метрах в десяти слабо угадывался его бруствер. Грузины, напуганные огнем наших снайперов, вели себя тихо как мыши и строго соблюдали светомаскировку. Только по тлеющим огонькам сигарет и приглушенным разговорам часовых можно было догадаться о расположении постов. Не сговариваясь, решили взять вправо и под прикрытием мелкого кустарника выйти на них. С оружием, имеется в виду пистолет, я был один, и потому ребята, вооруженные ножами, пустили меня вперед. Никто не имел понятия о какой-то там военной тактике, но интуиция подсказывала нам, что в случае неудачи наше спасение в неглубокой ложине.

До цели оставалось рукой подать, когда передо мной затрещали кусты. Белая кожа на грузинской заднице светилась как фонарь над борделем Засранец! Он подтянул штаны и стал застегивать. Всего один короткий бросок, и с ним было бы покончено, но я не мог оторваться от земли, тело, словно приросло к ней. Тоже самое творилось с ребятами.

Нет, это не было страхом! Он остался там, на минном поле. Здесь было нечто иное! Перед нами стоял не злобный и кровожадный враг, а обковенный человек. Все, что он делал, было до того буднично, что ощущение войны и его враждебности утрачивало всякий смысл. Накинуться на него и убить оказалось выше моих сил. Не смогли сделать этого и ребята. Мы сползли в воронку и подавленно молчали. Никто не решался первым заговорить. Слабость, стыд и горечь владели нами.

Порывы ветра тихо шелестели листьями кустарника и слабым посвистом отзывались в разрушенных отопительных трубах. Где-то в глубине позиции гвардейцев монотонно гудела дизельная станция и рокотал мотор БТРа. Со стороны окопа долетали обрывки разговора, затем послышалась неясная возня, и через мгновение кто-то заржал. Хриплый бас прервал залиvistый, переходящий в визг, смех и он взорвал нас. Вспышка необузданной ярости сорвала нас с земли. Выхватив ножи, мы выбрались из воронки и, обдирая локти о камни, поползли к окопу.

Они возникли неожиданно, их было двое. Старые АКМ небрежно болтались за спинами. Слабый свет зажигалки выхватил из темноты заросшие лица. На месте глаз зияли темные провалы. Крепкие зубы обнажились в белозубой улыбке. Они беззаботно смеялись и не подозревали, что всего в нескольких шагах затаилась их смерть.

Мы застыли перед последним броском. Броском, после которого ни я, ни мои друзья уже не смогли возвратиться к самим себе. Там, на кромке бруствера вражеского окопа я стал другими. Сердце бешено молотило и готово было вот-вот выскочить из груди. Тошнотворный ком подкатил к горлу. Рукоять штык-ножа раскаленным куском металла нестерпимо жгла руку и, потом, когда с ними было покончено, еще неделю багровые рубцы не сходили с ладоней.

Наши глаза встретились! Он был моим ровесником. Я до сих пор помню и, как тебя, вижу его дрожащие губы, слабый пушок над ними и нелепо повисший оку-

рок. От страха он оцепенел. Не знаю, сколько длилось это бесконечное мгновение. В моем сердце была абсолютная пустота, рук стали чужими, сработал инстинкт и я бросился вперед. За мной ринулись ребята. Ножи и руки рвали, кололи и терзали обмякшие тела. Чужая и своя кровь хлестала по нашим лицам, ломались ногти, а мы не могли остановиться в своем остервенении и продолжали их терзать.

Вспышка осветительной ракеты и пулеметная очередь отрезвили нас. Содрогнувшись от содеянного, мы неслись назад, не замечая ни разрывом мин, ни свиста пуль. Не помню, как проскочил минное поле, как оказался в своем окопе. Нас рвало и выворачивало наизнанку. Впервые выпитая кружка спирта и новая одежда не могли унять дрожь, сотрясавшей наши тела. Незримые пятна пролитой чужой крови жгли кожу и терзали душу. Мы не могли смотреть друг на друга, слишком велико было потрясение.

Убить, человека, пусть даже врага... – каждое слово с трудом давалось Баталу, – это что-то убить в самом себе. Не верь тому, кто говорит, что война все спешет. Вранье и ложь! От самого себя не убежишь. После той вылазки были еще бои, много боев, я снова убивал и меня больше не мучили кошмары, а нож не жег руку. Говорят, человек ко всему привыкает, в том числе и к такой омерзительной работе, как война. Но разве от этого легче? Я отнимал чужие жизни и каждый раз что-то терял в себе, Терял ...– и, не закончив мысли, он повернулся к столовой и прислушался к голосу диктора, доносившему из динамика.

Передавали последние новости. Они больше напоминали фронтовые сводки: отряды исламских боевиков вторглись в Новолакский район Дагестана. На карамахинском направлении федеральные силы и местное ополчение после ожесточенных боев вышли на окраины села и полностью блокировали боевиков. В Буйнакске после террористического акта и под развалинами дома оказались погребенными свыше ста человек. В городе Черкесске между митингующими произошли столкновения, есть раненые, – скороговоркой сообщал диктор.

– Сумасшедшие! Безумцы! Ради чего?! – воскликнул Батал, – Неужели им мало наших трагических уроков? Мерзавцы! Подлецы! В ненасытной жажде власти они швыряют к подножию ее трона целые народы и государства! А наивные слепцы, поддавшись дурману их речей, с остервенением набрасываются на соседа, видя в нем источник всех своих бед.

– Как?! Почему такое могло случиться?!..

– Кто и когда бросил, то проклятое слово в народы?! Откуда в нем взялась та дьявольская сила, что смогла разрушить то, перед чем оказались бессильны фашисты? – терзался Батал,

– Неужели история ничему не учит? Десять лет назад, также как сейчас в Черкесске, оно замутило наши души и обезумевшими толпами выплеснулось на площади перед Совмином и театром. Каждый кричал о своей беде и боли, но был глух к чужой. А когда первая кровь обагрила камни, то началось это всеобщее безумие. Зерна национализма и фашизма дали свои страшные всходы.

Затем пришли Китовани и Иоселиани «восстанавливать конституционный порядок и охранять железную дорогу» – так это тогда называлось, – с презрением бросил Батал и поиграв желваками на скулах продолжил:

–Сволочи! Ничего хорошего от «вора в законе» с «отморозками» из зоны ждать не приходилось. Они как волчья стая, набросились на город, принялись грабить и насиловать. Эти мерзавцы знали только один закон – закон уголовной зоны. Потом, когда драпали из Сухума, все дороги в Грузию были забиты автобусами, троллейбусы даже ухитрились утащить. Чего в них только не было! Оборудование с винограда и чайной фабрики, детские коляски и нижнее женское белье. Вот так наводился «конституционный порядок».

Но это было в сентябре девяносто третьего, а тогда в девяносто втором, когда у них были танки и вертолеты, а у нас дедовские ружья и сотня автоматов, в Тбилиси думали, что их ждет легкая прогулка. По себе мерили, вояки хреновы! Думали, мы сразу лапки кверху поднимем и место в их «грузинском» рае станем вымалывать. Не дождутся! Но и говорить, что наши все как один бросились танки останавливать тоже не честно. По всякому было, одни, таких оказалось немного, трусливо бежали за Псоу. Другие, растерявшись, искали защиты у Господа, и лишь сотня молодых ребят пыталась остановить эту банду.

Первыми, как всегда, гибли самые незащитные. Истерзанные тела женщин, детей и стариков сутками лежали на улицах. Невыносимый смрад и едкий запах гари висел в воздухе. И чтобы остановить бойню Владислав Григорьевич пошел на перемирие. По его указанию, Сергей Багапш, Александр Анкваб и Заур Лобахия, отправились в захваченный гвардейцами и бандитами из «Мхедриони» Сухум. Три дня шли переговоры с Китовани. Чего это им стоило, в окружении «отморозков», знают только они сами. Вроде, как договорились – вывести все войска из Сухума.

Наивные! Кому поверили? Бывшим «каталам» и «кидалам», – негодовал Батал, – Пока шли переговоры эти мерзавцы втихаря укрепили позиции и подтянули свежие силы. Наши за это время не сделали ни одного выстрела. «Шева», похоже, посчитал, что нам каюк и не стал церемониться.

Под дудку американцев «запел» и пообещал, что за двадцать четыре часа наведет в «Западной Грузии конституционный порядок». Козел безмозглый! Грозил всех в кандалы заковать. Лучше бы их для себя приберег! Таких как он, надо сажать в клетки, возить и показывать по миру, чтобы другим не повадно было. Мерзавцы они все одним миром мазаны! Для них грузины такое же «пушечное мясо», что и русские. Грозилась сто тысяч своих положить, но только чтобы ни одного абхаза в живых не осталось – вспомнил Батал про угрозы Каркарашвили и снова вернулся к рассказу:

– Три дня, пока шли переговоры их пушки молчали, а потом, как только наши отошли за Гумисту эти «кидалы» тут же похерили договоренности и обрушились на нас всей мощью артиллерии и авиации. Морской десант с Каркарашвили высадился у Гагры и захватил город, чтобы отсечь помощь братьев из Адыгеи, Кабарды и Кубани. Их бронированные клещи вгрызались и рвали на куски нашу оборону. Десять танков по нижней дороге у Эшер прорвали фронт и двинулись к Новому Афону. Ребята – ополченцы из университета затаскивали на скалы копы сена, поджигали и сбрасывали на них. В ход шло все: «зажигалки» –бутылки с зажигательной смеею, канистры и автомобильные камеры с бензином, но враг не останавливался и продолжал упорно лезть вперед.

Обращения за помощью к родине, которая была матерью для наших отцов, не нашли ответа. Москва Ельцина оставалась глуха к нашей мольбе. Алчные властолюбцы, им было наплевать на то, что происходило здесь в Абхазии, в Карабахе или Приднестровье. Людские жизни, Союз для них стали пустым звуком, в безумной жажде власти, они торопились поделить великую страну. Говорят, прежде чем Шеварднадзе решился бросить банды Китовани и Иоселиани на нас, он разговаривал с Ельциным, и тот дал два дня, чтобы усмирить «бунтовщиков», а потом они договорились встретиться на Красной Поляне, чтобы отметить победу. Может, тех слов не было сказано, но за них говорят мерзкие дела.

14 августа, когда на улицах Сухума во всю грохотала артиллерийская канонада, бушевали пожары, появились убитые и ранеными, произошло знаковое событие. Можно как угодно к этому относиться, но факт остается фактом – первыми жертвами стали не наши ребята, а русские офицеры.

Три грузинских вертолета, зашли на город с моря и нанесли удар не по ополченцам, остановившим колонну Китовани на походах к Красном мосту, или расположению абхазского батальона милиции, а по санаторию ПВО России. Уж его – то перепутать с любой другой целью просто невозможно. Двух таких высоток в Сухуме просто нет! Погибли майор с женой из Питера, и еще один офицер с ребенком. В Тбилиси знали что делали. Я думаю, уже тогда «Шева» и американцы, метя в Абхазию, на самом деле били по России. Сильная Россия им не нужна, не для того они столько лет разваливали Союз. Им нужны только слабые и послушные.

Скажешь, я не прав? Так, за меня говорят факты. Американцы и турки уже во всю хозяйничают в Тбилиси и Баку, а теперь в Москве пытаются рулить как у себя дома! Правда, тогда, в девяносто втором, мы, я имею в виду нормальных людей, у которых не доллар в глазах и совесть чиста, наивно полагали, что для этих «ельциных, кравчуков и шеварднадзе», русские, украинцы, грузины и абхазы были их народом.

Слепцы! Как мы жестоко ошибались! Они эти – «Ум, честь и совесть эпохи» давно смотрели на нас, как на быдло! Для меня все стало ясно во время боя за Красный мост, – и, нервно затянувшись, Батал продолжил рассказ:

– Это было что– то запредельное! В Новом Афоне, Пицунде и Гаграх люди еще наслаждались жизнью: купались, загорали, пили и ели, а у Красного моста уже лилась кровь и гибли невинные. Чтобы остановить эту бойню Владислав Григорьевич попытался связаться с Ельциным. Тот брюхо грел тут под боком, в «Бочаровом Ручье».

Трубку взял Коржаков. Был такой цепной пес при кремлевском Хозяине. Знаешь, что он ответил.

– Не беспокойте, Борис Николаевич в море...

– ...Нет!.. Ты только представь?!.. – даже спустя годы, Батал не находил слов от душившего его гнева.

– Они, сволочи, купались, жарили животы на солнце и преспокойно жрали водку, а всего в сотне километров танки гусеницами утюжили народ, его народ!

Наши от такого ответа потеряли дар речи, а когда пришли в себя, попытались еще раз выйти на Ельцина, но опять напоролись на Коржакова. Тот как ножом отрезал.

– Чего вы лезете, вам русским языком сказано, Борис Николаевич ловит... и бросил трубку.

Теперь видишь, чего наловили эти негодяи! Ну, да бес им друг, а свинья товарищ.

К счастью, не все они решали, провидение хранило нас. Кубанские и донские казаки, крепкие парни с Приднестровья и Донбасса, братья по крови адыги и черкесы, чеченские добровольцы с Шамилем Басаевым, кто вплавь, а кто по заснеженным перевалам пробивались к нам на помощь. Их не могли остановить ни запреты, ни пограничные кордоны! Они шли сюда по зову совести, чтобы сражаться за ту нашу общую Родину, которую предали и продали такие сволочи как «ельцины, кравчуки и шеварднадзе».

Журналист Саша Горшков, поэт Саша Бардодым, положившие здесь свои жизни, и сотни других парней со всего Союза, в тот трудный час для нашей маленькой родины встали рядом. Многие не служили в армии и не держали в руках оружие. Они пришли сражаться за правду и за ту Великую Родину, от которой никогда не отделяли Абхазию.

– Деньги! Богатство! – Батал презрительно усмехнулся. – Это наглая и бессовестная ложь, которой хотели прикрыться те, кто развязал войну. Идиоты! Им не дано понять, что кроме презренного золота есть неизмеримо большие ценности – совесть и честь! Пусть на помощь пришли не тысячи, но уже одно то, что мы не одни, подняло наш дух и дало сил выстоять и не сломаться. А положение было критическое. В первую неделю грузины захватили Сухум, с моря взяли Гагру и вышли на границу с Россией, но мы зажатые между горами и морем, не теряли надежды.

Помнишь, как в той песне Высоцкого – «Вперед! Наверх, а там. Ведь это наши горы. Они помогут нам!»

И они помогли, другой земли у нас не было, и нет. Победа пришла позже, а тогда в августе эти мерзкие шакалы, опьяненные нашей кровью, упивались победой. Каждый день с высот над Гумистой и Бзыбью, сцепив зубы, мы наблюдали, как эти нелюди разрушали наши города и села, мучили и истязали наших матерей и сестер. За завесой наглай клеветы и дезинформации, они пытались скрыть правду. Но ни минные поля, ни заградительные отряды, ни свирепствовавшая полиция сатрапа Ахалая, опутавшая каждый квартал, каждый дом паутиной страха и доносительства, не могли заглушить голос правды.

Разведчики, узники, чудом вырвавшиеся из застенков Ахалая, рассказывали о зверствах и истязаниях, творимых гвардейцами и полицейскими. Об этом трудно и невозможно говорить, но это надо знать.

Батал смолк, достал из пачки новую сигарету нервно помял в пальцах, но так и не закурил. Его слова, тяжелые, как камни обрушились на меня:–

– Миро Цецхладзе, убили лишь за то, что его сыновья – грузины ушли в наше ополчение, чтобы защитить свой дом и свою землю. Нелюди – искололи ему грудь штыками, а затем отрубили руки.

В этот же день до смерти замучили ветерана еще той Великой Отечественной войны Адлейбу Сирбия. Вся его вина состояла в том, что он абхаз осмелился ска-

зять своим мучителям правду. Бедного старика забили до смерти прикладами и в приступе звериной злобы не пощадили жену–грузинку. Пули изрешетили хрупкое тело женщины, а она на глазах остолбеневших палачей шла к тому, с кем делила радости и горе. Великая любовь дала ей силы, чтобы и после смерти они остались вместе. Еще долго над осиротевшим двором гремели выстрелы, терзая бездыханные тела, слившиеся навеки в последнем объятии.

Эти чудовища не останавливались ни перед чем! В них не сохранилось ничего человеческого. Варвары! Зверье! Они вымещали злобу на безвинных стариках, женщинах и детях. Под Келасуром загнали людей в трубы на газораспределительной станции и замуrowали. Среди бела дня застрелили в квартире сухумскую художницу Равилю Мухаметгалиеву и таких ...

Батал осекся, от нервного спазма у него перехватило дыхание. Я подлил в стакан сока, но он не притронулся, провел ладонью по лицу, словно пытался избавиться от прошлых жутких воспоминаний. Ветер трепал его, тронутые ранней сединой густые волосы, смахнул с пепельницы давно потухшую сигарету. Он, казалось, ничего не видел и не слышал и находился в прошлом. Я, не меньше его, потрясенный услышанным, не знал, как дальше продолжить разговор. Батал сделал это за меня, очнувшись, с ожесточением произнес:

– Терпеть такое было выше человеческих сил. Наши сердца переполняла люта́я ненависть к палачам, и командиры уже не могли удержать нас. 16 марта, мы, не думая о смерти, без колебаний пошли в бой, чтобы расквитаться с этой мразью. В предрассветном полумраке цепи разведчиков, взвода абхазской, армянской рот, кубанские и донские казаки поднялись в отчаянную атаку. Это был первый и самый трагический штурм Сухума.

Как на зло выпал снег, такого на моей памяти еще не было. Ноги тонули в сугробах. Ледяная мартовская вода обжигала тело, острые камни рвали одежду и до крови рассекали руки, но никто не проронил ни слова, ни подал сто́на. В стремительном броске мы форсировали Гумисту и залегли в прибрежных скалах. Разведчики ушли вперед проделывать проходы в минных полях и снимать неприятельские дозоры. Пулеметчики и минометчики занимали позиции, чтобы поддержать наступающих и первым залпом накрыть огневые точки противника. Родная ночь хранила нас, но предательский свет ракеты выдал разведчиков.

Тишину вспороли пулеметные и автоматные очереди, заухали тяжелые минометы и надрывный вой смерти обрушился с небес. Земля содрогнулась, и стена артиллерийского огня отрезала нас от основных сил. Пулеметные очереди прижимали к земле и не давали поднять головы, оставался единственный выход – вперед на врага. В стремительном броске мы ворвались в передовые окопы.

Батал прервал рассказ. Груз тяжелых воспоминаний мрачной тенью лег на его открытое лицо, а когда он вернулся к нему, то каждое слово давалось с трудом:

– Рукопашная?! ... Это самое суровое испытание войны! В ней нет выбора – или ты, или он. В такие мгновения, когда смерть смотрит в лицо, в тебе умирает человек. Изнутри, нет, не из сердца, а откуда – то из неведомых глубин души, вы-

рываются самые темные силы и ты превращаешься в дьявола. Ты живешь только одним – растерзать, разорвать и уничтожить подобное тебе существо.

Сначала грянули разрывы гранат, а через мгновение, заглушая их и шум боя, над цепью окопов зазвучал яростный рев и мат. Первые лучи восходящего солнца багровыми всполохами засверкали на кончиках штыков и булатной стали ножей и кинжалов. Мы сошлись в рукопашной! Клубки окровавленных тел извивались на земле, кусали, терзали и кромсали друг друга в слепой ярости. Стоны раненых и мольба умирающих неслись из-под ног, но на них никто не обращал внимания. По телам своих и чужих мы рвались наверх, к злобно твякающему пулемету. Смерть вырывала одного бойца за другим. Атака захлебнулась и, пришедший в себя враг, обрушил на нас шквал огня. В воздухе зависли вертушки, и свинцовый дождь пролился новыми смертями по нашим обескровленным цепям.

Эта мясорубка продолжалась до глубокой ночи, и только под ее покровом немногие сумели возвратиться назад. Потом небо над Сухумом еще долго полыхало от «трассеров» и сигнальных ракет, это торжествующие гвардейцы праздновали победу. Мы же переживали настоящий шок, потери, казались, невосполнимы, души были опустошены, а сердца переполняли горе и отчаяние. С провалом наступления, в которое, было вложено все, таяла надежда на победу. Последнее, что у нас еще оставалось, так это вера. Ее символом стал наш президент.

Да, да! Президент!– с вызовом воскликнул Батал. – А сегодняшние кривые ухмылки и злословие пусть останутся на совести тех, кто во время войны отсиживался за Псоу. Сейчас, когда он болен, легко вешать на него всех собак, а тогда, в те невыносимо тяжкие дни, именно, Владислав Григорьевич сумел нас объединить, и мы смогли выстоять и победить!

Мне нечего лебезить и заискивать. Я был простым бойцом и остаюсь рядовым гражданином! Я единственный в семье и по указу президента не подлежал призыву. Можно было остаться в Харькове, спокойно закончить институт и «сесть» на «теплое» местечко. Декан, когда отдавал документы так и сказал:

«Батал – это не твое дело. Те, кто эту кашу заварил, пусть сами и расхлебывают».

Отец тоже писал, звонил и просил не приезжать. Его можно понять, он долго ждал ребенка целых пятьдесят три года. А когда я увидел свет, он был на седьмом небе от счастья и гордился тем, что род Ахба будет продолжен.

Губы Батала дрогнули и, нервно теребя сигарету, он тихо произнес:

– А мне, что было делать?! Что?...Оставаться в стороне и смотреть, как враг терзает мою землю, убивает родных и друзей?! Но кому тогда нужен род Ахба, если у него не будет родины?! Кому?– здесь голос Батала окреп, в нем звучала гордость за свой народ и президента Ардзинба:

– Слава богу, так думало большинство. Нам было невыносимо тяжело, и Президент сумел найти те самые слова, которые возродили надежду в наших сердцах. Он смог выразить то, что было в душе каждого из нас и слить любовь к Родине и ненависть к врагу в такой невиданный сплав, который оказался не под силу ни танкам, ни самолетам, ни бешеным деньгам, которые в нашей крови отмывали мерзавцы в Тбилиси и Москве.

Я и сейчас помню каждый жест и каждую фразу той Великой речи президента. Они и сегодня, спустя шесть лет живут во мне и дают надежду на то, что когда ни будь все будет нормально. Они заслуживают того, чтобы их повторять снова и снова, –

«У народа, потерявшего землю отцов – нет будущего. И пока жив ее последний гражданин никто и ничто не сможет покорить ее. Я останусь со своим народом и разделю его судьбу, какой бы трудной и трагической она не была. Но я верю, что победа будет за нами! На нашей стороне правда и справедливость! С нами наши братья с Кавказа! С нами русский народ! С нами дух наших великих предков, сумевших во все века отстоять от врагов и сохранить нашу любимую Абхазию!»

Эти слова президента вмиг облетели всю республику. Люди воспрянули духом и повторяли как молитву:

«Владислав с нами до конца! Он верит в победу!»

Батал перевел дыхание и продолжил:

– Он был с нами не только словом, но и всем сердцем, душой и делом! Его вера и стойкость, несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, оставались непоколебимы. У меня и других бойцов не возникало и тени сомнения в том, что Владислав Григорьевич может дрогнуть, отступить, а тем более сдать. Поверь, это не просто красивые слова. Он доказал это на деле.

Шли тяжелейшие бои за Цугуровку, Шрому и Ахбюк, ставшие кульминацией войны. Ахбюк по несколько раз переходил из рук в руки, как мы, так и гвардейцы хорошо понимали, что эта высота ключ к Сухуму. В очередной раз нам удалось овладеть ею, и не успели, как следует, закрепиться, как они подтянули резервы, и пошли в контратаку. Грузины вояки так себе, но тут озверели и, не считаясь с потерями, перли на нас. С воздуха их постоянно прикрывала авиация, а артиллерия без перерыва била по нашим позициям и не давала поднять головы.

Мы упорно цеплялись за каждый бугорок, за каждую ложбинку, но их тяжелые батальонные минометы выкашивали наши ряды. Все кто еще мог держать оружие в руках, даже тяжелораненые ушли на передовую, это ненадолго остановило врага, но не спасло положения. Из города к ним подошли свежие силы, и они возобновили атаки. Мы отступали, сдавая одну позицию за другой, к полудню положение сложилось критическое. Казалось, еще одно их усилие – и фронт будет прорван.

В те роковые часы вся Абхазия замерла в напряжении. Вести из-под Ахбюка приходили одна горестнее другой. Люди готовились к самому худшему, и тогда президент объявил всеобщую мобилизацию. В Гудауте собрались старики и мальчишки из восьмых и девярых классов, остальные уже воевали. Матери прощались с сыновьями, старики сурово молчали и примерялись к оружию. Владислав Григорьевич отказался принять такие жертвы, собрал всех, кто еще оставался в штабе, их оказалось совсем немного, и отправился на фронт.

Его появление на передовой для бойцов и командиров явилось полной неожиданностью. Он не кричал и не командовал, он просто занял место в строю и делал то, что делает рядовой на любой войне. Одно только это вернуло нам уверенность и заставило забыть о смерти. Можно привести самые возвышенные слова, но и они не передадут то состояние духа, что овладело каждым из нас.

Наступил момент истины! Цепи ополченцев поднялись из окопов и ринулись в атаку. Рядом с нами шел Владислав Григорьевич. В те минуты мы стали одним целым, и, казалось, ничто не могло остановить наш порыв. Но гвардейцы вцепились намертво в позиции, а когда узнали, что он среди нас, принялись яростно контратаковать. В какой-то момент мы дрогнули и попятились назад.

Перед нами затрепали кусты и на поляну, прямо на Владислава Григорьевича выскочил растрепанный боец, за его спиной мялись еще двое. Паника на войне, это самое страшное, и ее остановить можно, пожалуй, только пулей. Они узнали президента и обречено уронили головы. Минуту, может больше, длилась пауза. Владислав Григорьевич смотрел на новенький гранатомет в руках бойца, на потухшее лицо, и в его взгляде не было ни злобы, ни ненависти, а плескалась такая досада и боль, что нам всем стало невыносимо стыдно за свою слабость.

– Ну, какое тебе еще надо оружие, чтобы отстоять свою землю?! – с горечью сказал он

Эти простые слова были для нас сильнее самого пламенного призыва. Мы снова поднялись в атаку и, несмотря на ожесточенное сопротивление гвардейцев, отбили позиции. Потом были бесконечно долгие и невыносимо трудные дни и ночи на пути к победе. Но именно там, под Ахбюком мы окончательно поверили, что рано или поздно она придет к нам, потому что ради нее каждый из нас, начиная от президента и, заканчивая простым бойцом, готовы были стоять до конца.

Тридцатого сентября девяносто третьего, наконец, наступил этот долгожданный и хрупкий мир, – просто и буднично сказал Батал. – Мы были необыкновенно счастливы и в своем стремлении хотели сделать его лучше, добрее, чтобы уберечь от той беды, которая постигла нас. Но он не пожелал понять нас и надменно отвернулся. Нас загнали блокадой в большую «зону» за те преступления, которые мы не совершали и лишили права на элементарную человеческую жизнь. В России многие на второй день забыли про нашу войну, а где ни будь в Тикси или Бобровке, я думаю, даже не знают, что есть такая страна как Абхазия! – грустно закончил он, и чтобы меня не обижать деликатно заметил:

– Пойми меня правильно, я никого не упрекаю. Многие тогда посчитали, что Горбачев с Ельциным не поделили власть и один сожрал другого. Для них Москва как стояла, так и осталась стоять. Местные начальнички, как сидели на своих местах, так и остались сидеть, с той лишь разницей, что партийные билеты поменили на депутатские «корочки», а ближе к сердцу вместо значка с «вечно живым Ильичем», положили заветную чековую книжку.

Собственно, чего о них говорить! Бог им судья за то, что они сотворили с нами и страной. Прошлого не вернуть. А что будет с нами и вами завтра? Сейчас американцы учат вас как жить, но слава богу говорите вы пока по-русски. Мерзко и отвратительно от того, что в девяносто шестом в Чечне продажные политики сделали с армией. Презрение вызывает бесстыдство новых нуворишей, ободравших собственный народ, как липку. Сегодня вас не пинает разве что ленивый, но я не сомневаюсь, рано или поздно, как уже не раз бывало в истории, Россия, пройдет через эти беды и поднимется с колен.

Другое дело мы, – продолжал размышлять он, – те, кто, как говорят политиканы, жил на национальных окраинах «империи зла». Для нас тот роковой август обернулся таким моральным и нравственным ударом, от которого многие не оправились до сих пор.

Нет! Как они могли! – и голос Батала задрожал от негодования. – Подлые твари, посчитав нас безгласной скотиной, поделили страну, народ, а затем катком пещерного национализма прокатились по нашим судьбам и жизням. До сих пор мы напоминаем части разрубленного тела, которые, содрогаясь в конвульсиях, продолжают тянуться к живительным артериям, питавшим некогда единый организм. Но они – эти нелюди, дорвавшись до власти, рвут последние нити, что еще связывают нас, торопятся выжечь и вырвать из сознания даже само упоминание от той нашей общей родине.

Абхазия испытала все это сполна. С первого дня оккупации малоизвестный художник, зато известный «вор в законе» Джаба Иоселиани со своими ублюдками запретили абхазский и русский. Они толпами гнали евреев, греков и армян к кораблям, лишь бы те поскорее освободили для них дома и земли.

Великая Грузия – для грузин?! Это тебе что то говорит?! Нет, они принадлежат не сумасшедшему ефрейтору, а «просвещенным эстетам» из Тбилиси. Утверждают, что спид это чума двадцатого века. Глубочайшее заблуждение! Национализм – вот настоящий бич человечества! – был категоричен Батал. – Он пробуждает в людях такие черные и демонические силы, перед которыми меркнут даже злодеяния Ирода. Посмотри, что творится в сытой и благополучной Англии, просвещенной Франции и Испании. Тысячелетняя культура и незыблемая мораль летят ко всем чертям перед этим неистребимым вирусом. Он поражает больных и здоровых, умных и дураков. Я испытал его на собственной шкуре.

Как-то после войны поехал в Харьков, хотел восстановиться в институте. Чем, думаешь, кончилось? Правильно! – и горькая усмешка появилась на лице Батала, – Как вспомню, так сразу начинает трясти. Сажу на лавку, в парке Шевченко, рядышком парочка негров, болтаем ни о чем. Подходят менты, на них – негров ноль внимания, а меня за шкуру и в участок. Я спрашиваю:

– За что!?

А они:

« За то, что морда черная».

Я им:

– У них чернее.

«Заткнись! Это наши гости!» – рявкнул сержант.

– А я кто тогда?! – и тычу в его наглую рожу паспорт, – Вот смотри! Он такой же, как у тебя и говорим мы с тобой на одном языке! Думаешь, слушать стали? Нет! У них кроме резинового дубья других аргументов для меня не нашлось. Ладно, этих «голубых» можно понять. Им дали команду молотить демократов – молотили, потом коммунистов, а сейчас всех подряд, кто рожей не вышел. Что окончательно убило, – сокрушался Батал, – так это когда на меня накинулись тетки и пацаны.

«Бандит! Чечен! Морда черножопая!» – надрывалась одна, а другая, все норовила лицо поцарапать. В общем, кинули меня в «обезьянник». Там, как водится,

отобрали часы, деньги и размазали по стенке. Через пару дней вернули паспорт и сказали, что бы моего духа ни в Харькове, ни на Украине не было.

Добирался домой, как какой – то шпион, прятался на третьих полках и в тамбурах. Перед глазами мелькали знакомые по прошлым поездкам в институт города и станции, рядом звучала привычная речь. Но это уже была другая жизнь и другая страна, в которой для таких, как я не нашлось места. Мы стали чужими в этом новом мире, я имею ввиду не только себя, но и тех русских, армян, греков, кто после девяносто первого остался в Абхазии.

Тяжело вздохнув, Батал уже без прежней ожесточенности заметил:

– В мире много несправедливости, тем не менее, я верю, что как бы там не упирались в Тбилиси, но договор когда-то будет подписан. Рано или поздно все войны заканчиваются миром. Но кто и когда сможет остановить войну, что поселилась в наших сердцах, залечить страшные рубцы в памяти народов, порожденные взаимной ненавистью и горечью утрат. Говорят, время лечит все, даже самое тяжелое горе. Возможно? Я думаю о другом, сумеем ли мы пронести через годы светлую любовь павших к Родине? Устоит ли наша бескорыстная военная дружба, когда мирная жизнь рассадит нас по разным креслам?... Не знаю, не знаю...

Спустя пять лет тот наш разговор с поразительной точностью всплыл в моей памяти. Помнил ли о нем Батал, я пытался прочесть ответ на его отрешенном лице. И он, словно, услышал меня, отшвырнул давно погасшую сигарету, виновато посмотрел на вернувшихся к столу Феликса с Бено и, потупившись, глухо произнес:

– Извините ребята, что хлеб – соль испортил.

– Ладно, забудь! С этими выборами мы все стали ненормальными, – примирительно сказал Феликс и потянулся к графину с вином.

Батал положил руку на стакан, его лицо исказила болезненная гримаса, и с ожесточением произнес:

– Вот ты, Феликс, пожил немало, так скажи, почему на войне мы были вместе, а теперь стали, чуть ли не врагами?! Что происходит с нами? Одиннадцать лет назад, мы с Денисом сидели в одном окопе, а сейчас из – за Рауля и Багапша готовы друг другу грызть глотки! Сердцем понимаю, что Багапш с Денисом, не меньше меня и Рауля любят Абхазию, а вот умом...Нет, не знаю! С Владиславом и Раулем я уверен – грузины никогда не войдут в Сухум, а вот с Багапшом и Анквабом

– Опять ерунду порешь! – перебил Феликс.

Назревала очередная ссора, и Бено поторопился разлить вино по стаканам.

– Не надо! Не буду портить вам настроение, посидим в другой раз, – отказался Батал и поднялся из – за стола.

Мы не стали его уговаривать, вечер оказался окончательно испорчен. Я с грустью смотрел ему в след и у меня перед глазами возник, совершенно другой Батал, из уже ставшего таким далеким прошлого.

Тот вихрастый юноша из послевоенной Ачандары, чем – то неуловимо выделялся среди ребят из местной волейбольной команды, с которой мы сошлись в финале. Из-под длиннющих смоляных ресниц бездонными голубыми озерами смотрели не по-юношески серьезные глаза. В них смешались любопытство с не-

поддельным интересом, и плескалась неумная жажда жизни. Мы были первыми в этом высокогорном селе, пришельцами из другого мира и из другой жизни нетронутой и не опаленной пожаром войны. Затем невольно мой взгляд искал его на волейбольной площадке, у реки, где вместе плескались, смывая после игры пот и соль, за праздничным столом и среди танцоров.

Он постоянно был в движении. Азартно и яростно сражался за каждый мяч. Потом во дворе Назима Ахбы вместе с Масиком и Левиком подобно челноку сновал между гостями и столом. А когда грянули первые аккорды, расправив, словно крылья широченные рукава рубахи, закружил в завораживающем танце вместе с юной Асидой. Каждое их движение было исполнено глубоким чувством.

Ритм барабана нарастал. Руки Зурика порхали над ним с невероятной быстротой. Не отставал и Батал. Его ноги едва касались земли, и казалось, что он парит над нею. Зрители восторженными возгласами поддерживали музыканта и танцоров в этом соревновании ритма и движения.

Не усидел на месте невозмутимый Гена Квициния – капитан команды сухумчан. Его статная, могучая фигура величаво выплыла на середину круга. Вслед за ним взлетел и заплясал в искрометной и зажигательной лезгинке Юра Марухба. Хрупкая фигурка девушки то нежной белой лилией припадала к мощному плечу Гены, то грациозным лебедем плыла вокруг Юры, то русалочкой лукаво манила и ускользала от Батала. В круг вступали все новые и новые танцоры. Вихрастая голова юноши вскоре затерялась в толпе.

Поздно ночью закончился этот оставшийся навсегда в нашей памяти вечер в Ачандарах. Здесь, у нетронутых альпийских лугов, на берегу стремительной горной реки, берущей начало у вечных снегов, вопреки времени произошло невозможное. Я возвратился в свое не столь отдаленное прошлое. Прошлое, которое не было замутнено духом стяжательства и алчности, отравлено ядом эгоизма. Где слово друг и Родина были неизмеримо дороже роскошного 600-го мерседеса или пятизначного счета в «Бэнк оф Америка». Прошлое, когда ты был счастлив в скромной каморке в пик курортного сезона у стен Пантелеймоновского монастыря больше, чем в помпезных апартаментах московского «Президент отеля» и бесконечно рад встрече со старыми друзьями....

С того памятного вечера прошло восемь лет, которые так и не приблизили нас к нашей мечте, а, кажется, только больше отдали. И эта сегодняшняя встреча с Баталом, закончившаяся ссорой с Денисом, до глубины души потрясла меня. Спина Батала давно пропала за пальмами, а я все смотрел ему вслед и с грустью думал:

«Неужели то прекрасное и полное надежд время, которое нас всех связывало в прошлом, больше никогда не вернется?!... Что будет сегодня, и что ждет завтра моих друзей? Друзей, каждый из которых по – своему был мне дорог. Кто и что сможет погасить вспыхнувший в их душах безжалостный огонь вражды и смягчить взаимное ожесточение?

Господь? ...

Божественная красота этой неповторимой земли?...

Так все таки что?!...

Великое Слово?! – и слабая надежда согрела меня. – Может, как и тогда во

время ожесточенных боев за Ахбюк, Цугуровку и Шрому, когда решалась судьбы Абхазии и ее народа, кто – то мудрый и справедливый снова найдет то самое заветное слово, которое примирит моих друзей, и на лице Батала опять появится открытая, добрая и обезоруживающая улыбка.

Глава 14

Сухум лениво и неспешно просыпался после сладостной и расслабляющей утренней неги, которую испытываешь только здесь. В пацхах, над трубами печей закурились сиреневые дымы, ближе к рынку открылись двери кафе. Несмотря на ранний час, на приморской набережной, на пяточке у знаменитой «брехаловки» появились заядлые шахматисты и «козлятники», те же, кто пришел узнать самые горячие новости и «почесать» языки выстроились в оживленную очередь к «кофейне Акопа».

Жизнь на улицах города только начала набирать обороты, а перед входом в русский театр уже возбужденно гудела толпа. До начала спектакля «Много шума из ничего» оставалось целых девять часов, но главный зал был заполнен до отказа и гудел, словно, растревоженный пчелиный улей. За все послевоенные годы он еще не видел столько молодых лиц, изредка среди них попадались уже примелькавшиеся физиономии искушенных политических бойцов, они скромно держались в тени и предпочитали занимать места где ни будь в средних рядах.

На сцене, как во времена их бурной комсомольской юности, группа ребят из молодежного движения «Ахъца» с энтузиазмом расставляла столы и стулья для президиума, а над трибуной колдовали два юноши, устанавливая и проверяя микрофон. Между рядов сновали опоздавшие и искали свободные места. Во всем, даже в унылом фойе и поблекших от безвременья фотопортретах артистов, ощущалась приподнятая, почти праздничная атмосфера школьного утренника, на котором строгий директор и зануды учителя, на время разрешили ученикам поиграть во взрослых. И они, искренне веря им, всей душой отдавались коварной политической игре старших.

Вскоре сутолока в проходах и на сцене улеглась, президиум занял места, и из старых, осипших динамиков зазвучал гимн. Грохот стульев и шарканье ног на время заглушили его, но вскоре молодые и сильные голоса, подпевавшие певцу, вернули залу строгость и торжественность. Затем наступила многозначительная тишина, в президиуме умело держали паузу, еще больше подчеркивавшую важность всего действия. Наконец, председатель с легким волнением в голосе объявил об открытии собрания.

В первых рядах громыхнуло кресло, в воздухе прошелестел легкий шепоток и по ступенькам к трибуне взлетел молодой человек. Он и еще несколько ораторов – застрельщиков, волнуясь, произнесли речи как плохо заученный урок, но постепенно дух грядущей революции, витавший в воздухе, поднял пафос выступлений. В зал, «камням», полетели гневные тирады, обличавшие, «погрязших в вызывающей роскоши, и рвущихся к власти, коррупционеров и бывших партократов».

На перерыв ребята выходили уже готовые со знаменами в руках и верхом на броневику брать приступом штабы «Амцахара» и «Возрождение» с засевавшими там «коррупционерами» и, примкнувшими к ним «партократами». Оживленная толпа выплеснула меня в фойе, и там я столкнулся с Тали Джопуа, одной из героинь прошлого моего очерка «Абхазские мадонны».

За прошедшее с последней нашей встречи время она мало изменилась. Та же стройная спортивная фигура, уверенная и решительная походка, те же милые ямочки, появлявшиеся при улыбке на щеках, напомнили мне прежнюю Тали. И в то же время, как мне показалось, это была другая Тали, в ее взгляде появилось больше жесткости, а жесты и движения стали более резки, видимо, должность министра наложила свой отпечаток.

Мы узнали друг друга и с нескрываемой радостью пожали руки, но к сожалению, спокойно поговорить не смогли. Тали, ставшая давно живой легендой, всегда находилась в центре внимания, и на этот раз ребята обрушились на нее с вопросами. Перерыв подошел к концу и все дружно повалили в зал, а у меня пропало всякое желание снова окунаться в наэлектризованную нетерпимостью атмосферу. Я вышел на улицу, с облегчением вздохнул и отправился в офис общественно-политического движения «Возрождение», чтобы встретиться с Бесланом Кубрава и потом, вместе с сыновьями: средним Иналом и младшим Асланом отправиться искупаться на море.

Но, похоже, в тот день неудачи преследовали меня. Политическая горячка захлестнула всех, в том числе уравновешенного и спокойного как удав Беслана. Нашел я его в кабинете одного из лидеров «Возрождения» Леонида Лакербая. Они о чем – то оживленно говорили, к ним внимательно прислушивалась группа молодых активистов. Беслан заметил меня, и только развел руками. Я с сочувствием покачал головой, вышел в коридор и там нос к носу столкнулся с Майей, еще одной героине, которая дала жизнь очерку «Абхазские мадонны».

Она тоже была искренне рада неожиданной встрече. Мой удрученный вид, тронул ее и, несмотря на занятость, Майя нашла время и пригласила в свободный кабинет. Пока готовился кофе я делился впечатлениями от встречи с Тали. Шесть лет назад, именно, Майя познакомила нас. Странно, но она не проявила к этому интереса, рассеяно слушала и перебирала бумаги на столе. Я так увлекся рассказом, что не заметил, как на ее лицо набежала тень, а в глазах появился обжигающий холодок. В какой – то момент она не сдержалась и сказала так, словно отрезала:

- Николай, Тали меня не интересуется! Мы с ней слишком далеко разошлись!
- Как же так?!... Вы же вместе воевали? И потом изумился я.
- Мне бы не хотелось говорить об этом, – остановила меня Майя

– Но почему!?!...

Телефонный звонок прервал этот, вдруг ставший трудный для нас обоих разговор. Майя подняла трубку, из нее донесся гневный голос одного из руководителей отделения «Возрождение». Он с возмущением сообщил о том, что местная администрация пытается закрыть офис и вставляет палки в колеса в работу активистов. Она внимательно слушала, изредка задавала вопросы, что-то помечала в тетрадь, и когда разговор закончился, у меня почему-то не нашлось слов, вернуться к беседе. Неловкую паузу разрядила шумная группа ребят. Грядущая предвыборная лихорадка и бескомпромиссная политическая борьба безжалостно диктовали свои правила и не оставляла места для житейских мелочей. Майе стало не до меня, я, почувствовав себя лишним, незаметно покинул кабинет и вышел на улицу.

Погода, даже по сухумским меркам, стояла просто на загляденье. На небе было ни облачка и солнце, ставшее необыкновенно ласковым, растворилось в бирюзовой дымке, висевшей над морем. В хрустально-чистом воздухе витал нежный ароматом поздних роз. К нему примешивался сладковатый запах созревшей изабеллы, иссиня-черные гроздья которой обильно усыпали узловатые ветви лозы, плотным ковром, покрывавшей фасады домов и беседки. Сквозь пышную зелень садов мириадами маленьких солнц проглядывала хурма. Желтоватый цвет уже окрасил плоды и напоминал о приближении сбора урожая.

Под ногами шуршал красно-желтый ковер из опавших листьев и я, как когда-то в детстве, широко загребая ногами, погнал «волну» перед собой. По пути попадались гостеприимно распахнутые двери уютных «забегаловок». Маняще звала музыка из «кафе-студии Батала», но я не стал останавливаться, слишком был день и брел туда, куда меня вели ноги.

Впереди белоснежным миражом возникла знаменитая сухумская колоннада, за которой серебрилась морская гладь. За кустами олеандра, полыхавшими нежно-розовым, проглянула главная достопримечательность «брехаловки» – «кофейня Акопа». Прошло три года, как он умер, но его имя, похоже, навечно прикипело к этому неповторимому уголку Сухума, ставшему своеобразным «абхазским Гайд-парком».

Я прошел к свободному столику, спрятавшемуся под раскидистой кроной олеандра и, подчиняясь безотчетному чувству, присел на лавку. Рука невольно потянулась к простенькой металлической пепельнице, а взгляд искал незамысловатую, прочерченную гвоздем на доске надпись. Она была на месте и лишь слегка потускнела от времени и непогоды. Казалось, здесь ничего не изменилось, после той нашей первой беседы с Ириной, натолкнувшей меня на мысль об очерке про трех замечательных женщинах, с двумя из которых я только – что встретился.

Нахлынувшие воспоминания снова возвратили меня к тем прекрасным дням, подарившим незабываемую радость встреч с ними. Я повернулся к центральной аллее и мои глаза невольно остановились на арке...

...Ирина? Когда, в какой момент появилась она?!... Она возникла из этого пьянящего воздуха, бесконечного неба, теплого моря и ярких солнечных лучей. Легкой, уверенной походкой пересекла улицу и вышла на нас с Виталием Чамагуа, главным редактором газеты «Республика Абхазия».

Светло-синий брючный костюм, темный с искоркой жакет подчеркивал достоинства ее статной фигуры. Перехваченные кокетливым бантом пышные каштановые волосы задорно развивались на ветру, а волнистая прядь озорно ниспадала на высокий лоб. Большие серые глаза, смоляные крылья бровей, тонкий овал лица с чувственными губами и маленькой родинкой над верхней губой завораживали и как магнит притягивали взгляды мужчин.

Занимавшие соседний столик «новые абхазы» перестали обращать внимания на попискивание сотовых телефонов и откровенно пожирали ее глазами. Два усача, долбившие вопросами журналиста Сергея Арутюнова о том, что станет с Грузией, если Абхазия нанесет упреждающий удар по ее хозяину – Америке, от которого, знай об этом в Вашингтоне и Тбилиси, наверняка бы содрогнулись, резко поумерили пыл и переключили свое внимание на нее. На что уж степенные шахматисты и заядлые «козлятники», и те забыли про игру и приняли охотничью стойку. Мы с Виталием их всех «обломали».

– Ирина. Красивая женщина! – с восхищением произнес он и приветливо помахал ей рукой.

Она заметила нас и прошла к столику. Я не без гордости, с превосходством посмотрели в сторону «новых абхазов», а Виталий не удержался и сказал:

– Если, такие женщины не проходят мимо, значит, мы еще чего-то стоим.

Ирина властным взглядом прошла по нам, как по больному на операционном столе и скептически заметила:

– Не стоит обольщаться.

...– Это же почему?! – в один голос возмутились мы.

А она продолжала безжалостно разрушать возникшие у нас иллюзии.

– Тем более с такими золотыми цепями.

– Какие цепи! Так одно название, – скромничали мы.

– По нынешним временам с подобным снаряжением долго не протянешь, – вынесла Ирина суровый вердикт.

– Совершенно верно! Киллеры их давно заждались, – тут же поддержал ее, подсевший к нам Сережа.

– Тебе, с твоим навороченным сотовым, конечно, виднее, – подозрительно быстро согласился Виталий и потом не преминул подпустить яду,

– Хитрый, ты мой, а зачем цепь снял?!

– Жить хочется, вот и пришлось сдать в ломбард. Кстати, там такая давка, что вы вряд ли успеете, – нанес ответный укол Сергей.

И пока старые приятели обменивались взаимными колкостями, Ира маленькими глотками пила кофе и с живым интересом наблюдала за ними. Ее строгое и, кажущееся холодным лицо время от времени согревала мягкая улыбка, глаза лучились лукавыми морщинками, и в этот миг в ней появлялось что-то от озорного мальчишки и коварной, обольстительной цыганки. Необыкновенной женственностью и притягательностью были исполнены ее жесты и движения.

Виталий и Сергей, продемонстрировав во всем своем блеске ораторский арсенал, затем деликатно перевели разговор на тему войны. Мрачная тень ее воспоминаний легкой тучкой прошла по лицу Ирины, но она не замкнулась и к моей

радости согласилась на встречу с Тали и Майей, о мужестве и героизме которых во время войны я уже был наслышан. После короткого обмена мнениями мы сошлись на том, что более подходящего места, чем фотостудия Володи Попова нам не найти. Вопрос был решен, и Виталий предложил выпить еще по чашке кофе, но все дружно отказались.

К этому времени солнце поднялось над кронами могучих эвкалиптов и стало припекать спины. Ожил и запищал сотовый телефон у Сергея, звонили из корпункта, он извинился и отправился к себе. Виталий еще какое – то время оставался с нами, но подошел час сдачи газеты в набор, и мы с Ириной проводив его до редакции, не стовариваясь решили прогуляться по тенистым улицам города.

Дорога, описав замысловатую петлю среди полыхающих осенним пожаром цветочных клумб, круто пошла в гору. Начались старые, конца прошлого века, кварталы аристократического Сухума. Время и война не пощадили их, но даже они не смогли уничтожить тот особенный дух, которым дышали каждый камень мостовой и стены, так не похожих друг на друга двух – и трехэтажных особняков.

Это был особенный мир, и мне уже почудилась, в густых зарослях одичавшего инжира и винограда, хорошо знакомая по фильмам и фотографиям коренастая фигура, затаенная в серый френч. Из-за спины Вождя зловеще поблескивал стекляшками пенсне «всесоюзный палач» Лаврентия Берия. Из венецианской беседки, чудом уцелевшей после взрыва авиабомбы, доносился бархатистый голос Антона Чехова. Его заглушал заразительно – звонкий смех артиста Геннадия Хазанова. Главный герой из известной кинокомедии «Маленький гигант большого секса» нашел в этом чарующем уголке земли не только самых замечательных красавиц, а и лучшее на всем побережье от Анапы до Батума вино.

Веселый перестук молотков возвратил нас к действительности. У недавно отремонтированной больницы, вокруг медицинского оборудования и груды ящиков оживленно сновали врачи, медсестры и рабочие. Незлобно подзуживая друг друга, грузчики осторожно спускали по доскам импортную аппаратуру и заносили в здание.

Ира приостановилась посмотреть на это заграничное медицинское чудо, ее лицо помрачнело, и она с горечью произнесла:

– Эх, тогда бы все это! Сколько ребят могли бы спасти! Нам не хватало элементарного, и от безысходности порой не хотелось жить. Даже не знаю, откуда только брались силы?

– Испытания мобилизуют, – обронил я.

– Наверно, – согласилась Ира, – И, если бы не мужество ребят. Я не знаю... Нет, они не упрекали нас, а когда подступала смерть... – она осеклась, ее глаза затуманились, и я услышал, тронувшую меня до глубины души, исповедь – рассказ.

– Его привезли на рассвете. Старенькая нива, на которой, казалось, не осталось живого места, каким-то чудом добралась до полевого госпиталя, затерявшегося в горах. Два усталых и запыленных бойца бережно вынесли и положили на траву завернутое в одеяло тело. В слабом свете керосиновой лампы бледным, бескровным пятном отсвечивало лицо, и лишь по слабому трепету ресниц можно было понять, что жизнь еще не оставила его.

На шум голосов из палатки вышел Даур, воспаленными от бессонницы глазами посмотрел на бойцов, раненого и устало сказал:

«Немедленно в операционную!»

Ребята подняли его, внесли под навес и положили на обрызганный кровью кухонный стол, отошли в угол и без сил рухнули на лавку. Борясь со сном, они не спускали с нас глаз. Даур нахмурился, но ничего не сказал. Сколько этих молящих, наполненных болью и живущих робкой надеждой взглядов пришлось вынести ему и нам. Они заставляли забывать об усталости, о крови, текущей по твоим рукам, не слышать пилы, вгрызающейся в плоть и кость. Мы жили только одним – вырвать у смерти еще одну человеческую жизнь.

Началась операция, фитилек в лампе задрожал и стал гаснуть, в керосине оказалась вода. Анетта тут же зажгла другую и подвесила на крюк под потолком. Вторая операционная сестра пододвинула табурет с кухонным подносом, на котором лежал скудный инструмент. Сейчас это может показаться невероятным, но тогда мы были рады альпинистскому ледорубу, принесенному ребятами с турбазы на Ауадхаре. Ножовке по металлу, отлитой Шабад и бинтам из нижнего белья, – с болью произнесла Ирина и продолжила рассказ:

Мы лихорадочно спешили в этой гонке со смертью, кромсая ножницами и ножом заскорузлые, пропитанные кровью и гноем повязки. Даур заскрипел зубами от горечи, и было от чего, раны оказались ужасны, обе голени превратились в сплошное кровавое месиво, а таз и позвоночник раздробили осколки. Гангрена синюшными пятнами расплзлась по ногам, надежды на спасение уже не оставалось, но мы продолжали бороться за жизнь.

Санитары телами прижали руки и ноги раненого к столу, Даур разжал ножом зубы, и чача обожгла его гортань. Он судорожно закашлял и открыл глаза, губы силились что-то произнести, но с них слетал еле слышный шелест. Его взгляд остановился на мне, пальцы тронули и затем сжали мою руку. И потом, когда Даур осколок за осколком извлекал из истерзанного тела, а острые зубцы пилы кромсали кость, мы были вместе, и это давало ему силы вынести нечеловеческие страдания и невыносимую боль.

Давно был потерян счет времени в этой схватке со смертью. Солнце встало из-за гор, потухли фитили в керосинке. Вместе с ними угасала и надежда на спасение, гангрена довершала свое страшное дело. Он умирал, гримаса боли покинула лицо, ставшие огромными глаза, в которых плескалась неземная тоска, не отпускали меня, слабеющая рука продолжала бережно удерживать мою. Собрав остатки сил, он прошептал:

– Как холодно. Не отпускай меня туда...

В этот последний миг он не думал о боли и смерти. И потом еще долго трепетное тепло его ладони жило во мне. Оно согревало и поддерживало в самые трудные и роковые минуты, спасало и очищало от мерзости и грязи войны...

Дружный и заразительный смех прервал рассказ Ирины. У подъезда больницы шла веселая возня. Женщины, подхватив смущенного и робко сопротивлявшегося водителя, усадили в стоматологическое кресло. Над его головой со зверским выражением лица воинственно крутил рычагом бормашины здоровенный

детина, а юркий юноша энергично щелкал фотоаппаратом. Оттуда, из кучи малы нам что-то кричали и махали руками. Улыбка тронула губы Ирины и облачко грусти сошло с лица. Она озорно подмигнула, в ней снова проснулся задорный мальчишка-сорванец, и бросив на ходу,

– До встречи у Володи!

Присоединилась к ним.

На следующий день в фотостудии Попова я с волнением ждал ее в надежде на скорую встречу с Майей и Тали. Людской круговорот ни на минуту не замирал в небольшом и по-домашнему уютном зале. На помосте, в свете ярких ламп две актрисы из филармонии весело пикировались между собой и кокетливо поглядывая на мужчин. Володя, молча поигрывая желваками на скулах в который раз, вынужден был перетаскивать треногу с фотоаппаратом. В углу, дожидаясь своей очереди, три долговязых школьника, смущаясь, примеряли отцовский пиджак. За журнальным столиком пили чай и листали фотоальбом журналисты из редакции «Нужная газета».

В очередной раз хлопнула входная дверь, и в студию вошли те, кого я с таким нетерпением ожидал. За спиной Ирины скромно держалась худощавая, стройная девушка. Она не бросалась в глаза яркой красотой, которой с такой щедростью природа юга одаривала здесь женщин..

– Майя! – представила спутницу Ирина.

В свете бра трепетное лицо девушки сразу приковало к себе внимание. В огромных распахнутых навстречу глазам отражалась вся ее душа, искренняя и открытая. Быстрым взглядом она прошла по мне, остановилась на фотографии, которую я держал в руке и беспокойный огонек погас в ее глазах.

– Одна из лучших работ Володи, – оценила она мой выбор.

На фоне изуродованного пожаром здания Совмина пробуждалась новая жизнь. Радостные и счастливые улыбки озаряли лица юных танцоров и певцов. Их простенькие костюмы нежными красками альпийских цветов украшали скромную сцену. Польщенный такой оценкой Майи я достал из альбома еще несколько фотографий и положил на стол. Ира предложила присесть, мы заняли свободные стулья и продолжили обсуждение достоинств этих работ.

Здесь уже Майя, словно, опасаясь потревожить трагическое прошлое, робко открыла свою папку и на стол легли фотографии, отснятые во время войны.

Среди них находились разные снимки: простые черно-белые и сочные цветные, четкие и размытые. При всей расхожести их объединяло одно общее – они не оставляли равнодушным. Жестокий лик войны был схвачен и передан Майей с поразительной точностью и правдивостью...

Безмерное горе овладело бойцом. Еще не остывший после боя автомат выпал из рук, плечи бессильно обвисли, а глаза потухли. Тонкая струйка крови сочится из раны на голове, заливая щеку и темным пятном расплывается на куртке, но он не чувствует этого, душевная боль опустошила его.

– Несколько минут назад погиб родной брат! – пояснила Майя.

Черные клубы дыма поднимаются над крышей. Пышущие нестерпимым жаром языки пламени вырываются из окон здания. В воздухе, подобно подранен-

ным птицам, кружат обгоревшие листы бумаги. Перед подъездом фигуры в камуфляжной форме, перепоясанные пулеметными лентами, швыряют в костер древние рукописи и книги.

...Что это?! Фашистская Германия тридцатых годов?! Увы, нет – это Абхазия в конце двадцатого столетия.

– Варвары! Уничтожают государственный архив Абхазии, – с презрением произнесла Майя.

Грудами искореженного бетона и металла, скорбными могилами проходили перед глазами эти успевшие пожелтеть и выцвести от времени бесстрастные свидетели минувшего лихолетья. Иногда среди них попадались фотографии, запечатлевшие редкие на войне минуты радости и торжества.

– Война – это тоже жизнь. Даже в ней есть место для любви и это чувство согрето особым теплом и имеет необыкновенную чистоту. Жестокое горнило войны очищает ее от всякой накипи и фальши, – просто и буднично сказала Майя.

– Ты там, как на ладони, – согласилась Ирина.

– И все таки война, это, прежде всего, боль и страдание, – заключила Майя и положила передо мной очередную фотографию.

Исхудавшие восковые лица детей и подростков, на которых, казалось, остались одни только глаза, печально смотрели с нее.

Где?! Когда я мог видеть их?! Память подсказала страшные картины из далекого прошлого: Саласпилс, Минское и Варшавское гетто, – фашистские лагеря для детей!

– Блокадный Ткуарчал – это наш Ленинград, – скорбно обронила Майя.

– Там люди такого натерпелись... – больше у Ирины не нашлось слов.

– Об этом надо всегда помнить и говорить! – сурово заметила Майя, и я услышал еще один рассказ о том трагическом времени

– Прошло больше двух месяцев, как кольцо блокады замкнулось вокруг Ткуарчала – этого города шахтеров. В нем жили в основном русские и украинцы, так что пусть Шеварнадзе не врет, будто воевал против «абхазских сепаратистов» – напомнила Майя и вернулась к своим воспоминаниям:

– Стылый декабрьский ветер по-волчьи завывал в развалинах разбомбленного еще во время первого авианалета железнодорожного вокзала, разбойничьи посвистывал в прострелянных трубах обогатительной фабрики, шершавым и колючим языком поземки хлестал по лицам редких прохожих, сквозь щели и трещины забирался в дома и высасывал последние капли тепла. Город, а вместе с ним и люди медленно умирали от холода и голода. Первыми жертвами становились дети и старики, с каждым днем росло их число, а единственная дорога из этого ада пролегла через небо.

Двенадцатого декабря девяносто второго года российский вертолет из Гудауты прорвался сквозь плотный огонь зенитных батарей и взял на борт шестьдесят два блокадника Ткуарчала: стариков, женщин и детей. Старенький МИ тяжело оторвался от земли, совершил разворот и, прячась за скалами, обошел первые огневые точки. Казалось, на этот раз экипажу и блокадникам удастся добраться до своих. Впереди показались позиции ополченцев и в этом миг яркие вспышки

озарили склон горы. Две ракеты устремились к цели. Пилот заметил опасность, но что он мог сделать на перегруженной машине?... Ничего!

Двигатель ревел и захлебывался от перегрузки. Экипажу с трудом удалось совершить маневр, и первая ракета прошла в десятке метров, но вторая попала прямо в топливный бак. Чудовищный взрыв сотряс горы и унес с собой шестьдесят пять человеческих жизней. Страшная весть пришла в семьи, убитые горем родственники собрались на взлетном поле. Проходил час за часом, гнетущее безмолвие нарушали рыдания и всхлипы. Поздно вечером доставили погибших, а точнее то, что осталось от тел. Людское море на миг застыло в оцепенении, потрясенное увиденным, а затем, сметая все на своем пути, хлынуло на поле. Голоса слились в одном безумном стоне, леденящий душу плач заглушал все остальные звуки.

А я... – Майя осеклась и побледнела. Груз прошлых воспоминаний, спустя столько лет, вновь напомнили о себе, – снимала этот страшный лик войны. Потрясенные горем женщины набросились на меня, и охране с трудом удалось сдержать их. Я сердцем понимала глубину постигшего несчастья, но, сцепив зубы, сквозь слезы, продолжала снимать и снимать! Ради живых и мертвых. Ради нашего будущего, чтобы потом, когда придет мир и наступит другая жизнь, эти фотографии и кинолентки не дали угаснуть памяти, а время не окрасило только в один ореол героизма трагедию, разыгравшуюся на нашей земле, – закончила рассказ Майя, и, смутившись, посмотрела на часы.

– Вот, вот должна подойти Тали, Может пройдем на улицу и там встретим? – предложила Ира.

Мы вышли из студии, не успели сделать нескольких шагов, как Майя приостановилась и с теплотой в голосе произнесла:

– А вот и Тали! Как всегда точна.

Навстречу, по противоположной стороне улицы шла невысокая, изящная, с тонкими чертами волевого лица девушка. Темный цвет делового костюма и белоснежный воротничок подчеркивал горделивую посадку головы и строгую осанку.

После короткого знакомства, Тали пригласила в кафе на набережной и пояснила:

– Там, у моря легче говорить на такие тяжелые и сложные темы.

Я охотно принял предложение, меня поддержали Майя с Ириной и все вместе мы спустились к набережной. На это раз решили не останавливаться в «Нарте», а поднялись по крутым ступенькам на верхнюю площадку причала в «Апру» и заняли свободный столик.

Из бара приглушенно звучала музыка, с кухни доносились запахи жареной барабульки и акуд. Молоденькие официантки неспешно двигались между столиками. В нем, как в любом другом месте Сухума, есть то, чего не найдешь ни в каком московском или питерском кафе. Здесь никто и никуда не спешит, и находит истинное наслаждение в неторопливой беседе. Здесь умеют радоваться простым и незатейливым вещам. Здесь чувствуешь себя счастливым, от того, что можешь дышать воздухом особой сухумской свободы и любоваться завораживающим простором такого разного и неповторимого Черного моря.

Внизу о гранит ленивой волной тихо плескал слабый прибой. Легкий бриз ласкал наши лица, забирался в волосы девушек и шалил с ними. Взгляд Тали смяг-

чился и в голосе все чаще стали звучать веселые и ироничные нотки. На мою шутовскую фразу о том, что герои, оказывается, живут рядом, она в тон ответила:

– А вы думали как Карлсон под крышей?!

– Упаси бог! В России нет такой «крыши», под которой даже герой может чувствовать себя в безопасности, – не остался в долгу я.

Тали рассмеялась. Герой Абхазии – член парламента, кандидат наук за этим иконостасом официальнойности открылась обаятельная женщина. От нее повеяло необыкновенной теплотой, и ты уже не замечал уродливых развалин гостиницы «Абхазия» и развороченных снарядами причалов морского порта. И тут улыбка исчезла с ее лица, привычную атмосферу кафе нарушил рокот моторов. Мои спутницы тревожно встрепетнулись и повернулись к морю. Над ним, со стороны Кяласура, заходила на город пара военных вертолетов.

– Возвращаются из Гали, – предположила Майя.

– Вот так же, семь лет назад, с воем вертолетов война пришла на нашу землю, – с болью в голос произнесла Тали и задумалась.

Я деликатно молчал, не торопил с рассказом, и мое терпение было вознаграждено. Проводив взглядом машины, скрывшиеся за высотками Нового района, Тали вернулась к тем уже далеким событиям августа 1992 года.

– Четырнадцатое августа мало, чем отличалось от других дней, – вспоминала она, – но ощущение надвигающейся опасности витало над всем: городом, горами, морем и поселилось в наших душах. Но все равно в худшее не хотелось верить! Дело шло к обеду, многие из института разошлись по домам, а я задержалась, когда внизу, на площади раздались крики, потом послышался топот ног. Я выглянула в окно, это были ребята из охраны Владислава Григорьевича. Они на ходу заряжали автоматы и бежали к Красному мосту, на повороте к ним присоединился Мушни Хварцкия со своей группой. Внутри меня все похолодело, разум отказывался поверить в то, что случилось самое худшее. Не помня себя, пронеслась по коридору, лестнице, выскочила на улицу и по лицам ребят поняла. Они пришли! Они уже в городе! Они стреляют! Зачем?! Почему?!...

Красный мост! Это слово жгло мое сознание и гнало вперед. Как тогда, так и сейчас, не могу найти объяснения тому, что заставило меня броситься туда, а не прятаться дома или искать спасения в горах, – размышляла Тали,

– Да, был страх, но не страх перед тем, что тебя убьют. Это было нечто иное! В тот миг я стремилась к ребятам, чтобы вместе остановить то чудовищное, что надвигалось на всех нас. Навстречу бежали растерянные и до смерти напуганные люди, чем меньше оставалось до Красного моста, тем пустынное становились улицы, и все отчетливее была слышна яростная перестрелка.

Прячась за стенами домов, я обогнула Круглую площадь и выскочила к кинотеатру. В его окнах и на крыше мелькали фигуры бойцов. Воспользовавшись затишьем, незаметно проскользнула в фойе и там столкнулась с Мушни. Несмотря на пыль и клубы дыма он узнал меня, схватил за плечи и попытался вытолкнуть на улицу. Я цеплялась за него, совала в руки бинты и лекарства, которые успела прихватить в детской поликлинике и доказывала, что без медсестры им не обойтись...

Грустно улыбнувшись, Тали призналась:

– Никакой медсестрой я не была и до того часа ничего другого, кроме пальца не перевязывала

– В тот день каждый из нас все делал впервые, – тихо обронила Майя.

– Все так, – согласилась Тали и вернулась к рассказу:

– Мушни смирился, а ребята, как мне показалось, обрадовались. Их было немного. Чуть позже к нам присоединились Батал Табагуа, Асик Атба и Ренат Корчава. С собой они принесли автоматы, а с этим оружием уже можно было отбиваться. Но не столько оно, а сколько каждое новое пополнение придавали нам силы. Мы били не одиноки и с удвоенной энергией продолжали отстреливаться. Несмотря на то, что наш огонь был слаб, он остановил колонну гвардейцев.

Как когда-то в Фермопилах триста спартанцев с царем Леонидом встали на пути армады персидского царя Дария и спасли Грецию, так и наши: Мушни, Володя Аршба, Артур Читанава, Володя Анцупов и другие ребята навсегда останутся в памяти народа и истории Абхазии. Перед ними – горсткой отчаянных смельчаков растерялись уверенные в своей безнаказанности бандиты Китовани.

Их замешательство продолжалось недолго, в бой вмешались военные спецы. Головной танк и три БМП взревели моторами, попятились назад и рассредоточились вдоль реки. Жерла орудий и стволы пулеметов рыскали по этажам, выбирая цели. Гранатометчики, скрываясь за перевернутыми машинами и развороченными торговыми киосками, занимали передовые позиции. В центре колонны, возле штабной машины, оцетинившейся штырями антенн, в плотном кольце охраны мелькала бегемотообразная туша Китовани. Он размахивал руками и что-то кричал своим головорезам.

Судя по всему, они готовились к решительному штурму. Как его грозные предвестники над морем появились вертолеты и закружили над нами, танки выдвинулись на прямую наводку. Гвардейцы попросту решили сравнять нас с землей. Наступил момент истины, лица ребят побледнели, но на них не было ни тени страха, ни тени сомнения. Они озарились каким-то особенным внутренним светом, который в час испытаний возносит тебя к самым вершинам человеческого духа – любви к Родине! Да, да Родине!

Сейчас это, может звучит напыщенно, но именно любви, а не ненависти к врагу, – тихо, но от этого не менее убедительно, звучал голос Тали. – В те роковые минуты в тебе остаются и живут только саамы светлые и добрые чувства к родным и близким, все остальное становится мелким и ничтожным. Впервые там, у Красного моста, и потом не раз перед атакой я наблюдала это удивительное состояние души.

Часы отсчитывали последние минуты и секунды наших жизней. И тогда, – лицо Тали согрелось особенным светом, – Мушни с трогательной заботой поправил на молоденьком студенте неумело надетую каску, затем отошел в угол, привалился к стене, достал из кармана фотографии и нежно погладил рукой. Что он думал в те минуты? Наверно тоже, что и все те, кто, когда-либо стоял перед выбором между жизнью и смертью.

Арзамет Тарба приподнялся над подоконником и пристально вглядывался в знакомые улицы, пытаясь за пеленой дыма разглядеть родной дом. Его губы что-то беззвучно шептали. Там оставались отец, мать и младший брат Дмитрий.

Батал Табагуа и Асик Атба, последний раз державшие автомат в руках во время срочной службы в армии, заново примерялись к ним.

Артур Читанава, в который уже раз пересчитывал скудный запас патронов и, отсыпав горсть, передал Иналу. В это время снизу, где сосредотачивались для атаки гвардейцы, донеслись отрывистые команды. Мушни встрепенулся, быстрым взглядом окинул бойцов и охрипшим голосом заговорил, это были те самые слова, которые потом не раз повторяли командиры ребятам перед решающим штурмом. Он говорил:

– Сегодня на их стороне сила, но на нашей вера и правда. Пока нас мало, а врагов намного больше. Этот бой может стать последним, но мы не боимся смерти, потому что пришли сюда не по приказу, а по зову сердца. Мы сделали свой выбор – свободная Родина или смерть! Этот бой и жертвы станут той искрой, что разожжет пламя народной войны. За нами встанут сотни, тысячи бойцов...

Разрыв снаряда вздыбил металлическую крышу над кинотеатром и, словно листок бумаги, скрутил в трубу. В злобном лае зашлись пулеметы. Залпы гранатометов и танкового орудия сотрясли здание. Рухнуло перекрытие над залом, клубы пыли и дыма заволокли помещения. Из – под развалин слышались стоны раненых, появились первые убитые....

Здесь Тали прервала рассказ, и ее взгляд обратился к городу. За деревьями виднелись изуродованная крыша кинотеатра «Апсны» и мрачные развалины со-вмина. Спустя столько лет ее разум отказывался понимать чудовищность того, что происходило в Сухуме четырнадцатого августа девяносто второго года. Она тяжело вздохнула и вернулась к рассказу.

– В тот миг мир для меня раскололся надвое. Там, за спиной, на Маяке и в Гаграх все также ярко светило солнце и весело шуршал галькой морской приборой. На пляжах негде было яблоку упасть, от восторженного писка и визга детворы, барахтавшейся в море, шум стоял как на птичьем базаре. В Новом Афоне, в Пантелеймоновском монастыре, после многих лет забвения возобновилась служба, первые прихожане возносили молитву во имя добра, справедливости и мира. А здесь, у Красного моста, в крошечной мгле витал запах крови и смерти. Ад в раю! Точнее и правдивее, чем это выразил Алексей Аргун, не скажешь.

Тот день для нас превратился в ночь, а время будто остановилось. Давно смолк наш единственный пулемет, снайперы выбили расчет. Не стало слышно выстрелов на крыше. Ребята, вооруженные ружьями и автоматами, не могли долго сопротивляться убийственному огню вражеских вертолетов. Пламя охватило крышу и верхний этаж. Танк и БМП методично били по окнам первого и второго этажа. Садисты! Они рассчитывали загнать нас в подвал и сделать из него братскую могилу.

Мушни с Артуром окинули взглядом ребят, их лица были суровы и сосредоточены. Они, вчерашние школьники и студенты, понимали, что наступил решающий момент боя, и приготовились стоять на смерть.

Гвардейцы, тем временем перегруппировались и мелкими перебежками стали подтягиваться к зданию кинотеатра. Некоторые, осмелев, выбралась из укрытий, просочилась к парапету набережной и взяла под прицел наши позиции и пути отхода. Экипаж танка нахально выдвинулся на прямую наводку, а вслед за ним заворочалась и залязгала гусеницами остальная колонна.

Мушни от бессилия и злости закричал зубами и в сердцах воскликнул:

– Один бы гранатомет и я бы захлопнул ему пасть!

– Сволочь! Ближе не подходит, боится, что бутылкой достанем, – сокрушался Артур.

– Еще пара минут, они развернут на позиции второй танк и тогда нам крышка, – подвел печальный итог Мушни.

Артур продолжал наблюдать за маневрами гвардейцев, в надежде найти выход из положения. Мушни, к сожалению, оказался прав, танк торчал как кость в горле. Он нервно сглотнул и чужим, деревянным голосом произнес:

– Мушни, я остаюсь с ребятами Беслана и прикрою, а ты забирай молодых и отходи.

– Нет! Мы не уйдем! – с ходу отменил это предложение он. – Мои парни уже понюхали порох, и гадам, так просто нас не взять. Они еще умоются своей поганой кровью!

– Ты должен уйти! Я военный... – настаивал Артур.

– Мы сейчас все военные! И если...

Очередь крупнокалиберного пулемета прошла над их головами и прервала спор. Они залегли под подоконником и через пробойны в стенах принялись высматривать пулеметчика.

– Вон он сволочь, где засел! – первым заметил Артур.

С последнего этажа высотки санатория ПВО, изрыгая огненные струи, рокотал ПКТ.

– Теперь поздно думать об отходе. С такой позиции эта сволочь половину из нас положит, – с ожесточением произнес Мушни.

В это время внизу раздался топот ног, ребята схватились за оружие, а через минуту опасения рассеялись. Из дыма и пыли, как ангелы – спасители, появились ребята Астамура Бганбы, и принесли с собой целый арсенал: автоматы и пистолеты. В нас снова ожила надежда, – и голос Тали дрогнул:

– Прав был Мушни, когда говорил, что на место каждого павшего встанут десятки, сотни новых бойцов. Арзамет, Беслан Джелиа, остальные ребята набросились на них с вопросами:

«Что происходит в городе?».

«Когда подойдет подкрепление?»

«Где русские десантники?»

«Почему они не остановят эту бойню? Почему?!...»

Мушни и Артур с грустью смотрели на них и не оставляли без внимания перемещения гвардейцев. Второй танк заканчивал разворот для выхода на позицию, а БМП попятилась назад, освобождая ему место.

– Надо немедленно атаковать, пока они не развернулись! – предложил Артур.

Его поддержал Беслан. Мушни мучительно размышлял. То, что предлагали Артур с Бесланом, с точки зрения военной тактики, возможно, было оправданно и правильно, но именно с точки зрения военной, когда под рукой обученные и хорошо вооруженные солдаты. «Именно солдаты», – с тоской подумал он и посмотрел на ребят.

Большинство из них только сегодня взяли в руки оружие, впервые нажали на курок и метнули гранату. Они, еще не успевшие пожить, подчиняясь его воле, через несколько минут могли полечь в отчаянной и рискованной контратаке. Имел ли он право на их жизнь?

«А может пока не поздно собрать все силы в один кулак и вырваться из капкана, который гвардейцы готовились захлопнуть? Но тогда ополченцы из Гудауты и Эшер не успеют подтянуться и занять позиции, а редкие заслоны из батальона милиции вряд ли смогут задержать, набравшую обороты бронированную армаду. Разрозненные очаги сопротивления будут смяты, и город останется без защиты», – терзался перед выбором Мушни,

– Артур с Бесланом правы, надо атаковать! И пусть простят меня отцы с матерями за те жертвы, что будут принесены сейчас», – принял он решение и отдал команду:

– Приготовиться к атаке!

Ребята подтянулись, и их решительность придала ему уверенность.

– Я с моими, группой Беслана и Абзагу выбиваем пехоту и гранатометчиков, затем выходим на танк и БМП. Любой ценой их надо подорвать и заблокировать дорогу! Артур, остаешься здесь, чтобы прикрыть! – распорядился Мушни.

Тот попытался возразить, но он был непреклонен, –

– Не будем спорить! Действуем быстро! Только вперед! – и осекшись, коротко обронил:

– Раненых и убитых забираем на обратном пути! Вопросы есть?

Их не последовало, каждый сделал свой выбор. Мушни махнул рукой и первым шагнул вперед.

Стремительная атака ополченцев обескуражила и посеяла панику среди гвардейцев. Они дрогнули и, ища спасения, бросились под защиту стен домов и ограду военного санатория. Танк и БМП, оставшись без прикрытия пехоты, попятнулись назад. В них полетели бутылки с зажигательной смесью. Зеленое пламя растеклось по броне танка, ствол поник, башня замерла, из нижнего люка выскочили трое в черных комбинезонах. Автоматные очереди настигли их у реки. Арзамет, Беслан и Абзагу, не раздумывая, ринулись к брошенному танку, чтобы завладеть трофеем и принялись сбивать пламя. Их засек пулеметчик, засевший на высотке, и перенес огонь с кинотеатра на площадь.

Пули просвистели над головой Абзагу, рядом кто – то пронзительно вскрикнул. Пулеметная очередь осеклась, и он, в несколько гигантских прыжков, проскочил пустырь и спрятался под аркой моста. Мушни что-то прокричал вслед, но Абзагу ничего не слышал и жил только одной мыслью, –

«Уничтожить проклятого пулеметчика!»

Прячась под берегом, в зарослях кустарника, он проскользнул мимо вражеских автоматчиков и затаился у ограды санатория. За ней тоже бушевала война. Пожар охватил здание приемного корпуса. Языки ядовито-желтого пламени пожирали верхушки пальм у центрального входа, густой дым заволок дорожки парка, по которым метались люди, потерявшие голову от страха.

Выбравшись из кустарника и, пользуясь дымовой завесой, Абзагу незамеченный гвардейцами, добрался до боковой аллеи, подобрал брошенное полотенце, завернул автомат и окунулся в людской поток, устремившийся четырнадцатизатажной высотке.

Четверо гвардейцев дежурили перед входом. Секундное раздумье и, подхватив под руку женщину, Абзагу смешался с толпой и протиснулся в фойе. Там у лифта наткнулся еще на один пост, но удача снова улыбнулась ему, проход на лестницу оказался свободен. На одном дыхании он пролетел все тринадцать этажей и остановился на лестничной клетке.

Над головой отчетливо барабанил пулемет, всего десяток метров отделял Абзагу от цели, и тут за спиной хлопнула дверь. Он метнулся к простенку и повел стволом автомата. Из дверного проема на него смотрела остановившимся взглядом парализованная страхом девушка. Ему было не до нее, там, на площади гибли ребята и, набрав полные легкие воздуха, он безоглядно бросился вперед, ногой вышиб дверь и выскочил на крышу.

Перед ним бугрилась темными потными пятнами необъятная спина гвардейца. Бычья шея от напряжения налилась кровью, плечи ходили ходуном, а тело сотрясала судорожная дрожь. Гвардеец слился с пулеметом и посылал очередь за очередью на цепи ополченцев.

Абзагу вскинул автомат, нажал на пусковой крючок и выпустил весь магазин в ненавистную спину. Сухо лязгнул затвор и выбросил последнюю гильзу, а побелевший от напряжения палец продолжал давить на спуск. Теперь его не страшила встреча с гвардейцами, он сделал свое дело – помог ребятам и, сменив магазин на автомате, ринулся вниз.

В фойе почувствовали неладное и бросились на подмогу пулеметчику. Абзагу стремительно спускался, на площадке третьего этажа, столкнулся с гвардейцами, но успел их опередить. Автоматная очередь припечатала одного к стенке, а второй успел откатиться за кабину лифта. Ниже, на лестничном переходе мелькнули головы других гвардейцев. Путь к выходу был отрезан, он, не целясь, выстрелил, выбил ногой окно и спрыгнул на газон.

Удар о землю отозвался острой болью в правом колене, и первый шаг дался с трудом. Припадая на поврежденную ногу, Абзагу бросился к гаражам, и пока среди гвардейцев царил паника, успел скрыться в кустах у реки. К этому времени ополченцы отбили танк у гвардейцев, ставший первым военным трофеем будущей армии Абхазии.

Здесь Тали перевела дыхание и с гордостью произнесла:

– Там у Красного моста, мы поняли и поверили, что несмотря ни на что, устоим и погоним эту нечисть обратно! Сколько продолжался тот бой у Красного моста, трудно сейчас сказать, но для меня, Мушни, Артура, Володи и остальных ребят

он останется вечным. Вечным в том смысле, что там, в разрушенном кинотеатре с символическим названием «Апсны» – Страна Души, мы боролись не за будущую сытую и беззаботную жизнь, а за право думать и говорить на родном языке, за душу будущей родины.

Возможно, в конце прагматичного и циничного двадцатого века подобное звучит наивно, но это действительно так, – страстно и убежденно говорила Тали, – Мушни, Арзамет, Артур, Володя и остальные три с половиной тысячи, что сложили головы в той страшной войне были лучшими из лучших, цветом нашей нации. Талантливые и энергичные, они без труда могли устроить богатую и безбедную жизнь не только себе, а и своим близким в России, Турции, Америке и бог знает, где еще. Но они избрали другой путь, остались с родиной в ее самый трудный час, чтобы отстоять свободу и независимость.

И сейчас, – на лицо Тали набежала тень, – когда развалины поросли травой, а время смягчило горе, я с горечью слышу: а зачем нужна была эта свобода и такие жертвы, если мы стали жить хуже. Понятно, когда это говорят те, кто спит и видит себя на куче денег. У них родина там, где платят больше. Вдвойне обидно за тех, кто во время войны не щадил себя, а сегодня, столкнувшись с нуждой и несправедливостью, растерялся и потерял веру.

Государство, как и человек, рождается в муках, – продолжала размышлять она. – Моя многострадальная Абхазия родилась в страшных муках и пусть пока ее не признают, но я не сомневаюсь, что пройдет время и оно все расставит по своим местам. Моя маленькая страна никогда не затеряется и не исчезнет, как канули когда-то в лету могучие империи монголов и османов, потому что мы отстояли самое главное и самое важное – свою землю, свой язык и свою культуру. И я надеюсь, что через пять, десять лет, но мы будем жить в свободной и процветающей Абхазии! – закончила рассказ Тали и, смутившись своего порыва, отошла к краю причала.

На фоне изумрудной морской волны и лазурного неба ее тонкая, изящная и, будто устремленная в будущее фигурка напоминала изображение богини на древнем Арго, бесстрашный экипаж которого, призвав все опасности, отправился в далекое странствие на поиски «Золотого руна» – счастья в неведомую Апсны – Страну Души.

Я любовался Тали, прекрасными и одухотворенными лицами моих собеседниц и невольно задавал себе один и тот же вопрос:

Почему, именно, они смогли запечатлеть в фотографиях, кинолентах и памяти, а затем пронести через время столь глубокие и выразительные по силе и правдивости судьбы людей и страны в прошедшей войне?»

Талант и смелость – несомненно! Но среди профессионалов, работавших тогда в Абхазии, было немало отважных и одаренных. Почему все таки они? Может в силу того, что беда коснулась и опалила огнем потерь каждую из них? Но горе и утраты не обошли стороной многих журналистов и фотокорреспондентов. А может потому, что само естество женщины противно войне? Наделенная природой великим даром продолжения жизни, только она способна так глубоко ощутить и передать ту боль и то страдание, которая несет с собой война. И они: Тали, Майя,

Ирина, Марина, Катя и Леля делали то, что из века в век совершала Женщина – хранила вечную любовь и возрождала из пепла новую жизнь...

Прошли годы после окончания войны и тех наших встреч и эта новая, мирная жизнь с массой житейских проблем стала непростым испытанием даже для моих героинь. Она странным и непостижимым образом так далеко развела их, что мне казались сном те прошлые наши встречи и беседы, а яркие и цельные образы девушек плодом моего воображения.

– Тали! Майя! Ирина!... Ну, почему?! ...Как такое могло произойти? – невольно вырвалось у меня.

За соседними столиками стихли разговоры, я, почувствовав на себе любопытные взгляды и, неловко помявшись, поспешил ретироваться. До обеда еще оставалось много времени и мне ничего другого не оставалось как просто убивать в приморском парке. В нем, в этот час было немногочленно. Несколько пожилых супружеских пар сонно «клевало» на лавочках в тени гигантских эвкалиптов. Шумная стайка ребятни, вырвавшая из школы, гомонила на песчаной отмели. Неподалеку от них, по тенистой аллее гуляла высокая и статная женщина с мальчуганом лет пяти. Ее походка, движения головы, показались мне знакомы, и я невольно ускорил шаг.

«Ирина?!» – не поверил я собственным глазам, а когда подошел ближе, понял, что не ошибся. Она, привлеченная шумом шагов, подняла голову, и наши взгляды встретились. Ее огромные серые глаза от удивления стали еще больше, и в них вспыхнул радостный огонек. От неожиданности и, внезапно нахлынувших теплых чувств, мы какое – то время не могли произнести ни слова и с любопытством разглядывали друг друга.

За прошедшие шесть лет Ира почти не изменилась, разве что слегка пополнела, но это нисколько не портило, наоборот, она стала еще миловиднее и женственнее. В выражении лица и во взгляде прибавилось теплоты и спокойствия, волосы стали еще гуще и пышными волнами растекались по плечам. На прежнем месте, над верхней губой оставалась и пикантная родинка. В очередной раз я убедился, что дети и счастливая семейная жизнь любую женщину, а тем более такую как Ира, делают еще прекраснее.

Мы заговорили наперебой, прошлые воспоминания путались с нынешними впечатлениями, но это нас нисколько не смущало. Говорили, так как будто и не было прошедших шести лет. Ира с увлечением рассказывала о своей работе, она, по – прежнему, трудилась в той же самой поликлинике, о новой квартире, в районе Синопа, куда переехала на днях и конечно о Гаррике. Он был тем центром «вселенной», вокруг которого крутилось все в семье, и здесь мне пришлось выслушать такую массу интереснейших подробностей, что этому вполне мог позавидовать знаменитый врач Рошаль.

И когда разговор зашел о наших общих знакомых, в нем вольно или невольно, мы коснулись последних событий, сотрясавших Абхазию. Не обошли они стороной и семью Ирины, она симпатизировала Раулю Хаджимба, а муж – Алхаз был горячим сторонником Сергея Багапш. Ирина с большой неохотой заговорила об этом, но в ее голосе не было того ожесточения и нетерпимости, с которыми я так

часто сталкивался в последние дни у моих собеседников. Она, по – житейски относилась ко всему происходящему, а ее слова, больше напоминали медицинский диагноз, –

Новой Абхазии всего одиннадцать, это возраст младенца. Младенца, у которого нет прививки ни от кори, ни от золотухи, вид которых ужасен, но не смертелен. Наши выборы тоже самое, в конце концов переберемся и здравый смысл возобладает. Нас слишком мало и мы слишком много отдали в прошлом, чтобы сейчас пусть даже ради самого важного президентского кресла пойти стенка на стенку. Это понимаю я, это понимает Алхаз, рано или поздно поймут и самые отмороженные...

В это время с дороги просигналила машина. Ира встрепенулась и, подхватив Гаррика поспешила к ней. Я проводил их, и когда мы расставались, она, с прежней теплотой пожав мне руку, сказала:

– Заходи в гости, только предупреждаю сразу, ни слова о политике! Я не хочу, чтобы наша квартира превратилась в сумасшедший дом.

– Непременно! – заверил я, а сам подумал:

«Возможно, она глубоко права, в том, что место политики в кабинетах, а порой и в самом деле в сумасшедшем доме, но ни как не в семье!»

Глава 15

Ни в тот день, когда состоялись эти неожиданные для меня встречи с Тали, Майей и Ириной, ни на следующий, нам с Бесланом Кубрава так и не удалось встретиться, чтобы вместе с его сыновьями отправиться на море и там испытать мое новое ружье для подводной охоты. Он с головой ушел в избирательную компанию Сергея Багапш и дома появлялся только по вечерам, а я на время вынужден был отправиться по делам в Гагру и там надолго застрял.

Спустя неделю мы, наконец, смогли исполнить свое обещание перед ребятами. У Беслана выдалось несколько свободных часов, я же в одиночестве маялся в пустой гостинице и не знал, куда себя девать. Его звонок поднял меня на ноги и, спустя пятнадцать минут я находился в гостеприимном доме Кубрава. К сожалению, при мне не оказалось подводного ружья, оно осталось в Гагре у Ашота с Артура, которые заразились подводной охотой и теперь не могли с ним расстаться. Но Инал и малыш Аслан, самый старший из братьев - Шабад, уже «грыз гранит науки» в ростовском университете, не слишком огорчились и были рады тому, что вместе с отцом смогут вволю накопаться.

По пути на городской пляж мы зашли на центральный рынок, купить арбуз и здесь наши глаза разбежались от их изобилия. Небольшие, идеально круглые и, напоминающие футбольный мяч, кутолские, бледно-зеленые, с легким матовым налетом на пуповине кубанские, ядовито-зеленые, походящие на пушечные ядра от крепостной мортиры астраханские и, неведь как, оказавшиеся тут продолговатые узбекские. Все это напоминало одну огромную бахчу.

Беслан, а вслед за ним я зарылись в арбузные кучи и никак не могли сделать окончательный выбор. Выручил нас племянник моего старого приятеля и партнера по волейболу Феликса Цикутания-добродушный великан по имени Ахра, с которым я познакомился пару лет назад на скачках в Лыхнах. Он издали узнал меня, энергично взмахнул ручищей и решительно, словно ледокол легко пробил дорогу сквозь толпу.

Я едва не задохнулся в его медвежьих объятиях. После дежурных приветствий, мы минут пять вспоминали наших общих знакомых, и, естественно, не обошли вниманием Феликса, ставшего в свои пятьдесят шесть чемпионом Абхазии по волейболу, на проходившем четырнадцатого августа в селе Ачандара первенстве республики.

Нежданно-негаданно свалившаяся победа, вскружила его седую голову и на следующий день в посудном магазинчике только и было разговоров о том, как дядя Феликс «вытащил» команду сухумчан на первое место. Он, «рыбкой» пластался по всей площадке и доставал такие «мертвые» мячи, о которых «чистильщик» Батал Табагуа мог только мечтать, сажал «колы» на первую линию, когда у «кувалды» Гены Квициния опустились руки. К обеду о «подвигах» Феликса знал весь центральный рынок, и у дверей магазина выстроилась очередь из восторженных поклонниц этого и других его талантов. Сам он скромно умалчивал о том, что больше всего блистал золотозубой улыбкой за столом, накрытым хлебосольными ачандарцами, чем на волейбольной площадке.

Наш затянувшийся разговор о ачандарском «триумфе» дяди Феликса, надоел маленькому Аслану, сгоравшему от нетерпения поскорее окунуться в море, он требовательно теребил отца за брюки. Беслан, отбросив последние сомнения, решительно нацелился на заманчиво поблескивающий свежим окрасом арбуз. Его остановил Ахра и стоило ему сурово повести бровями, как загорелый, словно головешка продавец юркнул под прилавок и, тяжело пыхтя, выкатил красавец-арбуз. Беслан без разговоров полез в кошелек, но «благодарный» за покупку хозяин под пристальным взглядом Ахры, замахал руками и, как черт от ладана, стал открещиваться от денег. Все наши попытки расплатиться оказались безуспешными и мы, сгибаясь под тяжестью пудового арбуза, потащились на пляж.

Несмотря на прекрасную погоду, нам не пришлось искать свободное место, большинство горожан на выходные отправились в села помогать родственникам в уборке урожая, и мы расположились у развалин древнегреческой крепости Диоскурии. Солнце еще не успело подняться высоко, и в воздухе сохранялась та бодрящая свежесть, от которой приятно кружится голова, а в теле появляется необыкновенная легкость. Легкий ветерок, налетающий с гор, приносил с собой нежный аромат осенних цветов и разогретой смолы могучих сосен, покачивавших за нашими спинами мохнатыми лапами. В зыбком мареве серебрилась бесконечная морская даль, по кромке горизонта осторожно крались легкие перистые облака, а ласковая морская волна лениво набегала на берег и маняще шуршала мелкой галькой.

Аслан с Иналом на ходу, сбросив майки с шорты, со счастливым визгом окунулись в теплую, будто парное молоко воду. Мы с Бесланом старались не отстать и, забыв про возраст, гонялись за юркими, словно ставридки мальчишками. Потом, выбравшись на берег, валялись на теплых камнях и улетали за обе щеки сочный и сахаристый арбуз. Это райское блаженство продолжалось недолго, перед обедом ожил и требовательно зазвонил сотовый у Беслана, его вызывали в избирательный штаб Сергея Багапш, и нам пришлось срочно сворачиваться. Возвращались с моря мы усталые, но довольные, не подозревая, что это был наш последний безмятежный и лишенный серьезных забот день.

Приближающееся третье октября – дата президентских выборов взбудоражило и без того не отличавшуюся в последние месяцы особым спокойствием жизнь в Абхазии. Предвыборная горячка давно выплеснулась за стены чиновных кабинетов и подобно чуме стала поголовно заражать взрослое население республики. На-

кануне «масла в огонь» подлил очередной слух о том, что из-за угрозы совершенно отвязавшегося Саакашвили захватить Сухум, Владислав Ардзинба, якобы решил перенести президентские выборы на более поздний срок. Но эта «утка» умерла, так и не успев, как следует, «опериться». Третьего сентября в центральной газете «Республика Абхазия», на первой полосе появился долгожданный президентский указ. В нем черным по белому было написано, что в строго определенный Конституцией срок - третьего октября состоятся выборы нового главы государства. Он положил конец кривотолкам и дал старт официальной избирательной компании, которой суждено было войти в историю современной Абхазии.

Ее начало не предвещало грядущих потрясений, глава ЦИК Сергей Смыр выступил с дежурным заявлением о соблюдении законности и приличий в предвыборной борьбе. В ответ кандидаты в президенты дружно поклялись в приверженности демократическим ценностям и закону. Но не прошло и недели, как одного из основных претендентов на президентское кресло – Александра Анкваб, ждал коварный подвох.

Александр Золотинский, порой напоминающий бульдозер своим напором и мощью, безнадежно забуксовал на еле заметной «кочке», о которой вряд ли подозревал. Круглый отличник в школе и институте, когда-то самый молодой и перспективный в МВД СССР начальник политуправления в течение двух часов безуспешно пытался доказать специальной приемной комиссии, что он не меньший, чем они абхаз. Но то ли бзыбский акцент в его речи, то ли что-то иное смутило «неподкупных и бесстрастных» экзаменаторов абхазского языка. Выставленная ими жирная двойка поставила крест на президентских амбициях Александра Анкваб.

Для любимца власти Рауля Хаджимба поход к «строгим» экзаменаторам оказался легкой прогулкой. Остальные четыре кандидата: Сергей Багапш, Анри Джергения, Сергей Шамба и Якуб Лакоба отделались легким испугом, и хотя не блеснули отличными знаниями, но с оговорками, как и претендент от партии власти, получили зачет. И все же их радость оказалась преждевременной, знание абхазского языка еще не освобождало от подозрений в тайных, и от того еще более тяжелых, чем незнание абхазского языка, прегрешениях.

Первыми получили черную метку Сергей Багапш и кандидат в вице-президенты Станислав Лакоба. «Всезнающие и неподкупные» журналисты не оставили без внимания научные изыскания историка Лакоба в далекой Японии в Центре славянских исследований университета Хоккайдо. К его, а еще больше к изумлению, ничего не подозревавшего «отца» «розовых» и «оранжевых революций» господина Сороса, они обнаружили тайную связь между ними. Дальше даже несведущему в операциях специальных служб читателю «желтой» прессы не составило большого труда догадаться, что на острове Хоккайдо Станислав Зосимович под «руководством Сороса» проходил специальную подготовку в тайных лагерях и получил «сверхсекретную» задачу – осуществить в Абхазии заговор с целью ее присоединения к Японии».

Не сладко пришлось и Сергею Багапш. Он расплачивался за «ошибки» молодости. Ретивые «шерлоки холмсы» после «долгих и изнурительных» поисков рас-

крыли его самую «страшную тайну». Тридцать с лишним лет назад он допустил «преступную» потерю бдительности и не разглядел в обаятельной красавице Марине Шония будущего «конфидента» грузинской «пятой колонны» в Абхазии. А чтобы «скрыть» этот «преступный» факт и войти в доверие к ревнителям расовой чистоты абхазской нации лучший центровой баскетбольной команды Сухума решил пожертвовать будущей блестящей спортивной карьерой и во время матча в Тбилиси так далеко послал судью, что его дисквалифицировали на целый год.

На остальных претендентов тайные режиссеры президентских выборов в Абхазии и их послушные, щедро заплаченные «черные пиарщики» не стали размениваться. Они-«жалкие пигмеи» не заслуживали даже мимолетного внимания накачанного до неприличия административным ресурсом «Голиафа», победно смотревшего на «электорат» с громадных плакатов и ярких баннеров, развешанных над всем пути от Псоу до Ингура. Для острастки по ним изредка постреливали мелким компроматом, а главный калибр, продолжал «мочить» по полной программе основных конкурентов-Сергея Багапш и Станислава Лакоба. Ежедневно на наивный и неискушенный в современных политтехнологиях электорат Абхазия лились реки «чернухи». В этой ситуации остальные три кандидата в президенты, дабы не «сохранить лицо» и доплыть до финиша президентской гонки, перестали переть на рожон, сбавили обороты и вяло «жевали пресную предвыборную жвачку».

«Железный», так окрестила народная молва Александра Анкваб, тоже быстро смекнул, что за то время пока будет сутяжиться в судах и доказывать свое цинично попранное приемной комиссией право называться абхазом, успеет покрыться «коррозией», и сделал неожиданный и решительный шаг. Шаг, который не учли режиссеры «Голиафа» и здесь, как в последствии оказалось, совершили роковой просчет. Видимо, сама судьба решила разрушить их сценарий, и десятого сентября сказала свое веское слово. В тот день Александр Золотинский, наплевав на будущие президентские лавры, присоединился к Сергею Багапш, Станиславу Лакоба, чтобы сообща свалить «Голиафа».

Для партии власти это была не критическая, но близкая к чрезвычайной ситуация, и первым, как водится, ринулся ее спасти министр по «ЧП» Шойгу. Под вой сирен и клацанье затворов вооруженной до зубов охраны он вихрем пронесся по Абхазии, оставив после себя дурно пахивающий душок «грязных» денег. Вслед за ним приехал «защитник» всех сырых, обездоленных и радетель пенсионеров министр Зурабов и пообещал «озолотить» всех абхазских стариков и старух полноценной российской пенсией. Предпоследний и громкий аккорд в прелюдии к будущему триумфу «Голиафа» исполнил министр путей сообщений Фадеев. Не обращая внимания на зубовой скрежет Саакашвили, он под бравурный гром фанфар вместе с запланированным победителем в президентской гонке перерезал красную ленту на перроне сухумского железнодорожного вокзала. Заключительный аккорд в этой, расписанной по всем нотам партитуре – «Рауль - наш президент», должен был прозвучать тридцатого сентября на республиканском стадионе.

В тот день, с раннего утра Сухум будоражили самые невероятные слухи. Оди-редкие счастливы, кому достался билет на трибуны, говорили, что на праздни-

ный концерт прилетит сам Владимир Путин, чтобы на глазах у сомневающихся еще раз пожать руку Раулю Хаджимба. Другие, те, кому ничего другого не оставалась, как глотать слюну у экранов телевизоров, злопыхали, что на концерте будет только один Владимир Жириновский, но зато в трех лицах – крутой «хохлятской» бабы «Верки Сердючки», главного российского «голубого» Борьки Моисеева и самого «шоколадного» во всей «Фабрике звезд» - «Пьера Нарцисса».

Как бы там ни было, после обеда, несмотря на солнцепек, толпы молодежи потянулись к республиканскому стадиону, чтобы заранее занять места ближе к сцене, раскинувшееся посередине футбольного поля. На пути к нему, через каждую сотню метров, с огромных плакатов их зазывал - «Вместе в счастливое будущее» кандидат в президенты номер один. Остальные четыре претендента, которых на серых, истрепанных ветром афишах, трудно было отличить друг от друга, уныло и без всякой надежды на успех взирали на шумные толпы электората, волнами катившиеся к стадиону. А он, наспех выкрашенный, выглядел настоящим франтом на фоне уродливых развалин и сверкал в лучах солнца, словно новая копейка.

Через несколько минут, на этой, ставшей главной сценой страны, должен был начаться концерт залетных «московских звезд». Ему, по замыслу далеких и нездешних «режиссеров», предстояло навсегда похоронить наивные надежды остальных претендентов на президентское кресло. Те из них, кому «не успели подвести» пригласительный билет, и избранные «счастливыцы», с местами у туалетов, грустно смотрели на экран, где крупными буквами светилось – «Торжественный концерт, посвященный победе абхазского народа в Отечественной войне 1992 – 1993 годов». Для них эта надпись выглядела, как неподлежащий обжалованию «приговор» всем усилиям, направленным на то, чтобы сокрушить «надутого» до неприличия административным ресурсом и щедрыми денежными вливаниями «Голиафа».

Сам он в плотном кольце телохранителей, окруженный особами особо приближенными к власти и местными «олигархами», занимал почетное место в центральной ложе, излучал собой уверенность в предстоящей через три дня победе и лучезарной улыбкой триумфатора дарил толпу фанатичных поклонников. Она в предвкушение еще невиданного в Абхазии действия рокотала и колыхалась, словно предштормовое море у скал «Маяка».

Неспокойно было и за стенами стадиона, у проходов на трибуны и перед центральными воротами, блокированными двойным милицейским кордоном, с каждой минутой прибывала толка неудачников. Последними, из дальних сел подъехали ветераны войны, мрачная охрана встала на пути неприступной стеной, и между ними завязалась яростная перепалка. Еще больше ее распалила шумная группа бой-скаутов, подкатившая к стадиону на автобусах. Перед ними, не «нюхавшими пороха войны», ряжеными в футболки и кепки, с которых самоуверенно улыбался «Голиаф», как по мановению волшебной палочки ворота распахнулись. Взрыв негодования всколыхнул возмущенную толпу, она ринулась на милицейские цепи, но они устояли.

В тот день, не только рядовым ветеранам не нашлось места на трибунах, а подъехавший из Гагры вместе с женой и сыном Нартом «абхазский Маресьев» Герой Абхазии Руслан Харабуа, вынужден был развернуться и отправиться домой. Кроме него, еще не одной сотне заслуженных ветеранов войны не нашлось места на этом «празднике» одного.

К шестнадцати часам на трибунах негде было упасть яблоку. Они, словно осенняя клумба перед Домом правительства, полыхали от пестрых маек зрителей, с которых электорату то ли загадочно улыбался, то ли многозначительно подмигивал Рауль Хаджимба. В это время перед правительственной ложей, у кромки футбольного поля Владимир Жириновский и заместитель Генерального прокурора России Владимир Колесников пикировались за право построить по ранжиру вихляющуюся из стороны в сторону шеренгу из политиков и артистов, в итоге победил хитроумный Иосиф Кобзон.

Обласканный всеми российскими «партиями власти», но не любимый капризной и подозрительной американской фемидой, разглядевшей за его неотразимым шармом «русского дона Карлеоне», он первым догадался схватить микрофон. Во время его зажигательной речи отпали сомнения даже у самого закоренелого скептика в том, что в абхазском Синопе, рядом с приметной, стыдливо прятанной за традиционно зеленым забором дачей самой «крутой кепки» в Москве, уже завтра вырастут сияющие стеклом и бетоном корпуса лучших в мире отелей, борделей и дансингов, от одного вида которых «Мише тбилисскому» придется от зависти кусать локти и «забывать стрелку кремлевским пацанам».

К концу выступления большинство зрителей было покорено первым «соловьем» российской эстрады и безоговорочно верило, что в это счастливое будущее их должен привести никто иной, как верный продолжатель дела Владислава Ардзинба и большой друг российской эстрады Рауль Хаджимба. Закончилось речь не совсем «святого» Иосифа под бравурные звуки песни – «Нам песня строить и жить помогает».

Робкий выкрик недоброжелателя - «А где нам взять такую песню, чтобы жить как ты?» потонул в шквале аплодисментов. И когда они, наконец, стихли, то в шеренге снова начались разброд и шатание. На этот раз Владимир Вольфович не стал дожидаться, когда дадут слово, и взял его сам.

Преданный слуга «кремлевских небожителей», кумир полублатной московской тусовки и неверный друг Саддама Хусейна, как всегда был ярок, убедителен и неповторим. Видимо, от захватывающих дух красот Нового Афона, а еще больше от приглянувшегося маленького кусочка «земного рая» по соседству с Пантелеймоновским монастырем, ему расхотелось отправиться в дальний поход, чтобы мыть сапоги в далеком Индийском океане, и он решил бросить якорь ближе на берегах Черного море.

Неистовый пассионарий грозил топить обнаглевшие в конец грузинские пограничные катера, шнырявшие под самым носом у залегшего в безнадежном дрейфе у сухумского пирса «флота» Абхазии. И войдя в раж, обещал при случае «макнуть», как следует, этого «американского мальчиша-плохиша Саакашвили». А чтобы ни у кого не возникало сомнений, поклялся лечь костями на золотых пляжах Агудзеры за их защитника Рауля Хаджимба.

Публика ревела от восторга, и только львиный рык заместитель Генерального прокурора России Владимир Колесникова заставил ее притихнуть. Он и его родной братишка – «близняшка» Виктор, прошедшие свое босоное детство и бурную юность на пляжах родной Гудауты, были в Абхазии не чужими. Будучи своим в доску «Вовка – прокурор» не стал церемониться с земляками и заговорил привычным для него языком:

«Бандитов и коррупционеров на нары! Проституток в гарем! Крестьянину в руки большую мотыгу, чтобы сначала думал о родине, а потом о себе!»

Окончательный его «приговор» был суров и беспощаден – «Только с Раулем Хаджимба народ Абхазии ждет светлый путь на свободу и с чистой совестью».

Последние фразы прокурора падали в гробовую тишину, нависшую над стадионом. Перспектива снова поднимать БАМ в далекой Восточной Сибири или улучшать генофонд в арабских борделях мало кого прельщала. В ответ, с верхних ярусов послышался свист, и раздались гневные крики:

«Канай сам на нары, а нам и на лежаках хорошо!»

«Скажи, сколько тебе на лапу дали?»

«Бери в «грабли» свои лыжи и кати, откуда прислали!»

В правительственной ложе нервно засуетились. «Голиаф» метнул грозный взгляд на свиту, и она пришла в движение, озабоченные милиционеры и охрана забежали по проходам, выискивая возмутителей торжества. И только появление на сцене певца Олега Газманова, сбило нарастающую волну возмущения. Но и этот «московский соловей» тоже подкачал, то ли тряска в армейском вертолете, то ли нещедрый гонорар хозяев, обещавших заплатить через полтора месяца и то только мандаринами, расстроили «звезду» до такой степени, что она запуталась в элементарной географии.

С кислым видом Газманов изобразил на сцене несколько вялых «па», а затем микрофон визгливо всхлипнул и над стадионом, тысячекратно усиленное киловаттами электроники повторилось

«Привет, Аджария!»

«Аджария...я...я!»

Ведущему концерта Зурабу Аргун стало не по себе, в его и памяти тысяч абхазцев еще была свежа недавняя драма, разыгравшаяся в этой республике. Там, начатый с такой же помпой концерт «звезд московской» эстрады, осененный присутствием самого мэра Лужкова, закончился оглушительным провалом. Бурные овации, прозвучавшие из Вашингтона, достались другому «солисту», спустя несколько недель торжествующий триумфатор Саакашвили въехал на американском бульдозере, в павший к его ногам Батум.

Растерянный Зураб метнулся к Газманову и принялся что-то торопливо нашептывать, но было уже поздно. Стрелка избирательного марафона качнулась со всем в другую и не в ту сторону, на которую рассчитывали «режиссеры».

«Аджария?... Аджария?!» - выдохнула ошарашенная публика и затем взорвалась оглушительным ревом и свистом.

Это стало последней каплей переполнившей терпение тех, кто не захотел играть роль послушных статистов в спектакле под названием «Рауль–наш пре-

зидент». В центральной ложе растерянно наблюдали за тем, как на футбольное поле полетели флажки, кепки и плакаты с портретом «Голиафа», самые горячие сдирали с себя футболки и рвали на куски.

Возмущенная людская река выплеснулась на площадь перед стадионом, а там уже бушевал стихийный митинг, тех, кто остался за плотной цепью милицейского кордона. Они негодовали о того, что светлый праздник победы и памяти жертв прошедшей войны, превратили в политическое шоу. Два, кипящие гневом и возмущением потока слились в один и подобно огнедышащей лаве устремились к центру города.

Сухум забурился, вечером тут и там стали возникать стихийные митинги. В избирательном штабе Рауля Хаджимба, похоже, не почувствовали угрозы. Сам он в узком кругу единомышленников, вместе с московскими «политическими и эстрадными звездами», в тиши госдачи продолжал отмечать будущую победу. А послушное про-правительственное телевиденье шестой час подряд «бомбило концертом» сознание электората, вызывая у него все большее негодование, и, разнося в щепки, казалось бы, так умело выстроенную для фаворита лестницу к вершине власти.

К полночи на площади, у здания правительства собралось несколько тысяч, в толпе кое-где мелькали бойцы в камуфляжке и с автоматами за спиной. Возбужденная толпа подобно вскрывшемуся кратеру вулкана вскипала яростными эмоциями то в одном, то в другом месте и грозила в любой момент взорваться чудовищным взрывом. Президент Владислав Ардзинба молчал. Правительство безмолвствовало. Окна кабинета министров безжизненными темными глазницами взирали на происходящее, и лишь появление на площади Сергей Багапш, Станислав Лакоба, Александр Анкваб, Сократ Джинджолия и, примкнувшего к ним позднее Сергей Шамба с ближайшими соратниками, смогло пригасить накал страстей и эмоций.

До утра охрипшими голосами они и еще двадцать четыре парламентария уговаривали возмущенных людей успокоиться и мирно разойтись по домам. Сам возмутитель спокойствия-Рауль Хаджимба ни в ту ночь, ни потом на чрезвычайной сессии парламента так и не появился. За все то, что произошло накануне, пришлось отдуваться руководителю абхазского телевидения Руслану Хашиг. Он как уж на сковородке извивался перед негодующими парламентариями, но, в конце концов, «взятый за горло» и зажатым за кое-что ниже вынужден был признаться, что на то была «воля свыше» и окончательно припертый к стенке заявил:

«Прямого эфира заседания сессии не будет, так решил Владислав Ардзинба».

Но ни Владислав Ардзинба, ни Рауль Хаджимба, ни кто другой были уже не в силах остановить время, оно требовало перемен и новых героев. Первого октября «нерушимый» блок «партии власти» дал серьезную трещину. Поздно вечером вся Абхазия увидела на своих экранах в первый и последний раз одновременно пятерых кандидатов в президенты. То что они наблюдали скорее походило на заседание «военно - полевого суда» в сельской школе.

Мрачный Рауль Хаджимба, напоминал собой самоуверенного любимчика директора школы, оставшегося один на один с обманутыми и рассвирепевшими стар-

шекласниками. Он отстраненно сидел в торце стола, и из-под насупленных бровей зло поблескивал глазами на своих оппонентов. Те, с плохо скрываемой обидой, пытались «устыдить» его за то, что он за три дня до выборов пытался устроить себе инаугурацию. Больше часа продолжалась словесная перепалка кандидатов в президенты, во время которой они, не забывая покусывать друг друга, безжалостно терзали Рауля Хаджимба, надеясь вырыть поглубже «яму» под фаворитом гонки.

В тот сумасшедший вечер, похоже, сами кандидаты, а вместе с ними электорат выпустили «пар» и последний перед выборами день прошел на удивление тихо и спокойно. Третье октября, до которого многим, казалось, не удастся дожить, столько перед этим было потрачено сил и нервов, начался буднично и рутинно. Как обычно заработали пекарни, и запах свежее испеченного хлеба можно было уловить за версту. Чуть позже задымили трубы над пацхами, там готовились к предстоящему наплыву будущих победителей. Ни свет, ни заря поднялись на ноги члены избирательных комиссий и руководители штабов кандидатов в президенты. Ровно в восемь ноль - ноль открылись избирательные участки и с боев курантов знаменитых часов на центральной аптеке Сухума, вся Абхазия двинулась в непредсказуемый «поход» за своим будущим.

Не прошло и часа после начала голосования, как на избирательный штаб Сергея Багапш, обрушился шквал телефонных звонков. Тревожные сообщения поступали из Галского и Очамчырского районов. Там группы неизвестных вооруженных молодчиков откровенно запугивали жителей и мешали работе участковых избирательных комиссий. Наблюдатели из Гулрыпша сообщали о вбросе «левых» бюллетеней. В Новом Афоне и Верхних Эшерах со списками избирателей творилось что – то непонятное – «голосовали» мертвые, а живые не находили себя в них. Но Сократ Джинджолия, а вместе с ним остальные члены «мозгового центра» не поддавались панике и продолжали работать как хорошо отлаженная машина.

С наступлением сумерек человеческая река, захлестнувшая в первые часы избирательные участки, иссякла, улицы городов и сел на глазах стали вымирать. Подошло время новостей, все от мала до велика собрались у экранов телевизоров и, затаив дыхание, ждали первых сообщений о результатах выборов. В избирательном штабе Сергея Багапш на короткое время воцарилась непривычная тишина, все с нетерпением ждали, что скажет о выборах Сухум, а главное Москва.

Стрелки часов невыносимо медленно ползли по циферблату, монотонно отсчитывая минуты и секунды, когда, наконец, диктор российской программы «Вести» произнес слово Абхазия. Затем на экране крупным планом возникла сухумская набережная. Камера бегло прошла по президентскому дворцу, толпе бурлившей у «кофейни Акопа» и крупным планом выхватила поблекшую на солнце вывеску на здании Центризбиркома. Дальше диктор как хорошо заученный урок сообщил, что впервые в истории Абхазии прошли по-настоящему демократические, альтернативные выборы, в результате которых по предварительным данным победил действующий премьер-министр Рауль Хаджимба.

После этих слов в кабинете Сергея Багапш и холле, где у телевизора толпился народ, стало так тихо, что было слышно, как между стекол зудела сонная осенняя муха, а через мгновение тишину взорвали негодующие возгласы:

«Они, что там охренели?!»

«Это же бред!»

«Какой еще Хаджимба?!»

«Какие 57%?!»

«Когда успели посчитать?!»

«Надо звонить Смыру!»

«Похоже, за нас уже решили, кто будет президент!» – с ожесточением произнес кто – то.

Эта последняя фраза еще больше накалила и без того нервную и напряженную обстановку. В адрес неизвестных «кукловодов» раздались неприкрытые угрозы.

- Тихо, друзья! Сохраняйте спокойствие! Это сообщение пока ничего не значит!- пытался успокоить возмущенных соратников Сергей Багапш и затем распорядился:

- Сократ Рачиевич немедленно звони в ЦИК, пусть дадут разъяснение! Откуда такие данные?

Тот пододвинул телефон и набрал номер. Несмотря на его настойчивые требования председателя избирательной комиссии долго не могли найти. Наконец, в трубке раздался усталый, лишенный интонаций голос Сергея Смыр, каких-либо вразумительных пояснений по поводу заявления, прозвучавшего в российских новостях, он не смог дать. Прошел еще часа, но ни Сократ Джинджолия, ни Леонид Лакербая, ни другие начальники избирательных штабах, за все это время так и не смогли добиться от членов ЦИК вразумительного ответа и только следующее сообщение, прозвучавшее по каналу НТВ, несколько разрядила обстановку. Ее корреспондент в Абхазии Вадим Фефилов в своем репортаже никаких цифр о результатах выборов не привел, а лишь ограничился общими фразами и двумя репортажами с избирательных участков.

Работа «мозгового» штаба Сергея Багапш снова вернулась в дежурное русло, теперь все с нетерпением ждали докладов наблюдателей с избирательных участков. Они поступили ближе к полночи, и первые результаты оказались не утешительны - по Сухуму Рауль Хаджимба опережал на десять процентов, а в сухумском районе на все тридцать пять. Но еще оставались Абжуйская и Бзыбская Абхазии - два ее главных барометра, и там не подкачали. Обнадеживающая новость поступила около часа ночи - Гудаута проголосовала за Сергея Багапш, но это был ожидаемый успех, земляки Александра Анкваб сказали свое слово. Настала очередь своенравной Гагры и она оправдала надежды – дала чуть ли ни сорок процентов сверху! Еще более сокрушительное поражение ждало Рауля в Очамчирском и Галском районах, в них он проиграл вчистую.

И, хотя, цифры не были окончательными, еще не поступили данные с отдаленных сельских участков, они, по большому счету, уже ничего не меняли. К пяти утра картина выборов в штабе Сергея Багапш окончательно прояснилась и колоссальное нервное напряжение, царившее в кабинете, где безвылазно колдовали над таблицами и цифрами начальник избирательного штаба Сократ Джинджолия и его помощники: Беслан Кубрава с Климентием Джинджолия, сменилось бурной радостью.

Произошло то, что накануне показалось бы чудом - это была абсолютная победа! Победа в первом туре! Они все еще не могли поверить собственным глазам, в который раз пересчитывали итоговую цифру, и каждый раз подрагивающая рука Сократа Рачиевича выводила - 51,1 %. Пунктуальный и дотошный Александр Анкваб перепроверил расчеты и начертал ошеломляющие - 51,1%. Воистину рука Александра Золотинского оказалась золотой.

Через несколько минут эта магическая цифра просочилась за двери кабинета и пошла гулять по коридору, холлу, а затем выплеснулась на улицу тысячекратно повторенным восторженным «Ура!». На победный клич со всех концов города к штабу стекались сторонники Сергея Багапш. Толпа счастливых победителей росла на глазах и, уже не в силах сдержать переполнявший ее восторг, принялась самозабвенно скандировать.

«Сергей! Сергей!»

В холле возникло легкое движение и на ступеньках крыльца, в окружении смертельно усталых, но безмерно счастливых Станислава Лакоба, Александра Анкваб, Леонида Лакербая, Артура Миквабиа, Беслана Кубрава Сократа и Климентия Джинджолия появился он, посеревший он нечеловеческого напряжения, но не поддавшийся невероятному «накату» безжалостной административной машины.

Сергей Багапш затуманенным взглядом прошелся по бушующему от избытка эмоций людскому морю, вскинул вверх обе руки и благодарно воскликнул:

- Спасибо, всем! Мы победили!

Толпа качнулась и откликнулась громовым «Ура!» В сквере напротив из автоматов и пистолетов стали палить в воздух, а дальше начало твориться что - то невообразимое. Старики и молодые, кто на асфальте, а кто прямо на кузове безнадежно застрявшего ГАЗ - 66, принялись лихо отплясывать лезгинку. На одном из балконов третьего этажа затянули песню, и ее тут же дружно подхватил целый хор. Возле сияющего Феликса Цикутания и его газели выстроилась очередь, он, похоже, вывез из подвалов все запасы превосходного домашнего вина и теперь щедрой рукой разливал по кружкам и стаканам.

Масик Дарсалия, Бесик Джинджолия и Адгур Бжания, охваченные всеобщим восторгом, с трудом втиснулись в старенькую двадцать девятую волгу Дениса Читанава. Продравшись сквозь ликующую толпу, они пристроились в хвост колонны из жигулей, москвичей и подержанных иномарок, которая, ревя клаксонами и размахивая флагами в руках восторженных победителей, носилась по улицам Сухума. Эйфория победы, казалось, охватила весь город, такого количества счастливых лиц столица не видала с тридцатого сентября девяносто третьего года. Наивные победители, в эти счастливые мгновения своего торжества, даже не предполагали, как мучительно долго им еще предстояло идти к ней, и тем более не знали, да и не могли знать какова будет истинная ее цена.

Технократы, умницы, смелые и честные люди, они лишь смутно догадывались, что за силы им противостояли. Но ни умудренный жизнью Сергей Багапш, ни провидец Станислав Лакоба, ни холодный аналитик Александр Анкваб не могли даже вообразить мощь и цинизм той громадной «машины», что спустя сутки

обрушилась на них, чтобы как асфальтовый каток раскатать их и судьбы тысяч граждан Абхазии, сделавших, наперекор ей, свой мужественный выбор.

Все это - беспардонная ложь, откровенное шельмование и прямые угрозы были впереди, а пока они веселились как дети. В воздухе повсюду витал запах победы и вездесущие журналисты, дежурившие всю ночь у штаба Сергея Багапш, после такой сенсационной новости, сломя голову ринулась к избиркому.

Несмотря на то, что шел десятый час, там царила странная, походившая на похоронную, тишина. В Абхазии, как и повсюду на Кавказе, самые важные новости быстрее всего передаются по «беспроволочному телефону» и журналисты лишний раз смогли убедиться в этом на встрече с Сергеем Смыр. Председатель ЦИК явно чувствовал себя не в своей тарелке и, похоже, только он один «не знал» результатов выборов. Победа Сергея Багапш для него оказалась «новостью». Вяло и путано он пытался убедить настырных журналистов в том, что ЦИК располагает данными только по нескольким округам, где Рауль Хаджимба набрал 52%.

Но если у Сергея Смыр были нелады с математикой, то в штабе Рауля Хаджимба считать умели, и когда подсчитали, то испытали настоящий шок. Тридцать с небольшим процентов «хоронили» все надежды и будущие честолюбивые планы. Потрясенные таким сокрушительным поражением, члены избирательного штаба впали в протрацию. Сам Рауль после возвращения со встречи в санатории МВО, где вдали от чужих глаз «окапалась особая группа консультантов» и, последовавшего затем телефонного разговора с Владиславом Ардзинба, и без того неулыбчивый выглядел мрачнее тени «отца Гамлета». Ничего не сказав поникшим соратникам, он заперся в своем кабинете.

После такого сокрушительного нокаут, казалось, уже было невозможно подняться, но «тренеры», готовившие его на бой, не спешили выбрасывать на «ринг» белое полотенце. Оправившись от потрясения, они перешли в контратаку на наивных и ничего не подозревавших счастливых победителей. К шестнадцати часам у обветшавшего здания республиканской филармонии, ставшего в последний месяц местом политических обрядов, колыхалась мрачная наливавшаяся гневом тысячная толпа сторонников Рауля Хаджимба. Чуть позже к остановке подъехал автобус «Икарус» с жителями сел Варча и Арасадзыхъ. В основном это были молодежь и женщины – вдовы из рода Хаджимба, которым предстояло «зажечь» потухшую толпу. С их появлением все пришло в движение и в воздух понеслись гневные выкрики:

«Что творится?!»

«Господь забрал у них разум! Они голосуют за грузин?!»

«Гальский район выбирает нам президента?!»

«Завтра мы все строем пойдем к Саакашвили!».

Волна негодования снова всколыхнула толпу, выплеснулась в зал филармонии и растеклась по рядам. Царивший прохладный полумрак несколько остудил страсти. Постепенно шум стих и все взгляды устремились на ярко освещенную сцену и сиротливо стоявший стол, застеленный красным кумачом, который, видимо, должен был напомнить поникшим сторонникам Рауля Хаджимба, что революция еще впереди.

Нетерпение публики нарастало, когда, наконец, за левой кулисой возникло легкое движение, и на сцене появился тот, в кого они фанатично верили, и, кажется, готовы были отдать последнее, но только не отдать победу «отступникам». Рауль Хаджимба решительный и подтянутый, будто и не было позади бессонной ночи и этой убийственной для него цифры в 32%, что стыдливо замалчивал Сергей Смыр, стремительной походкой прошел к столу, вслед за ним потянулись руководители избирательного штаба. Он терпеливо ждал, когда телевизионщики настроят аппаратуру, и мужественно терпел яркий свет софитов. В эти минуты сотни растерянных и вопрошающих взглядов тянулись к нему, и в них читался один и тот же вопрос:

«Рауль, почему мы проиграли?»

«Почему?!»...

Они никак не могли поверить в то, что он, который последние два года, сцепив зубы, тянул на себе весь «воз» государственных дел, оказался в числе проигравших. Он, который не сел на задние лапки перед этим бешеным псом Саакашвили, уступил им - этой «жалкой кучке обиженных и недовольных». Как вообще они, называющие себя абхазами, посмели отвергнуть его, получившего благословление самого Владислава Ардзинба и Владимира Путина.

«Как они осмелились?!»

«Как?!»...

«Кто они после этого?!»

И эти вопросы поднимали в их душах глухую ненависть к ним - «изменившим и предавшим» Владислава и отказавшим в доверии его ученику Раулю. Ослепленные обидой они не хотели замечать очевидного - страна давно уже проснулась и за последний месяц стала совершенно другой. Но им казалось, что с уходом Владислава Ардзинба все рухнет и не сегодня, так завтра полчища грузин хлынут в Абхазию. Эту неминуемую катастрофу мог предотвратить, только он один - их неподкупный и несгибаемый Рауль.

Вначале тихо, а затем все громче и из разных углов зала зазвучали ободряющие возгласы.

« Рауль, мы с тобой!»

« Мы не отступим!»

« Мы не отдадим грузинам Абхазию!»...

Он еще несколько секунд держал паузу, заряжаясь их энергией, а потом заученным движением простер руку к залу и вспыхнувшим взглядом прошелся по лицам. Аудитория замерла, где - то в задних рядах и в левой ложе прозвучали истеричные женские всхлипы. Она жаждала услышать от него заверений в неизбежной победе и не обманулась в своих надеждах и ожиданиях.

Рауль поднял голову и в его голосе зазвучал металл. Он уличал главного противника в черных технологиях, бил в самое «уязвимое» место - «фальсификацию и подтасовку» итогов выборов в Галском районе и обвинял во всех остальных смертных грехах. В ответ и без того наэлектризованная публика взрывалась овациями. Затем к трибуне выстроилась очередь из обличителей, которая не оставила камня на камне от победы Сергея Багапш.

Апофеозом действия стало неожиданное появление в президиуме аутсайдера президентской гонки Якуба Лакоба и начальника его избирательного штаба Гиви Габния. «Абхазский Жириновский» в своем выступлении «пролил бальзам» на души проигравших. Он страстно говорил о то, что душой и сердцем с ними «истинными защитниками Абхазии», гневно обличал бывших «партократов», но для трезвых умов сухие цифры-всего несколько сотен проголосовавших за него, служили слабым утешением.

Гневные и страстные выступления ораторов находили отклик в изболевшихся сердцах Ибрагима, Кавказа и Отара, но то, что перед этим им пришлось наблюдать на улицах, не подкрепляло той уверенности, что звучала в речах лидеров. Покидали они этот митинг - собрание с тяжелым осадком в душе. Несмотря на упорное молчание ЦИК - пятьдесят с лишним процентов, полученных Сергеем Багапш, о которых знала вся Абхазия, говорили сами за себя. Красноречивое подтверждение его абсолютной победы встречалось повсюду на пути от филармонии и до ворот госдачи. Из переполненных пацх доносилась веселая музыка и радостные голоса захмелевших победителей. Лобовые стекла встречных машин, через одну пестрели портретами Сергея Багапш и Станислава Лакоба.

От этого всего Ибрагиму, Кавказу и Отару стало не по себе. Им стоило не малых сил, чтобы сдержать, скопившуюся злость на них, посмеявших предать его – Владислава Ардзинба! Его, отдавшего всего себя без остатка им и Абхазии! Его, положившего на них пол - жизни и свое здоровье. И вот теперь, когда пришло время возвращать долги, они оплатили ему черной неблагодарностью. Ему, который за все эти годы ничего не просил для себя, они посмели отказать, всего в одной единственной просьбе – поддержать его выбор и доверить будущую судьбу Абхазии верному ученику!

В эти, пожалуй, самые горькие минуты своей жизни Кавказ и Ибрагим с особой остротой переживали за него - Владислава Ардзинба, ставшего для них за время войны и нелегкого мира всем - терпеливым отцом и строгим учителем. Сегодня, во вдруг ставшей пустой и холодной квартире президента, они почувствовали в себе такое леденящее одиночество и бездонную пустоту, что от горечи и жалости едва не зарыдали. Они не находили себе места под его наполненным жгучей болью взглядом и чувствовали себя безмерно виноватыми за все происшедшее. В тот ранний утренний час, когда президент узнал, от заикающегося от волнения председателя ЦИК, шокирующие цифры, он постарел на глазах. Его, не раз смотревшего смерти в глаза и не дрогнувшего перед сильными мира сего, убила эта безгласная цифра - пятьдесят один процент.

И сейчас, поднимаясь к госдаче, дорогой, по которой сотни раз приходилось проезжать вместе с Владиславом Ардзинба, они мысленно снова и снова возвращались к последней встрече с ним и горькие воспоминания о ней болезненными гримасами отражались на их мрачных лицах. Отар чувствовал себя не лучше и угрюмо молчал, не желая травить душу пустым и уже ничего не решающим разговором. Остановившись у центрального подъезда госдачи, они не стали заходить внутрь. Она смотрела на них потухшими глазницами-окнами и Ибрагим, развернувшись на смотровой площадке, свернул к гостинице. Ее четырехэтажный

корпус, словно рождественская елка светился яркими огнями, в холле царила невзносная суета, журналисты и телевизионщики «бомбили» звонками редакции и спешили переслать «горячие» репортажи.

Ибрагим в сердцах ударил по газам. Мерседес, расшвыряв по сторонам каменную крошку, взлетел на подъем и, пронзительно повизгивая тормозами на крутых поворотах, покатился вниз. За воротами госдачи они снова окунулись в атмосферу праздника, царившую на центральных улицах. На перекрестке, перед Красным мостом, у кафе «Тимура», расположенного у въезда в российский санаторий ракетных войск, Отар попросил притормозить, надеясь встретить здесь добряка Масика и вместе с ним отвести душу.

На «пяточке» - самом бойком месте, куда с наступлением темноты истомленные жаждой ракетчики стремились ускользнуть от ревнивых жен, чтобы «подзаправиться» одним- другим стакан вина, было на удивление тихо и безлюдно. Разгадка нашлась быстро, на двери кафе болтался замок и Отар, потоптавшись между летних столиков, направился к проходной санатория, надеясь отыскать Масика в «Стекляшке». В ней он провел в кругу друзей немало счастливых и радостных минут. И сейчас беззаботная атмосфера, царившая в санатории, смягчила ожесточение в его душе. Мягкий свет ночных фонарей, придававший загадочность и таинственность встречавшимся на пути женщинам, их кокетливый и манящий смех, вальяжно фланирующие по набережной пары на время заставили Отара, отвлечься от мрачных мыслей. Он оживился, прибавил шаг и легко взлетел по ступенькам на площадку перед входом в «Стекляшку».

За ее цветными стеклянными витражами угадывался хорошо знакомый силуэт великана Масика, нависшего горой над Мариной и Ириной, воздушными тенями, скользившими вокруг него в медленном танце. С открытой террасы доносились веселые голоса Дениса Читанава и Адгура Бжания. Ревнивое чувство кольнуло Отара. Он, будто, натолкнулся на невидимую стену, когда сквозь веселый гам прорвался и сразу стал ненавистен жизнерадостный голос Феликса Цикутания.

«Я вам, еще, когда говорил, что Василич станет президентом!» - торжествуя, воскликнул он.

«А, что сейчас делает Хаджимба? - допытывался кто - то.

Отар не расслышал ответа, он потонул во взрыве громового хохота. Его перевернуло, и мутная волна бешеной ярости поднялась в груди. В эти секунды он, казалось, готов был растерзать на куски не только Феликса, а и Адгура, того, с кем прошел всю войну. Обрушив кулак на жалобно треснувшую дверь, и, не замечая боли, он бросился прочь от, ставшей ненавистной «Стекляшки». Вслед звучали смех и веселая музыка.

Счастливые победители гуляли в «Стекляшке» до глубокой ночи. Изрядно захмелевший Адгур с трудом мог вспомнить, как добрался до дома. Последнее, что осталось в памяти, это расплывающиеся лица Масика и Бесика. Пробуждение было внезапным. Перед ним расплывалось бледное и неправдоподобно огромное лицо Масика. Остатки сна сняло как рукой. И, замирая от недобрых предчувствий, Адгур воскликнул:

- Что случилось?!

- У нас рвануло.
- Где?!
- В штабе!
- Ка...к?! - и, страшась услышать ответ, Адгур с трудом выдавил из себя:
- Василич жив?!
- Вроде да. Но толком ничего не известно. Там такое...- у Масика больше не нашлось слов.

Адгур уже ничего не слышал, как ужаленный выскочил из постели, натянул брюки, рубашку, в прихожей сорвал с вешалки куртку, на бегу проверил пистолет и с разгону влетел в волгу. Рядом приземлился Масик. Дрожащая рука с ключом никак не могла попасть в замок зажигания, наконец, он проскользнул в щель. Холодный двигатель чихнул и завелся лишь на третий раз, Адгур не стал ждать, когда он прогреется, и тронулся с места.

Хмурый рассвет нехотя окрасил горизонт розовой полоской, а на Гоголя, перед избирательным штабом уже тревожно гудела толпа. Подтверждались ходившие накануне слухи о том, что победа на выборах им дорого обойдется. Об этом красноречиво свидетельствовали развороченная взрывом «самоделки», крона платана и посеченные осколками стволы соседних деревьев. Если бы он произошел чуть раньше, то количество жертв трудно было бы сосчитать.

Происшествие добавило нервозности в «штабе» Сергея Багапш, но его самого не вывело из равновесия. Позеленевший от усталости и потерявший голос от выступлений на митингах, он находился в своем кабинете и говорил по телефону с Москвой. Разговор продолжался недолго и видимо был не из приятных, на его осунувшемся лице поигрывали желваки и когда он закончился, рука все еще продолжала сжимать трубку.

Стук в дверь и, появившийся на пороге Беслан Кубрава заставили Сергея Багапш встрепенуться. Отшвырнув в сторону телефон, так, словно в нем таилась змея, он провел по лицу рукой, будто прогоняя тяжелые мысли, и затем спросил:

- Беслан, кто есть из штаба?
- Почти все, Сергей Васильевич.
- Зови, ждать больше нечего!

Прошло нескольких минут, и ближайшие соратники Сергея Багапш снова собрались вместе. Последним зашел Кишмария, горой взгромоздился на подоконник и в кабинете сразу потемнело

- Мераб, ты закрываешь солнце, - пошутил кто - то.
- Похоже, сегодня у нас солнце одно и то восходит на севере, - с горькой иронией заметил Станислав Лакоба.
- Солнце, не солнце, но, Мераб, подходящая мишень,- предостерег лихого генерала Беслан.

Тот даже не повел бровью и с усмешкой заметил:

- Кишка у них тонка. Ну, а если...

Красноречивый жест генерала вызвал сдержанный смех, а затем все взгляды снова обратились к Сергею Багапш. Старательно подбирая слова, он вернулся к разговору с Москвой:

- Я только что беседовал с Москвой. Меня пригласили на встречу...
- Из администрации президента?! - радостно воскликнул кто-то.
- Наконец, проснулись! - оживился Александр Анкваб.
- К сожалению, Александр Золотинкович, этого я пока сказать не могу. Разговор носил общий характер, - не стал вдаваться в детали Сергей Багапш.
- А кто был инициатором? - уточнил Станислав.
- Они!
- Уже хоть что – то, - и суровое лицо Лакоба прояснилось.
- Наверно Хаджимбу тоже вызовут? – высказал предположение Артур Миквабия.
- Нам он точно докладывать не станет! – с усмешкой произнес Кишмария.
- Сергей Васильевич, - и голос Беслана дрогнул, он задал самый главный вопрос:

-В Москве, признают нашу победу?!....

В кабинете воцарилась звенящая тишина, все взгляды, как в фокусе, сошлись на Сергее Багапш. Он медлил с ответом, так как хорошо знал ему цену. Не только они - друзья и соратники, а сотни сторонников, толпившиеся в коридорах и на улице, измотанные неопределенностью, третьи сутки ждали от него только одного – «Мы победили!». Но, что он мог им сказать, когда «карманный» Центризбирком, накрученный «кукловодами» все больше запутывал ситуацию.

Ничего не прояснил и этот звонок из Москвы, беседа оставила в душе горький осадок. Там то ли не понимали всей серьезности ситуации, то ли не хотели в нее вникать. Меряя все громадным, сделанным на «авось», российским аршином, кто-то, видимо, самонадеянно полагал, что какие-то двести пятьдесят тысяч абхазов, армян и русских, зажатые между молотом грядущей войны с жаждущим реванша озлобленным Саакашвили, и наковальней - блокадой, нависшей на границе по Псоу, никуда не денутся и примут тот выбор, который за них сделали те, кто всеми правдами и неправдами продавливал Рауля Хаджимба в президентское кресло.

«Так что думает Москва, Сергей Васильевич?»

«Что?!» - наседали на него соратники.

И он, осторожно взвешивая каждое слово на невидимых весах, ответил:

- Прямо об этом со мной не говорили, но дали понять, что вопрос с выборами будет рассматриваться на предстоящей встрече.

- Рассматриваться?! ...А они что избирком?! - с сарказмом воскликнул Станислав и мрачно закончил:

- Теперь все ясно, в Москве, а не в Сухуме решают, кто будет президентом Абхазии!

- Там, что сидят полные идиоты?! Мы им не враги! Пора начать шевелить мозгами, а не задницей! Им что Аджарии мало?!- вспыхнул Мераб.

- Почему они не хотят признать нас и выбор народа?! Мы победили вчистую! - кипятился Беслан.

- А потому, что наша победа кой – кому, как кость в горле! Те, кто в августе, в Дагомысе подводил Хаджимба к Путину, наверняка доложили, что «наш Рауль»

пройдет на «ура». Но «ура» не получилось, и теперь не знают, как дать задний ход! - заключил Артур Миквабия.

- Но какой, тогда смысл в поездке Сергея Васильевича? Если нас и дальше будут «прессовать», то неизвестно чем она обернется? - задался вопросом Александр Анкваб.

- А тем же, чем закончились поездки в Тбилиси для Нестора в декабре тридцать шестого и для Владислава в августе девяносто седьмого! – напомнил Станислав Лакоба о их печальных итогах.

- Все может быть, когда такие «бабки» сюда вбухали, – согласился с ним Мераб Кишмария и осторожно заметил:

- Сергей Васильевич, наверно, не стоит ехать. Всякое может случиться, «отморозков» сейчас хватает.

- Действительно может отложить поездку? Пусть дадут железные гарантии вашей безопасности, – поддержал Артур Миквабия.

- Да, надо все, как следует, взвесить, - присоединился к ним Александр Анкваб.

Сергей Багапш слушал доводы соратников и оценивал все «за» и «против» поездки в Москву. Его и Станислава Лакоба неожиданная для многих не только в России, а и в Абхазии победа, видимо, смешала кем - то старательно выстроенную схему президентских выборов. Судя по тому, как в Москве налоговики принялись «прессовать» сына, а у дочери «на ровном месте» возникли проблемы - президент Сергей Багапш, явно не вписывался в нее. Вопрос заключался только в том, насколько далеко противники готовы зайти, чтобы помешать?

«Насколько?!...- размышлял он,- Через детей уже не достанут! Слава богу, Зурик и Лика здесь. Черт с ними с работой и карьерой! Молодые еще свое наверстают.

Марина?! - и здесь сердце кольнула острая боль, - Сколько же тебе досталось? Эта омерзительная грязь! Эти трусливые анонимные звонки!

Мерзавцы! Неужели у вас нет ничего святого? Кто позволил вам судить, у кого больше права любить Абхазию – абхазки, менгрелки или армянки? Мы все дети своей земли!

Может бросить эту проклятую власть? Пусть подавятся! Что хорошего она мне дала?!... Ничего! В восемьдесят девятом, когда мхедрионовцы брали Очимчыру, и то было легче. Тогда одного меня трепали, а сейчас достается всем. За что?! Может плюнуть на все и уйти на «фазенду»?

Уйти? ...Легко сказать. Права Марина, я уже не принадлежу, и не буду принадлежать только ей и детям. Все мы: Станислав, Сократ, Артур, Анкваб, Лакербая теперь принадлежим им, тем, кто третьего октября сделал свой выбор и тем, кто пока ослеплен обидой. Уйти сейчас, когда горячие головы готовы схватиться за оружие?! И что дальше? Нет и еще раз нет! Люди этого не простят и потом проклянут меня и детей.

Время выбрало нас! Станислав, прав, многое, но не все решается в Москве! Третьего октября показало - наш народ не послушное, голодное стадо!

Значит надо ехать! А там будь что будет. Ведь в Москве сидят не круглые идиоты? Ладно, просчитались, с кем не бывает, в конце концов, поймут, что ни я, ни

Станислав, тоже мне нашли друзей Саакашвили, ни Анкваб, никто другой не собирается уводить Абхазию в Грузию.

Это же надо до такого додуматься?! Да стоит об этом только заикнуться, так народ в тот же миг вместе с креслом выкинет!

Все, решено! Надо лететь и там лицом к лицу разговаривать.

А если, это случиться?!... Случиться? ...Но останутся Станислав, Анкваб, Артур, Лакербая, а за ними тысячи и их уже ничем не свернешь»...

В тот же день, в 14. 40 из сочинского аэропорта обычным рейсом Сергей Багапш вылетел на встречу в Москву.

В зале вылета аэропорта, «Сочи» и потом в толпе пассажиров, он и его телохранители, только - только начинающие познавать азы искусства охраны, вряд ли обратили внимание на худощавую, близоруко щурившуюся девушку, с переброшенным через плечо потертым футляром от скрипки, неброского и живого как ртуть парня в длиннополом плаще, который буграми топорщился на мощной груди, и седовласого, судя по выправке, военного. Все они, то ли случайно, то ли по чьей - то воле, оказались в одном салоне с ним. Видимо, в Москве не все были согласны с тем избирательным пасьянсом, что с таким оглушительным треском рассыпался третьего октября, и старались незримым щитом оградить будущего президента.

Через несколько минут турбины пронзительно взвыли и самолет, набирая скорость, промчался по взлетной полосе и взмыл в воздух. Слева в иллюминаторах промелькнули коричневая лента, разлившейся после половодья реки Псоу и, вздыбившаяся горами Абхазия.

 Глава 16

К исходу дня шестого октября команда Рауля Хаджимба безнадежно шла ко дну под грузом цифр, что водопадом обрушились на нее из избирательных штабов Сергея Багапш и других кандидатов в президенты. О них говорили не только на «сухумской брехаловке» – у знаменитой «кофейни Акопа», а и на каждом углу. Они были известны даже в высокогорном селе Псху полуглохому Тамелу, не говоря уже о независимой прессе. Она откровенно издевалась над неуклюжими попытками проигравшей власти всеми правдами и неправдами протащить своего ставленника во второй тур выборов. Первые полосы газет: «Чегемская правда», «Нужная газета» и «Амцыхара» пестрели убийственными заголовками: «Будем выбирать, пока не выберем Хаджимба?!», «Привет Аджария...», «День победы как личный праздник Рауля Джумковича». «ЦИК или Пшик».

Растерянный и жалкий глава Центральной избирательной комиссии Сергей Смыр, загнанный в угол не столько требовательными звонками из самых «высоких» и не только сухумских кабинетов, а сколько собственной нерешительностью уже ничем не мог помочь несостоявшемуся кандидату в президенты от партии власти. Его жалкий лепет на пресс-конференции, о якобы имевшей место фальсификации сторонниками Сергея Багапш результатов выборов на 33, 34 и 35 избирательных участках в Галском районе вряд ли кого мог убедить. В дрожащей руке смятые «протоколы» участковых избирательных комиссий, за ночь сляпанные «сценаристами» спектакля под названием «Рауль – наш президент», которые Смыр упорно подсовывал под объективы телекамер, но почему – то отказывался передать в руки представителям Сергея Багапш, вызывали у публики лишь ироничный смех и язвительные вопросы.

В этой ситуации избирательному штабу Рауля Хаджимба, ничего другого не оставалась, как идти и сутяжиться в Верховный Суд республики. Но там сидели не слепые, безгласные цифры говорили сами за себя, а негодовавшие под окнами люди, требовавшие от них правды и справедливости не оставляли сомнений в конечном вердикте судей. В самой ЦИК большинство ее членов уже не боялось говорить во всеуслышание об абсолютной победе Сергея Багапш и Станислава Лакоба и о том беспрецедентном давлении, которое оказывалось на них из из-

вестного в Сухуме красного кирпичного особняка, а также господами в черном, скрывавшимися в главном корпусе военного санатория.

Дальше сидеть и спокойно наблюдать за происходящим президент Владислав Ардзинба уже не мог, ситуация выходила из – под контроля и, со свойственной ему решимостью, решил перехватить инициативу. В тот же день, 6 октября он своим указом освободил Рауля Хаджимба от обязанностей премьер – министра республики Абхазия и назначил на этот пост экс – мэра Сухума Нодара Хашба, последние годы прожившего в Москве.

Уже вечером «лучший друг» российского министра по чрезвычайным ситуациям Сергея Шойгу, и якобы лично известный самому Владимиру Путину, как снег на голову свалился в республику. Тут же по городу поползли слухи, что Нодар приехал не столько для того чтобы «развести» обоих кандидатов, а сколько с дальним прицелом – занять президентское кресло.

Четыре месяца назад, он уже предпринимал первую, но неудачную попытку заявиться на президентскую гонку. Сияя белозубой улыбкой из приоткрытого окошка бронированного «БМВ» Нодар в окружении вооруженных до зубов то ли телохранителей, то ли головорезов, вихрем промчался по Абхазии, будто по минному полю, и, оставив после себя неприятный душок, исчез, как фантом, в лабиринте загадочных московских властных коридоров.

В тот раз «абхазского Юлия Цезаря» – «Пришел! Увидел! Победил!» из него не получилось. Многозначительная улыбка и намеки на будущий «золотой дождь», который вот – вот должен был пролиться на седые головы будущих, но так и не ставших соратниками из «Амцыхара» и «Единой Абхазии», на тех не произвели большого впечатления. «Слепые» и «глухие» к звону злата они не разглядели в щедром на обещания Нодаре будущего «спасателя» отечества и на объединенном заседании политсовета движений ему не нашлось места даже в президиуме. Разобидевшись до смерти на неблагодарных, «московский спасатель» на прощание пригрозил страшными карами и, громко хлопнув бронированной дверцей «БМВ», вывез на колесах своего «танка» половину асфальта и без того совсем обветшавшей дороги.

Второе «пришествие» Нодара Хашба в Абхазию можно было бы назвать почти триумфальным, если бы не та подозрительная поспешность, с которой его начали «пиарить». Не успели еще, как следует, высохнуть чернила на указе президента Владислава Ардзинба о назначении, как он тут же «засветился» в выпусках экстренных новостей и не только на местном, а и одновременно на всех трех центральных российских телеканалах.

Спешно установленные в зале заседаний правительства телекамеры старательно, крупным планом показывали оживленную пишущую публику, а за ее спиной редких представителей «ликующей общественности». Объективы пожирали суровое лицо нового премьера. Оно было печально, он всем своим видом, словно, укорял бывших неразумных и несостоявшихся соратников, совершивших непростительную глупость и не сумевших разглядеть в нем будущего «спасателя» Абхазии. И когда Нодар Хашба заговорил, то в его голосе не было ни горечи, ни обиды, в нем звучали твердость и уверенность.

В начале выступления он не преминул отметить, что является продолжателем курса Владислава Ардзинба и, недвусмысленно намекнув на поддержку в самом Кремле, заявил «о своей равноудаленности от конфликтующих сторон», приверженности Конституции и закону. В заключение короткой и энергичной, явно написанной не в Сухуме, речи Нодар Хашба предупредил «деструктивные силы», что предоставленной ему властью не допустит «эскалации насилия» и дестабилизации обстановки в республике». В течение всей пресс – конференции он так не обмолвился ни одним словом о победе Сергея Багапш на завершившихся президентских выборах.

В штабе вновь избранного, но пока не признанного ЦИК и старой властью, президента внимательно выслушали выступление «момент – премьер» и пришли для себя к неутешительным выводам. Новый хозяин «желтого дома», похоже, не собирался искать истину и, видимо, преследуя далеко идущие цели, был намерен потянуть время, чтобы дать возможность оскандалившимся «режиссерам» заново переписать «сценарий» провалившихся с таким оглушительным треском выборов.

Косвенным подтверждением тому служила, резко возросшая на следующий день активность уже было сникших сторонников Рауля Хаджимба. По городу снова пошли гулять слухи и анонимные листовки, задевающие честь победителей президентской гонки. В них Сергея Багапш обвиняли в давнем сговоре с бывшим вождем грузинских коммунистов Мжаванадзе, состоявшемся, как это раскопали «новоявленные Мюнхаузены», еще во время приема юного Сережи в пионеры.

Станиславу Лакоба припомнили его поездку в Центр славянских исследований университета Хоккайдо и заподозрили ни много, ни мало, а в связях с японской разведкой. По ее заданию он должен был, не много, ни мало, а организовать переворот в Абхазии и затем привести под знамена солнце – подобного микадо.

Досталось и генералу Мерабу Кишмария. Спустя пятнадцать лет ему икнулась служба в Афганистане. Злопыхатели пугали слабонервных скорым приходом его «друзей» – «душманов» и талибов во главе с самим Усамой бен Ладеном.

Александра Анкваб услужливые борзо писцы превратили в настоящее исчадие ада, которым перед сном страшили малолетних детей и зарвавшихся коррупционеров.

Это абсурд, как они, так и их соратники: Сократ Джинджолия, Артур Мивабия, Леонид Лакербая и Беслан Кубрава отдели в сторону и не позволили себе втянуться в подобную грязную игру. Их больше волновало то, чем закончится поездка Сергея Багапш в Москву. Чувство тревоги, и на то были основания, не давало им покоя. Они опасались за его жизнь и успокоились лишь, когда прозвучал долгожданный звонок из аэропорта Домодедово – абхазская делегация в полном составе возвращалась в Сухум.

Московский борт приземлился в сочинском аэропорту точно по расписанию. Небольшая абхазская делегация быстро потерялась в шумной толпе пассажиров, спешивших в санатории и дома отдыха, чтобы успеть насладиться последними теплыми денечками клонящейся к закату осени.

Охрана Сергея Багапш беспокойно крутила головами по сторонам. После встреч в Москве он выглядел мрачнее грозовой тучи. Акун Квирая, Володя Гоголин, Эрик Воуба, Адгур Бжания и Теймураз Хагба бросали на него короткие взгляды и не решались задать один и тот же, мучавший всех вопрос, – «признали ли в Москве их победу». Но и без слов, по его лицу было ясно, что их дела совсем плохи и потому в любой момент они готовы были к действию – закрыть телами будущего президента. Газовые пистолеты, купленные в тайне от него, взамен боевых, оставленных на пограничном посту «Псоу», вряд ли могли остановить подготовленную группу «ликвидаторов», но сохранить несколько секунд его жизни и дать призрачный шанс выжить, это было в их силах.

В плотном кольце телохранителей Сергей Багапш вышел из зала аэровокзала, и здесь им пришлось пережить несколько тревожных минут. Живой коридор из милиционеров выстроился от выхода из зала прилета до мерседеса с тонированными стеклами, вокруг которого нетерпеливо переминалась охрана, мог означать, что угодно. С каменными лицами абхазская делегация прошла по нему до конца и никто ее не остановил – это встречали прилетевшую на осенние гастроли в Сочи эстрадную знаменитость.

Оставшиеся до границы пятнадцать километров охрана Сергея Багапш провела как на иголках. И лишь, когда отвалился «хвост» – серый форд, и позади остался пограничный пост на Псоу, а в пустовавшие кобуры снова легло оружие Акун, Володя, Эрик, Адгур и Теймураз смогли, наконец, перевести дыхание. Через полтора часа бешеной гонки абхазская делегация благополучно добралась до Сухума. Не заезжая домой, Сергей Багапш направился в избирательный штаб, там, в неизвестности томились соратники. Слух о его возвращении из Москвы пришел в город раньше, чем он появился на улице Гоголя.

На входе в штаб Сергея Багапш поджидала возбужденная толпа. Она как морская волна прихлынула к машине, а затем раздалась в стороны. Он под прицелом сотен полных робкой надежды и затаенной тревоги взглядов, поднялся по ступенькам на крыльцо. Толпа вновь всколыхнулась и подалась вперед, ожидая от него только одного – подтверждения своей победы!

«Нас признали?!»

«Чего от нас хотят?»

«Почему они тянут резину?»

«Хвати! Нечего больше ждать!»

«Мы победили! Ты, Василеч, наш президент!»

Эти нетерпеливые возгласы подобно лавине обрушились на Сергея Багапш. Но что он мог им ответить?! Ничего!!! Надменные московские чиновники,севшие в лужу со своим ставленником, не хотели видеть в упор ни его самого, ни народ сделавший свой выбор и решительно отказавший в доверии прежней, уже сидевшей в печенках власти.

Они, трясущиеся за кресла и привилегии, как «наперсточники» на блошином рынке, пытались повести с ним циничную игру. Спасая свои шкуры от жестокой трепки в Кремле, эти комбинаторы от политики, не стесняясь, вели открытый торг, предлагали отступить в сторону и не путать так старательно расставленные

ими фишки, взамен обещали «крутой откат» и «хлебные должности» в Москве. Они не считали нужным искать каких – либо объяснений для народа и требовали отказаться от победы – «в связи с резким обострением здоровья и госпитализацией на длительное лечение».

Циники! Дураки!!! Они не понимали одного – вместе с ним пришлось бы уложить на больничные койки: Станислава Лакоба, Александра Анкваб, Мераба Кишмария и еще добрую половину Абхазии. А такого количество пациентов, «страдающих» отменным здоровьем, зверским аппетитом и неутолимой жадной к хорошему вину, даже богатая Москва вряд ли «переварила».

Но разве мог он – Сергей Багапш сказать это, им, кто третьего октября выбрал не столько его, а сколько свою надежду на будущую более счастливую жизнь в обновленной Абхазии. Нет, он не имел на это права! Сегодня, сейчас он мог дать им только одно – веру в нее. Стараясь придать голосу твердость и уверенность, Сергей Багапш воскликнул:

– Все будет нормально, ребята!

– Все решим миром!

«Миром?!» –откликнулась толпа.

– Да миром! – подтвердил он и, избегая вопрошающих взглядов, стремительно прошел по коридору в кабинет.

В нем, в полном составе собрался весь избирательный штаб: Станислав Лакоба, Александр Анкваб, Мераб Кишмария, Сократ Джинджолия, Артур Миквабия, Климентий Джинджолия, Виталий Корсантия. В их глаза, также как и во взглядах тех сотен, что терпеливо стояли на улице, смешались тревога и надежда. Теперь, когда все опасения за его жизнь остались позади, их интересовало только одно. «Что сказала Москва?»

Они не скрывали этого. Даже на невозмутимом лице генерала Мераба Кишмария, читался один огромный вопрос. Не успел Сергей Багапш еще сесть за стол, как он дрогнувшим голосом спросил:

– Сергей Васильевич, признали нашу победу?!

Вслед за ним прорвало остальных:

«С кем встречались?»

«В Кремле были?»

«Сергей Васильевич, Путин с вами говорил?»

Это был главный вопрос, и все мгновенно стихли.

Он печально посмотрел на соратников и с трудом произнес, ставшее вдруг таким невыносимо тяжелым и горьким, слово.

– Нет!

И уже не в силах сдерживать, душившие его горечь и досаду, в сердцах бросил:

– Это какая – то глухая стена! Ничего не могу понять?! Они даже не хотят понять и услышать нас!

В кабинете воцарилась гнетущая тишина. Первым не выдержал Климентий Джинджолия и воскликнул.

– Но почему?! Мы, что против России?! Мы всегда были за нее! Даже, когда нас душили блокадой.

– А в октябре в Кодорском ущелье, разве не мы, а духи воевали?! – вспыхнул генерал Кишмария.

– Если бы не мы, то Гелаев устроил бы в Сочи такой отдых, что Чечня показалась бы цветочком! – поддержал его Виталий Корсантия.

– Лучших парней положили, чтобы не пропустить этих отморозков в Россию! Так какие еще нужны доказательства?! – продолжал возмущаться генерал.

– Доказательства говоришь?! А они им нужны? – мрачно обронил Станислав Лакоба.

Тягостная пауза повисла в воздухе. Все взгляды сошлись на Станиславе. Он сказал то, о чем каждый догадывался, но пока не решался высказать вслух. Кто – то за Псоу, видимо, давно сделал выбор за них и народ. Теперь вопрос заключался в том, на каком уровне было принято такое решение и как далеко могли зайти его исполнители.

И вновь раздалась возмущенные возгласы:

« Кто они такие? »

« Почему кто – то решает за наш народ? »

« Чем мы хуже Рауля? »

« Чем? »

Они не находили ответа. В их головах не укладывалось, почему они, получившие образование в Москве, Питере, Ростове и Алма – Ата, отдавшие не один год службе в Советской Армии, а затем после распада Союза все тринадцать лет не отделявшие себя от той страны, которая была родиной для их отцов, вдруг оказались неугодными каким – то чванливым чиновникам в Москве?! Большинство из них, если и знали Абхазию, то только по разговорам в министерских кабинетах, где их с головы до пяток облизывали те, кто всячески цеплялся за ускользающую из рук власть. С этим не могли смириться те тысячи, что стояли на улице. Они были против того, чтобы ими руководил послушный чужой воле президент.

И когда улеглись эмоции, Станислав Лакоба решительно заявил:

– Ждать больше нечего! И без Смыра всем известно, что мы победили. Надо идти, занимать кабинеты и начинать работать, пока Абхазию не превратили в сумасшедший дом!

– А Конституция? А решение ЦИК? – возразил Сократ Джинджолия.

– Конституция? Решение ЦИК?! А как тогда назвать то, что они сейчас вытворяют? – возмутился Станислав

– Бардак! И с ним пора кончать! – коротко, по – военному назвал происходящее Мераб Кишмария.

– Друзья, наверно, не стоит торопиться, – попытался сдерживать накаляющиеся страсти Сократ Джинджолия и напомнил:

– Еще не сказал своего последнего слова Владислав. Надо с ним встречаться и гово...

– Первое уже сказал! – перебил генерал, – Да так сказал, что теперь от Хашба всю Абхазию трясет.

– Народ до ручки довели! Скоро брат на брата пойдет! – с горечью произнес Климентий Джинджолия.

– Прав Станислав, надо действовать! Если дальше будем сидеть, то народ точно за оружие возьмется и потом мало никому не покажется, – не уступал генерал.

– Не спеши, Мераб! – пытался охладить его пыл Артур Миквабия, – Еще не все возможности исчерпаны. Надо встречаться и говорить с Хаджимба. Сейчас в нем кипит обида, но он абхаз и, в конце концов, поймет, что ради спокойствия в Абхазии надо признать поражение. Кто бы то ни было, но выбор народа нужно уважать.

– Так он и признает! Если бы хотел, то давно бы пришел и пожал руку Сергею Васильевичу, – горячился Климентий Джинджолия.

– Жди, пожмет! Прав Станислав, пока они не раскачали лодку, надо занимать кабинеты и начинать работать, – стоял на своем Мераб Кишмария.

– Нас там только и ждут! Забыл, что Хашба сказал, – с иронией произнес Виталий Корсантия.

– Пусть болтает что хочет! Тоже мне нашелся «крутой Уокер», – отмахнулся генерал.

– Друзья! Давайте не накручивать друг друга, – пытался сбить накал бушевавших в кабинете страстей Сергей Багапш и призвал:

– Мы обязаны ...Нет, мы не имеем права пролить хоть одну каплю крови. Мы должны помнить не о креслах и власти, а о том, как нам всем жить дальше. Один выстрел, одна безвинно загубленная жизнь, могут взорвать Абхазию и тогда ни нам, ни нашим детям не будет прощения. Нас проклянут навеки. Давайте наберем терпения и проявим благоразумие. Пусть Верховный Суд и ЦИК скажут свое слово, а там посмотрим!

В тот день это была последняя фраза, сказанная в избирательном штабе Сергея Багапш. После совещания он и его соратники взяли паузу, воздерживались от резких заявлений и с нетерпением ожидали решений ЦИК и Верховного суда. Их противник тоже сбавил обороты и принялся активно бомбардировать суд бумагами, видимо, еще надеясь похоронить в них победу на выборах Сергея Багапш и Станислава Лакоба.

11 октября, после долгих проволочек, Верховный суд республики начал рассмотрение жалобы Рауля Хаджимба. Заседание продолжалось недолго, и было перенесено на два дня. В тот же день состоялось очередное совещание многострадальной Центральной избирательной комиссии. Шло оно около четырех часов и завершилось сенсационно. К сторавшим от нетерпения журналистам и многочисленным сторонникам обеих кандидатов вышел не председатель ЦИК, а его представитель Александр Адлейба. По напряженному лицу и слегка подрагивающему голосу они догадались, что сейчас услышат ответ на главный для всей Абхазии вопрос.

По мере того, как Александр читал итоговый протокол, этого без всякого преувеличения самого драматического заседания ЦИК, его голос становился все тверже, а тишина в зале все пронзительней. Перед последним абзацем волнение вновь заговорило в нем. Он оторвал взгляд от текста и пробежался по аудитории. Она пожирала его глазами и, затаив дыхание, ждала этих самых главных и важных слов. Он взял в руки протокол, поближе придвинул микрофон и твердым голосом, чеканя каждое слово, зачитал решение.

«Сергей Васильевич Багапш признан избранным Президентом республики Абхазия».

Истинную цену этих нескольких слов знали только сам Александр Адлейба и еще одиннадцать из пятнадцати, присутствовавших на заседании членов ЦИК и проголосовавших за такое решение. Сразу после него теперь уже бывший председатель Центризбиркома Сергей Смыр и двое его членов подали в отставку.

Александр продолжал зачитывать последние строчки из протокола, но его уже никто не слушал. Он сказал главное, и публика ответила взрывом эмоций. Одни – сторонники Сергея Багапш ликовали. Другие – те, кто поддерживал Рауля Хаджимба, пылали гневом и посылали проклятия в адрес Адлейба и остальных одиннадцати «оступников». Спустя несколько минут страсти начали перехлестывать через край и выплеснулись на улицу, где все это время возбужденная толпа ждала решения ЦИК.

На этом короткое и зыбкое перемирие закончилось. В тот день местное телевидение обрушилось с абсурдными обвинениями теперь уже не только на Сергея Багапш, его соратников и сторонников, а и членов ЦИК, записав всех скопом в «грузинских пособников». Тут же, на них, как из канализационной трубы в Интернет грязным валом хлынул «черный компромат».

Закусивший удила Рауль Хаджимба ринулся в атаку на Верховный Суд. На этот раз он подал жалобу на решение ЦИК. 12 октября его сторонники собрали немногочисленный, но шумный митинг у здания Абхазского института гуманитарных исследований. Не стесняясь в выражениях, они обвиняли победителей во всех смертных грехах. Те, потеряв дар речи от такого неслыханного вероломства, вскоре пришли в себя и 14 октября на площади Свободы собрали народный сход.

Огромная, до этого пустовавшая площадь к одиннадцати часам заполнилась до отказа, свободного места не оставалось даже в прилегающем к ней сквере, а люди все продолжали подходить. В глаза бросались абхазские, русские, армянские лица. Казалось, что в тот день здесь собралась вся многонациональная Абхазия. На них читались боль и тревога, но не было того ожесточения и ненависти, которыми всего в нескольких сотнях метров, на «пяточке», у здания филармонии бушевал немногочисленный митинг сторонников Рауля Хаджимба.

Время приближалось к двенадцати, когда на выходе из сквера людское море всколыхнулось и раздалось в стороны. Сергей Багапш, Станислав Лакоба, Александр Анкваб, а с ними весь избирательный штаб в полном составе, под одобрительные возгласы прошли по этому живому коридору и поднялись на трибуну. Там к ним присоединились, действующие вице – президент Валерий Аршба, спикер парламента Нугзар Ашуба, Генеральный прокурор, Председатель Верховного суда и представители большинства общественных организаций.

Митинг начался. Его ораторы заявляли о своей победе и решимости добиваться ее мирным и законным способом, призывали к терпению и спокойствию горячих и нетерпеливых. Абхазскую речь, сменяла русская, затем армянская, мощные микрофоны разносили ее далеко за пределы площади. Она была хорошо слышна и у республиканской филармонии. Но те несколько сот сторонников Рауля Хаджимба не хотели и не желали слышать эти обращения, а ослепленные поражени-

ем продолжали обвинять соперников в «сговоре с Саакашвили и предательстве Абхазии».

День четырнадцатое октября еще больше отдалил и ожесточил победителей и побежденных. Он стал последним, после которого соперники перешли от слов к действиям – конфронтация нарастала. Абхазия все глубже погружалась в кризис, который уже угрожал самой государственности. Власть премьера Нодара Хашба, и так едва державшаяся на чужих подпорках, стала рушиться будто карточный домик, а надежды Рауля Хаджимба вернуться в нее таяли как весенний снег.

28 октября Верховный Суд республики похоронил их навсегда. Он принял решение, –

«Отклонить жалобу Рауля Хаджимба и объявил выборы состоявшимися на всей территории республики, а Сергея Багапш и Станислава Лакоба избранными президентом и вице – президентом».

Но закон, даже в здании суда не долго торжествовал – около сотни разъяренных сторонников Рауля Хаджимба смели немногочисленную милицейскую охрану и, круша все на своем пути, ворвались в зал судебных заседаний. Перед этим, судья Георгий Акаба успел спрятать в карман только что собственноручно подписанное решение суда, и остервеневшая толпа не заметила, что разорвала копию. Затем, угрожая расправой, его заставили огласить другое решение, по которому прошедшие выборы признавались недействительными.

Тут же, перед зданием суда, в окружении охраны появился мрачный Рауль Хаджимба. В интервью журналистам НТВ и РТВ он обвинил соперника в «попрании закона и провоцировании массовых беспорядков». Чуть позже, в местных новостях ему вторил Нодар Хашба. На следующий день Владислав Ардзинба издал указ о проведении повторных выборов, но он оказался холостым выстрелом. Освободившийся из «плена» Георгий Акаба заявил перед телекамерой НТВ, что последнее решение – о признании прошедших выборов является недействительными, так как его принял под давлением сторонников Рауля Хаджимба и затем зачитал подлинник.

После этого у действующего президента – Владислава Ардзинба, Рауля Хаджимба и Нодара Хашба были исчерпаны все легитимные возможности остановить приход к власти Сергея Багапш и Станислава Лакоба. На их стороне было большинство парламента, который вне всякого сомнения объявил бы их новыми президентом и вице – президентом, но его заседание было сорвано. 30 октября сторонники Рауля Хаджимба блокировали входы в здание Народного Собрания республики и не допустили к работе депутатов. С этого дня Закон в Абхазии перестал действовать.

Наступивший неожиданно холодный ноябрь не остудил накала страстей. Никто и никому не хотел уступать. Теперь соперники, особо не выбирая выражений, наотмашь хлестали друг друга. Очередной день, отшумев дежурными митингами перед филармонией и на лице Гоголя, подошел к концу.

Заканчивали свою работу и абхазские телевизионщики. Кристин Бжания, Алхас Чолокуа, режиссер и операторы собрались отключать аппаратуру, когда в студию бесцеремонно вломилось трое вооруженных автоматам бойцов. Вели они

себя по – хозяйски. Старший – крепыш половину лица которого скрывали темные очки, поигрывая мускулатурой под камуфляжкой, плотно облегавшей его литое тело, достал из кармана куртки видеокассету и тоном, не терпящим возражений, приказал:

– Хватит всякую туфу гнать! Сейчас будем кино смотреть!

– Кто вы такие? Кто вам позволил войти?! – возмутился Кристиан.

– Тебя забыли спросить! Смотри, а то довякаешься и вторую клешню оторвем!

– Эфир уже закончился! – поддержал друга Алхас.

– Для кого закончился, а для нас только начинается! Я кому сказал, крути! – рявкнул на них очкастый.

– Без разрешения не имеем права! – продолжал упорствовать Алхас.

– Вот тебе разрешение! – и три ствола угрожающе нацелились на телевизионщиков.

– Мы будем звонить премьеру! – в один голос воскликнули Кристиан и Алхас.

– Звони! Звони! – презрительно усмехнулся очкастый и, потеряв терпение, заорал:

– А ну крути! Я два раза не повторяю!

Аппарат сухо лязгнул и проглотил видеокассету. Алхас схватился за телефон и принялся звонить в приемную Нодара Хашба. Секретарь долго соединял с кабинетом, но премьер так и не ответил. Вместо него кто – то раздраженно, бросил:

«Нодар Владимирович во всем разберется».

И пока тот «разбирался», те, кто остался в студии и те, кто в этот поздний час не выключил телевизор, остолбенели от того, что появилось на экране. Три часа на потрясенных зрителей лился зловонный и высосанный из пальца компромат на Сергея Багапш и его соратников.

На следующее утро город кипел от негодования. Премьер Нодар Хашба что – то невнятное лепетал в оправдание и обещал во все разобраться. Вышедшее из себя сторонники Сергея Багапш не стали ждать, и нанесли ответный удар.

Поздним вечером Акун Квирая, Адгур, Масик, Бесик, Энрик и Эрик ночными призракам, возникли перед носом растерявшейся охраны телецентра. В считанные минуты и без единого выстрела он перешел под контроль сторонников Сергея Багапш, но, как оказалось, ненадолго. Не прошло и суток, как мощный взрыв потряс центр Сухума. Трансформаторная подстанция, запитывавшая телецентр, была выведена из строя, и экраны телевизоров погасли

Теперь уже никто не помышлял о работе. Политическая паранойя, казалось, лишила людей рассудка. С раннего утра у избирательных штабов собрались возбужденные толпы и, вскипая праведным гневом, готовы были вот – вот схлестнуться в рукопашной схватке. Здания правительства и парламента, взятые в двойное кольцо осады сторонниками Рауля Хаджимба и блокированные по внешнему кольцу теми, кто стоял за Сергеем Багапш, все больше походили на осажденную крепость.

Противостояние загнало Нодара Хашба в угол и, видимо, лишило разума. На крышах зданий правительства и парламента появились вооруженные снайперы,

а в кабинетах на первых этажах стали спешно оборудовать пулеметные гнезда. Снялся с базы и прибыл для усиления охраны «момент – премьеры» и так называемого правительства, печально – знаменитый СОБР.

Одиннадцатого ноября по Сухуму и всей Абхазии поползли зловещие слухи о, якобы, высадке российского спецназа на бывшей военной базе в Гудауте и сосредоточении еще двух батальонов на границу за Псоу. Теперь ни Сергею Багапш, ни Станиславу Лакоба, ни Александру Анкваб, ни генералу Мерабу Кишмария уже было не под силу остановить своих сторонников. Те, пылая праведным гневом, не собирались покорно, как стадо баранов, идти под нож и тоже взяли за оружие. Медлить дальше было нельзя, большая кровь могла пролиться в любой момент и тогда они совершили то, что в трудный часы испытания для родины делали их мудрые предки – созвали всенародный сход.

Накануне, до глубокой ночи не гасли огни в кабинетах обоих избирательных штабов. В одном опасались, что в эту ночь противник при поддержке СОБРа и спецназа попытается раз и навсегда закрыть вопрос с победителем в президентской компании, и потому группы добровольцев во главе с Мерабом Кишмария готовы были стоять до конца. В другом, царил нервный мандраж. Как сам Рауль Хаджимба, так и его соратники отдавали себе отчет в том, что завтра им придется иметь дело не только с ополченцами и милиционерами, большая часть которых перешла на сторону Сергея Багапш, а с многотысячной кипящей гневом толпой.

С особой остротой все то, что происходило сейчас в Абхазии, воспринималось в квартире президента Владислава Ардзинба. Он, несший на своих плечах тяжелое бремя ответственности за судьбы Абхазии и ее народа, закованный тяжелой болезнью в четырех стенах и давно уже смотревший на то, что происходило за ними глазами своих, зачастую недобросовестных подчиненных, никак не мог поверить, а тем более примириться с тем, что выбор будущего преемника состоялся наперекор его железной воле. Пять лет мучительных раздумий и поиск того, кому он без колебаний мог доверить власть, оказались безрезультатно потеряны. Его приемник – Рауль Хаджимба был отвергнут.

Президент неподвижно застыл в кресле и, казалось, был отрешен от того, что происходило в квартире и за ее стенами. Ибрагим с Кавказом нерешительно переступили порог и, неловко переминаясь с ноги на ногу, остановились посреди комнаты. Пауза затягивалась, и Кавказ деликатно прокашлялся. Владислав Григорьевич встрепенулся, тяжело поднялся из кресла и двинулся навстречу.

Ибрагим сделал несколько шагов, и его ноги, будто, приросли к полу. Щемящая жалость к тому, с кем последние годы была связана вся жизнь, захлестнула его. Президента трудно было узнать. Таким он его видел только дважды, после убийства Юрия Воронова и смерти матери. Как тогда, так и сейчас в уголках глаз Владислава Григорьевича плескались такая боль и такое страдание, что у Ибрагим едва хватило сил сдержать слезы.

В это время с улицы донеслись невнятные крики и свист. Их не могли заглушить плотно закрытые в комнате окна. Grimаса гнева исказила лицо президента, а глаза полыхнули яростным огнем. Оскорбительные, трусливые выкрики из темноты, подобно отравленным пулям терзали его душу. Ему, положившему свои

здоровье и отдавшего всего себя без остатка ради свободы Абхазии и свободы тех, кто хотел поскорее забыть и вычеркнуть его из истории и сейчас надрывался в кустах, это было хуже смерти. Он, устоявший перед жестокими ударами судьбы, не согнувшийся под чудовищным прессом сильных мира сего, пытавшихся загнать его и народ снова в Грузию, был потрясен этой черной неблагодарностью.

Ибрагим, не в силах сдержать душивший его гнев воскликнул:

– Владислав Григорьевич, это не люди! Они хуже зверей! Разве люди могут...

– Не надо, Ибо! – остановил он и с горечью произнес:

– Они тоже люди, но без памяти. Пройдет время, и оно расставит все по своим местам.

– Но почему... – договорить Ибрагиму не удалось.

В комнате появился взъерошенный Гембер и воскликнул:

– Ребята, бегом вниз, эти отморозки уже в ворота долбятся!

– Сволочи! Сейчас я им покажу! – вспыхнул Кавказ.

– Стойте! Не порите горячки! – остановил президент.

– Владислав Григорьевич, надо действовать, а то будет поздно! – торопил Гембер.

– Оружие не брать! – потребовал он.

– Как?!... У них в руках не палки?! – негодовал Кавказ.

– Я сказал не брать! И на рожон не лезть. Мне они ничего не сделают! – обронил Владислав Григорьевич.

И его взгляд остановился на них, кто все эти немисливо долгие и тяжелые двенадцать лет был рядом и не изменил ни словом, ни делом. Бушевавший в нем гнев внезапно угас, и рука легла на плечо Ибрагима. Тот уже не слышал воплей, толпы и готов был без колебаний отдать жизнь за президента. Глаза Владислав Григорьевича повлажнели и, дрогнувшим голосом, он произнес:

– Я этого не забуду. Берегите себя! А за меня не бойтесь! Меня невозможно убить! Президента можно только забыть!

–... Владислав Григорьевич! ...Владислав Григорьевич! – слова застряли в горле Ибрагима.

– Это надо пережить, ребята! Глухие и слепые, они не ведают, что творят, – тихо закончил он.

Провожаемые его благодарным взглядом, они прошли в холл, сложили на диван автоматы, пулемет и поспешили во двор. Там, на них обрушился новый залп оскорблений. За кустарником трудно было разглядеть того, кто больше других злобствовал. Ибрагим рванулся за ворота, чтобы заткнуть грязную пасть, поливающую помоями его президента. Кавказ благоразумно придержал за плечо. Угрозы горластого, казавшегося в темноте карликом, были не пустым звуком. В тусклом свете редких фонарей блеснул ствол пистолета.

– Что вы делаете?? Также нельзя! Идите по домам! – пытался образумить толпу Кавказ.

– По домам?! – хмыкнуло из темноты, – Тоже мне нашелся советчик. Это вам, пока не поздно надо по норам разбежаться

– Ты чего несешь! Забыл, здесь живет президент! – снова завелся Ибрагим.

– Был президент, да весь вышел!
– Что ...о!! – и тут прорвало Кавказа:
– Ты кто такой? Ты – пустое место! А за ним народ!
– Народ говоришь?! А когда в последний раз он видел этот самый народ? – прорычал злобствующий «карлик»,
– Окружил себя холуями, которые в ухо напевают про свою хорошую жизнь,
– вторили из толпы.
– Засиделся! Пора слазить! – не унимался «карлик».
– Тебя забыли спросить! – рыкнул Ибрагим
– Реваз, чего с ними базарить! Это же турки! – кто – то узнал Ибрагима.
– А... турки?! С этими разговор будет короткий, – взвился «карлик».
– Иди сюда, если ты такой смелый?! – и, кажущаяся в темноте исполинской, тень Кавказа накрыла его.

Тот шарханулся назад и скрылся за чужими спинами. Казалось еще одно мгновение, и они схлестнутся. Но кому – то в толпе хватило благоразумия остановить перепалку, грозившую в любую секунду перерасти в перестрелку. Еще какое – то время из – за забора доносились вялый мат и крики, но вскоре запал у горлопанов пропал и к полночи улица опустела.

Остаток ночи прошел спокойно, смена подошла к концу, но Ибрагим и Кавказ не покинули президента и остались вместе с Гембером и Асланом. Из города поступала все более тревожная информация. Кто – то час назад, якобы видел, как бойцы Мераба Кишмария заняли позицию на крышах абхазского драмтеатра и академии наук. Позже пришло сообщение, что в Сухум из районов начали подъезжать десятки автобусов со сторонниками Сергея Багапш.С

К одиннадцати часам на площади Свободы усобралась внушительная толпа. К полудню на ней уже не было свободного места, а из Гудауты и Очимчыры продолжали прибывать люди. Все это, только еще больше добавило нервозности Нодару Хашба и его министрам. Самые невероятные слухи бродили по полупустым кабинетом правительства. Там с минуты на минуту ждали штурма.

Стрелки часов приблизились к двум, на площади Свободы появился Сергей Багапш со своим избирательным штабом и поднялся на трибуну. Сход начался. Ораторы один за другим подходили к микрофону. Справедливо возмущаясь, они в порыве праведного гнева обличали «зарвавшуюся власть», «беспредел Хашба» и «попрание закона». В ответ, из одобрительно гудевшей толпы, раздавались все более жесткие и категоричные требования:

«Хватит! Сколько можно терпеть!»

«Пора кончать с этим беспределом!»

«Надо освобождать парламент!»

«Мы вам дали власть! Идите и берите ее!»

Атмосфера схода все больше накалялась. Сергей Багапш, Александр Анкваб, Сократ Джинджолия и их соратники увещевали и пытались охладить самых горячих и нетерпеливых, напоминали о вооруженном до зубов спецназе и СОБРе, засевших на крышах парламента и правительства снайперах. Их обращения тонули в глухом ропоте. С разных концов площади неслись призывы:

«Чего больше ждать?!»

«Хватит перед ними пресмыкаться!»

«Мы пойдем с детьми, если они люди, то не станут стрелять!» – требовали женщины.

«Мы будем без оружия!» – поддержали их мужчины.

«Идем! Идем!» – гудела площадь.

И, подчиняясь этому могучему и неудержимому порыву тысяч своих сторонников, Сергей Багапш призвал:

– Друзья! Я вас прошу, не берите с собой оружие! Там находятся наши дети. Они не будут стрелять! Они нам не враги! Мы будем говорить с ними как с братьями!

– Охране тоже оставить оружие! – вслед за ним напомнил генерал Кишмария.

Митинг на площади Свободы подошел к концу. И, охваченная единым порывом, эта человеческая река выплеснулась на улицы, ведущие к зданию парламента и правительства. По пути, подобно горным ручейкам в нее вливались все новые и новые сторонники. Сколько их было – четыре, пять, шесть тысяч?

Подобного шествия древний Сухум вряд ли когда видел. Это была необычная и удивительная демонстрация силы духа и веры в то, что у мощных каменных стен комплекса правительственных зданий, ошетилившихся с крыш хищными «жалами» снайперских винтовок, воронеными стволами автоматов и пулеметов из окон первого и второго этажей, их ждет победа, а не смерть.

Сергей Багапш, Станислав Лакоба, Александр Анкваб и те тысячи абхазов, армян и русских, что сейчас плечом к плечу шагали рядом с ними, надеялись, что инстинкт самосохранения, позволявший в течение двух с половиной тысячелетий выжить и сохраниться крохотной Абхазии и ее народу, и на этот раз остановит палец на спусковом курке тех еще почти мальчишек, что стали заложниками в безжалостной политической игре. Они верили в то, что под напором добра зло не устоит и рухнет.

Первые ряды демонстрантов ступили на площадь перед правительством. Добровольцы – телохранители: Акун Квирая, Володя Гоголин, Теймураз Хагба, Юра Долгоруков, Варган Гургенян и Эрик Воуба не позволяли себе расслабиться и теснее сомкнули цепь Сергея Багапш и Александра Анкваб. Денис Читанава, Адгур Бжания и Авик Маркарян старались не оставить Станислава Лакоба открытым для выстрела снайпера. Они внимательно обшаривали взглядами крыши, окна и балконы верхних этажей, готовясь предугадать предательский выстрел.

Авик в эти минуты не видел лиц Дениса и Адгура, но каждой своей клеточкой ощущал то колоссальное напряжение, что владело ими. Где – то там за окнами одного из кабинетов правительства, с автоматом в руках находился лучший друг Адгура – Отар Берзеня. Вместе они прошел войну от ее первого и до последнего дня. Где –то там был и племянник Дениса. Авик понимал, какие чувства владели ими и, подавшись к Денису, тихо произнес:

– Все будет нормально, Денис. Вот увидишь.

– Может быть, – неуверенно ответил тот и нервно повел плечом.

– Он нормальный парень и не станет стрелять.

– Он...А другие? Эти «гориллы» Хашба – они только и ждут, чтобы столкнуть нас лбами.

– «Гориллы», но не самоубийцы! Ты, посмотри, сколько здесь народу. Пусть только попробуют, мы их сметем как мусор!

– Гольми руками против автоматов и пулеметов?

– Если они и положат первую цепь, то, что дальше? ...Нас тысячи, а там всего сотня и большинство не отморозки. Они не идиоты, и понимают, мы их порвут на куски.

– На куски? Порвем! И потом тут такое начнется! – страдальческая гримаса исказила и без того посеревшее от нервного напряжения лицо Дениса.

– Этого не будет! – отрезал Авик.

– Почем знаешь?

– Предчувствие говорит. У вас, у абхазов есть что – то такое, чего нет у других. Русские уже бы давно пустили друг другу кровь. Грузины до смерти переругались. Евреи просто бы ушли. А у вас, как у того скакуна, который, встав на дыбы у края пропасти, в самый последний момент всегда поворачивает обратно. Не так как у нас армян. Вроде не дураки, – и, тяжело вздохнув, Авик с болью в голосе произнес:

– В Ереване что натворили?! Нашлись отморозки, расстреляли на глазах всего мира половину парламента.

– Может быть! Может быть! Скорее бы все это кончилось и потом ...

Денис так и не успел договорить. Зычный голос Мераба Кишмария напомнил всем, что до цели осталось совсем немного.

– Те, кто с оружием на площадь не выходить. Группам прикрытия выдвинутся вперед и занять исходное положение.

– Женщинам и детям остаться на месте! – полетело по рядам.

Бывшие бойцы Восточного фронта с полуслова понимали своего боевого командующего. В толпе произошло еле заметное глазу движение, и три группы крепко сбитых и решительных парней быстро заняли места впереди колонн манифестантов, неумолимо надвигавшихся на здания правительства, парламента и администрации президента.

Там, в полупустых и выстуженных холодными ноябрьскими ветрами кабинетах, где большинство министерских кресел давно пустовало, а в ручках высохли чернила, ежедневно, ежечасно множилось мерзкое и коварное зло, которое выплескивалось за стены и отравляло души людей ядом ненависти и злобы.

Нодар Хашба, власть которого в те ноябрьские дни распространялась не дальше порога премьерского кабинета, подстегиваемый кукловодами, «окопавшимися» на втором этаже самого «крутого» корпуса военного санатория, так далеко зашел в погоне за ней, что, кажется, потерял всякое чувство реальности и тупо гнул свое. Попытки придушить независимую прессу, отказав ей в печати материалов по «техническим причинам», игнорирование решений ЦИК, Верховного Суда республики и откровенное хамство по отношению к тем сотням и тысячам, что просили только об одном – не разжигать вражды, возбуждали к нему лютую ненависть.

Едва ли не каждый новый день в Абхазии начинался с того, что «момент – премьер» грозил с экранов телевизоров самыми жестокими карами «смутьянам и экстремистам», а сомневающимся намекал на некую силу, которая вот – вот готова положить конец «хаосу и беспределу». Все эти заявления вели к тому, что власть Хашба съезживалась подобно шагреневого коже.

В последнее время комплекс правительственных зданий все больше походил на осажденную крепость. На его крышах круглые сутки дежурили снайперы. Западный и восточный входы были наглухо заблокированы вооруженной до зубов охраной. Сам Хашба, если и выбирался из кабинета в военный санаторий, чтобы получить новое ЕБЦУ (еще более ценное указание), то этот его выход скорее напоминал отчаянную вылазку в захваченный врагом город. Его держиморды «зачищали» все вокруг маршрута и только потом он, в своем бронированном «саркофаге», отваживался на прорыв

Двенадцатого ноября, с раннего утра по кабинетам «правительства» начали гулять зловещие слухи о том, что сегодня, после народного схода сторонников Сергея Багапш на площади Свободы «взбунтовавшаяся толпа экстремистов» предпримет попытку взять штурмом «последнюю цитадель демократии и законности». На этот раз слух подтвердился. Около трех часов дня могучий и неудержимый шаг огромной людской толпы был уже отчетливо слышен даже в кабинете Нодара Хашба и, загнанного в угол обстоятельствами, вице – премьера Астамура Тарба.

Подстегиваемые истеричными командами снайперы рассыпались по крыше и заняли позиции за ее парапетом. Внизу на первом этаже засуетилась охрана, в вестибюль западного входа, напротив дверей выставили тяжелый пулемет. Самые нервные сняли автоматы с предохранителей и дослали патрон в патронник. Теперь их взгляды были прикованы к улицам, выходящим на площадь. То, что они там увидели, вызвало в ногах нервную дрожь и заставило бешено молотить сердца.

Жидкая цепочка сторонников Рауля Хаджимба, пытавшаяся преградить путь демонстрантам, подобно зыбкой песчаной плотине в считанные минуты была размыта, и растворилось под напором тысяч и тысяч тех, кому уже было невмoguту терпеть то сумасшествие, что устроила власть. И только несколько десятков человек, облепив гроздьями запертые изнутри двери подъездов, пытались своими телами закрыть тех, кто сейчас за полуметровыми стенами правительства и парламента, дрожащими руками досылали патрон в патронник.

Во внутреннем дворе автоматчики заняли исходные позиции, а на крышах угрожающее зашевелились снайперы. В свете заходящего солнца, над парапетом грозно сверкнула оптика, и стволы винтовок прошлись по толпе, выискивая свои жертвы. Огромное людское море замерло, но только на мгновение, а затем, наступившую пронзительную тишину нарушил неясный гул. Он с каждой секундой становился все и сильнее и напоминал грозный накат океанского вала.

Нервная волна прокатилась по толпе. Безоружные женщины, мужчины, старики и юноши решились сделать этот немислимо трудный шаг. Противников разделял какой – то десяток метров. Один роковой выстрел мог положить конец тому хрупкому равновесию, что каким – то чудом еще сохранялось в Абхазии и

похоронить навсегда робкую надежду на то, что противоборствующие стороны не схлестнутся в кровавой резне.

Напряжение достигло своего предела. Воздух налился свинцовой тяжестью и словно застыл. Снайперы растеряно крутили стволами и что – то кричали в сотовые телефоны. На площади вновь воцарилась тишина, в которую вкрался мерный стук. Он становился все громче и был уже слышен не только в толпе, а и тем, кто сейчас сжимал в руках автоматы и застыл у пулеметов за стенами правительства и парламента. Он властвовал повсюду.

Это сердца участников всенародного схода слились в одно, в надежде, что не случится непоправимое. Они сделали еще один шаг. И в этом молчаливом и сосредоточенном движении тысяч безоружных людей чувствовалась такая несокрушимая сила, что, казалось, перед ней не устоят две сотни вооруженных до зубов «преторианцев Нодара Хашба».

Они, по – прежнему, безмолвствовали и не покидали позиций. Прошла одна, за ней другая невыносимо долгая минута, и тут сначала тихо, а затем все громче зазвучали женские и мужские голоса:

«Братья! Мы пришли к вам без оружия!»

«Мы пришли к вам с миром!»

Этот призыв как молитва повторялся в разных концах площади. Ответом было зловещее молчание. Неизвестно сколько продолжалось это стояние. Время, словно, остановилось и для тех и для других, когда, наконец, двери западного входа распахнулись. Из них вышел, с посеревшим, как пепел лицом, вице – премьер Астамур Тарба. Сделав несколько неуверенных шагов вперед, он обернулся и, севшим от нервного напряжения голосом воскликнул:

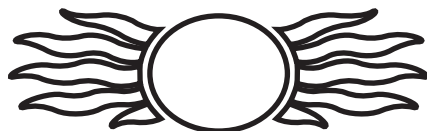
– Не стреляйте! Сложите оружие!

Вздых общего облегчения, подобно шелесту леса пронесся над толпой. Но уже в следующее мгновение женский крик стеганул по натянутым как струна нервам.

– Чего стоите!

– Это идут грузины!

На ступеньках, металась пожилая женщина. Толпа оцепенела. И тут случилось то, во что никто не хотел поверить. Пулеметная очередь хлестанула свинцом из дверей западного входа. Вслед за ней твякнул автомат. На землю посыпались осколки стекла, куски штукатурки и из подъезда на площадь поползли клубы серой пыли, запахло едкой пороховой гарью.

Глава 17

Эхо выстрелов хлестануло по взведенным нервам Алхаса Чалокуа и Олега Амичба. Телекамера едва не вывалилась из вдруг ставших ватными рук. Алхас невольно вжал голову в плечи, сердце екнуло и провалилось куда – то вниз. Сидевший где – то в глубине каждой его клеточки и уже, казалось, навсегда позабытый детский страх ожил с прежней силой. За какие – то доли мгновения в памяти пронеслись, словно в гигантском калейдоскопе, трагические события двенадцатилетней давности.

Зловещий вой артиллерийских снарядов и мин плющил и вгонял в землю. Злобный лай пулеметов, и остервенелое тьявканье автоматов заставляли ребячье тело сжиматься в комок. От нестерпимого жара, исходившего от пылающих развалин, начинали трещать волосы на голове, а кожа на ладошка становилось похожей на наждак. Остановившимся взглядом он смотрел на раздавленного гусеницей танка и корчившегося в предсмертной агонии старика. В тот день, 14 августа 1992 года, он узнал и запомнил навсегда удушающий запах едкой гари и разлагающегося на жгучем солнце человеческого тела – это был запах смерти и запах войны. Спустя столько лет, 12 ноября 2004 года она снова подбиралась к Абхазии.

Поборов минутную слабость, Алхас и Олег принялись снова снимать то, что происходило на площади, чтобы потом, когда улягутся страсти, а из памяти сотрутся события сегодняшнего дня, беспристрастная камера напомнила забывчивым и рассказала несведущим суровую, без всяких прикрас, правду.

Тем временем, события перед зданием правительства приобретали все более драматичный характер. Вслед за пулеметом, из подъезда тьявкнул автомат, очередь прошла дверь и брызнула в толпу деревянной щепой.

Острая боль полоснула Адгура Бжания по левой ноге. Горячее дыхание близкой смерти обожгло правую щеку Дениса Читанава. Где – то за спиной вскрикнул раненый в руку «Малыш» Джопуа. Но ни они, ни Авик Маркарян, ни Леван Бжания, ни Кесоу Дарсалия, ни Энрик Якуб – оглы, ни десятки других ребят, ставших в эти мгновения живым щитом для других, не думали о боли и смерти. Они свой выбор сделали еще там, на площади Свободы и не по приказу генерала Мераба Кишмария, а по зову собственного сердца.

Дробный грохот пулемета и двух автоматов не мог их остановить. Одним отчаянным броском они преодолели последние метры и ворвались в подъезд. На этот раз пулеметная очередь прошла над головами и обрушилась на пол штукатурку со стен. И когда рассеялись пыль и дым, то в вестибюле никого не было. В конце коридора, на лестничном пролете промелькнули спины пулеметчика и автоматчиков. О них напоминали лишь валявшиеся на полу стрелянные гильзы. А на ступеньках крыльца корчилась в предсмертной агонии пожилая женщина – это была Тамара Шакрыл. Помочь ей они уже ничем не могли, шальная пуля оборвала ее жизнь.

Чуть позже остальные группы деблокирования без единого выстрела ворвались в здание со стороны восточного и центрального подъездов. В это время, во внутреннем дворе, у бронированного «саркофага» в панике суетились «момент – премьер» и его охрана. Вслед им, из распахнутых окон второго этажа неслись презрительные крики.

«Штаны не забудь постирать!»

«Скатертью дорога!»

Под этим словесным градом «момент – премьер» Хашба съезжился, юркнул в бронированную пасть «БМВ» и на бешеной скорости понесся в военный санаторий, под защиту миротворцев. Ему не собирались мстить. Он сам выбрал свою судьбу, оставив в истории политической жизни Абхазии и людской памяти черныи след.

День двенадцатое ноября, закончившийся в шестнадцать часов освобождением парламента, правительства и администрации президента и, казавшийся многим концом избирательного кошмара, на самом деле означал всего лишь завершение одного и начало нового витка в «абхазской драме».

Но в те минуты торжествующие победители, счастливые тем, что провидение уберегло их от кровопролития, не думали об этом. За все годы своего существования безликие и холодные кабинеты министров и депутатов парламента не видели столько радостных и опьяненных успехом лиц. Самого страшного, что еще несколько минут назад им казалось неизбежным – бессмысленной бойни, чудом удалось избежать, поэтому эмоции перехлестывали через край. Кресло ненавистного «момента – премьера» и забытый при бегстве портфель с документами, выбросили в коридор. Его грозные постановления и распоряжения, так и оставшиеся на бумаге, ворвавшийся в распахнутые настежь двери сквозняк швырял пачками из окон в ликующую толпу.

В соседних кабинетах из шкафов и ящичков на столы вываливались коробки с конфетами, бутылки с шампанским и коньяком, еще месяц назад приготовленные, чтобы «обмыть», так и не состоявшуюся победу Рауля Хаджимба. Счастливые, потерявшие от радости головы победители в горячечном запале спешили воспользоваться «сладкими трофеями». С оглушительным треском в воздух взлетали пробки, игристое шампанское пенилось в стаканах, бокалах и кружках. Это, по – праву, была их победа! Победа над ненавистным злом, которое после пятого октября поселилось в этих стенах и затем ежечасно и ежеминутно множилось, отравляя разум людей и превращая закадычных друзей в заклятых врагов.

Сновавшие в толпе тележурналисты старательно, крупным планом снимали разгул людской стихии. Потом, спустя несколько часов, в экстренных новостях, он будет представлен не много не мало, а как «путч и государственный переворот коррумпированных и экстремистских группировок». Но им, тем, кто не испугался смерти, хлестнувшей навстречу свинцом, и первыми ворвался в западный подъезд, было глубоко наплевать на эту «мышиную суету». Они, как это бывало на фронте, сделав свое дело, отошли в сторону, предоставив слово политикам.

Станислав Лакоба, Александр Анкваб, генерал Кишмария, пережившие в эти последние минуты, то, чего не пожелаешь и врагу, появились в коридоре. Перевернутые кресла, разбросанные по полу бумаги красноречиво свидетельствовали о паническом бегстве тех, кто, прикрываясь законом, цинично его попирал. Навстречу им бросались люди, чтобы пожать руку и сказать доброе слово. На осунувшихся и пожелтевших, как воск, лицах Станислава, Александра и Мераба не было ни радости, ни торжества. Неимоверный груз ответственности за жизни сотен и тысяч, все еще продолжал давить на них. Они шли по этому живому коридору и понимали, что на какое – то время роковую черту, за которой маячила мрачная тень гражданской войны, удалось отодвинуть, но насколько далеко, теперь зависело от Рауля Хаджимба и его сторонников.

А они, в эти самые минуты, находились в шоке. СОБР и натасканная охрана Нодара Хашба оказались бессильны перед отчаянным бесстрашием безоружных людей. Униженные и раздавленные бесславным поражением соборцы и охрана, нахлынувшие в избирательный штаб и на турбазу «Абхазия», вскоре пришли в себя, и было достаточно одной искры, чтобы ответная волна яростного и слепого возмездия обрушилась на тех, кто сейчас торжествовал свою победу.

Это прекрасно понимали, как Сергей Багапш, так и опытный военный Мераб Кишмария. Генерал, не выпускал из рук трубки мобильных телефонов. Звонки следовали один за другим. Разведчики сообщали, что на турбазе «Абхазия» пока все оставались на местах, зато тревожная информация поступила с набережной. Кто – то заметил, как несколько вооруженных бойцов проскочили в Абхазский драматический театр. Кому – то почудились снайперы, засевшие на крыше Академии наук. Сообщения оказалось ложными. Окончательно пригасило напряжение и развеяло тревожные слухи появление в коридорах парламента Сергея Багапш и Рауля Хаджимба.

Чего стоило Сергею Багапш и какие он нашел слова, чтобы убедить Рауля Хаджимба покинуть свой избирательный штаб, где его, потерявшие от гнева и ярости головы сторонники, призывали к мести, чтобы выступить и успокоить людей, известно только ему одному. С почерневшим, словно, головешка лицом Рауль Хаджимба понуро шел по коридору за Сергеем Багапш. У него хватило мужества пройти через строй испепеляющих ненавистью взглядов и сохранить выдержку под градом оскорбительных упреков. Телерепортеры неотступно следовали за ними и постоянно держали в фокусе камер их лица, будто заранее пытаясь прочесть ответ, который без всякого преувеличения, затаив дыхание, ждала вся Абхазия.

Они поднялись в кабинет сбежавшего «момент – премьеры». Там к ним присоединились Станислав Лакоба, Александр Анкваб, Мераб Кишмария. Они рас-

селись за столом и тут же охрана захлопнула двери для любопытных и журналистов. Несколько минут Сергей Багапш и Рауль Хаджимба молчали. Увиденное и, конечно, смерть Тамары Шакрыл потрясла обоих и давила на них грузом тяжелой вины. Долго, будто примеряясь, они прощупывали друг друга изучающими взглядами, затем достали из карманов пачки с сигаретами и каждый закурил свою. Кольца сиреневого дыма закручивались в причудливые загогулины над головами. Сергей Багапш, сделал еще одну глубокую затяжку, погасил сигарету о пепельницу и первым начал этот мучительно – трудный разговор. Он не стал вспоминать прошлые обиды, но в его словах продолжали звучать боль и горечь.

– Сегодня по нашей вине произошла страшная трагедия! Пролилась невинная кровь! Мы в ответе за нее! – заговорил он рубленными фразами.

Голова Рауля поникла, смерть Тамары Шакрыл и для него стала потрясением, но он не мог найти слов. Они застряли в перехваченном спазмами горле. И тогда Сергей Багапш продолжил:

– Рауль Джумкович, мы должны! Нет, мы просто обязаны сделать все возможное и невозможное, но чтобы тот роковой выстрел стал последним, иначе нам не будет прощения.

– Да! – выдавил из себя он.

– Люди нас ждут, и хотят услышать это от нас обоих. Сегодняшняя трагедия не должна еще больше разделить наш народ на чужих и своих.

– Мы и так слишком далеко зашли! – согласился Рауль Хаджимба.

– Пора всем остановиться. Власть не стоит того, чтобы отдавать за нее жизни безвинных.

– Одна жизнь уже заплачена, – обронил Рауль Хаджимба.

– Эта наша общая трагедия и вокруг нее не надо нагнетать страстей. Пора с ними кончать и говорить нормальным языком, а не языком ультиматумов. Мы готовы вернуться к нашему последнему предложению.

– Какому? – оживился Рауль Хаджимба.

Сергей Багапш бросил вопросительный взгляд на Станислава Лакоба. Тот утвердительно кивнул головой. То, что Сергей Багапш собирался предложить своему сопернику, вряд ли когда происходило в современной избирательной практике. За несколько дней до этой встречи они вместе с Александром Анкваб Сократом Джинджолия, Артуром Миквабия, Леонидом Лакербая, в очередной раз ломали голову над тем, как выбраться из заколдованного круга, в котором не только они, а и вся Абхазия оказались по роковому стечению обстоятельств.

Ситуация была патовая и выход из нее нашел Станислав Лакоба. Он, сделавший немало для победы третьего октября, отказался от поста вице – президента и, ради согласия и примирения, предложил передать его Раулю Хаджимба. В первые мгновения оно вызвало бурный протест и всплеск эмоций, но когда они поутихли, все согласилось с тем, что это был, пожалуй, единственный выход из тупика.

И теперь, когда, наконец, они с Раулем Хаджимба могли посмотреть друг другу в глаза, Сергей Багапш решил использовать этот последний шанс. Он, благодарно глянув на Станислава, и, медленно выговаривая каждое слово, предложил:

– Рауль Джумкович, внимательно выслушайте и не торопитесь с ответом. То, что сейчас мы предлагаем, пока не прописано ни в Конституции, ни в одном законе, но жизнь людей и единство нашего народа превыше всего.

– Безусловно, – обронил Рауль Хаджимба.

– Так вот, – продолжил Сергей Багапш, – ради нашей Абхазии Станислав Зосимович отказывается от поста вице – президента, который ему по праву доверил народ, в вашу пользу.

– Но такое невозможно?! ...Это не по Конституции! Нас никто не поймет?! Эти выборы не признают, – после затянувшейся паузы ответил Рауль Хаджимба.

– И что из того? Нас уже двенадцать лет не признают, но Абхазия как была, так и остается! – напомнил Станислав Лакоба.

– Рауль Джумкович, не сомневайтесь, народ нас поймет и поддержит, а с заграницей потом будем разбираться. Сейчас главное успокоить людей! Они нас ждут! Надо идти! – продолжал убеждать Сергей Багапш.

Болезненная гримаса исказила лицо Рауля Хаджимба. Он кивнул головой и шагнул к двери. Сергей Багапш поднялся со стула и уже на ходу распорядился:

– Акун, здесь ничего не трогать! Дверь кабинета опечатать!

– Все будет сделано, Сергей Васильевич! – заверил его Квирая.

В это время, в коридоре возник шум, к премьерскому кабинету пытался пробиться «гэбэшник». Теймураз Хагба решительно перекрыл ему путь и вызвал Акуна Квирая. Тот не стал особо церемониться, сотрудники Службы государственной безопасности с давних пор вызывали у него стойкую аллергию. С раздражением посмотрел на «гэбэшника» и спросил:

– Тебе чего?

– Акун, мне срочно надо увидеть Рауля! – торопил тот.

– Вам сейчас надо срочно не сюда, а в другое место! – отмахнулся он.

– Акун, мне только на пару слов!

– Я сказал потом!

– Акун, ты чего? Слава богу, все кончилось! Вы победили, к чему упираться?! – не унимался «гэбэшник».

– Ладно, проходи! – согласился Квирая и нехотя отступил в сторону.

«Гэбэшник» вьюном проскользнул сквозь цепочку охраны, протиснулся к Раулю Хаджимба и стал что – то торопливо нашептывать. Обрывки фраз заглушали царивший в коридоре невообразимый шум и гул многотысячной толпы, доносившийся с площади. С каждой новым словом и без того мрачное лицо Рауля Хаджимба все больше чернело. То, что ему говорил «гэбэшник», видимо, вряд ли когда станет известно.

Болезненная гримаса искривила лицо Рауля, а с запекшихся губ совалось:

«Опять меня подставляют!»

Тяжкая ноша ответственности, которую в очередной раз перекладывали на плечи Хаджимба, те, кто всячески сопротивлялся и не хотел выпускать из своих рук ускользающую власть, гнула его к земле. Он спускался по лестнице, кажется, ничего не замечал и отрешенным взглядом скользил поверх голов тысяч тех, кто с нетерпением ждал самых важных слов от него и Сергея Багапш.

Но они услышали только одного Сергея Багапш. Он вышел на крыльцо перед подъездом кабинета министров. Люди на площади стихли, все взгляды, как в перекрестие прицела, сошлись на нем, и тревожный ропот прокатился по рядам. Из задних тянулись на носочках и теребили тех, кто стоял впереди, вопросами:

«Василич вышел?»

«Хаджимба с ним?»

«А Хашба?»

«Кто?! Да этот ... – прошлись крепким словом по сбежавшему «момент – премьеру», – уже за Псоу смылся!»

«И штаны там стирает!» – продолжали словесно добивать Хашба.

«А Хаджимба, Хаджимба появился?!» – вновь из задних рядов посыпались вопросы.

«Нет!» – похоронили надежду, забравшиеся на деревья пацаны.

«Как нет? Говорят, приехал!»

«Жди, приедет!»

«Значить не договорились» – произнес кто – то убитым тоном.

«Да подожди ты каркать!»

«Кажись стоит Хаджимба».

«Замолчите! Дайте послушать, что скажет Василич!»

Усталый голос Сергея Багапш тонул в монотонном шуме толпы, но люди старались поймать каждое слово и затем передавали по рядам.

«Самое трудное осталось позади!»

«Больше не прольется ни одной капли крови!»

«Мы говорили с Раулем Джумковичем! И я сделаю все, чтобы он был рядом!»

«Мы начинаем с чистого листа!»

«Мы один народ!»

«Мы были и будем вместе!»

«Мы сделаем все, чтобы в Абхазии снова были мир и спокойствие!»

Его внимательно слушали как сторонники, так и немногочисленные противники, но тревога не покидала их сердца. Они так и не услышали от Рауля Хаджимба слов о том, что сегодня, двенадцатого ноября 2004 года, наконец, поставлена последняя точка в абхазской драме под названием президентские выборы. Не услышали они и своего первого президента, с именем которого во время войны связывали надежду на победу, а после ее окончания жили верой в то, что он не позволит разрушить боевого братства и святого единства, оплаченного самой дорогой ценой – кровью лучших сынов и дочерей Абхазии.

К концу выступления голос Сергея Багапш совсем сел, но его последние слова на притихшей площади услышали даже в самых дальних рядах:

«Никто и никогда не забудет вашего мужества и терпения! Пока будут такие как вы – Абхазия непобедима! Расходитесь с миром!»

Через полчаса площадь перед кабинетом министров опустела. Северный ветер раздольно гулял по ней, грустно шурша опавшими листьями и обрывками бумаги. На его порывы листья финикийских пальм отвечали трепетной дрожью, они, будто, укоряли людей за то безумство, что в последние дни и часы творилось

здесь. Лишь гигантские ливанские кедры, застывшие в почетном карауле у центрального президентского подъезда, надменно взирали с высоты своих веков на человеческую суету. Последний луч, заходящего солнца, скользнув по макушкам, стремительно покатился вниз и затерялся среди мохнатых лап. Холодный, блестящий диск, тщетно пытался зацепиться за скалы у маяка и рухнул в бездну тревожно рокотавшего моря. Через мгновение оно слилось с иссиня – черным небом и Сухум погрузился во тьму.

Непривычная для последних дней тишина опустилась на город. Сухумчане забылись в беспокойном сне с робкой надеждой на то, что завтрашний день будет лучше прошедшего. Лишь добровольцы из числа сторонников Сергея Багапш, охранявшие избирательный штаб, парламент и кабинет министров, не смыкали глаз и продолжали бдительно нести службу.

Заканчивался второй час ночи. Наур, Алмысхан и Инал завершили очередной обход территории и готовились к сдаче смены, когда Иналу почудился подозрительный шорох и невнятный говор, прозвучавший в парке. Он замер, вслед за ним остановились Алмысхан с Науrom. Слух его не обманул, они тоже услышали, как под неосторожной ногой хрустнула ветка. Ребята затаились за кустарником и стали выжидать.

Прошла минута, другая и Алмысхан заметил две человеческие тени, проскользнувшие по краю поляны. Неизвестные, похоже, пытались подобраться к парламенту, им оставалось чуть больше сорока метров. Дальше медлить было нельзя и, прикрываясь кустарником, Алмысхан, Наур и Инал незаметно подкрались к ним и в броске сшибли на землю.

Шум отчаянной борьбы и громкие крики подняли на ноги охрану парламента и правительства. Лязгнули затворы автоматов и гулкий топот раздался в пустынных коридорах. Задремавший от навалившейся свинцовой усталости Акун Квирая вскочил из – за стола, схватил висевший на вешалке автомат, и выскочил из кабинета. Навстречу Инал, Наур и Алмысхан тащили двоих, густо измазанных грязью.

– Что случилось?! – воскликнул Акун.

– Гады, хотели подорвать! – выпалил Инал и смахнул рукой кровь с разбитой губы.

– Что?!

– Можешь не сомневаться! Взяли прямо тепленькими! – подтвердили в один голос Наур и Алмысхан.

– Вот же с....! – выругался Акун.

«Таких на месте кончать надо!»

«Сволочи, все им нейдет!» – бушевали за спинами задержанных, ребята из охраны.

– Стоп! – остановил Акун готовую вот – вот начаться расправу и распорядился:

– Тащите их ко мне, там и будем разбираться!

Задержанных втокнули в кабинет и, как следует, «припечатали» к стенке. Они тряслись, словно, в лихорадке и страшились оторвать глаза от пола. Алмысхан и

Инал на всякий случай взяли их на прицел. Наур выложил на стол перед Квирая боевую гранату РГД – 5, нож десантника и удостоверения сотрудников седьмого отдела. Он повертел их в руках, внимательно посмотрел на фотографии, затем бросил взгляд на заляпанные грязью и залитые кровью лица и не узнал. Имена задержанных – Денис и Сергей, также ничего говорили. Квирая нахмурил брови, и с плохо скрытой угрозой спросил:

– Вы, что тут забыли?!

– С дороги сбились... Решили срезать и..., – мямлил тот, что назвался Денисом.

– Что?! ... Слепой что ли? Ты, эти сказки детям рассказывай! – оборвал его Квирая и рявкнул:

– А граната зачем? Чтоб нам подсветить?!

«Акун, чего их слушать!»

«Не хотят по – хорошему, развяжем языки по – плохому», – кипятилась охрана.

Денис с Сергеем испуганно жались к стене и затравлено озирались по сторонам. Вещественные доказательства лжи лежали на столе и не оставляли им шансов. Лишь непререкаемый авторитет Акуна Квирая спас их от жестокого мордобоя.

– Ребята, стоп! Это может быть провокацией! Вы там все проверили? – сообщил он.

– Все! Кроме них никого! – ответил Инал.

– Никого! – подтвердил Алмысхан.

– Ладно, хрен с ними! Будем вызывать милицию, а то потом на нас всех собак повесят! – решил Квирая.

«Да ты что, Акун?!»

«На хрена они метам! Завтра их выпустят!»

«Сами сволочей «расколем!»» – раздалось возмущенное голоса

– Я сказал, отдадим ментам! – отрезал Акун и взялся за трубку телефона.

Начальник УВД полковник Хеция не спал, не спало и большинство его подчиненных, после того, как митингующие покинули площадь, он, опытный служака, хорошо знал, что так просто все не закончится. И худшие предположения вскоре подтвердились. Звонок Квирая не был для него неожиданным. Через десять минут усиленный наряд подъехал к парламенту, задержанных загрузили в «обезьянник» и отвезли в городское управление. Больше до рассвета охрану парламента никто не тревожил.

Наконец наступило хмурое ноябрьское утро. Время приближалось к девяти. Первым к штабу подъехал, как всегда пунктуальный, Александр Анкваб. Несмотря на весь драматизм событий прошедшего дня и вечера, он внешне выглядел невозмутимым, и только по глубоко запавшим глазам можно было понять, что это спокойствие далось ему немалой ценой. Коротко поздоровавшись с охраной и добровольцами, которые помогали ей, он прошел в кабинет. Вслед за ним, один за другим подъехали Сергей Багапш, Станислав Лакоба и Мераб Кишмария. Вечернее противостояние сказалось и на них, даже «железный генерал» дал слабину. Его командирский голос слегка подсел.

Начавшийся день пока не предвещал неожиданностей. Избирательный штаб Сергея Багапш впервые за последние пол – месяца не напоминал собой фронтовой командный пункт. В нем с нетерпением ожидали начала, сорванного еще 30 октября сторонниками Рауля Хаджимба заседания парламента. Заседания, которому предстояло дать окончательный ответ по результатам выборов президента Абхазии и поставить в этом вопросе жирную точку.

К десяти часам часть депутатов собралась в своих кабинетах, чтобы навести в них порядок и начать работу, когда центр Сухума сотрясли автоматные и пулеметные очереди. Это бойцы СОБРа и седьмого отдела брали штурмом здание УВД города.

На полной скорости, битком набитые навороченными и натасканными бойцами спецназа, УАЗ, «таблетка» и еще шесть машин вынеслись на площадь перед зданием УВД и, по всем правилам военной науки блокировали. Натиск был так стремителен, а действия настолько нахальны, что растерявшиеся милиционеры не смогли ничего сообразить и, тем более оказать, сопротивления. Прозвучавшие выстрелы показали им, кто закон и хозяин в их «доме». Под стволами автоматов и пулеметов они вынуждены были отдать спецназовцам задержанных.

Ситуация в городе вновь накалилась. На улице Гоголя все бурлило и кипело от негодования. Самые решительные требовали идти к турбазе «Абхазия», занятую вооруженными сторонниками Рауля Хаджимба и «раздербанить отморозков». Стихийно возникший митинг вот – вот мог выйти из – под контроля и в слепой ярости сметая все на своем пути обрушиться на оборонительные заставы, выставленные у избирательного штаба Рауля Хаджимба и турбазы «Абхазия».

Сергею Багапш, Станиславу Лакоба, Александру Анкваб и Мерабу Кишмария с трудом удалось пригасить, полыхавший в душах их сторонников справедливый гнев. Но только на время. Обстановку обострило новое заявление президента Владислава Ардзинба. В нем он расценил события, произошедшие накануне в Сухуме не много, не мало, а как:

«Вооруженный государственный переворот, осуществленный сторонниками С. Багапш, С. Лакоба и А. Анкваб».

Тринадцатого ноября ему вторил на пресс – конференции Нодар Хашба. А его угрозы «о возможном введении в республике чрезвычайного положения» и намеки на вмешательство третьей силы, которая должна положить «конец хаосу и восстановить конституционный порядок», только еще больше «подлили масла» в разгорающийся с новой силой огонь противостояния.

Взаимные угрозы с обеих сторона – взяться за оружие, посыпались как из дырявого решета и заставили содрогнуться весь Сухум. Улицы города опустели, во дворах не стало слышно детских голосов. Даже на набережной, у «кофейни Акопа», где собирались ее завсегдатаи, было непривычно тихо и пусто. К вечеру десятки вооруженных и разгневанных бойцов столпились у избирательных штабов, на турбазе «Абхазия» и стали требовать от своих лидеров решительных действий. Город замер в ожидании, опасаясь, что этот сумасшедший вечер, может перерасти в «ночь длинных ножей».

В который уже раз Сергею Багапш, Станиславу Лакоба, Александру Анкваб и Леониду Лакербая пришлось, осипшими голоса уговаривали своих сторонников остановиться, но не все соглашались с ними. Самые горячие и непримиримые требовали «идти на турбазу». В избирательном штаба Рауля Хаджимба положение было не лучше. Слепленные ненавистью, его фанатичные сторонники требовали:

«Прогнать грузин!»

«Положить конец беспределу!»

«Защитить Абхазию от предателей!»

Ему уже было не по силам загнать «джина назревающей войны в бутылку». Ожесточение и нетерпимость достигли своего предела, после которого действовали уже слепые инстинкты. Необузданная, дикая стихия толпы, казалось, окончательно победила здравый смысл. Те, кто ничего не хотел слышать и понимать, забряцали оружием. Воздух все чаще сотрясали воинственные призывы.

И тогда в сквере, на улице Гоголя, в кафе с давно уже позабытым в Абхазии названием «Сказка» собралось: Акун, Роман, Аслан, Лесик, Батал, Владимир и Лакут. За ними не было сановных должностей, они не кичились княжеской кровью и никого не расталкивали локтями, когда раздавались «хлебные должности», но у них было нечто более весомое в Абхазии, что нельзя измерить ни на одних весах и оценить ни в золоте, ни в серебре – у них было Имя.

Двенадцать лет назад они: экономист, инженер, строитель, студент, простые городские и деревенские парни только начавшие жить взрослой жизнью и мечтавшие о своем доме, семье и куче ребятни во дворе, вынуждены были сделать иной выбор. Беспощадно вломившаяся в их жизнь вероломная война не оставляла им ничего другого как только – свободная родина или смерть. И им, чтобы спасти и защитить ее пришлось поневоле стать беспощаднее, хитрее и коварнее своего врага. Дух древних абхазских воинов заговорил в их генах, а безжалостный огонь войны только еще больше закалил его и превратил, когда – то мирных и, не помышлявших о военной карьере парней, в сущих дьяволов.

Они сражались так, будто имели в запасе еще одну человеческую жизнь. И старуха – смерть отступила перед их отчаянной смелостью и бесстрашием. Но то, что сейчас происходило на их глазах, тогда в окопах не могло присниться даже в самом кошмарном сне. Проклятая политика, от которой они старались держаться подальше, безжалостно вмешалась в их жизнь и поставила на этот раз перед еще более жестоким выбором.

В тот вечер, в кафе «Сказка» они – Герой и просто «рядовой» Абхазии, когда разум отказал, а обида застлала глаза друзьям, нашли в себе силы встретиться, чтобы остановить это безумие. Они не произносили громких слов, настоящие мужчины в них не нуждаются. Они тихо и незаметно делали свое такое нужное и важное дело. И потом еще не раз, когда очередная волна взаимной нетерпимости грозила обернуться «девятым валом» они гасили ее. Но вскоре даже им было уже не под силу остановить, набравший обороты маховик противостояния.

24 ноября президент Владислав Ардзинба обратился к народу Абхазии с очередным заявлением. На этот раз оно было выдержано в самых жестких тонах. В нем говорилось:

«На 6 декабря 2004 года организаторами вооруженного захвата государственной власти в Республике Абхазия намечено проведение так называемой инаугурации, не имеющей ничего общего с конституционными нормами нашей страны, – далее он возлагал всю вину за все произошедшее на Сергея Багапш, его сторонников и констатировал, – В результате давления и беспорядков ни один из органов государственной власти, призванных осуществлять и контролировать законность избирательного процесса не выполнил своих функций, и я, как действующий Президент, сохраняю свои полномочия после 6 декабря, вплоть до законного избрания законного главы государства».

Это грозное заявление так и осталось на бумаге. Сам, того не подозревая, Владислав Ардзинба констатировал горькую правду – власть его министров с каждым днем сжималась, словно шагреновая кожа, а вновь назначенные, и до поры до времени хранившие верность «дежурные чиновники», являлись лишь ее бледными тенями, так как за их сановными креслами зияла абсолютная пустота. Лишним тому подтверждением служило принятое спустя два дня постановление парламента – «Об итогах выборов Президента Республики Абхазия». В нем говорилось прямо противоположное:

«Выборы Президента Республики Абхазия были проведены в срок и в порядке, установленным Конституцией республики Абхазия, – а, победивший на выборах 3 октября Сергей Багапш признавался, – избранным Президентом Республики Абхазия» Этим постановлением всем государственным органам предписывалось, – «6 декабря 2004 года обеспечить торжественную церемонию вступления в должность вновь избранного Президента Республики Абхазия».

Вольно или не вольно, но 6 декабря стало для Абхазии тем «Рубиконом», за которым поднималась грозная тень гражданской войны. Сергей Багапш, Станислав Лакоба и Александр Анкваб в очередной раз, ради сохранения мира, предложили Раулю Хаджимба на выбор посты: вице – президента и премьер – министра, но тот их отверг, и на этом переговоры были прерваны.

Конфронтация между двумя противоборствующими лагерями нарастала с каждым часом. В те последние ноябрьские дни Сухум все больше походил на фронтовой город. От армейской камуфляжки начинало рябить в глазах. Сторонники Сергея Багапш и Рауля Хаджимба уже открыто разъезжали по городу с оружием, а избирательные штабы напоминали армейские командные пункты перед началом решающего наступления. Никто и никого не хотел больше слушать и понять.

30 ноября в Сухум высадился «силовой российский десант» – заместитель министра внутренних дел Александр Чекалин и заместитель Генерального прокурора Владимир Колесников. Их появление только усилило циркулировавшие по республике зловещие слухи о возможном военном вмешательстве. На встречах в МВД республики и с Нодаром Хашба они уклонились от вопросов настырных журналистов на эту тему, но их прозрачные намеки, адресованные Сергею Багапш и его сторонникам не оставляли сомнений в том, что такая угроза вовсе не плод разыгравшегося воображения.

В конце выступления Владимир Колесников, видимо, не просто так, «запутался» в географии, записав скопом целое государство и его народ в Краснодарский край, и объявил журналистам:

«Генеральный прокурор России дал указание прокурору города Сочи расследовать дело по факту гибели Тамары Шакрыл».

Вечером, из – за Псоу, Колесникову вторил губернатор Краснодарского края Александр Ткачев. Не стесняясь в выражениях, он обозвал победителей и тех, кто за них проголосовал, –

«Ничтожной горсткой зарвавшихся политиканов, не получивших власти, за которыми стоят криминальные силы, желающих в одночасье разрушить дружеские связи с Россией»

А чтобы ни у кого в Абхазии не возникло сомнений, что эта «зарвавшаяся горстка» будет безжалостно раздавлена, в заключение своей воинственной речи, Ткачев пригрозил закрыть границу.

После такого мощнейшего пропагандистского обстрела, второго декабря чиновничий шлагбаум обрушился на пеший и автомобильный переходы на реке Псоу. Движение по ним замерло и лишь редким «счастливым» со спецпропусками на руках удавалось проскочить через границу. Десятки машин доверху загруженных абхазскими мандаринами и апельсинами, сотни тележек, которые катили за собой крестьяне, чтобы продать и заработать на зиму хоть какую – то «копейку» стали «колом» на дороге. Мандариновая и апельсиновая река, служившая для многих единственным средством пропитания, уперлась в тупость российских чиновников, умудрившихся из Москвы рассмотреть на абхазских цитрусовых до селе никогда сюда не залетающую «средиземноморскую мошку».

Они, видимо, цинично считали, что угроза полной блокады поставит на колени несговорчивых, и заставит отшатнуться от Сергея Багапш и Станислава Лакоба. Но чиновники жестоко просчитались – это вызвало обратный эффект. Уже к обеду не только на пограничном переходе, а и на улице Гоголя, перед избирательным штабом Сергея Багапш, на сухумской набережной, центральной площади в Гудауте и перед зданием администрации в Гагре стихийно собрались сотни людей. На митинги пришли не только «победители», но и побежденные». Не остались в стороне даже те, кто все эти месяцы старался отсидеться дома. Тот, кто рассчитывали на «ветер», который должен был смести Сергея Багапш и его соратников, в итоге «пожал» бурю гнева.

В тот день 2 декабря у жителей Абхазии и не только у абхазов, а и русских, армян вновь заговорила природная гордость и неистребимый дух к свободе. Возмущенные крики:

«Мы за мандарины не продаемся!»

«Подавитеесь своими подачками!»

«Мы не за них воевали!»

«Не вам, а нам выбирать кто наш президент!»

«Василич – наш президент!»

Эти и другие еще крепче слова звучали повсюду: у «кофейни Акопа», в пацхах, на улицах и во дворах. Такая поддержка придавала уверенность и силы Сергею

Багапш и Станиславу Лакоба, теперь они бесповоротно решили шестого декабря провести инаугурацию. Но Рауль Хаджимба и те, кто за ним стоял, тоже не собирались просто так сдаваться и готовы были сорвать ее.

Абхазия стремительно приближалась к роковому рубежу, после которого должны были «заговорить пушки». И в эти последние перед инаугурацией часы полевые командиры и рядовые ополченцы, отбросив все в сторону, вплотную занялись подготовкой будущей операции. Они скрупулезно подсчитывали свою и чужую «живую силу», процент безвозвратных потерь, намечали сектора обстрела, определяли «мертвые зоны» и определяли направления основного и ложного ударов. В обоих штабах ночь прошла в лихорадке военных приготовлений.

Наступило утро 5 декабря. День, который, вне всякого сомнения, никто в Абхазии не хотел, чтобы когда – либо закончился. Впервые за все время, перед филармонией и на улице Гоголя не было видно митингующих. Пронзительно – гнетущая тишина опустилась на город. Казалось, что сам воздух стал недвижим и налился свинцовой тяжестью, как это бывает перед бурей. И только с появлением в Сухуме заместителя Председателя Государственной Думы России Сергея Бабурина у людей появился проблеск надежды. Сергей Николаевич был старым и надежным другом народа Абхазии и в трудные времена всегда приходил на помощь. Ни один раз его спокойный, но твердый голос охлаждал горячие головы и заставлял противников расходиться по разным углам.

Прошло чуть больше часа, как он обосновался на госдаче, а всезнающее «сарфанное радио» уже сообщило, что перед поездкой в Абхазию его принял сам Владимир Путин. О чем они говорили, можно было только догадываться, но здесь, где все сидели, как на пороховой бочке, уже сам этот факт встретили с облегчением. Он породила надежду на то, что кто – то смог «достучаться» до президента России и сообщил ему правду о том, что на самом деле происходит в Абхазии. Сергею Николаевичу предстояла сложнейшая задача – остановить рвущихся в бой «силовиков» и вытащить из рук, сошедшихся в мертвом клинче соперников, запальные фитили.

Сергей Багапш и Станислав Лакоба с нетерпением ждали встречи с ним, но когда узнали, что на ней будет Хашба и Колесников, у них закрались сомнения. Станислав категорически отказался говорить о чем – либо с заместителем Генерального прокурора, который, казалось, слышал только самого себя, упрямо продавливал свою позицию и уже заранее «припаял» им приговор – «рвущийся к власти криминалитет». Против такой встречи было и большинство тех, кто сейчас собрался в тесном кабинете на улице Гоголя и шумел за дверьми в коридоре. Их не покидало чувство того, что они будут ловко обмануты и затем выставлены перед тысячами сторонников, мелкими интриганами, которые банально покупаются «хлебными» должностями или «крутым откатом».

Споры в кабинете Сергея Багапш не утихали. Сам он, выдержав долгую паузу, еще раз пробежался взглядом по лицам соратников. Некоторые опустили глаза, и по их суровому молчанию можно было догадаться, что в душе они были против такой встречи. Возможно кто – то полагал, что ему не удастся устоять под напо-

ром Колесникова и Хашба. И он не держал на них обиды, слишком много они сделали для победы и теперь ни за что не хотели отдавать ее в чужие руки.

«Ни за что?!...» – подумал Сергей Багапш и горестная гримаса исказила его осунувшееся от нечеловеческой усталости лицо.

Он слишком хорошо знал их – с кем провел детство, и десятки лет проработал бок о бок. Не один раз их дружбу проверяли война и последние месяцы, оказавшиеся не менее тяжким, чем она испытанием. Не хуже соратников ему были известны и те, кто по злой воле политики оказались рядом с Раулем Хаджимба. Среди них тоже хватало решительных и смелых, которых вряд ли остановит даже пуля.

«Пуля?! Неужели ничего другого не остается?!»...

«Нет! Нет! И еще раз нет!»

«Кровь не должна больше пролиться!»...

«Завтра уже будет поздно! И тогда...» – об этом Сергею Багапш не хотелось даже думать.

Он принял окончательное решение, порывисто поднялся из – за стола и заявил:

– Все, точка! Надо ехать и встречаться! Бабурин приехал не с пустыми руками!

Вслед за ним встали остальные. В последний момент кто – то неуверенно предложил:

– Сергей Васильевич, а может сначала послать посредника? Черт его знает, что у них на уме!

– Времени уже нет! Это последний шанс решить дело миром! – не согласился он и стремительным шагом направился к выходу.

Поездка на «дачу Сталина», где под охраной спецназа «работал» премьер Хашба, могла обернуться чем угодно. Поэтому Акун, Теймураз и Адгур взяли по второму пистолету и запасной обойме. Володя Гоголин, не долго думая, прихватил с собой «калаша» и, взгромоздившись на переднее сиденье, богатырской фигурой закрыл Сергея Васильевича. Тот ушел в себя и оживился, когда, обвешанный с ног до головы оружием спецназовец перекрыл въезд на госдачу.

После короткого разговора с Акуном и затем телефонного звонка дежурному, часовой распахнул ворота. Через пару минут позади остался крутой подъем, справа промелькнула гостиница битком забитая вооруженными бойцами и машина остановилась у центрального подъезда госдачи. Володя первым выскочил на площадку, вслед за ним Акун, Теймураз, Адгур и, окружив живым кольцом Сергея Багапш, поднялись по ступенькам на крыльцо. На верхней площадке дорогу им преградили «шкафы» с бычьими затылками из личной охраны Хашба и Колесникова. Акун с Володей решительно двинулись на них.

– Стоп, ребята! – остановил Сергей Багапш.

– Это у себя дома пусть командуют! – проворчал Квирая.

– Все будет нормально, Акун! Ждите меня здесь!

Тот бросил презрительный взгляд на телохранителей и процедил сквозь зубы:

– Смотрите, если с Василичем что случится, мы этот скворечник по кирпичику разберем, а вас, «шкафы», штабелем упакуем и пошлем с приветом к тем мудакам, что сюда прислали.

В ответ с крыльца донеслось невнятное рычание, но Акун не стал слушать, развернулся и спустился на смотровую площадку.

Тяжело, будто на его ногах висели пудовые гири, Сергей Багапш поднялся на последнюю ступеньку. Мордастый, с пшеничными усами, телохранитель распахнул дверь и пропустил вперед. На ее скрип в конце длинного коридора показалась знакомая фигура. Теплая волна симпатии к Сергею Бабурину согрела ему грудь. Он спешил навстречу. Коротко поздоровавшись, они прошли в крайнюю, по правой стороне коридора комнату, которая прежнему хозяину госдачи – Сталину служила гостиной и столовой одновременно. С тех пор в ней мало что изменилось. Сталинский дух ощущался во всем – в строгом рисунке деревянных стенных панелей, в массивных старинных часах и громадном, напоминающем аэродром, обеденном столе.

Сергей Багапш остановился на пол – пути. Навстречу с диванов поднялись Владимир Колесников, Нодар Хашба и Рауль Хаджимба. Возникла неловкая пауза, никто не решался первым пожать руку и здесь Сергей Бабурин взял на себя инициативу. Чтобы растопить лед взаимного отчуждения и недоверия он шутиливо заметил:

– Как говорить, в ногах правды нет! Давайте присядем! – и широким жестом пригласил к столу.

Колесников первым, по – хозяйски, расположился во главе, рядом с ним присел Сергей Бабурин, в дальнем конце заняли места Рауль Хаджимба и Нодар Хашба. Большого удовольствия видеть их мрачные, давно «сидевшие в печенках» физиономии, Сергею Багапш не доставляло. Он сел подальше и вопросительно посмотрел на посланцев из Москвы.

Колесников переглянулся с Бабуриным, тот держал паузу и тогда он первым начал разговор. Как всегда энергично и красноречиво, будто на суде, заместитель Генерального прокурора выстраивал, как ему казалось убедительную цепочку доказательств. Из них следовало, что у Сергея Багапш нет никаких шансов стать следующим президентом Абхазии. Мрачная картина, обрисованная в самых черных красках того, что ждало Абхазию в случае несговорчивости, похоже, его не испугала. Дальше слушать вошедшего в раж прокурора он не стал и резко оборвал:

– Достаточно, Владимир Ильич! Я все понял! Поберегите свое красноречие для другого места!

Колесников поперхнулся, а Сергей Багапш продолжил:

– Вы родились и выросли в Абхазии и не хуже меня знаете, что наш парод через колено бесполезно ломать!

– Сорок тысяч, что проголосовали за вас, это еще не народ! – огрызнулся Колесников.

– Не сорок, а сорок шесть тысяч двести шестьдесят четыре человека, – делая ударение на каждом слове, ответил Сергей Багапш.

– Какая разница! Принципиально это ничего не решает!

– Может где и не решает, но только не в Абхазии!

Разговор приобретал все более резкий характер. Сергей Бабурин поспешил вернуть его в конструктивное русло и предложил:

– Владимир Ильич, я полагаю надо переходить к обсуждению конкретных предложений, чтобы разрядить ситуацию на улице.

Тот, подавив, закипавший гнев, и, пытаясь придать своему командирскому голосу большую убедительность, заявил:

– Сергей Васильевич, поймите, наконец, что в сложившейся ситуации вам и Раулю Джумковичу необходимо пойти на «нулевой вариант». Страсти настолько накалены, и если вы будете дальше упорствовать, то чем все это кончится, ведомо одному господу богу. Поэтому...

– Скорее черту, который замутил все это! – перебил Сергей Багапш.

– Давайте не будем цепляться к словам, а станем мыслить фактическими категориями, – старался сохранить спокойствие Колесников.

– Хорошо! Вы предлагаете мне отказаться от того выбора, который подтвердили ЦИК, Верховный Суд и народ! Так?

– Не только вам, но и Раулю Джумковичу, а он согласен.

– В таком случае – это новые выборы?

– Да! – оживился Колесников.

– Это невозможно! – категорично отрезал Сергей Багапш.

– Почему?! – в один голос воскликнули Колесников с Бабуриным.

– Легко говорить о новых выборах здесь и под охраной спецназа. Попробуйте это сказать на площади перед людьми, которые доведены до «ручки» и вот – вот схватятся за оружие! – с горечью произнес Сергей Багапш.

– И скажу! – вспыхнул оскорбленный Колесников.

– Лучше не надо! 30 сентября на стадионе вы уже сказали.

– Вы на что намекаете?! – лицо Колесникова пошло бурными пятнами и неприкрытая угроза зазвучала в его голосе:

– Не забывают – я гудаутский!

– Помню! Вот только вы в Москве, подзабыли, что абхазы не стадо ослов и им руководящие бараны не нужны.

– Что?! ...– выдержка изменила Колесникову.

Сергей Багапш тоже не стерпел и, отшвырнув стул в сторону, выскочил из – за стола. Бабурин бросился между ними. В эти минуты он крепко рисковал. Два кипящим гневом гиганта ростом почти под два метра и весом далеко за сотню килограммов могли запросто расплющить его в лепешку и затем в яростном порыве похоронить под любимым сталинским столом.

– Владимир Ильич?! ... Сергей Васильевич?! ... Остановитесь! – уговаривал Сергей Николаевич разошедшихся земляков и пытался вернуть за стол переговоров.

Противники, полоснув друг друга обжигающими взглядами, тяжело дыша, возвратились на прежние места. Теперь все внимание было обращено на Сергея Бабурина. Его доброжелательный тон постепенно разрядил напряженную атмосферу. И, наконец, Сергей Багапш услышал то, что так жаждали знать те, кто в эти самые минуты находился на улице.

– Нельзя быть слепым заложником ошибочных прогнозов, надо следовать букве закона!

Эти слова Сергея Бабурина стали для Сергея Багапш первым обнадеживающий сигналом. Теперь он внимательно прислушивался и взвешивал каждую произнесенную фразу.

– Президент России располагает объективной информацией о ситуации в Абхазии и рассчитывает, что она будет разрешена только мирным и законным путем, – сделав акцент на последней фразе, Сергей Бабурин продолжил:

– Ни у кого не должно возникать сомнений в том, что будущая судьба Абхазии не в руках Москвы, она в ваших, Сергей Васильевич и Рауль Джумкович! Я надеюсь, вам хватит воли и мудрости, чтобы достичь очень трудного, но крайне важного компромисса, – и, бросив короткий взгляд на Сергея Багапш, заметил:

– Сергей Васильевич, многое зависит от вас. Да вы победитель, но победа любой ценой это не выход ни для вас, ни для народа Абхазии. Сегодня, мы все обязаны найти то единственное «соломоново решение», что остановит конфронтацию и успокоит народ Абхазии. Право, он заслуживает гораздо большего!

– Поэтому я здесь! – согласился Сергей Багапш.

– В таком случае слово за вами и Раулем Джумковичем, – заключил Сергей Бабурин.

– Мы свое сказали! – заявил Сергей Багапш и напомни:

– Рауль Джумкович, по его выбору, может принять пост вице – президента или премьера. Согласие по этому вопросу Лакоба и Анкваб дали.

Хаджимба нервно повел плечами и глухо ответил:

– Да, такое предложение мне поступало. Но в практическом и, в первую очередь юридическом плане, оно несостоятельно.

– И это так! Подобная коллизия не предусмотрена ни в Конституции, ни в законе о выборах президента Абхазии, – поддержал Колесников

– Значит, – и здесь Сергей Бабурин, внимательно посмотрев на Сергея Багапш и Рауля Хаджимба, заключил:

– Остается единственный выход – проведение повторных выборов, где вы сможете пойти в одной связке?!

И снова все взгляды сошлись на Сергее Багапш и Рауле Хаджимба. Окончательное решение теперь зависело от них и давалось оно им крайне тяжело. На них давили не столько груз взаимных обид и пропасть отчуждения, сколько ненависть и нетерпимость их сторонников друг к другу, которым подобный союз мог показаться чудовищным предательством и тогда уже никакие самые проникновенные и убедительные слова, были бы не в силах остановить дикого и необузданного разгула людской стихии.

Проходила минута за минутой, но ни Сергей Багапш, ни Рауль Хаджимба так и не дали ответа. Ситуация вновь зависла и тогда Сергей Бабурин предложил сделать перерыв. Он, вслед за ним, Колесников поднялись наверх и стали звонить в Москву. Сергей Багапш вышел в коридор и набрал номер сотового Станислава Лакоба. Тот быстро ответил и, с плохо скрываемой тревогой, спросил:

– С вами все в порядке, Сергей Васильевич?

– Да! А что со мной может случиться?

– Ну, тогда слава Богу! До чего договорились?

– Пока не до чего! Они думают!

– Сколько же можно?!

– Не знаю. Я наши предложения сделал, слово за ними. Как у нас обстановка?

В трубке возникла пауза и Сергей Багапш, почувствовав неладное, потребовал:

– Станислав, говори, как есть!

– У вас все нормально? А, вы ничего не подписали?! – продолжал допытываться Лакоба.

– Да чего ты обо мне печешься?! В конце концов, что там происходит?! – потеряв терпение, закричал Сергей Багапш.

– Ситуация в любой момент может выйти из – под контроля! Люди рвутся на госдачу! Говорят, вы отказались и подписали...

– Что?! ...Я?! ... Подписал?! ... Немедленно еду!

– Сергей Васильевич, это серьезно! Всякое случиться может!

– Ничего переживу! Ты скажи, как отнесутся к тому, что могут быть повторные выборы. Вместо тебя я пойду в связке с Раулем?

– Я от своих слов не отказываюсь! Но как поведут люди? Тут такой кипиш заворачивается! – предостерег Станислав Лакоба.

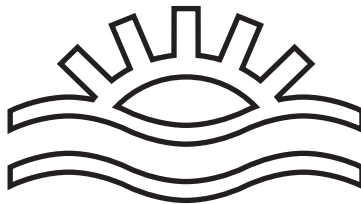
– Жди! Сейчас буду! – закончил разговор Сергей Багапш.

В это время из кабинетов второго этажа на лестничную площадку вышли Бабурин и Колесниковым. Оба находились в хорошем настроении, видимо их доклады и предложения о разрешении «абхазского» кризиса в Москве одобрили. Но вид Сергея Багапш, быстро согнал улыбку с лица Бабурина.

– Что произошло, Сергей Васильевич?... Что? – от его благодушного настроения не осталось и следа.

– Еду успокоить людей. Какие-то мерзавцы распускают грязные слухи, что я отказался! Вы, представляете, что там сейчас твориться?!

– Я с вами! – не задумываясь, присоединился к нему Сергей Бабурин.

Глава 18

Хмурый декабрьский вечер опустился на Сухум, и без того безлюдные улицы совершенно опустели. Порывы пронизывающего до самых костей северного ветра по – хозяйски гоняли по мостовой опавшие листья и ни кому не нужные агитационные листовки, с которых бывшие кандидаты в президенты Абхазии продолжали агитировать за себя и словесно уничтожать противника. Спустя два месяца после состоявшихся, но так и закончившихся президентских выборов, их грозные речи давно потонули в грохоте автоматных очередей и, казались, уже наивным детским лепетом.

В эти последние перед инаугурацией Сергея Багапш часы в абхазских, армянских и русских домах задавали один и тот же вопрос:

«Как поведет себя Россия, если Рауль Хаджимба решиться осуществить свою угрозу – не допустить инаугурации?».

И когда подходило время новостей, то все, от мала, до велика, собирались у телевизоров и, затаив дыхание, ловили каждое слово дикторов. Пока ничего утешительного ни из Москвы, ни с госдачи в Сухуме, где велись напряженные переговоры между Сергеем Багапш, Раулем Хаджимба, Нодаром Хашба, Сергеем Бабуриным и Владимиром Колесниковым не приходило.

Развязка неумолимо приближалась, и все меньше оставалось тех, кто еще надеялся избежать худшего. Рауль Хаджимба со своими сторонниками не хотели уступать, и его избирательный штаб больше напоминал армейский командный пункт. В свою очередь самые горячие сторонники Сергея Багапш давили на него и требовали «раздавить это «осиное гнездо». Подливали «масла в огонь» и истерические призывы, звучавшие как внутри самой Абхазии, так и из – за Псоу:

«Решительно навести конституционный порядок! Покончить с разгулом криминала! Не допустить прорыва границы бандитскими группировками!»

То, что это не было пустой угрозой, в штабе Сергея Багапш отчетливо осознавали. Его разведка не дремала, от нее поступала одна информация тревожнее другой. По одним данным, на госдачах в Сухуме и Новом Афоне уже больше недели, скрывались от посторонних глаз, вооруженные до зубов спецгруппы. По другим – такие же группы засели в одном из санаториев, в Гаграх. Откуда они прибыли, это оставалось загадкой, но сомнений в том, на кого «спецназеры» нацелились,

в штабе Сергея Багапш не возникало. Российские миротворцы тоже не дремали. Боевая техника была выведена из ангаров и заняла ключевые позиции. Усиленные наряды несли круглосуточное дежурство на подвижных и стационарных постах.

Самые тревожные сообщения приходили из – за Псоу. Поблизости от границы грозно полязгивала гусеницами российская военная машина. В те критические для Абхазии декабрьские ночи тяжелые армейские транспортники, видимо, не случайно приземлялись в сочинском аэропорту. Два батальона спецназа прибыли в Адлер, в «разгар мертвого сезона» явно не на отдых. Все вместе взятое, даже человеку далекому от армии, говорило за то, что силовой «сценарий» разрешения затянувшегося конфликта становился жестокой реальностью.

Эти удручающие новости, усиленные слухами, со скоростью лесного пожара распространялись по Абхазии. Ощущение чудовищной и неотвратимо надвигающейся катастрофы не обошло стороной ни один дом, ни одну семью. Тревожно было и в семье Беслана Кубрава. В последнюю неделю он если и появлялся в доме, то всего на несколько часов, чтобы на бегу перекусить и немного отоспаться. И сейчас весь позеленевший от усталости и нервного перенапряжения, Беслан откровенно смотрел перед собой и вяло, не замечая вкуса, пережевывал холодный хачапури. Напротив сидели и не притрагивались к тарелкам с давно остывшей мамалыгой жена – Амра, родная сестра – Марина и сыновья: Инал и Аслан. Они не решались потревожить отца и лишь бросали вопрошающие взгляды то на него, то на старенький «Горизонт», тускло поблескивавший в углу на тумбочке.

Экран телевизора судорожно подергивался, а эфир сухо потрескивал электрическими разрядами. Порядком изношенная аппаратура телецентра, после того как его штурмовали и подрывали вовсе, дышала на ладан. Голос молодого ведущего новостей Алхаса Чолокуа еще не успевшего, как следует, освоиться со студией и своей новой ролью, то и дело плыл и прерывался. Но ни Амра, ни Марина, ни быстро повзрослевший за эти сумасшедшие дни Инал не замечали этого, по его лицу они спешили угадать главное – что их ждет завтра?

К сожалению, новости оказались неутешительными. Прилет известного российского депутата Сергея Бабурина мало что изменил. По – прежнему, у избирательных штабов соперников, толпились вооруженные люди и звучали воинственные призывы. Более того, с каждым часом их становилось больше, а требования приобретали все более жесткий характер. Их подогревали противоречивые слухи о ходе переговоров на госдаче между Сергеем Багапш, Раулем Хаджимба, Сергеем Бабуриным, Владимиром Колесниковым и Нодаром Хашба. По одним – Сергея Багапш уже арестовали и отправили вертолетом в Адлер. По другим – он, якобы «сломався» и отказался от дальнейшей борьбы. Российские телеканалы ни одним словом не упомянули о ситуации в Абхазии, так будто ее вовсе не существовало.

Инал выключил телевизор и на какое – то время в столовой воцарилась тягостная тишина, которую нарушал лишь стук вилки в руках отца. Он еще ниже склонился над тарелкой и избегал обращенных к нему вопрошающих взглядов. Ему нечего было сказать. Неподвластная ни его, ни воле тысяч сторонников Сергея Багапш и Рауля Хаджимба чудовищная машина разрушения, казалось, уже не могла остановиться. Через несколько часов она готова была пойти в разнос и раз-

бить в дребезги то, хрупкое равновесие, которое каким – то чудом сохранялось в обществе.

То, что сейчас происходило в семье Кубрава не обошло стороной никого. Тимур остановившимся взглядом смотрел на давно погасший экран телевизора. Жена Асида, ее родная сестра Милана и сыновья: Зурик и Беслан не спускали с него глаз и ловили каждое движение. Первой не выдержала и заговорила Асида, с ее дрожащих губ сорвался еле слышный вопрос:

– Тимур, что с нами будет.

Не услышав ответа, принялась снова теревить его,

– Неужели нельзя договориться?

– Мы сделали все что могли, но они как глухие ничего не хотят слышать! – с ожесточением ответил он.

– Ну, почему?!... Вы же не враги? Ты воевал вместе с Раулем, столько лет проработал вместе, и что, теперь будете стрелять друг в друга?

– ...Нет! ...Народ с нами и он этого не допустит! – неуверенно ответил Тимур.

– Народ?... А те, кто засел на турбазе они кто?!

– Не знаю!

– Но там же не все сумасшедшие?! – воскликнула Милана.

– Не сумасшедшие?! ...Но если Рауль заявил, что инаугурации не допустит, тогда что говорить про остальных?! – продолжала терзаться Асида.

– Хватит! – в сердцах воскликнул Тимур, – Мы победили! Теперь пусть они думают! Наше терпение закончилось! Больше перед ними стелиться не станет!

– Победили кого! ... Пропади пропадом эта победа! Ты нам нужен живой! Понимаешь... живой!...

Этот полный отчаяния и выстраданной боли крик Асиды заставил всех вздрогнуть. Зурик сжался в комок и его испуганный взгляд заметался от отца к матери. Маленький Беслан захлюпал носом и из глаз ручьем полились слезы. Тимур страдальчески морщился и из последних сил пытался удержать себя в руках. Милана побледнела, как полотно и прошептала:

– Тимур... это же война?

– Война! – тихим эхом прозвучал ответ, и он с трудом выдал из себя:

– Мы не хотим ее. Это они...

– Надо что – то делать? Ты слышишь меня, Тимур?! Вы должны остановиться! – умоляла его сестра.

– Как?! ...Упасть им в ноги?!

– Какие ноги!.. Ну, что вам еще надо? ...Чтобы грузины напали на нас! – в отчаянии воскликнула Асида.

– Боже мой, ты, что такое говоришь, Асида?! – в ужасе всплеснула руками Милана.

– Может хоть это остановит их!

– Замолчи! – глухо произнес Тимур.

– Не могу! У меня уже нет никаких сил! Зачем? Ради чего все это?! Плюньте вы на эту проклятую власть! Пусть они ею подавятся. Я тебя умоляю Тимур, останься дома ради детей, ради меня! – заклинала его Асида.

Тяжело, будто на плечи легла стопудовая ноша, он поднялся из – за стола. По его изможденному и постаревшему на несколько лет лицу пробежала болезненная гримаса. Ему приходилось разрываться между семьей, которую бесконечно любил и долгом перед товарищами.

В это время за окном просигналила машина. Тимур, словно, в ледяную воду шагнул в прихожую и торопливо набросил на плечи куртку.

– Тимур?! – предприняла последнюю попытку остановить мужа Асида и обхватила за шею.

– Все будет хорошо! Все будет хорошо! – твердил он, будто, заведенный, выскочил на улицу и, не оглядываясь, боясь, что не устоит перед умоляющими взглядами родных, побежал к машине.

В ней поджидал родной брат – Батал. Он был одет по – военному в пятнистый камуфляж. На заднем сидении под курткой угадывалось оружие. Тимур рухнул рядом с ним и торопливо мотнул головой. Батал понял все без слов, всего несколько минут назад тоже самое ему пришлось пережить у себя дома, и до пола утопил педаль газа. Они направлялись в штаб Сергея Багапш.

Сам он лишь на несколько минут решил заскочить домой, чтобы успокоить семью. В квартире хорошо известной многоэтажки по улице Чачба 9 в последние дни с замиранием сердца прислушивались к каждому стуку автомобильной дверцы и шагам на лестнице. Анонимные угрозы, звучавшие по телефоны, в любую секунду могли отозваться предательским выстрелом. Жена, сын и дочь гнали прочь даже самую мысль, что однажды могут услышать его. Но всякий раз, когда во дворе раздавался скрип тормозов, липкий страх обжигающим холодом окатывал им спины.

Скрипнула входная дверь, и в тусклом свете прихожей появился Сергей Васильевич. За его спиной неловко переминались Теймураз с Адгуром. У Марины Георгиевны внезапно защипало в глазах. Ее Сережа, ее Сергей таял как свеча. Пиджак, который три месяца назад, едва сходил на груди, сегодня болтался на нем, как на вешалке. Воскового цвета кожа казалась, вот, вот треснет на скулах. Глаза глубоко запали и огромные черные круги расплылись вокруг них.

– Ребята проходите, поужинайте! – пригласила она телохранителей в зал.

– Марина, мы на минуту. Только чай! – остановил ее Сергей Васильевич.

Она захлопотала над столом. Адгур с Теймуразом присели на диван, и чтобы лишний раз не пугать ее, Зурика и Лику, тщетно пытались спрятать под короткими куртками автоматы. Сергей Васильевич достал из пачки сигарету, прикурил и вышел на балкон. Перед ним в пелене дождя, тускло светил редкими огнями истерзанный прошедшей войной, блокадой и нынешними политическими схватками Сухум. Схватками, которым он надеялся, наконец, пришел конец. Несколько минут назад подписанное им, Хаджимба, Хашба, Колесниковым и Бабуриным соглашение открывало выход из тупика и давало шанс остудить кипевшие страсти.

«Шанс?! А дальше что? – Сергей Багапш затынулся и не почувствовал запаха табака,

Президентское кресло?!

Будь ты трижды неладно! Такой ценой!

Теперь уже поздно. Главное, что сегодня нам удалось остановиться.

Сегодня? А что тебя ждет завтра?

Как остудить этот «котел»? Это тебе не благополучная Швейцария.

Саакашвили только и ждет, чтобы прыгнуть на спину.

Если бы только это. А что ты завтра скажешь старикам, когда им обрежут русскую пенсию?

Не посмеют! В Москве не хотят видеть Багапша, но они тут причем?

Наивный! Вспомни, как второго перекрыли границу.

Сергей Васильевич зябко повел плечами. Невольно перед его глазами возникли сваленные у обочин перед пограничным переходом горы гниющих мандарин и хурмы, пустые полки магазинов и застывшие железным ломом машины. Подобное просто не укладывалось в голове.

Нет! Такого не может быть!

А все таки, если обрежут пенсию старикам? Если наглухо закроют границу? Что тогда делать?

Что?... А ничего! Через неделю тебя из кресла выбросят.

Плохо же ты о людях думаешь. Они поймут, а вот московские чиновники? Тебя в упор не хотят видеть.

Ничего! Свет клином на них не сошелся. Есть и другие: Бабурин, Лужков. Наконец Путин и 103 российских миротворца, что положили жизни на нашей земле!

Они поймут. Но те чинуши, что тебя палки в колеса ставили еще долго на своих местах сидеть будут.

Ничего как ни будь переживу.

За это время они из тебя все жилы вытянут.

А что делать? Путину разве легче было. Один Россию за волосы из ямы вытащил. А за тобой народ, и еще какой! Какую войну выиграл».

За этими мыслями Сергей Васильевич не заметил, как погасла сигарета, а по лицу стекали соленые струйки дождя.

«Не переживай, Серега, прорвемся! Ты везучий парень!» – неожиданно пришли на память слова старого баскетбольного тренера Седова. Тогда, во время игры в Тбилиси, за крепкое слово, сказанное по – абхазски судья выгнал его с площадки, а потом на «ковре» председатель спорткомитета Грузии пригрозил, что баскетбола он больше не увидит, как своих ушей. И тут впервые за последние месяцы на лице Сергея Багапш появилась усталая улыбка. У него было в запасе еще несколько часов, чтобы вместе с Бабуриным и Хаджимба развести с миром сошедшихся в клинче вооруженных бойцов.

Город об этом не знал и продолжал готовить к решающей схватке. Ожидали ее и в «Стекляшке» – уютном кафе, расположившемся на границе между двумя военными санаториями – Московского военного округа и Ракетных войск стратегического назначения. В нем, как и везде в последние дни, было тихо и печально, лишь два случайно забредших российских миротворца, забившись в угол, подальше от глаз начальства клевали носами над тарелками с давно остывшим жаркое и полупустым графином водки.

Неподалеку от них, сгрудившись у стойки, сидели: Адгур Бжания, Марина Джинджолия с мужем Бесланом, а над ними нависал горой молчаливый добряк «Масик» Дарсалия. Его огромные жгуче – черные цыганские глаза печально смотрели на закадычных друзей. Они еще, как следует, не успели оправиться после штурма парламента и телецентра. Об этом напоминала повязка из бинта на шее Бесика и болезненная гримаса, появляющаяся на лице Адгура, когда он задевал раненой ногой за ножку стола или стула.

Сваленные кучей в кресло автоматы и груды гранат лишний раз говорили о том, что вооруженное противостояние, которому они противились всей душой, вот – вот могла вспыхнуть. Эта угроза вновь жестоко напомнила о себе с экрана старенького телевизора, тускло поблескивавшего над стойкой бара. Передавали свежую сводку новостей и «Масик», не поднимаясь с места, вытянул свою длинную руку и добавил звук. Телеведущий Алхас Чолокуа сбивчиво сообщил о ходе переговоров между Сергеем Багапш и Раулем Хаджимба, но ничего о их результате.

После таких новостей в «Стекляшке» надолго воцарилось гнетущее молчание, каждый ушел в себя. Адгур болезненно поморщился, ноющая боль в раненой ноге снова напомнила о том, что он хотел бы навсегда вычеркнуть из своей жизни. Его взгляд упал на пустующий уже второй месяц стул, который занимал некогда закадычный друг Отар Берзения, и эти душевные муки только еще больше усилились. Отар, с которым во время войны они делили последний патрон и кусок хлеба вдруг превратился в заклятого врага. Всего за три месяца старая дружба превратилась в прах.

«Как?! ... Почему такое могло произойти?», – спрашивал сам себя и не находил ответа Адгур.

Политика, к которой он был равнодушен, безжалостно вмешалась в его жизнь и вывернула наизнанку. Она заставила забыть обо всем и превратила людей в зомби. В тот день 12 ноября, когда он и десятки других ребят ринулись навстречу автоматным и пулеметным очередям, чтобы разблокировать парламент, его страшило только одно – столкнуться лицом к лицу с Отаром. К счастью судьба была в тот раз милостива к ним. В который уже раз они и не только они, а и вся Абхазия стояли перед неразрешимым выбором. Стрелки часов торопливо бежали по циферблату, неумолимо приближаясь к роковой черте, что незримо пролегла через каждый дом и мою душу тоже.

Все мое существо восставало против безжалостного бега времени, отсчитывающего секунды и минуты, возможно, этой последней поездки в Абхазию. Красноречивым напоминанием тому служили суматошно суетившиеся в потемках перед гостиницей бойцы из управления охраны. Несмотря на то, что нудный морозящий дождь временами переходил в настоящий ливень, они не на минуту не прекращали работы и продолжали с ожесточением долбить неподатливую землю кирками и ломанами, отрывая в полный профиль окопы и, готовя позиции под пулеметные гнезда.

Справа, за летней беседкой, в десятке метров от парадного входа госдачи, на глазах росла внушительная стена из мешков с песком. Над гостиницей и в опу-

стошенной мародерами мрачной трехэтажкой бывшего элитного санатория ЦК Грузии, равнодушно взиравшей пустыми глазницами – окнами, на замерший в напряженном ожидании город, мелькали чьи – то серые тени и доносился загадочный металлический стук. Время от времени, на склоне горы, подобно гигантским светлячкам, вспыхивали таинственные огни. Это минеры в свете электрических фонарей и керосиновых ламп лихорадочно минировали «противопехотками» тропы и устанавливали «растяжки» в зарослях рододендрона и папоротника, чтобы не допустить прорыва штурмовых отрядов генерала Мераба Кишмария со стороны гор.

В самой гостинице и столовой, где которые сутки томились в ожидании затянувшейся развязки сторонники Рауля Хаджимба и бойцы из спецгруппы Нодара Хашба, казалось, сам воздух начал звенеть от невыносимого нервного напряжения. Слухи один невероятнее другого, едва ли ни каждый час приходившие сюда из города о вот – вот готовом начаться штурме резиденции президента, еще больше взвинчивали и без того взведенные нервы.

В сутолоке и гаме голосов бойцов как – то потерялись дежурные – Оксана и Индира. Девушки не спали вторые сутки и были измотаны не столько бессонницей, а сколько, неумолимо надвигающейся и, кажущейся, уже неотвратимой, страшной бедой. Случайный выстрел или разрыв гранаты в один миг могли разрушить еще каким – то чудом сохраняющийся хрупкий мир и стать тем самым детонатором к чудовищному взрыву, который мог навсегда похоронить под руинами бессмысленной и братоубийственной войны их всех, а вместе с ними и саму Абхазию.

Их чуткое женское сердце всячески противилось и отказывалось принимать то, что, возможно, через несколько мгновений безжалостная смерть заберет жизни у них, кто сейчас мок под проливным дождем в секретах на подступах к турбазе «Абхазия», госдаче и у дома президента Владислава Ардзинба. Это было что-то запредельное. Всего несколько месяцев назад, они будущие «багапшисты» и «хаджимбисты», часами просиживали здесь у стойки бара, на открытой летней площадке и беззаботно, как это свойственно в юности, смеялись над пустяками и дурачились, как малые дети.

Избирательная горячка, перешедшая в настоящую паранойю, вывернули Абхазию наизнанку. Яд политиканства отравил души и лишил многих рассудка. Даже бесконечно терпеливый, рассудительный абхазский крестьянин и тот потерял голову. Добро и радушие, с каким раньше в деревенском доме встречали гостя и усталого путника, покинули его стены. Теперь за столами и перед телевизорами кипели и бушевали нешуточные страсти. В яростных спорах вспоминались давно позабытые мелочные обиды и грошовые долги, старые друзья становились непримиримыми врагами, а родственники проклинали тот день и час, когда судьба однажды соединила их вместе.

Наступивший вслед за сумасшедшим ноябрем холодный декабрь не остудил накал избирательной горячки. Пронизывающий ветер, налетавший с гор безжалостно трепал неубранную в полях кукурузу, срывал со стен домов и столбов портреты кандидатов в президенты и гонял по улицам вороха листовок, в которых они сулили счастливое будущее. В садах под тяжестью перезревшей хурмы гну-

лись до земли ветки деревьев. Золотистый ковер из мандарин устилал лужайки давно некошеной травы. Поредевшие и съезжившиеся гроздья изабелла лохмотьями болтались под навесами беседок, на голых ветках яблонь и груш. В винных подвалах пустые бочки утробным звуком напоминали о пропавшем урожае.

И сейчас, глядя на ребят, готовящих оружие для схватки, Оксана с Индирой, всем своим существом, каждой клеточкой своего молодого и сильного тела противились тому безумию, что захлестнуло людской разум и ввергло Абхазию в новые, тяжкие испытания. Немые и умоляющие взгляды, которые они бросали на ребят, отправлявшихся на посты, вряд ли уже что могли изменить. Слепая ненависть и ожесточение в душах застилали глаза и затмевали сознание. Казалось, уже ничто и никто не мог примирить обе стороны, и они обреченно ждали развязки.

Тягостное ожидание подобно невидимому свинцовому прессу давило и на меня. Я не выдержал, включил телевизор и поискал на пульте местный канал. Время новостей уже прошло, но на экране к счастью шло не «лебединой озеро», ставшее печально знаменитым после так и несостоявшегося в России августовского девяносто первого года путча ГКЧП, а какая – то научно – педагогическая передача. Ведущий и два его собеседника вполне мирно обсуждали проблему нехватки учебников в сельских школах и отсутствие в младших классах набора для первоклассника. Я слушал их вполуха и внимательно ловил каждый звук, доносившийся с улицы.

Дождь на короткое время прекратился и в наступившей тишине стал отчетливо слышен шум поднимающейся по серпантину машины. Не прошло и минуты, как на стоянке, перед гостиницей пронзительно взвизгнули тормоза, затем торопливо хлопнула дверца, и на ступеньках дробно застучали каблуки армейских ботинок. Прошло несколько мгновений и в холле зловеще заклацали затворы пулеметов и автоматов, потом тревожно проскрипела входная дверь, и топот ног грозным эхом пошел гулять по склону горы.

Сердце в моей груди екнуло и провалилось куда – то вниз, рука сама потянулась к пульту, и экран телевизора безжизненно погас. На всякий случай, чтобы не стать мишенью для снайпера, я выключил настольную лампу, и весь обратился в слух. Разыгравшееся воображение рисовало, крадущихся по расщелине автоматчиков и изготовившихся к стрельбе гранатометчиков, но проходила минута за минутой и ничего ужасного не происходило.

Тусклый диск луны, на секунду проглянувший из – за туч неверным призрачным светом осветил окрестности парка. Ставший за это время хорошо знакомым каждый метр территории ночью утратил привычные очертания. Раскидистые кроны эвкалиптов напоминали собой мохнатые папахи джигитов. Пышная финикийская пальма, росшая перед входом в столовую, походила на огромный белый гриб. Мрачным забором вытянулись к небу секвойи и ели. За ними, где – то в глубине парка, несмело раз другой глухо ухнул филин, ему безмятежно вторил сыч. Птицы не чувствовали опасности и у меня на сердце отлегло. В очередной раз тревога оказалось ложной, группа разведки благополучно возвратилась обратно, и снова в гостинице и на позициях наступила томительная пауза.

На этот раз она оказалась недолгой, вновь на серпантине натужено заурчал мотор. Я приподнялся из кресла и приник к окну. Яркий сноп света полоснул по стеклу, на секунду ослепил глаза и затем потерялся в тумане, косматыми волнами поднимавшегося из темного, поросшего непроходимыми джунглями бамбука и банана, провала. Перед гостиницей разворачивался джип телекомпании НТВ, последний раз, устало вздохнув перегретым двигателем, он затих. Из машины выбрались московский корреспондент Вадим Фефилов и оператор. Прикрывая камеру плащами от дождя, они торопливо поднялись по скользким ступенькам в холл гостиницы и тот, словно пчелиный улей отозвался гулом возбужденных голосов.

Вадим давно уже стал здесь своим. В конце сентября, отправляясь в командировку, он, как и большинство журналистов, рассчитывал отснять дежурный репортаж о триумфальной победе, того, кого ретивые и самоуверенные московские чиновники преподнесли президенту России как единственного и последнего после Владислава Ардзинба негибимого борца против, совершенно «отвязавшегося» Саакашвили. Но народ Абхазии решил по другому и Вадим надолго застрял.

Его ершистые репортажи выбивались из дружного пиар – хора, которым дирижировали горе – дирижеры из высоких московских кабинетов. За два месяца он исколесил всю Абхазию. С раннего утра и до позднего вечера мотался по Сухуму, Гудауте, Очамчире, забирался в самые отдаленные села Галского района и снимал, снимал один за другим репортажи. Будь то Сергей Багапш или Рауль Хаджимба, менгрел или абхазец, «багапшист» или «хаджимбист» все они могли сказать свое слово в репортажах корреспондента НТВ.

На этот раз Вадим приехал из штаба Сергея Багапш и принес добрую весть. Мераб Кишмария, который, по последним слухам, во главе штурмового отряда, якобы уже должен был занять исходные рубежи для атаки на позиции «хаджимбистов» у турбазы «Абхазия», оказывается мирно пил кофе с друзьями, а его малолетний племянник разбирал автомат. «Разоружение» грозного генерала стало, пожалуй, самым весомым аргументом его мирных намерений, и на Вадима посыпался град вопросов:

« А что делает Багапш?!»

« Где Лакоба?»

« Так это брехня, что они подняли танковый батальон?»

« И все таки, что делает Багапш?» – торопили с ответом Вадима.

– В своем штабе ведет переговоры с Бабуриным, – коротко ответил тот.

– И... как?! – дрогнул чей – то голос.

– Не знаю. Они идут за закрытыми дверьми.

– А Рауль с ними?

– Не знаю!

– Может, договорятся?! – выразил кто – то общее для всех желание.

– А как Лакоба? Он, что говорит? – кого – то все еще продолжали грызть сомнения.

– Утром в новостях узнаете.

– Так он не в Гаграх армян поднимает?!

– Армяне в Ереване, а он на Гоголя, – попытался отшутиться Вадим.
– Точно на Гоголя?!
– Точнее быть не может. Я только что брал у него интервью.
– Значит сегодня ничего не будет! Хоть отоспимся, – заключил Отар.
– Смотри, чтобы на том свете не проснулся! – предостерег угрюмый бородач и трижды постучал по прикладу «ручника».

На это предупреждение уже никто не обращал внимания. В холле пронесся общий вздох облегчения и все вдруг разом, и наперебой заговорили, а затем принялись похлопывать по спине Вадима. Он, смущено пожимая плечами, пробрался к стойке, чтобы взять ключ от номера. Оксана встрепенулась, посмотрела на его осунувшееся от усталости лицо и предложила свой знаменитый среди постояльцев гостиницы кофе по – турецки. Вадим лишь вымученно улыбнулся и, тяжело ступая, направился к лестнице.

Острый на язык Аслан не удержался и пошутил вслед,

– Вадим, пока не поздно пусть из Москвы шапку с тулупом пришлют! А то с нашими выборами ты здесь точно зимовать останешься!

– По мне так лучше с вами, чем с моим цербером редактором, – не остался в долгу Вадим.

В ответ прозвучал недружный смех и обстановка разрядилась. Бойцы разбрелись по свободным номерам, с постов вернулись группы усиления, и вскоре в баре зазвучала приглушенная музыка. Мелодичный и нежный голосок Жасмин напомнил, что где-то там за бурной и клокочущей в бурунах Псоу люди по – прежнему пели, радовались и веселились. Здесь же, на госдаче, уже вторую неделю, находящуюся на осадном положении, было не до веселья, но жизнь брала свое. Стук костей по доске, это играли в нарды бойцы из резервной дежурной смены, повеселевшие голоса Оксаны и Индиры, грохот посуды в баре и задорный свист чайника на плите, на время заставили отвлечься от назойливых мыслей о том, что это хрупкое мирное равновесие в любой момент могли обрушить шквал автоматных и пулеметных очередей.

У меня тоже отлегло на душе. Усталость и нервное напряжение последних дней сказались и на мне. Я прилег на кровать и не заметил, как уснул. В сумеречном сознании, подобно, цветному калейдоскопу перемешались лица и события последних месяцев, которых в той, другой размеренной, начинавшейся в семь и заканчивавшейся ближе к полночи жизни, с лихвой хватило бы не на один год. Проснулся я от яркого света и когда глаза освоились, то увидел перед собой моих испытанных друзей – Ибрагима с Кавказом. Их вид невольно заставил меня приподняться, сердце внезапно сжалось от нахлынувшей печали, и леденящий холод обдал грудь.

Пятнистый камуфляж плотно облегал их ладные фигуры – фигуры настоящих воинов. Широкие пояса от армейской портупей обвисли под тяжестью «Берета – 16» и браунинга, рукояти которых тускло поблескивали в потертых кобурах. В тени, что отбрасывал платяной шкаф, лица моих друзей напоминали застывшие маски – у рта залегли жесткие складки. На правой руке Кавказа, как и тогда в октябре две тысячи первого года, когда он с разведывательной группой уходил

на операцию против банды Гелаева в Кодорское ущелье, на безымянном пальце снова появился загадочный массивный перстень со снежным барсом, изготовившимся к прыжку.

В этот миг, они, сами того не подозревая, поразительно походили на другие давно уже позабытые образы с выцветших и пожелтевших от времени фотографий. Фотографий из фамильных альбомов Авидзба и Атыршба. С них, также как и сейчас Ибрагим и Кавказ, смотрели прямым и жестким взглядом воина их далекие предки. Он терялся в небесной дали, там, среди гор, где остались разоренные войной села, поросшие бурьяном поля и виноградники, разрушенные артиллерией святилища и осиротевшие могилы предков.

Я смотрел на Ибрагима с Кавказом, так поразительно походивших на своих далеких прадедов, и вздрогнул от внезапно пронзившей меня мысли.

«Неужели, спустя сто сорок лет все повторится?!»

... Неужели, им и еще сотням добровольцев из Турции, Иордании, Сирии и Ливана, бросивших блестящую карьеру, отказавшихся от сытой и устроенной жизни, и по зову сердца безоглядно ринувшихся в пламя разгоревшейся в Абхазии в августе девяносто второго года войны, предстоит стать махаджирами двадцать первого века?!

... Неужели в эту сумасшедшую декабрьскую ночь две тысяча четвертого года, как и тогда в середине позапрошлого века подлое коварство и вероломство соседей посеет рознь среди абхазов и разожжет пламя взаимной подозрительности и ненависти?

... Неужели властолюбие новых вождей, также как когда – то владетельных князей Абжуйской и Бзыбской Абхазии замутит разум?

... Неужели опять гордыня возобладает над милосердием?

... Неужели эта проклятая власть в очередной раз разделит народ?

... Неужели – в это не хотелось верить, абхазы схлестнутся между собой в бессмысленной братоубийственной войне, а те, кто останутся живы будут завидовать мертвым и искать спасения на чужбине».

Вернул меня к суровой действительности Ибрагим. Вежливо и твердо он напомнил:

– Николаевич, нам пора! После девяти лучше не ехать, а то не дай бог нарваться на психопата или идиота.

– А может, все таки обойдется, ведь Багапш и Хаджимба не сумасшедшие. Если тут полыхнет, то потом ни им, ни их детям этого никто не простит, – неуверенно возразил я.

– Вряд ли, слишком все далеко зашло, – мрачно обронил Кавказ.

– Нет никакого просвета! – согласился с ним Ибрагим.

– Но это же конец всему?! Вам! Им! Абхазии! Неужели нельзя договориться?! – воскликнул я.

– Пока не получается. Поэтому, Николаевич, тебе лучше перебраться в Новый Афон, а то завтра здесь будет жарко, – мягко, но настойчиво потребовал Ибрагим и распахнул дверь.

– Хорошо! – согласился я и, тяжело опустившись на стул, предложил:

– Ребята, присядем на дорожку.

На несколько секунд в комнате воцарилось тягостное молчание, затем мы поднялись, и я потянулся к сумке с вещами. Кавказ перехватил ее, перебросил через плечо и направился к двери. Вслед за ним на лестницу вышли мы с Ибрагимом и, не задерживаясь, спустились к машине. Кавказ, открыл дверцу и предусмотрительно посадил меня на заднее сиденье, а сам сел впереди и незаметно расстегнул кобуру. Я невольно поежился, но сделал вид, будто не заметил пистолет и грустно сказал:

– Ну, что, поехали, Ибо!

Он кивнул головой, включил зажигание и опустил ногу на педаль газа. Мерседес бесшумно сорвался с места и, легко вписываясь в крутые повороты, быстро скатился вниз по серпантину. На выезде, перед центральными воротами пришлось затормозить, дорогу преградил часовой, но, узнав машину и ее хозяина, без лишних слов распахнул створки. Выехав на приморское шоссе, Ибрагим не спешил набирать скорость и внимательно вглядывался в дорогу. Кавказ насторожено постреливал глазами по сторонам, пытаясь в свете редко горевших фонарей не просмотреть внезапной угрозы.

Позади осталась, расцвеченная как новогодняя елка яркими огнями база ооновцев, там, в ожидании близкой развязки, тоже не смыкали глаз. Дорога вильнула влево и стена из кипарисов вплотную приблизилась к ней. Обочина растворилась во мраке, Ибрагим сбросил газ, и мерседес потащился вперед со скоростью черепахи. Мы проезжали самый опасный участок дороги, он буквально кишел автоматчиками, именно здесь в последние дни пролегла та незримая черта взаимного ожесточения и ненависти, расколовшая Абхазию на два враждующих лагеря.

Метр за метром, этой, пока еще нейтральной полосы, исчезал под колесами мерседеса. Справа проплыла мрачная громада четырнадцатизэтажки, равнодушно взиравшей выбитыми глазницами – окнами на суетящийся у турбазы «Абхазия» людской муравейник. Свет фар выхватил в темноте армейский Урал наглухо забранный брезентовым тентом. Ибрагим благоразумно взял подальше влево и проехал под железнодорожную эстакаду. После нее, у турбазы «Абхазия», нас в очередной раз остановил часовой – это был «хаджимбист». Кавказ высунулся из машины и что – то сказал по – абхазски. Тот молча отступил в сторону и перебросил автомат за плечо.

Нога Ибрагима легла на газ, но не успели мы проехать и сотни метров, как дорогу снова перекрыл вооруженный патруль. Кавказ с тревогой глянул на друга, тот замотал головой, и его рука соскользнула с пистолета. Сегодня удача была с нами. В патруле оказался наш общий знакомый Масик и проверка, так и не начавшись, благополучно закончилась. Два других поста, у Ботанического сада и перед мостом над Гумистой, мы проехали без задержки, дальше до самого Нового Афона Ибрагим лишь притормаживал на постах ГАИ.

Наконец закончился бесконечный серпантин «тещиного языка» и мы скатились с последнего, крутого подъема в Новый Афон. На улицах не было ни души, поселок замер в тревожном ожидании и лишь подслеповатые огни, кое – где пробивавшиеся из – за плотно закрытых ставень и штор, напоминали о том, что там теплится жизнь.

Ибрагим остановил машину у заградительных бетонных блоков перед въездом в пансионат. Впереди, в сотне метров, в свете редких фонарей горбатилась серая асфальтная лента дороги, ведущая к главному корпусу. Перед ним и на стоянке было непривычно тихо и безлюдно, в дальнем ее конце сиротливо стояла одинокая маршрутка, уныло помигивавшая зеленым огоньком. В эти дни охотников попасть на отдых в Абхазию, сотрясающуюся конфликтами, уже не осталось.

Дождь монотонно барабанил по капоту и холодными струйками покатился по лобовому стеклу. Шальной ветер, налетавший со стороны тревожно рокотавшего моря, сгребал в охапки ворохи опавших листьев и швырял ими в металлический забор. В ответ он отзывался сердитым утробным гулом, ему вторила печальным скрипом, болтавшаяся на сорванных петлях, калитка.

Проходила минута за минутой, никто не решался первым выйти из машины. Мы, словно, боялись потерять нечто очень важное и дорогое, то, что за десять с лишним лет накрепко связало нас тысячами невидимых уз. Это были не только бескорыстная мужская дружба, радости и огорчения, потери и приобретения, что все эти годы мы делили вместе. Нет, это было нечто неизмеримо большее – это была наша общая мечта, которую, как нам казалось, мы, наконец, обрели в Абхазии.

Именно мечта! Однажды самым непостижимым образом она свела нас вместе на этой некогда благословенной земле. Война только закончилась и на каждом шагу напоминала о себе дымящимися развалинами городов, обезлюдившими поселками, свежими могилами павших, почерневшими от горя и страданий лицами вдов и матерей.

Тем удивительнее было то, что среди этого горя и беды я встретил чистую, как ледники на вершине Агепсты, дружбу, трогательную заботу и доброту, которые подобно целебным источникам Аудхары очищали душу от скверны эгоизма и стяжательства, которые после августа девяносто первого захлестнули Россию. В опустошенных войной и мародерами домах Ибрагима Авидзба, Беслана Кубрава, Феликса Цикутания, братьев Читанава, слово «Родина» и «друг», по – прежнему, значили гораздо большее, чем миллиарды Абрамовича и шестизначный счет в «Бэнк оф Америка».

Здесь, в Абхазии, в кругу новых друзей я постепенно приходил в себя после рокового августа девяносто первого, который обернулся невосполнимыми потерями. Рухнула страна, а вместе с ней привычный, окружавший тебя с рождения мир. Мрачная тень гражданской войны зловещими всполохами загромычала на Кавказе. Смута захлестнула Россию, и ее мутная волна вознесла к власти политическое отребье, которое принялось алчно терзать великое наследие своих предков в неумной жажде наживы.

В те окаянные дни душа задыхалась от невыносимой мерзости, наглой лжи и откровенного предательства, которые как гной из ран перли из всех щелей. Политическая тусовка, наконец, дорвавшаяся до власти, подобно дворовой своре, сорвавшейся с цепи, визжа от нетерпения, ринулась к заветной «кормушке». Страна походила на одну огромную зловонную зону, в которой неограниченный произвол чиновников и нормы уголовного превращались в «закон», а расстрельные команды киллеров выступали его исполнителями.

Тогда десять лет назад – здесь в Абхазии я снова обрел веру и надежду. И вот теперь, у стен Пантелеймоновского монастыря мы прощались со своей наивной мечтой. В очередной раз человеческие грехи: властолюбие и гордыня грозили разрушить ее. Я первым распахнул дверцу и шагнул на улицу, вслед за мной вышли Ибрагим и Кавказ. Несколько мгновений мы стояли не шелохнувшись. Одна и та же мысль бродила в наших головах, сегодняшний вечер может стать последним. Ибрагим с Кавказом не решались сказать прощальные слова, а у меня в горле тоже внезапно застрял ком, и я с трудом выдавил из себя:

– Ребята, может, останетесь?

– Нет, надо ехать, – глухо ответил Ибрагим.

– А зачем? Ради чего? Если, что, то вас первых, – тут мой голос дрогнул, – не пощадят. Вы чужие. Вы ...вы для ни турки!

– Турками?! – вспыхнул Кавказ, а затем сник и с горечью произнес:

– Когда же это закончится?! Почему я, который воевал с первого и до последнего дня, должен кому – то доказывать, что больший абхаз, чем тот, который во время войны отсиживался за Псоу, а сегодня катается на «трофейном» грузинском мерсе?!... Почему?

Я тоже не находил ответа на этот мучительный для моих друзей вопрос и без всякой надежды уныло повторял:

– Ребята, останьтесь! Пусть, расхлебывают эту кашу те, кто ее заварил.

– А как же Владислав Григорьевич?! – и лицо Ибрагима исказила болезненная гримаса.

– А что он? Его и пальцем не тронут, – возразил я.

– Зато он сидеть не будет, когда мы друг друга «мочить» станем. Первым кинется разнимать, а в том дурдоме, псих всегда найдется, – сумрачно ответил Кавказ.

– И не один! – согласился Ибрагим и с ожесточением в голосе произнес:

– Мы ведь, Николаевич, не крысы, которые после третьего октября побежали с корабля. Прав или не прав Владислав Григорьевич, но мы останемся с ним до конца. Я пришел к нему еще мальчишкой, и он стал для меня больше чем отцом. Мне, Кавказу и сотням махаджиров Владислав Григорьевич дал то, что под силу было только ему одному. Он вернул нам нашу мечту – Абхазию! И потом, – Ибрагим на мгновение смолк, а затем продолжил:

– Меня сюда позвало сердце, а не звон монет. Я здесь нашел то, что не имел и не мог иметь ни в Турции, ни в Лондоне – Родину! Поэтому как трусливый шакал поджимать хвост и забиваться в нору не стану! Мы с Кавказом сделали свой выбор двенадцать лет назад. Наша Родина здесь, рядом с Владиславом Григорьевичем, а не в Турции. Если что случится, то останутся Арсол и Апсар. И им уже никто и никогда не скажет – ты турок!

После этих, перевернувших мою душу, слов мне нечего было сказать. Мы молча обнялись. Потом еще долго я стоял на стоянке, не замечал дождя и провожал взглядом тускнеющие в темноте габаритные огни мерседеса. Вскоре они погасли, и в эти мгновения мне стало так пронзительно одиноко, что я не сдержался и горестный стон вырвался из груди. Во мне все восставало против того сумасшествия, что толкало моих друзей с той и другой стороне к братоубийственной

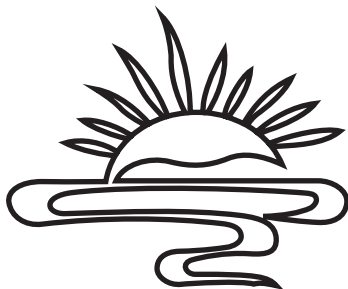
войне. Войне, которая, как это не горько было осознавать не оставляла выбора Ибрагиме с Кавказом и могла стать последней в их жизни.

Порыв холодного ветра хлестанул по лицу и привел меня в чувство. Я взвалил на плечи сумку, пролез в дыру в заборе и поплелся к корпусу пансионата. Всего полгода назад вместе со Станиславом Лакоба мы бродили по парку и беззаботно смеялись над забавными историями управляющего пансионатом и замечательно-го рассказчика Тимура Папба.

Сейчас они были там, в кипящем от страстей и готовом вот – вот взорваться, словно, перегретый паровой котел, Сухуме. Владислав, Сергей, Станислав, Александр, Рауль? Я снова мысленно обращался к ним и мой разум отказывался верить в абсурдность того, что они, которых время и судьба вынесли на самый гребень политической власти, ради нее пожертвуют жизнями, таких как Ибрагим, Кавказ, Адгур, Отар, Масик и сотен других ребят, доказавших в прошлой войне, что Родина и честь для них дороже любых денег и кресел.

Всем своим существом я противился мысли, что ради пусть даже самого высокого кресла Сергей Багапш, Станислав Лакоба, Александр Анкваб и Рауль Хаджимба пожертвуют хоть одной чужой жизнью. За прошедшие после третьего октября два месяца маятник грядущей войны не один раз застыл над роковой отметкой, и каждый раз они находили в себе силы остановить его.

Робкая надежда теплилась во мне, что сегодня это всеобщее безумие, наконец, закончится и люди прозреют. Я надеялся, что рано или поздно, но придет день, когда мы с Ибрагимом, Кавказом, Отаром, Адгуром, как прежде, соберемся за одним столом. И эта встреча будет уже в другой Абхазии, которая, пройдя через очередное испытание, станет только сильнее и духовно чище. Я страстно хотел верить, что это будет Абхазия нашей давней и прекрасной мечты, которую мы однажды полюбили всем сердцем раз и навсегда.

В качестве эпилога

После отъезда Ибрагима с Кавказом, оставшись один в безлюдном трехэтажном корпусе пансионата, я недолго потолкался в холле, и, дождавшись дежурного, взял у него ключ от номера. На этот раз разговора с обычно словоохотливым Платоном Шаликовичем не получилось. У несчастного старика состояние было не лучше моего, он мучился больше от неизвестности, чем от приступа радикулита. Накануне оба сына с полной военной выкладкой уехали в Сухум, и с тех пор о них ничего не было слышно. Я, к сожалению, тоже ничего утешительного о них сообщить не мог, а мои уклончивые ответы об обстановке в городе не успокоили старика. Костеря на чем свет стоит и правых и виноватых, он проковылял к себе в дежурку и уткнулся в телевизор.

Я взвалил сумку на плечо и поднялся на второй этаж, с трудом нашел в потемках свой номер, открыл дверь, нащупал на стене выключатель и включил свет. Единственная уцелевшая лампа загорелась лишь в комнате. В ее тусклом свете к своему немалому удивлению обнаружил в углу телевизор, прошел к нему и ткнул пальцем в расхлябанную кнопку. Старый, еще ламповый «Горизонт» натужено треснул стеклянными внутренностями, экран ожил, и на нем замельтешили размытые силуэты. Я пощелкал переключателем по каналам. По местному шел какой – то старый, еще советских времен, фильм, два других – российских хранили гробовое молчание о событиях в Абхазии.

До очередного выпуска новостей оставалось чуть больше десяти минут. Мне было тоскливо находиться в неудобном номере, я швырнул сумку на кровать и вышел на балкон. К этому времени небо над Новым Афоном очистилось от туч, тонкий серп луны выплыл из-за гор, и в его призрачном свете очертания Пантелеймоновского монастыря с поразительной точностью напомнили мне библейские сюжеты со знаменитых полотен художников: Бруни, Брюллова и Куинджи.

Позолоченный купол колокольни, подобно Вифлеемской звезде, загадочно мерцал на фоне величественной панорамой гор. Они, как драгоценное ожерелье обрамляли монастырь, таинственно поблескивая гостеприимно светящимися окнами, рассыпанных по склонам частных домишек. У подножия знаменитой Анакопийской горы о чем – то еле слышно перешептывалась с берегом, лениво накатывающая на прибрежную гальку, морская волна. Все вокруг дышало миром и покоем.

В какой - то миг мне почудилось, что само время смерило свой неумолимый бег у стен этой христианской святыни, освященной Великим Словом – Веры, Добра и Надежды, две тысячи лет назад произнесенным здесь учеником Христа - апостолом Симоном Кананитом. Словом, оказавшимся крепче крепостных стен, некогда неприступной Анакопийской цитадели и власти самых жестоких тиранов. Словом, перед которым выглядели такими жалкими тщеславие и властолюбие прошлых и нынешних политиков и вождей, возомнивших себя повелителями и вершителями судеб целых народов. Рано или поздно, все они превратились во вселенскую пыль.

Внезапно эту божественную и умиротворяющую тишину нарушил писк сотового телефона - сработал будильник. Время подходило к десяти, я снова возвратился в комнату и с робкой надеждой на благополучный исход развязки в Сухуме включил телевизор. По местному каналу продолжал идти фильм, а на российском - НТВ дикторы вечерних новостей говорили обо всем, но только не о том, что в эти минуты происходило в Абхазии.

Я с раздражением выключил телевизор и чтобы как – то отвлечься от мрачных мыслей, мутивших душу, вытащил из сумки рукопись романа «Загадка для «Гиммлера», ручку и попытался продолжить работу над новой главой. Работа не пошла, перо спотыкалось на каждом слове, а предложения напоминали собой строй пьяных ландкснехтов. Промучившись несколько минут, я отложил рукопись в сторону и снова вышел на балкон в надежде, что покой и тишина, царившие в Новом Афоне успокоят разгулявшиеся нервы.

Напрасно надеялся, нервный зуд продолжал донимать меня. Не проходило и пяти минут, как я возвращался в комнату и включал телевизор, рассчитывая услышать экстренный выпуск новостей. Но Москва и Сухум продолжали хранить гробовое молчание. Только в одиннадцать эфир взорвался сенсационным сообщением, которое без всякого преувеличения, заставив дыхание, ждала вся республика.

От одних только слова – «Только что в столице Абхазии – Сухуме завершились переговоры между Сергеем Багапш и Раулем Хаджимба», произнесенных диктором местного телевиденья Алхасом Чолокуа, у меня перехватило дыхание. Я превратился в слух и впился глазами в экран телевизора.

На нем крупным планом возникли пожелтевшие и изможденные бессонницей и невероятным нервным напряжением лица соперников - Сергея Багапш и Рауля Хаджимба. Затем камера ушла вправо и остановилась на заместителе Председателя Государственной Думы России Сергее Бабурине. Его усталая улыбка сказала мне все и с моей души, словно свалился огромный камень.

Этот, полный драматизма вечер пятого декабря две тысячи четвертого года, которому казалось, не будет конца, к счастью, завершился без стрельбы, новых захватов правительственных зданий и шел к мирному завершению. Как назло слова Сергея Бабурина потонули в треске разрядов эфира, но для меня это уже было не столь важно. Главное, состояло в том, что ему вместе с еще несколько минут назад непримиримыми соперниками удалось сделать, казалось невозможное – найти путь к примирению.

Мирное будущее Абхазии для Сергея Багапш и Рауля Хаджимба оказалось выше их политических амбиций и взаимных обид. В немалой степени этому способствовал и беспрецедентный шаг, совершенный Станиславом Лакоба. Такого поступка политика современная история вряд ли когда знала. Соратник Сергея Багапш, ради сохранения мира в Абхазии и примирения конфликтующих сторон отказался от своего будущего поста вице – президента в пользу проигравшего выборы – Рауля Хаджимба. Об этом искренне и горячо говорил сам Сергей Багапш. Вслед за ним выступил Сергей Бабурин и, отдавая должное одному из организаторов победы на президентских выборах, заявил:

«Это большое счастье, что в Абхазии есть такие люди как Станислав Лакоба».

После них выступил Рауль Хаджимба. На мрачном и замкнутом лице будущего вице – президента трудно было прочесть какие – либо эмоции он умел владеть собою. Для меня и тысяч абхазов, армян и русских это уже не имело никакого значения. В эти минуты для нас было гораздо важнее то, что угроза вооруженного противостояния миновала. Не дослушав до конца Рауля Хаджимба, я выключил телевизор, не раздеваясь плюхнулся на кровать, и тут же заснул мертвецким сном.

Разбудил меня громкий стук в дверь. Я с трудом продрал глаза, на ходу натянув джинсы, выскочил в коридор и открыл дверь. Передо мной стояли живые и невредимые Кавказ и Ибрагим. Они, по – прежнему, были одеты в камуфляжную форму, но оружия при них я не заметил. Из – за их спин, из холла доносились беззаботные и жизнерадостные детские голоса. Это сыновья Ибрагима – Апсар и Арсол пытались оседлать сиротливо стоявший в углу велотренажер.

Я все еще не мог проснуться и, сонно хлопая глазами, пытался по лицам моих друзей прочесть, что за эти часы изменилось в Сухуме. На них еще сохранялась печать недавних переживаний, но в глазах уже не осталось следов той смертельной тоски и обреченности, что еще были накануне. Поддавшись порыву, мы крепко обнялись, так, будто не виделись целую вечность. Их объятия окончательно привели меня в чувство.

Через пять минут я привел себя в порядок и, подхватив, так и не распакованную сумку, спустился в холл. Платона Шаликовича на месте не оказалось, он на радостях, что сыновья вернулись из Сухума невредимыми, забыл про все на свете и сбежал домой. Я оставил ключ на стойке и прошел на стоянку, там уже никого не застал. Задорный смех Апсара и Арсола подсказал мне, где искать моих друзей. Плотная стена из зарослей олеандра отделяла меня от них и, долго не раздумывая, я проломился через кустарник, по тропинке спустился к морю и приостановился на берегу.

На песчаной косе копошилась куча – мала. В ней переплелись тела взрослых и детей. Это хохочущий и пищущий клубок походил на большущую игрушку. Такими беззаботными и счастливыми мне уже давно не доводилось видеть моих друзей. С тихой радостью я наблюдал за Ибрагимом, Кавказом, и в душе испытывал гордость за них, за Сергея Багапш, Станислава Лакоба и Александра Анкваб, за Владислава Ардзинба и Рауля Хаджимба, за абхазов, русских, армян и всех тех кто сумел простить друг другу смертельные обиды и подняться выше личных амбиций и интересов.

Теперь у меня не возникало и тени сомнения в том, что когда остынут выборные страсти, к ним придет понимание того, что шестого декабря 2004 года - они одержали самую важную победу в истории Абхазии! Они победили самого главного ее врага, который сидел внутри них – властолюбие, гордыню и тщеславие! На этот раз они не позволили, чтобы их многострадальная Родина стала легкой добычей для врага! Ради будущей свободной и независимой Абхазии, они переступили через самих себя и сделали первый и очень трудный шаг навстречу друг к другу.

Я твердо верил, что этот день навсегда войдет в историю Абхазии и станет той самой точкой отсчета для Сергея Багапш и Рауля Хаджимба, Владислава Ардзинба и Станислава Лакоба, Александра Анкваб и всех остальных на долгом и непростом пути возвращения к самим себе и тем подзабытым духовным и нравственным ценностям, что так бережно, на протяжении многих веков, хранили их мудрые предки. И как бы тяжел и труден он не был, я не сомневался в том, что они больше никогда не свернут с него. Свет Амцара - родовых огней, который снова запылал в их сердцах и стал путеводной звездой, должен был рано или поздно привести этот гордый и самобытный народ к заветной цели – свободной и независимой Абхазии.

История и Провидение так распорядились, что все они, те - кто свыше ста лет назад вынужден был покинуть Абхазию и там, на дальних турецких берегах, сумел пронести через годы и тяжкие испытания священную память и трепетную любовь к Родине, и те - кто остался на родной земле, и, несмотря на безжалостные сталинские репрессии, этнические «зачистки», сохранил дух своих великих предков – оказались поневоле махаджирами. В течение этих лет, даже здесь, рядом с древними святилищами и могилами они не были хозяевами своей судьбы, каждый раз ее решали то в Тбилиси, то в Москве. И только тридцатого сентября 1993 года, изгнав захватчиков, они, теперь уже вместе, вернули себе надежду на будущее. Будущее, в котором уже никогда не будет разделенного народа, а горькое слово махаджир навсегда останется в прошлой истории Абхазии.

*Н. Абин
г. Сухум
июль 2008 года.*

